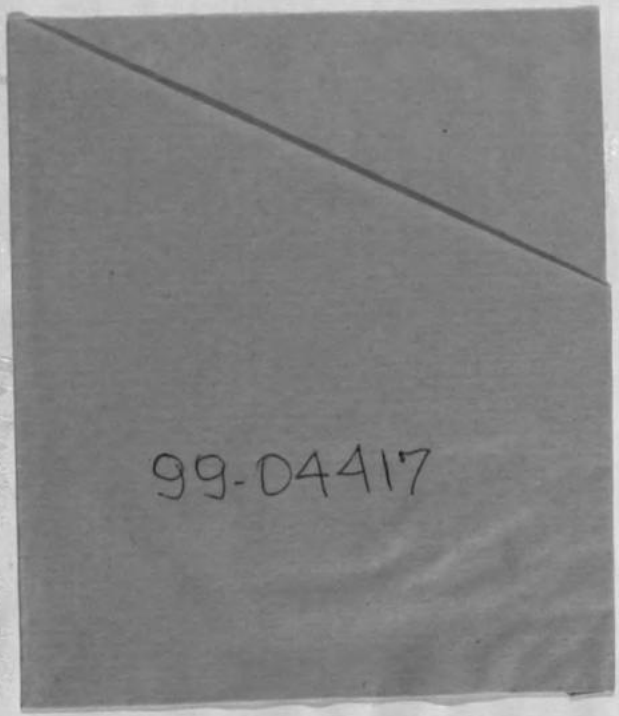
S 82.3(2)
Р-893

ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
БЫТОВЫЕ


99-04417

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

FAIRY-TALES

RUSSIAN FAIRY-TALES OF SIBERIA AND FAR EAST: LEGENDARY AND DOMESTIC

SIBERIAN PUBLISHING FIRM
ALL-RUSSIAN ING. "NAUKA"
NOVOSIBIRSK
1993

СКАЗКИ

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ЛЕГЕНДАРНЫЕ И БЫТОВЫЕ

НГОНБ Новосибирск
LIBER
18365

ВО "НАУКА"
НОВОСИБИРСК
1993

S 82.3(2)
Р893

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В ПОДГОТОВКЕ СЕРИИ УЧАСТВУЮТ:

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ЯКУТСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

•

НАУЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕСПУБЛИК

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Новосибирская
областная научная
БИБЛИОТЕКА
№ 901117
Р-38

•

РОССИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

Ц 40-00

•

КОМИТЕТ ПО ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ИНСТИТУТ ТЕАТРА, МУЗЫКИ И КИНЕМАТОГРАФИИ им. Н.К. ЧЕРКАСОВА

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М.И. ГЛИНКИ

СОЮЗ КОМПОЗИТОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО "РУССКИЙ ДИСК"

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н.А. Алексеев, Э.Е. Алексеев, В.М. Гацак (зам. главного редактора), *А.П. Деревянко* (главный редактор), *Н.В.Емельянов, И.И. Земцовский, А.С. Каргин, Х.Г. Короглы, Е.Н. Кузьмина* (отв. секретарь), *Д.С. Лихачев, Б.Н. Путилов, В.М. Санги, Ю.И. Смирнов, А.Б. Сокпоев* (зам. главного редактора), *М.И. Тулохонов, Е.И. Убрятова, Ю.И. Шейкин*

Художественное оформление серии
А.А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ:

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СО РАН

КОМИССИЯ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРА СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ РФ

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М.И. ГЛИНКИ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА РФ

Вступительная статья, подготовка текстов, комментарии и указатели *Н.В. Соболевой* при участии *Н.А. Каргаполова*

Музыковедческая статья и нотные записи
Н.В. Леоновой

Фотоиллюстрации
В.Т. Новикова

ББК 82.3Р
Р88

Рецензенты

кандидат филологических наук *С.С. Бардаханова*
кандидат филологических наук *И.З. Ярневский*

Утверждено к печати
Институтом филологии СО РАН

Ответственный редактор тома
доктор филологических наук, профессор *Е.И. Шастина*

Том издан Институтом филологии Сибирского отделения Академии наук
при финансовом содействии:
Российского фонда фундаментальных исследований;
Новосибирской областной научной библиотеки;
Комитета по культуре Администрации Новосибирской области;
Фирмы "СПИЛК".

Р88 **Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые** / Сост. Н.В. Соболева при участии Н.А. Каргаполова. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. — 304 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
ISBN 5—02—029768—2.

В книгу включены записанные в разные годы русские бытовые сказки, широко распространенные по всему Сибирскому региону. Во вступительной статье прослеживаются история бытования сказок, влияние специфических сибирских условий на формирование русской сказочной традиции края, исследуются художественные особенности жанра. К каждому тексту дается комментарий; в конце книги помещены указатели и словарь диалектных и малопонятных слов и выражений. Прилагаемая грампластинка дает представление о живом исполнении публикуемых здесь сказок.

Издание рассчитано на фольклористов, литературоведов, этнографов, широкий круг читателей.

Р $\frac{4702010000—130}{042(02)—92}$ 681—92 I полугодие

ББК 82.3Р

ISBN 5—02—029768—2

© Институт филологии СО РАН, 1993
© ВО "Наука", Сибирская издательская фирма, 1993

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Данное издание — не свод национального фольклора и не простой набор фольклорных текстов, оно ориентировано на публикацию избранных памятников, представляющих вершинные достижения устно-поэтического творчества каждого народа Сибирско-Дальневосточного региона, т.е. произведений памятных и значимых и для истории, и для современности. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстает в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Отправным критерием при отборе текстов служат художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведения. Выбор текста — итог изучения всей совокупности произведений и вариантов.

Одна из задач серии — широкое введение в научный оборот неизданных материалов (инедитов). При наличии старой (опубликованной) записи и новой (неизданной), равноценной ей, а тем более лучшей по качеству, используется второй вариант. Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка (но без применения диакритических знаков, которыми пользуются лингвисты, т. е. оставаясь в пределах современных алфавитов каждого языка).

Серия носит двуязычный характер.

Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. При необходимости вносятся пояснительные слова в квадратных скобках. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого и этнографического подходов.

Вступительные статьи к каждому тому характеризуют место издаваемых произведений в традиционной фольклорной культуре соответствующего народа, их поэтические и музыковедческие особенности, синкретическое искусство исполнителей. Комментарии призваны точно документировать публикацию, снабдить текст и перевод необходимым фольклористическим, филологическим, этнографическим толкованием.

Нотации приводятся в соответствии с требованиями фольклористической точности и необходимой доступности для воспроизведения. Они размещаются в зависимости от характера тома: либо вместе с публикуемым текстом (а также в музыковедческой статье), либо в особом приложении. Все специальные условные обозначения оговариваются в конце музыковедческой статьи. В нотных записях фиксируются все основные музыкальные элементы исполнительского варианта, а также систематические или характерные отклонения от них, имеющие смысловое значение. Не

поддающиеся нотированию особо специфические элементы интонирования (тембр и т.п.) оговариваются в комментариях.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение, или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить, путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому варианту.

Грампластинки иллюстрируют самые разные жанры фольклора (не только словесно-музыкальные, но и прозаические) в их естественном бытовании. Можно услышать звучание текстов на редчайших языках в исполнении талантливых певцов и сказителей.

Тома серии иллюстрируются ценным документальным материалом.

Книги серии печатаются фотонаборным способом. На единой основе — гарнитуре Лазурского — созданы комплекты универсальных шрифтоносителей, отвечающие потребностям многоязычной серии.

Сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН в сотрудничестве с коллективами специалистов-лингвистов решалась задача создания — первоначально в порядке рабочего научного эксперимента — национального алфавита и шрифтов для ряда бесписьменных языков Сибири и Дальнего Востока (долганского, тофаларского, удэгейского, юкагирского и др.).

Авторские коллективы томов серии опирались на традиции отечественной академической школы, использовали опыт лучших изданий советского времени (в том числе — двуязычной академической серии "Эпос народов СССР", выпускаемой Институтом мировой литературы им. А.М. Горького СО РАН) и зарубежных публикаций.

В состав серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока" входят следующие книги (названия могут уточняться в процессе подготовки издания):

Алтайский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Бурятский фольклор (в 7 т.)
"Аламжи Мэргэн". Героический эпос
"Осодор Мэргэн". Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нанайский фольклор:
нингманы, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

Нивхский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и народные песни
Мифы и предания

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока
(в 6 т.)
Эпическая поэзия
Сказки волшебные и о животных
Сказки легендарные и бытовые
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Тувинский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Хакасский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Эвенский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

Якутский фольклор (в 6 т.)
"Кыыс Дэбилийэ". Героический эпос
"Модун Эр Соготох". Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Фольклор (по одному тому)
Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский

Кереkский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Ханты́йский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Юкагирский

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1990 г.

Эвенкийские героические сказания

1991 г.

Бурятский героический эпос. "Аламжи Мэргэн"

1991 г.

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1992 г.

"Кыыс Дэбилийэ". Якутский героический эпос
Бурятские волшебные сказки
Нанайский фольклор. Нингманы, сиохор, тэлунгу
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока. Волшебные и о животных

1993 г.

Тувинские сказки
Бурятские новеллистические сказки

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР РУССКОЙ НАРОДНОЙ НОВЕЛЛИСТИКИ

В русской сказочной прозе рядом с красочно-торжественными волшебными повествованиями и короткими и очень древними сказками о животных соседствуют (и даже как бы контрастируют с ними) своеобразные народные новеллы. Чаще всего это бытовые сказки[1], к которым тяготеют сказки-легенды с сатирической направленностью.

Бытовые (новеллистические и анекдотические)[2] сказки до сих пор исполняются русскими, украинцами и белорусами Сибири и Дальнего Востока и представляют, по свидетельству всех собирателей, живую и активно функционирующую разновидность сказочного жанра. Подобная жизнестойкость бытовых сказок имеет несколько объяснений, главное из которых — близость их содержания к быту и реальной жизни народа.

Отличительной чертой сказки как жанра, почитаемого и любимого народом, является превалирующая в ней эстетическая, художественная доминанта — вымысел, фантастика, образность. Для сказок характерен развитый сюжет и диалог и, следовательно, представляющаяся исполнителям возможность проявить себя в искусстве повествования, розыгрыша диалога, в искусстве владения красочным, образным словом. Сказки живут в народе как приятное, веселое и одновременно мудрое, поучающее развлечение, доставляющее огромное эстетическое наслаждение и рассказчикам, и слушателям. Эти черты нашли наиболее яркое воплощение в классической форме русских сказок — сказках волшебных, в которых фантастичность, художественная образность, красота словесного оформления достигли наивысшего выражения.

В устной народной прозе наряду с волшебными сказками исключительно широко распространены бытовые. "Чудеса" в бытовых сказках совершаются благодаря ловкости, хитрости и обману. В них типизация явлений действительности осуществляется с целью реалистического, а не возвышенно-фантастическо-

---

[1]Термин "бытовые", объединяющий авантюрно-новеллистические и сатирико-анекдотические сказки, распространен в отечественной исследовательской литературе (см. работы В.Я. Проппа, Н.И. Кравцова, Э.В. Померанцевой, Н.В. Новикова, В.П. Аникина, В.Е. Гусева, К.П. Кабашникова, М.А. Вавиловой, Н.М. Ведерниковой и многих других) и закреплен в справочном издании — "Сравнительном указателе сюжетов. Восточно-славянская сказка" (Л., 1979. — С. 15. — Далее сокращенно СУС).

[2]Деление бытовых сказок на новеллистические и анекдотические по их содержательным и формальным признакам сделано нами не только согласно СУС, но и на основании авторитетного мнения тех ученых, которые работали с международным сказочным материалом [46, с. 336].

го отображения жизни, как в сказках волшебных [41, с. 256; 94, с. 248—249]. Большой интерес для любителей бытовых сказок (как исполнителей, так и слушателей) представляет их смеховое — юмористическое и сатирическое — содержание: комические ситуации, в которые попадают герои, занимательность сюжетов, возможность сатирической обрисовки социальных антиподов простого народа — царя, знатного вельможи, барина, попа, купца, богатого мужика, а также человеческой глупости, жадности, жестокости и других пороков.

Бытовые сказки русских, украинцев и белорусов Сибири и Дальнего Востока, несмотря на наличие отдельных локальных черт, по сюжетному составу, стилевому и образному оформлению полностью соотносятся с общерусской (восточно-славянской) сказочной традицией и являются ее неотъемлемой частью. Занесенные в Сибирь в XVI—XX вв., они наряду с другими жанрами фольклора получили здесь благоприятную почву для широкого распространения. Они записывались и до сих пор бытуют в разных уголках Западной, Восточной и Северо-Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и представлены именами таких замечательных мастеров их исполнения, как Наталья Осиповна Винокурова и Федор Иванович Аксаментов из Иркутской области, Егор Иванович Сороковиков-Магай и Дмитрий Савельевич Асламов из Бурятии, Екатерина Ионовна Чичаева и Василий Иванович Вахрушев из Красноярского края, Михаил Федорович Литвиненко и Анна Григорьевна Соломенникова из Приморского края и многих других.

Первые свидетельства о бытовании в Сибири сатирико-анекдотических и новеллистических сказок, произведений демократической сатиры дошли до нас еще из мятежного XVII века — времени активного заселения и освоения края. Связаны они с правительственными и церковными указами, направленными на борьбу против скоморохов и их искусства. Именно в XVII в. "скоморошество было вытеснено на окраины — на Европейский Север, на Урал, в Сибирь и т.д., где постепенно исчезло" [84, с. 316]. Скоморохи с ватагами "гулящих" людей нередко проходили через всю Сибирь до "Даурской стороны", оседали по пути или возвращались на Урал, ближе к России [37, с. 304—312; 59, с. 20]. Есть основания предполагать, что скоморохи играли определенную роль в распространении в Сибири эпической поэзии и разнообразных словесных смеховых форм, в том числе произведений демократической сатиры, в создании которых на Руси в XVI—XVII вв. они участвовали [2, с. 116; 8, с. 15; 57, с. 19, 39—42; 97, с. 528—529].

В Сибири с XVII в. и вплоть до XX в. имели хождение рукописные и устные варианты древнерусских сатирических повестей "Шемякин суд", "О куре и лисице", "Ерш Ершович", "О Фоме и Ереме" [21, с. 12; 64, с. 363]. Их, например, читали в рукописной книге, созданной не позднее 1768 г., сибирские купцы, казаки. "Интересно не только то, что подобные произведения проникали в Сибирь, — пишет Е.К. Ромодановская, — но и то, что они имели распространение в наиболее демократической среде: Вассиан взял рукопись у столяра, читал ее мастеровым" [102, с. 250—251]. Такое чтение вслух, безусловно, способствовало переходу произведений из рукописной традиции в устную, несмотря на то, что чтение сатирических сборников строго наказывалось — иеромонах Вассиан получил сто ударов плетьми. Однако «произведения эти не только читались, но и переписывались: якутский посадский человек Иван Лебеткин "читал и списывал ершев суд"» [Там же, с. 251].

В 1911—1916 гг. в с. Ярки на р. Ангаре (Енисейская губ.) А.А. Савельев записал от деревенского парня Николая Безруких "Сказку про Ерша" (ГЛМ, инв. № 4, оп. 14, ед. хр. 47). Эта сказка была создана в демократических кругах (скорее всего среди посадских) как сатира на судебные тяжбы. Сибирский вариант ее имеет указание на бытование в казачьей среде. Как она попала на Ангару — устным путем или через рукописную книгу, не ясно. Но в ней проступают следы скоморошьего "присутствия": выражение "московские гости", употребленное в ироническом смысле (гости, которые "взяли сору по горсти"), включенное в яркую по стилю скоморошьего балагурства концовку сказки, представляется не случайным. Именно там же, на севере Красноярского края, в с. Казачинском в 1896 г. А.А. Макаренко записал сказку "О попе и его работнике Миколке" [47, № 8; СУС 1539 "Шут"], в которой выражено отношение к работнику Миколке не просто как к сказочному шуту, а как к реальному профессиональному развлекателю — он просит у попа рысаков, чтобы "поехать в Москву шутки шутить".

В сказках могли отложиться передававшиеся из уст в уста в схожем сказочном сюжете действительные исторические факты. Еще в 20-х гг. XVII в. правительство направило из Москвы в Енисейский уезд (на средний Енисей) партии ссыльных: их "сажали на пашню" в качестве "государевых крестьян". Сюда же в 1639—1643 гг., а затем в 1645—1650 гг. и позже ссылали московских стрельцов, уже в 1654 г. ставших инициаторами побега "на Русь". Стрельцы были сосланы за незаконную продажу табака и вина. Другие ссыльные из России квалифицировались Сибирским приказом "изменниками", "ворами", "разбойниками", "татями", "бунтовщиками"; вполне вероятно, что среди них находились и скоморохи. Все эти люди не сразу оседали на сибирской земле; мечта о возвращении, как видим, постоянно тревожила их [11, с. 79—85, 87—90, 99 и др.]. В Енисейске ссыльные и "гулящие" люди вербовались для походов на Байкал и далее на Восток, уходили промышлять соболя дальше на северо-восток — на Лену и Индигирку, но многие осели и рассредоточились по селениям на берегах Енисея, Ангары и их притоков, уходили на Алтай. В ранних записях сюжета "Шут", сделанных не только на Ангаре, но и на Лене, в Тунке, на Алтае, на северо-западе Сибири, также просматривается характерное отношение к сказочному герою как к реальному шуту-развлекателю. На северо-западе Сибири, в районе Северного Урала, скоморохи оставили следы своего пребывания в названиях старожильческих сел и непосредственно в устно-поэтической традиции, в том числе сказочной [31, с. 114—117; 77, № 85, 397].

Скоморошество было наиболее ярким выражением еще недавно широко существовавшего явления, пронизывавшего мироощущение и жизнь всех слоев древнерусского общества от царя до юродивого, — это то, что названо сейчас "древнерусским смехом", "смеховым миром", "средневековым смехом" [19; 52, с. 358—368; 66; 67].

Следы этого неповторимого явления на сибирской почве успела пронаблюдать и зафиксировать уроженка г. Иркутска писательница и фольклористка Е.А. Авдеева. В 1848 г. она писала: «Многие из старых людей были мастера прибавлять ко всякой речи какую-нибудь приговорку или прибаутку... Это было обычаем или принадлежностью всех разговорчивых веселых стариков. Но между ними бывали исключительные сказочники и баюны, которые хотя сами не выдумывали то, что рассказывали, но умели повторять старое со множеством шуток, прибауток, вставных выражений, и при том с какою-то веселостью и с

удальством, которым развеселяли и заставляли хохотать слушателей. Вступлением к рассказам их была не одна известная присказка "На море на Окияне, на острове на Буяне" и проч. Таких присказок было множество, и каждый даровитый рассказчик придумывал что-нибудь свое или прибавлял что-нибудь новое к старому. Вот начало вступления: "Поместье у меня большое, заведенье знатное: деревня на семи кирпичах построена, рогатого скота петух да курица, а медной посуды крест да пуговица..." (Далее приводится по памяти полный текст присказки-небылицы. — *Н.С.*) Такую бестолковщину продолжал рассказчик, покуда ума хватало, а слушатели без умолку смеялись нечаянностям рассказа его, которому придавал он выражение тоном, понижением и повышением голоса, а кстати, и движениями. Затем начиналась самая сказка... Связь излагаемых происшествий была не главное: главное было искусство рассказчика» [1, с. 125—126].

Свидетельства Е.А. Авдеевой чрезвычайно ценны, особенно в свете современных представлений о древнерусском "смеховом мире". Эти редкие наблюдения важны для уяснения современного состояния сказочной традиции, которое не будет правильно понято без представлений об историко-культурном контексте, истоках и идейно-художественном наследии в области сатирико-анекдотической и авантюрно-новеллистической сказки. Именно поэтому приводим эти свидетельства дальше: "Я слыхала удивительных в своем роде мастеров этого дела в Иркутске. В доме моих родителей был ночной сторож, или караульщик, как там называют: это был, можно сказать, необыкновенный рассказчик... Ему было тогда лет 70... Когда вечером, надев на себя охабень, или тулуп, он с длинною дубиною выходил на свою ночную стражу, вокруг него собирались все свободные в доме люди и упрашивали рассказать что-нибудь. Долго он отделывался от них шутками и прибаутками и наконец за хороший нюх табаку начинал непрерывный рассказ. Окружавшие его готовы были слушать его хоть всю ночь... Главный интерес его рассказа был в манере рассказывать. (Далее приводятся прибаутки и текст сказки на сюжет 1548 "Солдат варит суп (кашу) из топора". — *Н.С.*) К этому прибавлялось несколько нравоучений, в русском духе сказанных, и такая вставка только разнообразила основной рассказ. Разумеется, Терентьич говорил гораздо острее, выразительнее, по-русски, нежели я сумела передать его слова... Терентьичи встречаются уже редко, а что до сих пор напечатано, то не дает понятия об истинном рассказе русской сказки..." [Там же, с. 127—138].

Как уже частично показано выше, видную роль в XVII в. в устном распространении произведений демократической сатиры в Сибири играли рукописные сборники. Влияние рукописной, а затем и печатной книги на устную сказочную традицию сибиряков в XVII—XVIII вв. охватывало не только сатирическое направление в народной сказочной прозе, оно было значительно шире. Вопрос о роли книги и грамотности в сказочном творчестве русских сибиряков в свое время поставил М.К. Азадовский [4].

В настоящее время выяснено исключительно большое влияние древнерусских повестей о Брунцвике, об Аполлоне Тирском, о Бове и других произведений на формирование фольклорной традиции в Русском Устье Якутии [26, 27]. Один из первых русских романов — "Повесть о Францеле Венециане" имел широкую рукописную традицию в XVIII в. в Сибири, например в Красноярске и Енисейске: "...ее с упоением читали местные грамотеи, в основном купцы и мещане, расписывавшиеся на чистых листах" [16, с. 130]. Устный вариант

повести записан на юге Красноярского края в 1926 г. и ранее [121, № 11]. Повесть перенималась от бродяг-поселенцев, о чем поется в их песне:

Тут приходят к нам старые
И ребята молодые
Слушать Франца-Венцеяна,
Про Бову и Еруслана...
Проводить ночь с нами рады,
Хотя пот течет с них градом.
Сибиряк развесит губы
На полке в бараньей шубе...
[68, с. 441]

Записаны в Сибири в устном исполнении древнерусские повести о Бове [60, с. 118 — 119 и др.] (в 1985 г. сделаны записи фрагментов из сказки о Бове в с. Яркино Кежемского района Красноярского края — БФ, инв. № 3495, л. 213 — 216), о Евстафии Плакиде (см. примеч. к № 18 наст. изд.), а также книжная рыцарская повесть о Петре Златых Ключах ([60] и № 20 наст. изд.). Рукописный вариант Повести (или Романа) о верной любви Петра и Магелоны появился во Франции в XV в., создан он был на основе восточного сказочного сюжета, занесенного на юг Франции во время крестовых походов в XII в. В многочисленных списках и переводах повесть распространилась по всей Европе. В Россию она проникла через посредство немецких и польских переводчиков в первой половине XVII в. Ее активно читали, разыгрывали на сцене, изображали на лубочных листах, где к рисункам прилагался текст. Сохранилась лишь одна запись устного исполнения — из Белоруссии. Именно поэтому публикация этой повести-сказки в нашем собрании имеет большую ценность (см. примеч. к № 20).

Подобные устные повести и более короткие новеллистические сказки и анекдоты, именуемые в русской рукописной традиции итальянским термином "фацеции", в значительной степени обязаны своим широким распространением в европейской части России, а затем и в Сибири переводным (чаще всего с польского) сборникам новелл и сборникам фацеций [42; 43; 52, с. 369 — 384]. Как видим, многие сказочные и анекдотические сюжеты переходили прежде всего на Украину и в Белоруссию, а затем и в Россию не только устным путем. Первый сборник фацеций был переведен с польского на русский язык (и почти одновременно на украинский) в 1680 г.

Рукописные сборники фацеций в течение XVII и особенно XVIII в. "бродили" по Руси, знали их и сибирские почитатели. Как сообщает Е.Д. Кукушкина, «обыватели переписывали их в середине и в конце XVIII века, а читали и того дольше. 26 апреля 1751 г. сделал помету на книге фацеций "сибирской провинциальной канцелярии канцелярист" Филипп Васильевич Попов» [61, с. 192].

В рукописных сборниках были широко представлены сюжеты и темы, характерные для устной восточно-славянской сказки и анекдота. Заимствованные из народной фольклорной традиции, они вновь переходили в народную сказку [42, с. 140; 43]. Как пишет исследователь средневековой народной культуры А.Я. Гуревич, "ряд жанров средневековой литературы и фольклор как бы переливались друг в друга, находясь в постоянном взаимодействии" [40, с. 23].

Таким образом, восточно-славянский сказочный фонд (особенно устные сказочные новеллы и анекдоты) состоит не только из национальных самобытных сюжетов, но и в очень большой степени из так называемых "бродячих",

"перехожих" мировых сюжетов[3], пересекавших в древности и в средние века границы между континентами, государствами и народами устным путем и с помощью рукописной, а затем печатной книги — как светской, так и духовной [40, с.48,89, 162 и др.].

Все тематическое и сюжетное разнообразие и богатство восточно-славянского сказочного фонда отложилось в сказочном творчестве сибиряков. В.Я. Пропп выделил следующие тематические группы бытовых сказок: 1) сказки переходного типа от волшебных к новеллистическим, 2) о мудрых девушках, 3) об испытании жен, 4) о ловких и удачливых отгадчиках, 5) о ловких ворах, 6) о разбойниках, 7) о хозяине и работнике, 8) о попах, 9) о глупцах, 10) о злых женах, 11) о шутах, 12) сказки литературного происхождения, 13) моралистические сказки [94, гл.IV]. Все эти сюжетно-тематические группы сказок имеются в русском сибирском материале, представлены они и в нашем издании.

Бытовые сказки по идейно-художественным особенностям и функциональному назначению подразделяются на авантюрно-новеллистические и сатирико-анекдотические. В книге помещено 30 сказочных текстов на новеллистические сюжеты [СУС, № 850 — 999]. Следует иметь в виду, что в силу присущего фольклору закона идеологического и жанрового синкретизма [10, с. 25; 73, с.81—83], четкое отделение одной разновидности сказочного жанра от другой не всегда возможно — есть сказки переходного типа от волшебных к новеллистическим, от новеллистических к анекдотическим и наоборот; есть переходные жанровые формы от легенды к сказке, от былички к сказке; есть сказки, унаследовавшие мотивы и стиль исторических преданий; есть сказки-притчи и сказки-небылицы. Все эти переходные формы как внутрижанровые, так и между жанрами сказочной и несказочной прозы можно встретить в нашем собрании. Переходный тип от волшебных к новеллистическим представляют, например, сказки "Рожок" (№ 3), "Про двух царевичей и стару вельму" (№ 18), "Сказка про золотого козлика" (№ 19), "Палкин-вор" (№ 23) и др.

Традиционно острую социально-сатирическую направленность имеют новеллистические сюжеты о мудрых отгадчиках, такие как "Семилетка", "Гуси с Руси", "Куда тратятся деньги", "Беспечальный монастырь" (№ 11—14). То же самое можно сказать о легендарных сказках (№ 32—36). В сказках "Про Петра Первого" и "Про Ивана Васильевича Грозного" (№ 7, 17) находим приметы народных исторических преданий, особенно в трактовке образов царей (см. примеч. к № 7).

Бытовые сказки считаются образованием более поздним в сравнении со сказками волшебными, судя по тому влиянию, какое оказала волшебная сказка на происхождение некоторых мотивов, сюжетов, образов, композиции, художественных приемов и стилистических фигур новеллистических сказок. В сюжетном арсенале этой разновидности сказочного жанра имеются древние по происхождению формы, в которых проявляется высокоразвитое, разработанное в веках искусство повествования. Например, сюжет 882А* "Верная жена (женихи за прялкой)" (№ 16) в клишированной форме выглядит так: "муж уезжает в рубашке, на которой в случае измены жены должны появиться черные пятна; знакомых мужа, пытавшихся соблазнить ее, она запирает в подвале (в другом помещении) и заставляет работать (прясть)" (СУС). В сказках на этот сюжет

---

[3]Именно поэтому есть мнение, что бытовые сказки и анекдоты не должны браться в расчет для воссоздания "общеславянского фольклорного генетического фонда" [129, с. 7].

имеются три запоминающихся, опорных, семантически важных момента: знак — черное пятно на белой рубашке в случае измены жены; антагонисты-соперники главного героя по воле его жены проваливаются, летят в подвал (в подземелье); героиня заставляет мужчин прясть нить в подвале.

Сюжет основательно проанализирован С.Ю. Неклюдовым, хотя в его статье эта новеллистическая модификация сюжета не названа [78]. Данная сюжетная ситуация, по мнению автора, характеризуется "ее глобальной распространенностью в сказочно-эпическом фольклоре": в узбекском эпосе "Алпамыш", в монгольском и якутском эпосе, в бурятской сказке, в русской волшебной сказке [AT 301], в русском эпосе, в русской новеллистической сказке [AT 1353]. "Ее истоки, — пишет С.Ю. Неклюдов, — убедительно возводятся к архаическим алтайско-тюркским повествовательным традициям, входящим в свою очередь в обширный фольклорный регион Центральной Азии и Южной Сибири" [78, с. 197]. Во всех названных произведениях сюжетная ситуация имеет разные формы выражения, но основной смысл эпизода сводится к двум рядам семантических знаков, организующих эпизод. Первый ряд: подземная тюрьма — яма-ловушка — дно ада; второй ряд: хвост коня — коса девушки — аркан — волшебная веревка — чудесная нить. Здесь важно указать на глубокие корни сюжета в древности, широкое разностадиальное и разножанровое распространение его в мировом фольклоре, в том числе и в русской сказочной традиции Сибири.

Другой пример. В восточно-славянской сказочной традиции, особенно в русской, широко распространены два новеллистических сюжета, в чем-то однотипных: 881 *Оклеветанная жена* ("Про весь белый свет"): купеческий сын женится на царевне; ее пытаются соблазнить; муж бьет жену и думает, что убил ее; врач вылечивает ее и хочет завладеть ею; она убегает в мужском платье; становится царем, велит вывесить свой портрет на видном месте; виновник обнаруживается и наказывается; царица соединяется с мужем; 882А *Спор о верности жены*: герой спорит с купцом о верности своей жены; тот обманом достает доказательство неверности (кольцо) и выигрывает пари; разоренный муж покидает родину, жена следует за ним в мужском платье, изобличает клеветника, заставляет его вернуть незаконно присвоенное имущество; все разъясняется (№ 1, 6; 5, 22 наст. изд.). Такого же типа новеллистический сюжет о Петре и Прекрасной Магелоне (№ 20) и некоторые другие: 883А Оклеветанная девушка (№ 1, 21), 860В* Украденная жена (№ 2).

Эти новеллистические сюжеты по структуре и содержанию сопоставимы с древнейшей в мировой культуре повествовательной формой, достигшей высокого развития в Древней Греции, а затем Риме и Византии, — греческим любовным романом. Его инвариантная схема такова: "Любовь прекрасной девушки и юноши, вспыхнувшая внезапно с потрясающей силой, соединение их, и вскоре наступившая разлука, поиски друг друга, испытания их взаимной верности и любви, мнимая смерть одного из них, путешествия по морю, кораблекрушения, пираты и разбойники всех мастей... преследования, тюрьмы, побои, продажа и т. д. — и под конец счастливое соединение любящих друг с другом. Герои отличаются необыкновенной красотой и благородством и являются детьми знатных и богатых родителей " [15, с. 34 — 35]. Греческий любовный роман в основе своей имел сказочные фольклорные мотивы и сам, в свою очередь, был популярен среди широких слоев населения [Там же, с. 34]. Через византийско-болгарское посредничество он широко использовался в древнерусской бел-

летристике [51, с. 28 — 29, 70 — 72 и др.] и с помощью рукописной книги и устным путем распространялся в сказочной традиции восточных славян. Как видим, его композиционная структура, стадиально более ранняя, легла в основу сюжетов многих восточно-славянских новеллистических сказок, в том числе пришедших из рукописной традиции.

Приведенный пример объясняет истоки древней композиционной схемы, существовавшей в фольклоре и письменной традиции средиземноморского культурного региона ранее II — III вв. н. э. [15, с. 35], а значительно позже перешедшего в европейскую, в том числе славянскую, культурную зону. Подобные сюжеты имел в виду А.Н. Веселовский, когда говорил:"Есть сюжеты новоявленные, подсказанные нарастающими спросами жизни, выводящие новые положения и бытовые типы, и есть сюжеты, отвечающие на вековечные запросы мысли, не иссякающие в обороте человеческой истории" [29, с. 376].

Эти старинные новеллистические сюжеты не однотипны по структуре, а значит, и по генезису. Если особенностью построения только что рассмотренного типа сюжетов можно назвать нанизывание цепи приключений героев, что позволяет легко контаминировать однотипные сюжеты, то другой тип композиции представляет подробное развертывание одного сюжета, возможно имевшего в истоке какой-то рассказ — поначалу предание или легенду — об одном событии или явлении с завершенной и самодостаточной фабулой, не требующей подобного нанизывания. К таким сюжетам относятся, например, древний по происхождению сюжет 905А* "Королева (царица) и жена сапожника" (см. примеч. к № 15), 873 "Царь и купеческая дочь" (№ 17), 952 "Солдат и царь" (№ 7) и более поздний — 992 "Купеческая дочь и дворник" (сказки: Н.О. Винокуровой "Купеческая дочь и кучер" [28, № 17]; И.Ф. Рукосуева "О Маше, купеческой дочери" — ГЛМ, инв. № 4, оп. 14, № 5).

Среди новеллистических сказок есть еще одна группа сюжетов — ее составляют обычно одноэпизодные с ярко выраженной дидактической установкой сказки-притчи. Цель их — доказать справедливость какой-либо кратко сформулированной этической нормы путем развертывания эпизода, художественно убедительно подтверждающего эту норму. Одна из таких сказок-притч нашего собрания представляет художественную трансформацию обрядовых действ ("сажание на лубок" — см.примеч. к № 31) и корреспондирует с другим сказочным новеллистическим сюжетом — 981 "Почему перестали убивать стариков".

Даже этот краткий и выборочный экскурс в историю происхождения и формирования структуры некоторых новеллистических сказок приоткрывает разные ее истоки как в древнее, так и в исторически обозримое время — от обряда, мифа и волшебной сказки до предания о каком-либо необычном событии уже не такого далекого прошлого.

Авантюрно-новеллистической по структуре может быть и сатирическая бытовая сказка. Гранью, их разделяющей, является, на наш взгляд, прямая установка сатирико-анекдотических сказок на обличение смехом отрицательных явлений и персонажей и отсутствие такой установки в сказках новеллистических. Хоть изображение отрицательных персонажей в смешном виде характерно и для них, основная их направленность иная. Их идейный пафос — выражение и утверждение этических идеалов народа, воспевание героев — носителей высоких моральных качеств. С установлением композиционно-содержательной параллели с античным романом и его устными формами, образо-

Новосибирская
областная научная
БИБЛИОТЕКА

вавшимися в культурной зоне зарождения и распространения христианства и его морали, подобная этическая направленность новеллистических сюжетов не представляется удивительной, тем более в славянском православном мире с его идеями милосердия, добра, всепрощения, помощи ближнему и т. д. Разумеется, в сказке эти идеи имели художественное воплощение, но нельзя забывать об идеологическом синкретизме, свойственном древним фольклорным жанрам, и о трансформации религиозных мотивов в общегуманистические в более поздние времена.

Новеллистическая сказка высоко оценивает настойчивость, упорство, сказочную хитрость в преодолении препятствий, чаще всего сословного порядка (№ 1, 5, 6 и др.), воспевает верность и чистоту любви (№ 14, 16, 20 и др.), осуждает жестокое отношение детей к родителям (№ 30, 31), ценит доброту (№ 15, 18), ум (№ 11 — 14). Причем делает это не в форме сухого назидания, а через эмоционально окрашенное, художественно впечатляющее повествование, ибо для нее, как и для всех разновидностей сказочного жанра, "характерно безусловное доминирование эстетической функции" [143, с. 27].

Четко выделяет сказка-новелла основной нравственный критерий народа — отношение к труду. Народ-труженик неприязненно относится к тем, кто не хочет трудиться или работает плохо, неумело. В дореволюционной сказке "Молодая жена" [115, № 365] читаем: "По всему селу разнесся слух, что Федосьин сын женится на богачке, которая дура, не умеет ни прясть, ни ткать, ни початки мотать". Еще определеннее эта этическая норма выражена в сказке, записанной в 60-е гг. нашего века [103, № 7]: "В этом доме тот воду пьет, кто ее носит, тот ест, кто работает". Особенно остро эта тема звучит в сатирических сказках (№ 63 — 67).

В новеллистических сюжетах ярко проявилось отрицательное отношение народа к стремлению иметь богатство любой ценой. Так, в сказках о Марко Богатом (СУС 930=461), имеющих исключительно широкое распространение в Сибири, народ гневно осудил Марко, кичащегося своими сокровищами и ради их сохранения идущего на любую жестокость, чтобы уничтожить бедняка, которому судьбою было предопределено стать его зятем. Символично, что богач вредит не только людям, но и природе: бочки с золотом, закопанные им под березой, не дают ей росту (НГПИ, № 10. Сказительница А.Е. Егорова из д. Ичкала Новосибирской обл.).

В сказочной традиции Сибири среди героев новеллистических сюжетов особенно популярны купец, солдат, но наиболее любимым положительным персонажем, судя по количеству записей, является мудрая девушка и верная жена. Новеллистические сказки на эти сюжеты составляли значительную часть "женского репертуара" выдающейся сибирской сказительницы Натальи Осиповны Винокуровой (№ 5). Однако те черты, которые были подмечены М.К. Азадовским в творчестве Н.О. Винокуровой, — пристрастие к бытовым деталям и картинам, тонкий психологизм, помогающие мотивировать поступки героев, развитый диалог, отказ от сказочного канона в волшебных сказках — в традиции рассказывания новеллистических сказок в Сибири не единичны, а отражают общее движение сказки (и не только новеллистической) к реализму и превращению ее в новеллу, устную повесть и своеобразный бытовой реалистический рассказ, хотя и не лишенный сказочности. Е.И. Шастина, продолжая и развивая наблюдения М.К. Азадовского на материале волшебной сказки, высказала предположение о том, что в условиях Сибири это можно объяснить частично

"полной изоляцией сибирских деревень от большого мира и даже друг от друга... каждая информация была ценной как источник, питающий человеческую любознательность", отсюда тяга к событийности, к захватывающим историям, фактам, рассказы о которых "завлекли" бы старожила. "Поэтому и сказка, даже фантастическая, в такого рода повествованиях как бы переводится в план житейски авантюрного рассказа, дополняющегося пикантными подробностями" [149, с. 19]. С этим нельзя не согласиться как с частным "сибирским" фактом, но главное, безусловно, общее движение жанра во времени и обусловленность его влиянием художественного фольклорного сознания. Новеллистические сказки нашего собрания очень хорошо это подтверждают (см. примеч. к № 1, 15, 19, 26, 27 и др.).

Сама новеллистическая сказка как сложная повествовательная структура (одно- или многоэпизодная) "располагает" к наполнению ее сказочной схемы жизненным содержанием. Однако при этом ее занимательность и привлекательность состоят в том, что в ней сохраняется свобода сказочного вымысла, имеющего здесь совершенно особый характер, — все романтические приключения и авантюры героев совершаются в пределах земного пространства и времени. Если волшебная сказка относила повествование в "тридесятое царство" и неопределенное прошлое, то сюжет сказки-новеллы составляет цепь хотя и необычных приключений героев, но в узнаваемой слушателями обстановке и в настоящем времени, что делает и рассказчиков, и слушателей соучастниками и активными, сопереживающими наблюдателями перипетий сказочных героев. В некоторых сказках время и место действия имеют локальное приурочение: события совершаются "в городе Красноярском" [85, с. 331], свидетелем может выступать сам сказочник — "Это когда я в Москве был на действительной службе..." [106, с. 209]. Интерес к новеллистическим сказкам определяется также симпатиями рассказчиков и слушателей к простому, человечному, обыкновенному и "живому" герою, привлекательной героине, их сказочной и вместе с тем такой жизненной судьбе — так сюжет наполнялся жизненными наблюдениями и психологическими переживаниями самого рассказчика, его общественными и социальными идеалами, представлениями о прекрасном, этически приемлемом или смешном, безобразном. И чем богаче духовно современный сказочник, чем он наблюдательнее и психологически тоньше, чем он талантливее на слово, чем лучше он владеет мастерством передачи сюжета, тем ближе его сказка к устной новелле или даже к повести, а иногда и к сатире. Пример тому — творчество впервые представляемого здесь талантливого повествователя И.Ф. Рукосуева, эмоционального и экспрессивного Д.С. Асламова, мудрого и ироничного Е.И. Сороковикова-Магая, уникального по своему исполнительскому мастерству С.И. Скобелина, пристрастного к авантюрным и детективным мотивам С.Т. Чекашкина, склонной к точной и емкой сатирической детали Е.И. Чичаевой — их творчество проанализировано в примечаниях.

Традиционное в классической исследовательской литературе деление сказочников по манере исполнения на эпиков — спокойных повествователей (при рассказывании волшебных и богатырских сказок мастерски владеющих сказочной образностью) и балагуров-весельчаков [3, с. 37; 25, с.XXXIII — LI; 122, с. LXI — LXXVI] правомерно и для бытовых сказок. В основе этого деления, наметившего полярные позиции, лежит пристрастие сказочников к эпическому или сатирико-юмористическому жанру сказки, но в жизни часто бывает так, что сказочники-эпики являются прекрасными знатоками и исполнителями

сатирико-анекдотических сказок. Отмеченные выше характерные индивидуальные черты исполнительской манеры талантливых представителей публикуемой сказки-новеллы предполагают прежде всего их мастерское владение искусством повествования, в основе которого всегда лежит хорошо развитый сюжет, хотя не только знанием сюжета определяется талантливость исполнения (сюжет может быть изложен схематично, сухо, неинтересно). Большую роль в сюжете новеллистических сказок играет занимательная фабула, связанная чаще всего с любовными коллизиями, приключениями и путешествиями главных героев, их борьбой с антагонистами (людьми, а не чудовищами), раскрывающая их земные и в то же время романтические в восприятии слушателей идеально-сказочные поступки, нередко осложненные не всегда идеальным поведением главного героя. И этим новеллистические сказки отличаются как от волшебных сказок, в которых все слишком отвлеченно, так и от анекдотических, не обладающих столь интригующей фабулой и не имеющих такого богатого набора разнотипных эпизодов (знакомство и любовь героев, разлука, кораблекрушения, преследования и т. д.), вполне сопоставимых с моделями и ситуациями самой жизни. Все это ведет к тому, что авантюрно-новеллистические сказки дополнительно к основным эпизодам сюжета, излагаемым приближенно к жизни, наполняются бытовыми жанровыми сценками, как, например, у Ф.И. Рукосуева; описаниями картин природы или внешности, костюма героев, деталей быта, тонкими психологическими наблюдениями, как у Н.О. Винокуровой; живыми, мастерски исполненными диалогами, как у Д.С. Асламова; детективными моментами, как у С.Т. Чекашкина; внутренней речью героя (что он "думает"), как у Е.И. Сороковикова-Магая или И.Т. Загребнева. Все перечисленные особенности в той или иной степени присущи многим исполнителям новеллистических сказок. Они же свидетельствуют о трансформации сказки в нечто иное, чем канонизированный, традиционный, устоявшийся в фольклорном сознании сказочный жанр, — в устную новеллу или даже более объемное произведение — устную повесть или бытовой реалистический рассказ. Такое направление в развитии и в конце концов разрушении канонов сказки в наши дни характерно для сказкотворчества не только в Сибири, но и в европейской части страны, а также для всей восточно-славянской сказки в целом [62, с. 192 — 193; 89, гл. V; 99, с. 16 — 19 и др.].

Если обратиться к анализу сатирико-анекдотической сказочной традиции Сибири в ее историческом развитии и в современном живом бытовании, нетрудно заметить, что тенденции, связанные с древнерусским "смеховым миром", имеют подтверждение как в самом материале, так и в наблюдениях ученых. Когда М.К. Азадовский постоянно подчеркивал то исключительное влияние, которое оказывали российские бродяги-поселенцы на сказочную традицию Сибири, он, конечно, не имел в виду, что жители старожилых сибирских сел на Лене, на Байкале или в Тувинкской долине не имели определенных сложившихся и постоянно развивающихся культурных традиций, в частности коллективных локальных традиций в сказывании сказок. Сами сибирские старожилы — это тоже недавние (если брать в историческом разрезе) поселенцы прежде всего из северных губерний России, которые пришли и осели на берегах Лены, Ангары, Енисея, Нарыма и т. д. "не с пустыми руками" в смысле фольклорного (и вообще культурного) багажа. И именно этот багаж стал основанием, на которое наслаивались пласт за пластом культурные отложения, исходившие как от проходящих бродяг-поселенцев, так и от новых волн пересе-

ленцев, прибывавших в Сибирь из центральных и южных губерний России, с Украины и Белоруссии в течение XIX в., особенно в Западную Сибирь и на Дальний Восток. И несмотря на то, что Сибирь явилась настоящим котлом, в котором перемешалось и "переварилось" (речь идет о традиционной народной культуре) разновременное, разнонациональное, разностадиальное, разнообластное, здесь благодаря труду ученых вычленяются локальные культурные очаги. Например, в традиции сказывания сказок на верхней Лене называют исторически сложившиеся сказительские школы — "три крупных направления: винокуровскую сказительскую школу, ангинскую сказительскую школу и школу бродячих сказочников" [148, с. 251].

Здесь же М.К. Азадовским в 1915 г. выделена особая манера в рассказывании сказок, характеризующаяся заметным наличием в репертуаре, трактовке образов, особенно когда речь идет о сказочниках-мужчинах, острого сатирического, комического и эротического элемента[4]. М.К. Азадовский относил эту особенность за счет влияния рассказчиков из поселенцев и бродяг: желая сделать сказку развлекательнее и тем самым расположить к себе хозяина и заработать "ужну", они старались не только растянуть путем контаминации сюжет, но и "придать сказке максимум занятости, забористости, остроумия" [6, с. 82]. Такое влияние было, и такое желание прохожих бродячих сказочников имело место, но, думается, что сами старожилы-сибиряки и без влияния прохожих сказочников могли в этой области сказкотворчества "не подвести" — эта часть фольклорного творчества развивалась в русле традиций средневекового смеха и демократической сатиры, особенно если учесть, что именно в Сибири скоморошество, как наиболее яркое выражение этого направления древнерусской культуры, сохранялось еще достаточно долго. В 1915 г. на верхней Лене эта особая манера исполнения была представлена в творчестве очень многих сказочников [133, с. 32 — 34]. Об одном из них — А.П. Малярове (№ 61) М.К. Азадовский записал так: "Его сказки по преимуществу — бытовые анекдоты. Сметливый вор, солдат-проныра, комическое положение, в которое попадает поп, — вот главные темы его рассказов...Его анекдоты — прелестны. Они ярки, живы, остроумны..." (ГБЛ, ф. 542, к.37, ед. хр. 14).

Это тип сказочника-балагура, сатирика, юмориста, знатока короткой занимательной фабулы, хотя нередко сатирико-юмористическим стилем и сюжетами прекрасно владели и сказочники-эпики, например Е.И. Сороковиков-Магай, С.И. Скобелин, Д.С. Асламов, Н.О. Винокурова и многие другие. Такой тип исполнителей и такая манера рассказывания были распространены по всей Сибири, как и во всем восточно-славянском культурном регионе, и чем раньше зафиксированы наблюдения и тексты, тем они выразительнее. Вот, например, что писал по этому поводу Г.С. Виноградов: «В связи с речью о музыкантах, певцах и сказочниках, хочется упомянуть о "чудиках". Так называют в некоторых местах Тункинского края балагуров, весельчаков, мастеров на присказки, на веселые песенки, прибаутки и каламбуры. Они в народной праздничной и повседневной жизни играют заметную роль: они увеселяют на праздничных гулянках, они помогают заполнять досуг, они скрашивают зимнюю работу в избе; их приглашают на попрядушки (весенние и летние "старушечьи посиденки"), привлекая тем самым большое количество лиц на этот своеобразный

[4]Эта черта присуща особенно при устном исполнении сказок-новелл не только русской (восточно-славянской), но и мировой сказочной традиции [151, с. IX].

вид "помочи". В Хобоке — близ Талой, слывет — не без больших оснований — Иван Федорович Сороковиков, в Шимках — Нестор Иннокентьевич Зверев, в Туране — Егор Иванович Пежемский... Чудики и балагуры — это одна из очередных задач и благородная тема для этнографа» [30, с. 168 — 170].

В письме (от 27. VII 1926 г.) к М.К. Азадовскому Г.С.Виноградов с присущим ему юмором, говоря о сказочнике Н.И. Звереве, приводит народную характеристику: "веселый, у их настояшши киятры" [65, с.194]. В числе "чудиков"-развлекателей назван отец братьев-сказочников Сороковиковых Иван Федорович Сороковиков. Старший сын его и брат Е.И. Сороковикова-Магая Иван Иванович Сороковиков был отнесен М.К. Азадовским именно к типу сказочников-балагуров, веселых и любимых участников деревенских бесед (№ 48, 88 — 90).

Сказочники-балагуры, развлекатели, острословы, сатирики и юмористы встретились нам в 1978 г. в Красноярском крае и в 1986 г. в Алтайском крае. Это Василий Иванович Вахрушев (№ 14) и Иван Иванович Парыкин (№ 31, 63, 64). Наиболее ярко выраженной личностью в этом плане является В.И. Вахрушев. И.И. Парыкин более сдержан и эпичен, но сатирико-юмористические сказки знает и исполняет прекрасно. Ему как настоящему сказочнику-артисту обязательно нужна аудитория, своеобразный "зрительный зал", который действует на артистическую художественную натуру сказочника вдохновляюще. С этого и началась беседа с ним осенью 1986 г. Во время беседы Иван Иванович поделился весьма ценными воспоминаниями о народном балагурстве, о создании буквально "на глазах" юмористических сюжетов, когда говорят "за словом в карман не полезет", "за словом в лавку не побежит". Приводим его рассказ полностью: «Я когда на гражданской был, а ведь знаете, как это все говорится-то...Ну вы вот счас пришли...Что мне говорить, как это, к чему, что к чему это начинать. А вот когда соберешься кучкой-то людей, тут один хорошо скажет, другой ешо лучше, а третий ешо лучше. Ну вот такая история бывает ведь это всегда. У нас так же было.Собрались мы там, сидим разговариваем. Ну молоды тада были, кто чо скажет: один скажет хорошо, а другой — ешо лучше. Вот один и говорит: "Вот, — говорит, — у меня жена — хозяйка хорошая. Я, — говорит, — выслал ей двадцать пять рублей домой, через год прихожу, она такой сад развела, в саду фрукты, все, что хотишь, звери, даже, — говорит, — и борцы есть". Ну, тут сидят, смеются все над им. Другой сидит — ему тоже что-то надо сказать. "А я, — говорит, — вот нет, у меня жена лучше. У меня жена — огородница хорошая". — "Как огородница?" — "Ну, дак там огороду насажала, у ей тыквы такие, государство берет, разрезает пополам, выбирает оттудова все, а это, — говорит, — как баржи за пароход цепляют и грузят и везут". Вот какие были тыквы! Тоже хорошо! Ну вот, а полковник у нас был, Резниченко, командир батареи. И вот он говорит: "Ребята, — а он тоже такой любопытный, так издалека стоит слушает, а любопытный был. — Вы, — говорит, — ребята, все про гражданку говорите. — И хороший он был мужик, просто простой такой. — Вы бы что-нибудь вот про военное говорили бы". А он пожилой уж был, он ешо в ту войну воевал в четырнадцатом году, когда была война с немцем. "Вы и раньше воевали. Вот как? — "Ох, мы воевали и раньше здорово!" — это полковник говорит. "Ну как же? Вот как воевали?" — "Да немец, — говорит, — просто шел колоннами на нас — идет, и лезет, и лезет, и лезет, — полковник говорит. — Ну и у нас снаряды все вышли, нечем стрелять стало".

И сидит тут маленький, Козинкин фамилия, разведчик, солдатик маленький сидит. Он указал:"Вот такими солдатами, — говорит, — и мы отстрелялись". И он отошел. Стали солдат заряжать, нечем стрелять больше! Ну, тут все это засмеялись. А он такой находчивый, этот Козинкин, был, ведь вот люди какие есть! На <... > крутанулся: "Эх, товарищ полковник, нет, вот у нас был бой дак бой! Это что у вас за бой! У нас так же вот немец лезет, лезет просто колоннами. Мы били-били, били-били,били-били, ну все снаряды вышли, патронов для пулеметов не стало, всё, давай мелких солдат заряжать. А меня, — говорит, — я ординарцем был, меня не дал командир батареи зарядить-то. Дак у меня была, — говорит, — собачонка маленька, мы ее зарядили, она, как стрелим, она летит и брешет. И вот отстреляли, отбили"» (запись Н.В. Соболевой; БФ, инв. № 3504, л. 68 — 69).

Русский солдат к уже известному сюжету[5] добавил еще один — стрельба из пушки по врагу лающими собаками, а И.И. Парыкин запомнил и, возможно, не один раз рассказал традиционный и сочиненный эпизод, столь уместный в той обстановке, — среди сибирских сказочников было немало фронтовых "развлекателей".

Василий Иванович Вахрушев из Красноярского края представляет тот тип народного сатирика, который особенно непримирим к служителям культа. Для него попы, церковь, Бог — главные объекты сатирического осмеяния (см. примеч. к № 14). Показательны в этом отношении остросатирические сказки Ф.И. Аксаментова, Е.И. Чичаевой, Г.Ф. Панченко и других в нашем собрании. Многие из них записаны в наши дни, что объясняется традиционным негативным отношением старшего поколения сибиряков к церкви и ее служителям. Сказочники-эпики С. И. Скобелин, Д.С. Асламов,Е.И. Сороковиков-Магай в своем критическом отношении к церковникам поднимаются до высот народного сатирического искусства — в их сказках звучат едкие, саркастические ноты (№ 9, 11, 16), несмотря на то, что Д.С. Асламов сам служил трапезником в церкви, а семья Сороковиковых была религиозна — это не мешало, однако, Магаю зло смеяться над попами (см. об этом: [133, с.43 — 45]). В целом для сибиряков всегда было характерно заметное отсутствие религиозного пиетета — это отмечено многими этнографами, историками, исследователями духовной культуры русского старожилого населения Сибири. Такое явление сложилось исторически, оно связано с остатками язычества в религиозном сознании сибиряков, с влиянием раскола, широко бытовавшего в Сибири [133, с. 17—18, 54—55].

К циклу антицерковных сатирических сюжетов примыкают и легендарные сказки, включенные в наше издание (№ 32—36, 50). В них отношение народа к Илье-Пророку, Николаю Угоднику и самому Богу весьма ироническое и даже саркастическое; жестокое и далеко не милосердное отношение святых к мужику в сказках — традиционно для вербальной народной культуры средневековой Европы [40, с. 70, 78—85, 96 и др.]. И святые, и Бог в этих сказках — мелкие себялюбивые эгоисты, не способные снизойти до бед и горестей простого человека. Интересно, по народной трактовке, что если и делает Николай

[5]Образ заряженного в пушку и выстреленного человека (сказочника, враля) встречается в заключительных формулах украинских и белорусских сказок [80, с. 39—40]. Возможно, что на проникновение сюжета этой небылицы в восточно-славянскую сказку и его распространение в солдатской среде повлиял однотипный сюжет ("полет на ядре") из широко популярной немецкой народной книги о бароне Мюнхгаузене [22, с. 41].

Угодник мужичку добро, то только из мелкого самолюбия, чтобы "насолить" Илье, — так иронична и беспощадна народная сказка по отношению к религиозным святым и Богу, равнодушному и самодовольному. Такая приземленная трактовка образов святых общехарактерна для народного религиозного средневековья. В легендарных сказках тема социальной несправедливости всегда звучит очень остро в связи с лежащей в их основе антитезой добра и зла, богатства и бедности — в сибирских текстах мужику-бедняку всегда противостоят поп и кулак. Сближение религиозных легенд с бытовыми сатирическими сказками и образование жанра "сказок-легенд" — характерная черта в словотворчестве русского народа [14, с. 18].

Подобно тому как существуют переходные формы от легенд к бытовым сатирическим сказкам, от волшебных сказок к новеллистическим, имеются переходные формы от новеллистических сказок к сатирико-анекдотическим, которые сопоставимы с европейскими фольклорными и литературными жанрами — фабльо, шванками, новеллино, сатирическими новеллами [152, гл. I]. Обретая характер плутовского рассказа о ворах и разбойниках или авантюрного рассказа о похождениях любовников, они в то же время выполняют сатирико-разоблачительную функцию наряду с развлекательной и увеселительной. Разоблачаемыми и осмеиваемыми персонажами в них чаще всего бывают классовые враги простого народа — барин, поп, купец, богатый мужик, царский министр, пан и т. д. Это сказки о ворах, о разбойниках, о женах, о хитроумных людях, ставящих в тупик и обирающих своих врагов с помощью мудрых вопросов и ответов (№ 4, 8, 12—14, 24 и др.). Переходная грань от серьезного повествования к юмористическому и сатирическому в них часто бывает размытой, смешанной, и потому их называют то новеллистическими сказками, то сатирическими, имея в виду их близость к сатирическому анекдоту. По структуре эти сказки имеют промежуточный характер между развитой повествовательной многоэпизодной формой, близкой к новелле, и коротким одноэпизодным анекдотом, преследующим комическую или сатирическую цель в отличие, например, от одноэпизодной моралистической сказки-притчи. Эта смешанность форм по структуре и сатирической направленности содержания сохраняется в обеих разновидностях бытовых сказок, будь то сказки авантюрно-новеллистические или сатирико-анекдотические. Но больше она характерна для последних, в которых развитая в новеллистических сказках сюжетно-повествовательная основа, а значит, умение и искусство повествовать заменяются искусством передачи юмористической и сатирической остроты содержания, что выражается в короткой, но занимательной фабуле или диалоге, игре разнообразных гротескных форм.

В композиции сложных, а не одноэпизодных сатирико-анекдотических сказок можно определить структуру новеллистических сказок и структуру сказок о животных. Первый вид композиции представляет нанизывание на сюжетный стержень эпизодов и мотивов, разнотипных по юмористическому и сатирическому содержанию и действиям главного персонажа, что характерно для сказки-новеллы. Это сюжеты 1525А "Ловкий вор" (№ 9, 77), 1539 "Шут" (№ 10, 25, 76), 1535 "Дорогая кожа" (№ 26), 1641 "Знахарь" (№ 75) и др.

Другой вид сложной композиционной схемы сатирико-анекдотических сказок восходит к очень древнему типу построения нарратива-повествования — кумулятивным сказкам, среди которых выделяются прежде всего сказки о животных. «Основной художественный прием этих сказок, — пишет

В.Я. Пропп, — состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким образом цепь не порывается или не расплетается в обратном порядке. Простейшим примером может служить русская сказка "Репка"» [90, с. 243].

Показательным примером диалогической кумулятивной сказки являются сказки нашего собрания — № 92, 93. Применительно к другим видам сказки важно уловить принцип действия: происходит не столько линейное нанизывание разнотипных эпизодов, сколько "накручивание" однотипных по действиям основного персонажа эпизодов с заменой всего лишь одного элемента — субъекта или объекта действия. Не случайно во французском фольклоре и фольклористике они определяются как "кружащие вокруг одного места" [90, с. 243]. Если в сказке "Теремок" один за другим повторяют однотипные действия мышка, заяц, лиса и т. д., то в сказке на сюжет 1696 "Набитый дурак" (№ 48) меняется объект действия, а субъект (дурень) действует однотипно — повторяет одно и то же по смыслу действие — говорит невпопад. Такое заимствование схемы построения сюжета применительно уже не к животным, а к людям не случайно в русских сказках по отношению именно к дурню — оно сопоставимо с архаичными сказками сибирских народов об умных животных — тотемных предках и трикстерах — и глупом человеке [133, с. 70—71]. В стадиально более поздней русской сказке о дурне сохранилась не только древняя форма композиции сказок о животных, но и образ глупого человека. Подобный принцип построения — повторение однотипных действий — использован и в других сатирико-анекдотических сказках — № 51, 54, 70. К тому же следует иметь в виду, что сами действия главного героя в разных эпизодах могут быть различными, но по заложенному в них смыслу и цели — однотипными, например обман в сюжете 1539 "Шут" (№ 10, 25, 76) или в сюжете 1525А "Ловкий вор" (№ 8 — 10, 77). Таким образом, обнаруживается древняя по происхождению структурная первооснова для некоторых видов сатирико-анекдотических сказок, подчиняющаяся общим законам сказочного жанра, когда однотипность персонажей по выполняемым ими функциям, описанная "на семантическом языке", помогает наметить характерные структурно-смысловые и художественные признаки сказочного жанра и в этой его разновидности [55, 91]. Думается, что древняя структура кумулятивной сказки или мифологического рассказа повлияла наряду с другими обстоятельствами на формирование композиционного принципа ретардации — троекратного повторения, характерного для сказки и фольклора в целом.

Одной из форм организации структуры сатирико-анекдотических сказок является диалог. Вообще диалог занимает большое место в передаче содержания бытовых сказок. В новеллистических сказках он может быть фо́рмульным, например в сказке И.Ф. Рукосуева (№ 1) разговор старушки с Ваней (" — ...Не могу ли я тебе чем помочь? — Нет, баушка, навряд ли ты мне поможешь чем. А рассказать я тебе расскажу <... > — Ну дак не печалься, дитятко, я тебе могу пособить..."), и бытовым, разговорным, наполненным жизненным и психологическим содержанием, раскрывающим характер героев. Примеров формульных — "сказочных" — диалогов, перемежающихся с неформульными, в каждом тексте можно отыскать немало, причем сказочная формула в бытовых сказках имеет несколько иной, чем в волшебных сказках, вид — она упрощена, полуразрушена, сближена с разговорной речью. И поскольку бытовые сказки тесно связаны с живой действительностью, то и диалогическая речь героев в них

играет видную сюжетообразующую роль. Но есть анекдотические сказки, целиком или почти целиком построенные на диалоге (№ 47, 51, 53, 64, 68, 70, 80 и др.). Иногда это исходит от исполнителя, владеющего искусством передачи живой разговорной речи, артистическими способностями в разыгрывании диалога — речи двух разных персонажей. Но очень часто в сказке-анекдоте именно это искусство и лежит в основе передачи комического и сатирического содержания сказки, и, таким образом, диалог является доминирующим структурообразующим элементом рассказа, что сближает его с комическими сценками — народной драмой и театром [114, с. 12, 18, 20, 60 и др.].

Особое место среди анекдотических сказок занимают сказки, построенные на пародийном диалогическом песнопении лиц духовного звания (№ 57), — эта традиция имеет глубокие корни в смеховой культуре всей средневековой Европы [19, с. 17—20 и др.; 40, с. 24 и др.]. Подобные сказки и сценки о попах, сатирические молитвы, стихи на эту тему, шуточные обряды и песни записаны в Сибири не однажды [104, № 47, 50—52; 133, с. 53, 56, 107—109].

Типологически сходных моментов с явлениями культуры средневековой Европы в сказках нашего собрания можно отметить немало. К примеру, в европейских источниках раннего средневековья обнаруживаются непосредственные параллели ко второй части юмористического сказочного сюжета 1164 " Злая жена в яме (Бельфагор)", широко распространенного в Сибири (см. примеч. к № 61). В книге "Проблемы средневековой народной культуры" А.Я. Гуревич приводит примеры, чтобы показать, что "далеко не всегда церковные авторы рисуют чертей в мрачных тонах. Средневековый демон не чужд двойственности и...известной привлекательности" [40, с. 292]. Это же можно сказать и о русской сказке (№ 44, 45, 61). Используем для сравнения текст в передаче А.Я. Гуревича: «Раз некой монахине очень захотелось салата, и она съела лист его, позабыв осенить пищу крестным знамением, — и ею тут же завладел черт. Был вызван аббат Еквитий и стал молиться об ее исцелении. Едва аббат появился на огороде, где билась в конвульсиях одержимая, испуганный бесенок начал, "как бы оправдываясь", плакаться: "А что я такого сделал? Что я сделал-то? Сидел я себе на листе салата; она пришла и съела меня". С негодованием аббат приказал ему покинуть несчастную, и тотчас же бес ретировался» [40, с. 292]. Здесь же приведены две подобные истории — с дочерью итальянского герцога и дочерью императора Льва. Бес, вселившийся в дочь императора, «отказывался оставить ее в покое, восклицая: "Не выйду отсюда, если не придет лионский архидиакон. Ни за что не покину сего сосуда, коль он самолично меня не изгонит"» [40, с. 294].

При сравнении текстов записи 1915 г. с берегов Ангары (№ 61) и западноевропейских[6] совершенно очевидно, что в купеческую, графскую и царскую дочерей русской сказки "забрался" черт того же самого сюжета, который был зафиксирован европейскими церковниками на целое тысячелетие раньше, с той лишь разницей, что в Западной Европе в само это чудо верили, были склонны верить, хотя и не все, а в русской сказке, сюжетно дооформившейся, эта вера утрачена — черт "разбился на мелкие кусочки", и зло породило зло: "Где кусочек

[6]Считаем правомерным проводить подобные сравнения со ссылками на работу А.Я. Гуревича [40], так как многие сюжеты новеллистических сказок являются "переходными", "бродячими" и часть из них генетически восходит к явлениям средневековой западно-европейской культуры — см. выше сноску 3.

упал, там винополь образовалась". Последняя фраза по смыслу относится к сюжетам 817**** "Черт учит делать горилку" или 828* "Святые и Бог у черта в винокурне". Они записаны (по СУС) только на Украине и в Белоруссии и скорее всего сочинены клириками или использовались ими, как и сюжет о забравшемся в женщину чертенке, с целью поучения в церковных проповедях.

Низшему слою западно-европейского духовенства принадлежала огромная роль в деле распространения в средние века амбивалентных (и внушающих страх, и вызывающих смех) сюжетов, заимствованных очень часто у народа и обработанных с моралистическими и одновременно развлекательными целями для использования в проповедях и привлечения в церковь паствы [40, с. 26—28, 44, 47, 63 и др.]. По-видимому, сами проповедники становились персонажами этих народных рассказов, поэтому наряду с влиянием и иных обстоятельств приуроченность большинства анекдотических сюжетов к образу попа стала столь закономерной, если говорить в целом о западно- и восточно-европейских фольклорных традициях; то же самое наблюдается и в Сибири с учетом действия указанных выше локальных причин.

Широкий пласт народной смеховой культуры, представляемой публикуемыми в нашей книге текстами, является наследием как западно-европейского [19, 40], так и русского средневековья [66, 67, 84] и более раннего времени, наследием, претерпевшим с тех пор значительные изменения и тем не менее сохранившимся и все еще активно функционирующим в наши дни.

Так, сказка на сюжет 1360С "Муж в мешке и притворно больная жена (Гость Терентий)" имеет прямые генетические параллели с песней-скоморошиной "Про гостя Терентиша" из сборника "Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым" (2-е изд. — М., 1977. — С. 15—19). В Сибири начиная с конца XIX в. по 1989 г. записано 12 вариантов сказки, большая часть из них в старожильческих селах Томской области и на р. Ангаре в Красноярском крае. Скорее всего сказка с ее характерными не только для восточно-славянской, но и для мировой традиции песенками (ср.: AT 1360C) послужила как бы толчком для создания во времена позднего русского средневековья насмешливой песни-скоморошины (ср.: примеч. к № 39, 48, 53). Современной модификацией этой старинной сказки является не только известный анекдот [133, с. 92], но и сказочный сюжет 1405B* "Вылеченная жена" (№ 60). Интересен процесс движения художественной мысли при переосмыслении сюжета. Трансформация совершилась с помощью приема реализации метафоры: "лекарство", за которым посылала жена мужа в первом сюжете, "принесено" во втором сюжете мужем в виде "порошков". Реализация метафоры позволила сказке принять форму логического и сюжетного завершения. В первом случае мужу помогали прохожий или скоморохи, во втором — доктор. В первом случае художественный эффект сосредоточен на "соломенном мешке" — муже, что связывает сюжет с языческими представлениями и обрядами [133, с. 83—93]; во втором сюжете подобной связи уже нет, юмор достигается сугубо фарсовыми приемами — получением и раздачей "порошков"-побоев не только жене, но и доктору, и это усиливает комический эффект. Переосмысление сюжета, вернее, домысливание его, осовременивание достигнуто с помощью приема реализации метафоры, в основе которой лежит тот же, что и в первом случае, принцип отражения действительности в бытовых сатирических сказках — реалистический гротеск — небольшое смещение от действительности в сторону фантастически невозможного — и художественная цель достигнута: в сказке создана

ситуация, вызывающая смех, развлекающая слушателей и выполняющая попутно и отчасти функцию воспитания аудитории путем сатирического осмеяния "больной" жены.

Особая занимательность и привлекательность свободы вымысла в сатирико-анекдотических сказках в том и заключается, что, не отрываясь от земного времени и пространства в область фантастически невозможного, этот вымысел является все-таки "*вымыслом*": практически можно "раздать" "порошки" и жене, и доктору (доктор — это не фантастический Змей Горыныч), но подобной, *как в сказке*, ситуации в жизни не бывает, хотя в принципе смоделировать ее в условиях жизни вроде бы и возможно. Тем более возможно, что раздача "порошков" случается в жизни довольно часто. На этом колебании между вымыслом и действительностью, постоянных переходах от возможного к невозможному и наоборот создаются по сути невозможные в жизни гротескные сказочные ситуации, причем эта невозможность, представляющаяся в сказке возможностью и воображаемая возможностью в жизни, усиливает комизм ситуаций, а не только создает их — в этом сила и притягательность занимательности народного анекдота и сатирико-анекдотической сказки. Какой бы эпизод в любом сюжете мы ни рассмотрели с этой точки зрения, везде обнаруживается "работа" этого художественного принципа — гротескного реализма, по определению М.М. Бахтина.

Гротескный реализм в бытовых сказках является художественным выражением средневекового миропонимания, и то, что нашим современникам представляется чистым вымыслом, сказкой, во времена не только раннего средневековья, но и в более позднее время вымыслом не представлялось. Утрата сакрального значения обусловила перетрансформацию гротеска жизни в гротеск художественный. Например, гротеск как художественный прием использован в сказке на сюжет 1842 "Похороны собаки (козла)" (№ 51, 52). Этот показательный сюжет возник не на пустом месте: было время, когда средневековый автор совершенно серьезно относился к крещению собаки школярами [40, с. 305], имевшему место в жизни, как и судилище над животными считалось делом нормальным. А.Я. Гуревич по сходному поводу пишет: "Гротеск низводит великое до малого, профанирует сакральное и в этом смысле может приблизиться к святотатству" [40, с. 305]. В сказке средневековый гротеск послужил сугубо сатирическим целям и с помощью приема ретардации помог дооформиться сюжету сказки в законченное целое.

Большое место в системе художественно-изобразительных средств сатирико-анекдотических сказок занимает гротескное пародирование. Пародия народных сатирических сказок прямо не соотносима с литературной пародией — в народной сатирико-комической традиции пародируются не конкретное произведение или автор, а жанр или обряд, сюжеты из жизни; при этом используются лишь характерные признаки их формы и общей направленности содержания с целью сатирико-комического снижения, при котором гротеск "делает свое дело". Чаще всего пародируются церковные обряды и их словесно-музыкальные формулы. Пародией на церковные заповеди является сказка о корове, возвращенной "десятерицею" (№ 49), на исповеди и покаяния — сказка о рыжем попе (№ 56), на литургические песнопения — сказка о дьячке-воре (№ 57). Своеобразный прием сатирического параллелизма использован в пародировании молитв и церковной службы в сказке о жадном попе (№ 53). Пародией на средневековые представления о небесном рае можно считать небылицы о "том

свете" (№ 83), о райских необитаемых островах на земле, где водятся необыкновенно большие звери, рыбы, птицы, плоды, — небылицы на ту же тему (№ 86 и см. выше — рассказ И.И. Парыкина). Гротескное пародирование церковных обрядов и религиозных представлений связано с их карнавализацией и характерной чертой народной средневековой культуры — смешением высокого и низкого, что нашло сатирический отзвук в современных сказках о попах, сказках-небылицах и др.

Конкретные приемы создания образности и сатирического обличения в сказках и анекдотах могут быть самыми разнообразными. Эти приемы бывают как традиционно сложившимися и присущими самой природе жанра сатирических сказок и анекдотов, так и зависящими от индивидуальных склонностей и направленности таланта того или иного исполнителя. Художественным приемом, имманентно присущим жанру, наряду с гротеском и пародированием можно назвать прием социальной антитезы. Ясно, что противопоставленность бедного мужика барину, попу, вельможе, богатому мужику-кулаку является ярким и четким, если говорить о жанре в целом, отражением законов социальной борьбы в жизни общества.

Прием социальной антитезы сложился в фольклоре исторически (ср.: [33, с.286—306] и вместе с накоплением социального протеста и формированием сатирической направленности сказки стал использоваться шире и острее, например, в переоформлении старых, уже известных сюжетов и создании по аналогии новых, более современных по социальному содержанию. Так, сюжет небылицы 1920С "Барин (царь) награждает за ложь (неслыханный рассказ)" (№ 80, 82) целиком базируется на социальном противопоставлении и считается образованием более поздним сравнительно с другими сюжетами небылиц (ср.: № 83—85). Известно, что жанр небылиц, очень древний по происхождению, связан с культом предков, представлениями о мире мертвых и ритуальным смехом [93, 137].

Есть сказки, которым принцип социальной антитезы присущ изначально — например, сюжет широко распространенного в древности обряда замены царя рабом, умерщвления раба и как бы нового рождения царя-бога является конструктивным для сказочного сюжета 905А* "Королева (царица) и жена сапожника" (см. примеч. к № 15). Сатирическое начало заложено не только в сатирических, но и во многих сказках и воплощается в социально-сословной противопоставленности сказочных героев с глубокой древности, например в образе социально обездоленных младшего брата-дурака, мнимого или истинного, и падчерицы-сиротки [72]. В бытовых сатирических сказках этот общефольклорный закон "развит до предела" и в некоторых сюжетах принял четкую форму приема социальной антитезы, служащего целям большего сатирического обличения и разоблачения угнетателей народа.

К таким же приемам сатирического осмеяния относится ирония. Но этот способ усиления сатирического звучания произведения определяется индивидуальными чертами характера исполнителя, силой иронии самого сказочника. Причем иронией, порой доходящей до злого сарказма, особенно успешно пользуются в сатирических сказках сказочники-эпики; сказочников-балагуров больше занимает чисто комедийная сторона изложения, но и среди них есть исполнители, для которых злая ирония по отношению к попам и барам — излюбленное средство сатирического осмеяния, особенно когда ирония наряду с социальной антитезой как бы заложена в самом сюжете, например 921А "Куда

тратятся деньги" (№ 12), 921F* "Гуси с Руси" (№ 13), 1218** "Лентяй сидит на лебединых яйцах" (№ 40), 1525B* "Нужда" (№ 78), 1529B* "Чудесная овца" (№ 81), 1552** "Отстраненный соперник" (№ 3), 1533 "Дележ гуся" (№ 41) и др. И все-таки ирония и сарказм достигают наибольшей выразительности, как индивидуальный авторский прием, при высоком социальном сознании сказочника, когда он может позволить себе этот емкий по сатирической семантике выпад благодаря его интеллектуальным потенциям, направленным на острое осмысление общественных отношений. Такова смелая, веселая и одновременно уничтожающая ирония сказочника-эпика С.И. Скобелина в эпизоде "герои-любовники в чемоданах" и в эпизоде саморазоблачения архиерея при встрече с женщиной (№ 16). Так же тонко ироничны Е.И. Сороковиков-Магай (см. примеч. к № 11) и Е.И. Чичаева (№ 15), что просматривается в экспрессивно окрашенной лексике ее сказки и в диалоге царицы с сапожником, о котором сказочница для большего сатирического эффекта делает ироническое "замечание в скобках": "он гнусавый был".

Искусство передачи диалога, о котором уже шла речь выше, также во многом зависит от таланта сказочника — его умения разыграть диалог интонационно, тонко передать богатство оттенков содержания, сохранив при этом юмор и общий смысл сюжета; его актерских способностей, если он их проявляет, разыгрывая сказку не только интонационно, но и жестами, мимикой, движениями. Слушание сказки в исполнении большого мастера доставляет огромное эмоционально-эстетическое наслаждение аудитории, несмотря на то, что каждый слушатель воспринимает ее по-своему в зависимости от неоднозначности ее смысла, от своих собственных взглядов на жизнь, ценностных ориентаций.

Все рассмотренные здесь художественные черты бытовых сказок одинаково присущи как русским сказкам Сибири, так и общерусским и восточно-славянским в целом. Что же характерно сибирское (локальное, региональное, областное, местное) можно отметить в текстах нашего собрания, кроме уже рассмотренных выше особых условий их бытования?

Пути изучения региональных особенностей культуры русских сибиряков намечены в трудах не только фольклористов (например, [70, 74, 133, 148], но историков и этнографов, занимающихся проблемами коллективных народных традиций — трудовых, проведения досуга, создания семьи, сохранения в последующих поколениях памяти о прошлом — и другими проблемами культуры народа [11, 20, 38, 76]. Видный исследователь русской народной культуры Сибири Н.Н. Покровский в 1971 г. писал: "... как сбору, так и изучению фольклорных источников по истории русского населения Сибири в нашей исторической науке уделялось пока недостаточное внимание, и проведение исследований в этой области — одна из серьезных задач будущего" [87, с. 120]. Активное подключение историков и этнографов к использованию и интерпретации фольклорных источников, например жанров несказочной прозы, приводит к самым обнадеживающим результатам, прежде всего в изучении локальных сюжетов [69]. К тому же в работах историков появляются ценные, хотя и не новые для фольклористов исследовательские установки: "Признание... за отдельными районами Сибири существенных особенностей, порождаемых воздействием экологических, политических и экономических условий, приводит к *локализации исследовательского анализа*" (курсив наш. — Н.С.) [75, с. 83].

Локальные особенности бытования русских сатирических сказок Сибири в общем и широком плане с учетом типологии проанализированы нами ранее [133]. Назрела необходимость от общих подходов снова перейти к узколокальным, как это делал М.К. Азодовский, но уже на основе строгого изучения данных по истории заселения района или края, с возможным учетом мест выхода переселенцев (такие данные по многим районам Сибири в последнее время опубликованы в исторических исследованиях), анализом этнической, сословно-социальной и общекультурной ситуаций, а также с системным представлением о фольклорном репертуаре, насколько это возможно, с учетом всех жанров, особенно по несказочной прозе, чтобы можно было видеть их влияние на сказку и ее место в этом узколокальном репертуаре. Подобный подход в изучении местной сказки затрудняется тем, что собиратели, особенно студенты, не всегда ее могут выявить и записать. К примеру, в статье, посвященной собиранию фольклора в 1977—1979 гг. в Богучанском и Кежемском районах Красноярского края, читаем: "Не дали хороших результатов и поиски сказочников. Все собранные участниками экспедиции сказки (15 текстов) записаны в одном варианте" [81, с. 80]. А в 1985—1986 гг. в тех же местах записано более 30 сказок, в основном волшебных, найдены интереснейшие исполнители — в Богучанах Д.И. Мутовин, в Ярках И.А. Лушников и др. (БФ, инв. № 3495, 3503). Таким образом, только целенаправленная, по возможности стационарная, работа [63, с. 51] может привести к получению репрезентативных сведений о сказке — бытует (и в каком виде) или не бытует (и не бытовал) этот жанр в данном районе.

Поскольку публикуемое собрание бытовых сказок представляет общую региональную традицию Сибири, останавливать внимание на узколокальных участках здесь нет необходимости (см.: [133, гл. I]), за исключением одного очень своеобразного района Сибири — русских поселений в районе р. Индигирки, локально замкнутых и изученных в полевых условиях в фольклорном отношении довольно основательно, что дает возможность высказать некоторые соображения о бытовых сказках дополнительно к уже имеющимся исследованиям [26, 27, 130, 140, 149].

Совершенно особая местная сказочная традиция, сложившаяся в условиях оторванности, изоляции и инонационального окружения [140, с. 6, 338—339], характеризуется преобладанием здесь сказок волшебных, фольклоризацией древнерусских повестей, почти полным отсутствием бытовых сатирических сказок, за исключением сюжета "Шут", который претерпел влияние аборигенного фольклора (см. примеч. к № 25, а также [104, с. 16, 307—308]).

Однако некоторые авантюрно-новеллистические сюжеты здесь бытовали довольно активно, хотя отмечены они далеко не у всех исполнителей. Наиболее совершенные образцы записаны от талантливого сказочника Семена Петровича Киселева (1885—1947). Среди записанных сюжеты 882А "Спор о верности жены" (№ 22), 875 "Дочь-семилетка", 926С* "Сосватанные дети", 946А* "Балдак Борисьевич" (№ 23), 956В "Девушка и разбойники", 950 "Дядя и племянник", 951В " Царь и вор", 1525Д "Ловкий вор" (сочетание трех последних сюжетов — № 24).

В сказках Русского Устья сохранились древнерусские образы и мотивы, занесенные сюда в XVII—XVIII вв. и отражающие острые социальные противоречия [140, с.20]. Распространенной здесь темой "нищих-бенных" отмечен образ Голя кабацкого (№ 22), прямо сопоставимый с образом голого и небога-

того человека древнерусских сатирических произведений: "Повесть о Горе-Злочастии", "Азбука о голом и небогатом человеке" и др. [67, с. 53—57].

К самым ранним записям русских сказок о воре Шибарше, извлеченным из государственных бумаг XVIII в., восходят некоторые мотивы и эпизоды сказки "Тать и Борма" (более подробно см. примеч. к № 24). Сопоставима по многим мотивам с текстом XVIII в. и сказка "Палкин-вор" (№ 23). В тексте из сборника издания 1787 г. [108, № 32] так же, как и в записях из Русского Устья, Панфил едет добывать "коня семиногого, кобеля борзого и сокола златокрылого", избивает посланника, захватывает добычу, занимает место сказочника в покоях у короля. Есть и другие совпадающие мотивы, каких нет, например, в сказке из сборника А.Н. Афанасьева [77, № 315]. Таким образом, в памяти русско-устьинских сказочников сохранились реминисценции XVIII в., древнерусские сказочные мотивы.

В нашем собрании, представляющем сказочную традицию сибиряков лишь частично, нашли отражение не все характерно сибирские сюжеты и мотивы. В Сибири записан, например, ряд сюжетов о попах и женах, не имеющих параллелей в восточно-славянском материале. К уже отмеченным (см.: [133, с. 24—26, Прил. II]) добавились новые новеллистические и анекдотические сюжеты, а к некоторым сюжетам отыскались типологические параллели не только в восточно-славянском материале. Среди сказок нашего собрания можно отметить сюжеты охотничьих анекдотов и небылиц (№ 87—90), которые раскрывают как вполне объяснимую сибирскую специфику, так и способы зарождения и складывания художественного (вымышленного) сюжета, — именно поэтому таким сюжетам нет соответствий в СУС, но тем они и интересны. Возможно, сказка "Жили в Яркине два брата", сюжет которой уже закрепился в сказочной традиции, сформировалась из охотничьей небылицы (№ 91).

Исполнителями сказок были в основном крестьяне таежных или притаежных деревень, для них тайга — родная стихия. Поэтому мотивы тайги, непроходимого леса, охоты, охотничьей избушки постоянно находим в сказках (№ 7, 18, 20). Героиня сказки — "дочь лесника" (№ 7), герой едет работать в тайгу (№ 6): по "расьчистеному чертежу" (намеченной в тайге деляне) "залог драть" — поднимать под пашню таежную целину. У сказочников прибайкальских деревень основное занятие — ловля рыбы (№ 70, 71). Для сказок более ранней записи характерны мотивы сурового сибирского быта ("сделать облаву" — № 3), в том числе тюремного (№ 3, 5, 8). В "Сказке про заслонку" (№ 37) сохранилось свидетельство об играх и забавах молодежи на вечерках — игра в "царя": "царь" мог дать любое задание играющим. Эта игра — отголосок древнего обряда (о нем уже говорилось выше в связи с сюжетом 905А*), прекрасно описанного на основе этнографических материалов Д. Фрэзером [141, с. 649].

Большой интерес с точки зрения регионального, сибирского представляет "Сказка о паспорте" (№ 34). Она преподносится как быль и в жанровом отношении является сложным образованием — и быличкой, и легендой, и сказкой, как ее определил сам собиратель — молодой человек, воспринявший рассказанное исключительно как сказку, неправду, небыль. Образ центрального персонажа объединяет черты колдуна и одновременно святого — "божьего странничка". Такое смешение представлений о чудодейственной силе святых было обычным для средневекового сознания [40, с. 94—95, 108—109 и др.]. К тому же примечательно, что этой чудесной и колдовской силой наделяется

прохожий бродяга (хозяин его "в Томск ездил, по всем селам везде искал. Ну да бродячего человека трудно найти"). Так в сказке отразилось распространенное в дореволюционном сибирском быте явление — бродяжничество, мотивы которого чаще встречаются в волшебных сказках [149, с. 17—20].

Во многих сказочных текстах встречаются названия сибирских сел, деревень, городов, краев, рек (№ 34, 51, 58 и др.). Сибирская топонимика, лексика (например, *юрта*, *гуран* и др. — см. словарь), характерные сибирские обращения (*паря*, *парень*), вопросительные слова (например, *чо*) наряду с указанными локальными мотивами создают в сказках сибирский колорит, о котором много писал М.К. Азадовский и другие авторы.

Отразился на сказках и этнический состав исполнителей — кроме русских украинцы (№ 68, 74 и др.), белорусы (№ 69), некоторые сказки несут явный отпечаток влияния аборигенов края (№ 25) [133, с. 58—72].

При всем локальном своеобразии русские сказки Сибири являются составной и неотъемлемой частью общерусской (восточно-славянской) народной культуры, о чем ярко свидетельствует прежде всего богатый, выразительный язык сказок — язык русского народа. В текстах сказок находим такие пословицы и поговорки, как "Собака собаку по лапе знат", "Востер, да не подточенный", "Гусь свинье не товарищ", "Руби дерево по себе", "Ни кола ни двора" и др. Как видим, они отражают прежде всего социальную направленность народных оценок в бытовых сказках, остроту социальных вопросов в народной жизни, что подтверждается их общим содержанием, тематикой, сатирическими средствами изображения.

Следует сказать также об исторической обусловленности наличия грубых слов и выражений, как и соответствующих им приемов изображения (№ 3 и др.) — это наследие средневекового гротескного миропонимания: противопоставленности и в то же время сочетаемости в нем "верха" и "низа" [19, 40]. То же самое можно сказать о "галантности", переходящей иногда в мелодраматичность или даже вульгарность стиля бытовых сказок, что объясняется, по словам А.Я. Гуревича, парадоксом средневековой культуры — встречей в ней книжной и народной культуры, "верха" и "низа" в социальном плане. И поскольку многие сюжеты новеллистических сказок "пропущены" сквозь рукописную и книжную культуру "верха", то становится ясным этот стык — простонародного и "галантного", рыцарского.

Как видим, ключом к пониманию содержательной и художественной специфики бытовых сказок, всего фольклора и фольклорного сознания в целом является постоянное соотнесение с традиционной (средневековой и еще более глубоких пластов) народной культурой — русской, восточно-славянской, европейской и мировой.

* *
*

Настоящее собрание русских сказок Сибири включает большей частью ранее не издававшиеся тексты, за исключением некоторых сказок уже известных выдающихся мастеров. Большой временной диапазон — почти столетие (самые ранние из публикуемых здесь записей сделаны в 1890—1900 гг. и в начале XX в., самые поздние — в 1989 г.) — сам по себе уже объясняет то языковое разнообразие текстов сказок, которое к тому же впитало диалектные особен-

ности разных районов Сибири, например Тункинской долины Бурятии, средней Ангары и нижней Индигирки, а также индивидуальные особенности речи исполнителей. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что такие подготовленные собиратели, как М.К. Азадовский, а также А.А. Савельев и другие, стремились при записи к максимально точной фиксации устного сказывания. По твердому убеждению М.К. Азадовского — и это совершенно справедливо, — "нельзя ни на минуту забывать, что форма сказки совершенно неотделима от ее словесной структуры", а потому ставилась задача сохранять те формы речи, которые, "не затрудняя читателя и не мешая ему, помогают в то же время сохранять диалектологическую окраску местной речи и ее разговорный колорит" [28, с. 5]. Это стремление сохранить "разговорный колорит" руководило и нами при подготовке текстов к печати, ибо, как говорил сказочник Д.С. Асламов (ГБЛ, ф.542, к. 39, ед. хр. 5, л. 16 об.) "мои сказки ле́сно (т.е. приятно. — *Н.С.*) слушать" — именно слушать, и надо было по возможности сохранить на белом листе бумаги эту устную стихию сказки, так горячо любимой народом, сохранить все эти колоритные слова и выражения, как бы звучащие непосредственно из уст деревенского сказочника, без которых сказка уже была бы не сказка.

Но требовалось в то же время унифицировать записи, чтобы прежде всего "не затруднять читателя". Унифицированы те формы, которые, не передавая диалекта или индивидуальных особенностей речи исполнителей, облегчают восприятие текста. Они отражают общерусские нормы литературного произношения и требуют соответствующего написания: *говорит* (вм. *гаварит*), *который* (вм. *каторый*), *что* (вм. *што*), *его* (вм. *ево*), *этого* (вм. *етова*), *жареного* (вм. *жаренова*), *боится* (вм. *боитца*) и т.п. Все остальные формы, зафиксированные при записи и отражающие диалектные или самобытные индивидуальные особенности народной речи, не искажающие ее, сохранены. Здесь не ставится цель анализировать и объяснять все случаи — принцип изложен, он соблюдается последовательно в каждом тексте по отношению к каждому слову. Некоторые пояснения, например по сказкам из Русского Устья, вынесены в примечания. Сохранены также разные формы одного и того же слова в одном тексте, например *государь*, *восударь* и *осударь* или *есшо* и *ешшо*, *тогда* и *тогды* и т.д. Они скорее всего передают разное произношение этих слов исполнителем — такова особенность народной речи. Приведены в соответствие с современными требованиями устаревшие нормы правописания (например, убран Ъ знак в текстах № 1—3 и др.), знаки препинания, явные опечатки или ошибки.

В квадратные скобки заключены названия сказок, данные составителем, а в текстах — недостающие по смыслу слова, замечания собирателей; в угловые скобки с отточиями — выражения, не удобные для печати.

Большой вклад в дело сохранения и возвращения в обиход, в национальный культурный фонд и науку сказочных текстов внесли студенты филологических факультетов университетов и педагогических институтов Сибири, работавшие под руководством преподавателей литературных кафедр — руководителей фольклорной практики: Л.И. Журовой, Л.А. Юровской (г. Барнаул), Л.М. Свиридовой (г. Владивосток), Г.В. Афанасьевой, Р.И. Афанасьевой, В.П. Зиновьева, М.Р. Ульяновой, Е.И. Шастиной (г. Иркутск), В.П. Федоровой (г. Курган), Г.Н. Курбатского (г. Кызыл), Т.Л. Староверовой (г. Новокузнецк), М.Н. Мельникова (г. Новосибирск), В.А. Василенко, Т.Г. Леоновой (г. Омск), В.С. Левашо-

ва (г. Чита), преподавателей Томского государственного университета и других сибирских вузов.

Участие Н.А. Каргаполова выразилось в написании совместно с Н.В. Соболевой отрывка (с. 17—19) вступительной статьи, где речь идет о новеллистических сказках, и в составлении примечаний к текстам 1, 5, 6, 8, 12, 13, 15, 16, 21—23, 28—39, 67, 70. Примечания к текстам 4, 7, 11, 17, 18, 20, 24, 31 написаны им совместно с Н.В. Соболевой. При работе также учтены и приняты отдельные замечания Н.А. Каргаполова в целом по тому.

Хочется поблагодарить тех, кто по личной инициативе внес посильное участие в наш том — М.А. Татаринцеву и Ю.О. Извекова (см. рис. 9). Мы благодарны и тем, кто помог своими советами в работе, — д.ф.н. Б.Н. Путилову, д.ф.н. В.М. Гацаку, к.ф.н. Ю.И. Смирнову.

Фотоснимки и фонозаписи сказок, воспроизведенные на пластинке, прилагаемой к тому, сделаны во время экспедиций и подготовлены фотокорреспондентом газеты "Наука в Сибири" В.Т. Новиковым и звукорежиссером фирмы "Мелодия" М.Л. Дидыком.

Н.В. Соболева, Н.А. Каргаполов

О МУЗЫКЕ В РУССКИХ БЫТОВЫХ СКАЗКАХ

Музыка в сказке — тема малоизученная, не имеющая значительной научной истории. Несколько лучше обстоит дело с самими сказками, дающими интересный материал для подобного исследования. Большая коллекция волшебных, бытовых сказок и сказок о животных с напевами опубликована Г.М. Науменко, который с 1960-х гг. занимается записью их на Смоленщине[1]. Фактически он первым издал полные тексты русских сказок с напевами[2]. Из сибирских примеров можно назвать только публикацию Р.П. Матвеевой сказки "Чудесная дудочка" с нотацией В.Д. Осиповой[3]. Отсутствие сколько-нибудь значительного числа сибирских публикаций, по-видимому, отражает реальное положение — в общем сказочном фонде сказки с напевами занимают достаточно скромное место вообще, а для сибирской традиции они кажутся совсем малохарактерными и непоказательными. Чтобы изменить эту картину, необходимы целенаправленный исследовательский поиск, большее внимание музыковедов к подобной разновидности сказочного жанра.

Знакомство лишь с несколькими сказками, в том числе и неопубликованными, не дает возможности для всестороннего и глубокого анализа, значительных обобщений, но некоторые наблюдения и комментарии музыковеда, думается, помогут читателю составить впечатление о музыкальности сказок.

Музыкальное начало в сказках проявляется на двух уровнях: 1) в качестве самостоятельного структурного элемента сказки, в виде песенных вставок (композиционный уровень), 2) в виде общего процесса "омузыкаливания" сказочной прозы в момент исполнения сказки отдельными исполнителями (исполнительский или интонационный уровень).

Рассмотрим песенные вставки публикуемых в томе сказок.

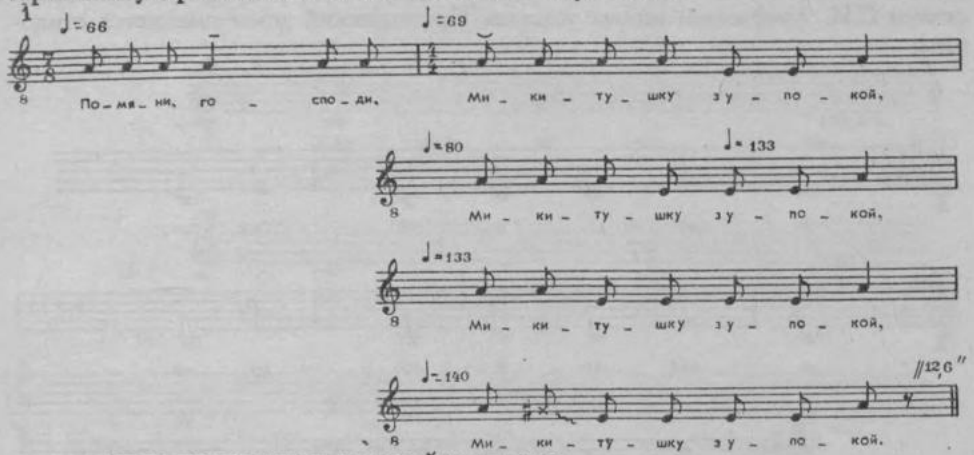
---

[1] *Науменко Г.М.* Русские народные сказки, скороговорки и загадки с напевами. — М., 1977; *Он же.* Родничок. — М., 1980; *Он же.* Жаворонушки. — М., 1977—1986. — Вып. I—IV.

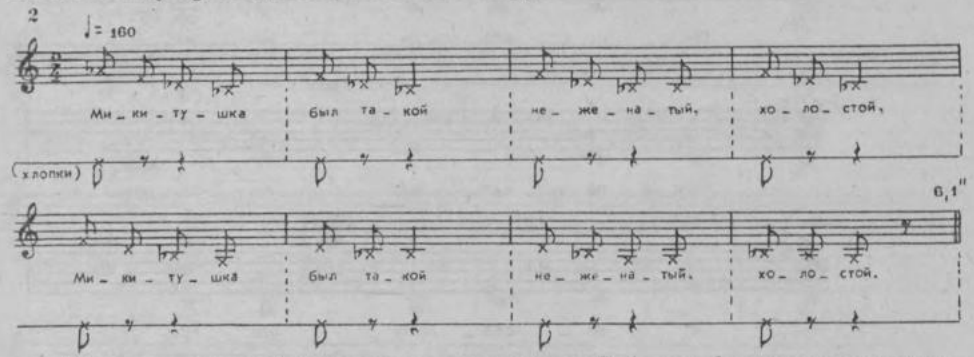
[2] Известны публикации отдельных песен из сказок в сборниках М. Баранова и М. Стаховича.

[3] *Локальные* особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — С. 96—98.

В сказке "Притонец — с того свету выходец" (№ 65) солдат играет на гармошке умершего хозяйского сына, поет "за упокой":

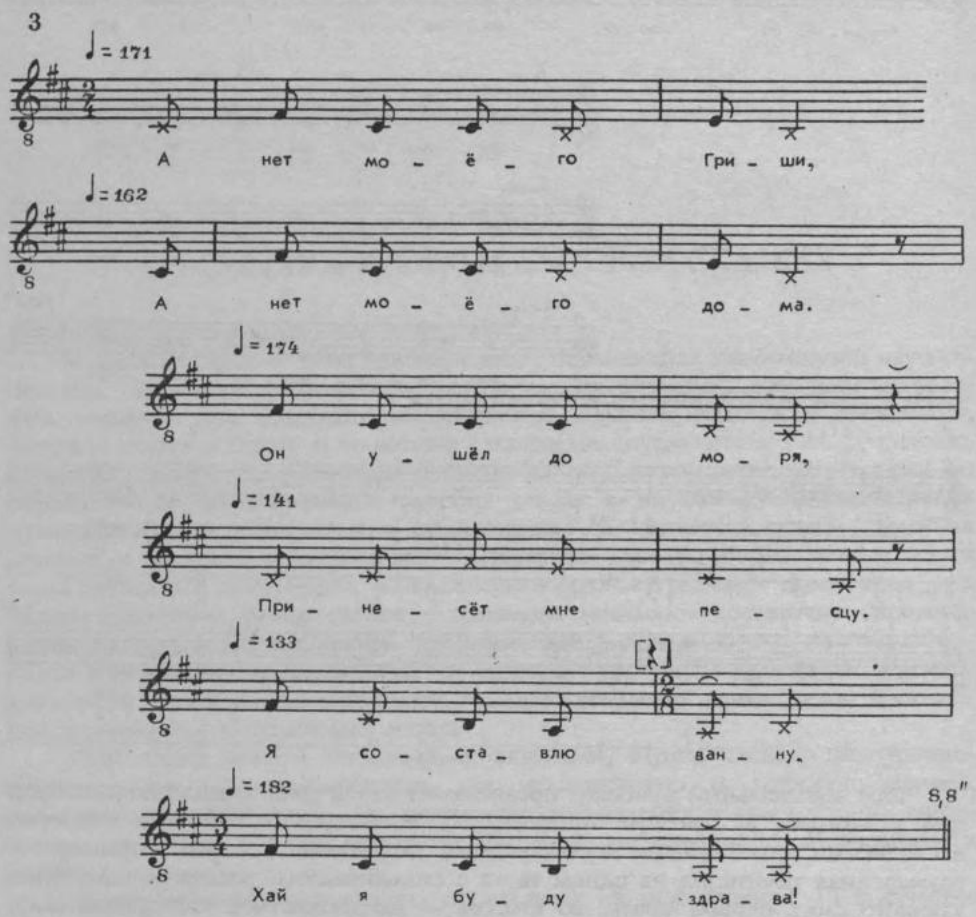


затем к нему присоединяется хозяйка-старуха:



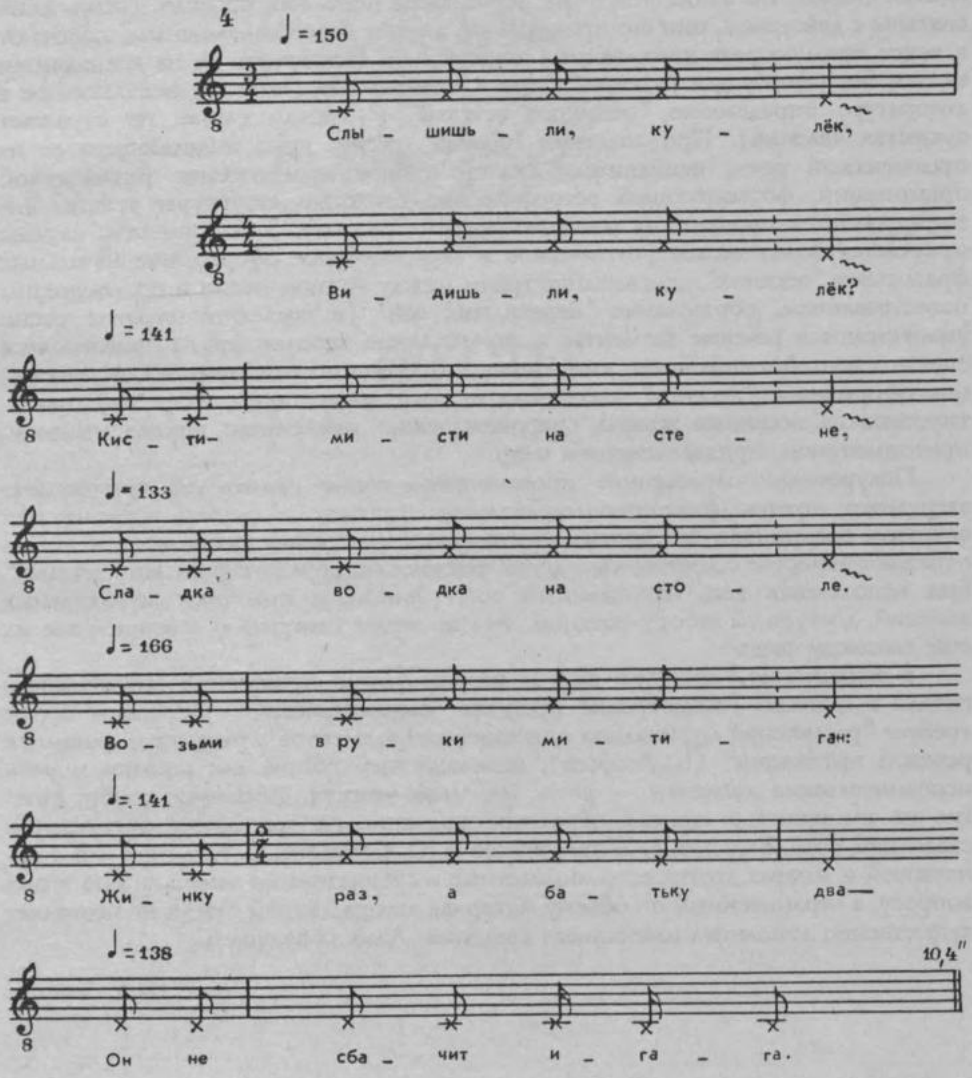
Этот музыкальный фрагмент представляет собой трансформацию поминальной псалмодии в плясовую припевку. И псалмодия и припевка создаются несколькими лаконичными музыкальными штрихами. В первом примере — размеренная речитация на одном звуке с силлабическим распевом-выделением ударного слога первой фразы; во втором — неоднократное повторение семисложной восьмимерной ритмоформулы с ритмической остановкой в конце, квартовое сопряжение тонов (тонико-доминантовое, если судить по гармошке в руках солдата) с увеличением оппозиционной по отношению к исходному звуку зоны (доминантовой), резкое ускорение темпа, учащение метрического пульса. "Плясовая" ритмоформула подхватывается старухой, она не поет, а скандирует текст, подчеркивая сильные доли метра хлопками, чаще не совпадающими с ударными слогами текста. Звуковысотный контур изменяется: ниспадающие интонационные циклы захватывают достаточно большой диапазон, но высотный уровень их малоопределен (особенно в низком регистре) из-за смешанного вокально-речевого интонирования. Исполнительница дифференцирует персонажей сказки также в регистровом отношении.

В сказке "Таня да Гриша" (№ 94) также поют двое: сначала хозяйка застолья Таня, затем ее работник Ванька. Пение Тани рисуется исполнителем сказки С.И. Арефьевым весьма условно. Прозаический текст сменяется стиховым:



Здесь восходящими квартовыми интонациями и метрическими акцентами подчеркиваются два основных симметрично расположенных ударения семислоговой формулы. Установившийся в первых двух строках звуковысотный рисунок с секундовой координацией акцентируемых тонов в дальнейшем размывается, приближается к речевому интонированию с его "гаснущими" к концу фразы интонационными звеньями, менее унифицированной акцентировкой ударных слогов (смещение и исчезновение акцентов). Непесенный характер всего построения подчеркивается присутствием и увеличением к концу речевых элементов, неустойчивостью темпа и метрической организации, отсутствием яркой грани между песенкой и последующим повествованием.

Исполнитель не имитирует голоса сказочных персонажей, поэтому вторая песенка близка первой:



В ней тот же регистр и тип интонирования, та же подвижность темпа, то же превалирующее значение ритма для выделения "песенки" из прозаического окружения. К отличительным чертам этого фрагмента следует отнести более четкую и устойчивую метроритмическую организацию, а также то обстоятельство, что заданный начальной вопросительной (т.е. речевой) интонацией звуковысотный контур выдерживается почти до конца "песенки", рассыпаясь в последней строке, соединяющей ее с последующим повествованием.

В заключение сформулируем несколько общих замечаний. Все музыкальные (песенные) фрагменты появляются в соответствующих по сюжетной ситуации местах сказки, т.е. когда кто-то из персонажей поет. Как правило, песни тесно связаны с действием, они его продолжают, делают более динамичным, включают в текст прямую речь кого-либо из персонажей. Исключить их из композиции сказки без ущерба для развития сюжета невозможно (поэтому используемое в литературе определение "песенные вставки" в данном случае не отражает существа явления). При создании "облика" песни, ярко выделяющего ее из прозаической речи, исполнители сказки отдают предпочтение ритмической организации, формирующей астрофические стиховые структуры текста, интонируемого в смешанном вокально-речевом режиме. В большинстве случаев отмечается более четкое ритмическое и звуковысотное оформление начальных фрагментов "песенок", сглаживание грани между концом песни и последующим повествованием, образование "переходных зон" (в последних строках песни увеличиваются речевые элементы, а первые после песенки фразы произносятся еще под воздействием более импульсивного песенного темпоритма). Музыкальное оформление "песенок" лаконично и даже элементарно, чаще оно ориентировано на песенные жанры, сопровождаемые движением: приплясыванием, притопыванием, прихлопыванием и пр.

Полуречевое-полупесенное произношение-пение сказителей чрезвычайно затрудняет нотную фиксацию музыкальных фрагментов сказок, поэтому при слуховом восприятии без точных акустических измерений любая нотная запись отражает звучание с достаточной долей условности. При нотировании "песенок" был использован весь накопленный опыт фиксации подобных музыкальных явлений, доступный автору нотаций, тем не менее говорить о совершенстве их еще слишком рано.

В заключение несколько слов о второй форме проявления музыкального начала в сказках. Рассмотрение процесса "омузыкаливания" сказочной прозы требует "различения музыкально существенных элементов в рисунке и динамике речевой интонации" (Б. Асафьев), использующей общие для музыки и речи исполнительские элементы — ритм, мелодию, агогику, динамику, тембр. Многие из писавших о сказках обращали внимание на специфику организации сказочной речи. В трудах В. Жирмунского и Ю. Соколова, С. Лазутина и В. Карнауховой и многих других есть мимолетные и существенные замечания по этому вопросу, а ограниченный по объему материал автора данной статьи не позволяет существенно дополнить имеющиеся сведения. Дело за будущем.

Н.В. Леонова

ТЕКСТЫ

1. ПРО КУПЕЧЕСКОГО СЫНА ИВАНА ИВАНОВИЧА И ПРО ПРЕКРАСНУЮ ЦАРЕВНУ МАШУ

Не в котором царстве, не в котором восударстве, а в каком — про то и сам не знаю. Добры-то люди говорят, что в том, в котором мы живем. Жили-были в етом восударстве три брата, и все купцы. Торговали они хорошо, с большою прибылью. Были на славе, знамениты. И у старшого брата был сынок Иван Иванович. Ну, так жили все ети три брата-купцы хорошо и торговали. Старший брат помират, и от его остаются жана — ей-то было лет, скажем, на шастой десяток — да сынок Иван Иваныч. Етот был вовсе молодой — годов девятнадцати али там двадцати. Тогды два брата чичас жа доделились. Не хотели жить с невесткой да племянником в куче.

— Живите, — говорят, — от нас в отделе, дадим вас сколь-нибудь товарёнку да денег.

И дали им ешо старый дом с лавкой и старый жа корабель. В доме-то ешо жить можно было, ну а на корабле-то ездить надо с о́пасом. Наделили дядья всеми етими вешшами невестку да племянника и живут на́ разно. Ну, вдова с сыном-ту Иваном Ивановичем помаленьку живут, помаленьку поторговывают. Вот в одно время дядья Ивана Ивановича стали собираться с товаром ехать за море на кораблях. Купить собираются, свои товарёнки продать и заморских товаров накупить. И племяннику ихнему захотелось того жа. Приходит он, Иван-то Иванович, к матере своёй и говорит ей:

— Дорога моя мамонька, вот наши дядья собираются на кораблях за море, так же и мне бы хотелось съездить за море с дядьями свои товары продать да людей посмотреть, себя показать. Опеть жа у нас есь от тятеньки старай корабель, я найму рабочих и поправлю его.

— Куда жа ты, сынок мой, ты ешо молод по чужим людем ездить, тебя ешо оммануть али убьют.

— Нет, мамонька, я дядьёв попрошу, чтоб они подучили меня, где надо будет, да я и сам от их оставаться нигде не буду.

— Ну что жа, Ваня, ежели так, дак поезжай с Богом, только (с)мотри не пей вина и доржись от женского полу подале. Чую, что тебе не терпится, хочется ехать, ну дак чего, иди собирайся!

Обрадовался Ваня, матере в ноги поклонился, ручку ей поцаловал и дал обещанье не пить водки, вина и во всем слушаться дядьёв. Потом он пошел на пристань. Там стоял его корабель. Нанял рабочих, стали поправлять его, грузить корабель. А дядья Вани в ето же время тоже нагружают себе по кораблю.

Нагрузились, совсем приготовились, позвали священника. Отслужили молебен. Мать благословила Ваню, и он с дядьями поехал по морю на кораблях.

Ехали они не короткое время. Ехали долго и наконец приплыли в чужо восударство. Пристали на пристань, вывесили флаг и открыли торговлю. Вот начали торговать. Дядья помаленьку торгуют, и барыша у них тоже немного, а Ваня товар свой скоро распродал весь без остатку и получил большой барыш. Боле чем его дядья. Счастье ему, стало быть, подфартило. Дядьям-то завидно показалось, что они так некорыстно торговали. Ну, скажем, закончили они свою торговлю, зовут Ваню в город на знакомую фатеру — на постоялый двор — чаю попить да закусить. Приходят на етот самый постоялый двор, дядья приказали подать себе вина да прикуски. Стали дядья выпивать да закусывать. Угощают Ваню. А етот заотказывался. Как же — матери своёй обещался не пить вина. Отнекиватся:

— Я, — говорит, — дяденьки, пить не буду, лутче закушу чего-нибудь.

А дядья уговаривают его:

— Да выпей ты, что за чудак, ведь не махонькой, надо привыкать.

Ну, Ваня выпил рюмку, а потом другу, а потом вовся разошелся. Стали плясать. Тут подошли девки такие — гуляшшия. Все гуляют, все пляшут, а девки им помогают. Дядьям-то на руку! Ваня так уж напился, что и под стол угодил. Там и заснул. Потом маленько остепенился. Дядья стали, отобрали у Вани у сонного деньги, сколько было, и ушли на пристань. Сяли на корабли, забрали и его корабель и уехали домой. Приехали дядья домой. Ванина мать услыхала, что деверья вернулись обратно из-за моря, а Вани ешшо нету. Пошла она к деверьям, стала выспрашивать вестей про Ваню:

— Жив ли? Здоров ли? Где остался?

А дядья предъясняют ей:

— Твой Ваня пропал. Ковды мы приехали в чужо восударство, то мы стали торговлю заводить. Мы свои товары продали, а твой Ваня, как доехали, дак и начал пить да гулять, да все с девками <...>. Товары все свои пропил. Мы было его звали домой, уговаривали его, чтобы не гулял, а взялся за дело, дак не хочет — куды тебе, он и слушать не хотел. У нас денег учал просить в долг. А мы тоже не стали ему давать — сама знашь, чем он отдаст нам заем-то, да у нас-то у самих семьи, жоны да робята малы, не бросать жа здря деньги. Тогда он стал нам продавать свой корабель. Ну под корабель мы ему дали денег. Он их и пропил. Пришел да опеть просит денег взаймы. Стал дом продавать, ну мы ему опеть дали денег с уговором, что ежли не отдаст долг через месяц, то мы могим дом взять себе, а тебя выгнать на улицу. Деньги-то мы ему отдать отдали, а домой он с нами не поехал. Хотели мы его силком повести, да не могли его нигде найтить. Напоследок уж он стал от нас прятаться.

Ну, мать поверила. Надо бы не верить, а она поверила — что ж ведь тожа свои.

— Горька я да несчастна сиротина. Была у меня одна свечка да и та сгасла, — завыла старуха. — Начто я его породила, начто его отпустила. Пропал мой Ваня, не видать мне его совсем, ясного сокола! Дура я старая! Знала ведь, что на чужой стороне живут люди злые. Долго ли сомустить молодого человека.

Пришла мать домой. Все ей тоскливо. Плачет да горюет. А время идет. Про сына Ваню ни вести, ни по́вести не слыхать. Старуха уж и вовсе загорюнилась, стала скудеться здоровьем, в постель ложится. А тут строк подошел. Нужно Ваниным дядьям долг уплачивать. А нечем платить, денег нету. Что оставалось от

Вани, то мать издоржала. Продала вешши, каки можно было продать. Деверья приходят и выганивают старуху из дома на улицу:

— Иди, куды хошь, дом-от наш, твой Ваня нам его продал.

Чего ей делать? Пошла по улице, и плачет, и рыдает. Настречу знакомая.

— Куды пошла? Кто тебя обидел что ли, что плачешь?

— Дак как мне не плакать, не рыдать, иду вот и сама не знай куды, из дома выгнали, денег нету, и робить я не могу, хоть по миру иди сбирать, и Ваню ешшо моёго дождать не могу.

— Ах, ты бедна, дак куды жа пойдешь, ведь пропадешь! Иди уж ко мне, живи в бане, будешь чулки что ли вязать и дранье драть, а я тебя кормить буду.

Ну той деться некуда, пошла, стала жить у знакомой в бане и стала доживать свой век.

Скоро ведь сказка сказывается, а дело не скоро делается. Спал Ваня под столом, долго ли, коротко спал — про то настояшше не знай. Пробудился и не может припомнить, где он есть. Не помнит, что с ним было. Стал споминать, что был с дядьями, пил с имя вино и плясал, были тута жа и девки. Дядьев нету. "Не тут ли спят?" Пошел к хозяину Ваня, спрашивать:

— Скажи, хозяин, где мои дядья?

— Твои дядья?! Твои дядья давно уж ушли, а мне велели тебя караулить, чтобы тебя кто не ограбил и не убил.

Ваня посмотрел в карман, а там денег нету, нету и золотых часов. "Ужли потерял, — подумал Ваня. — Нет, верно, дядья взяли, чтоб я пьяной не обронил. Пойду на пристань, верно, они там на кораблях". Пришел на пристань, смотрит: кораблев нету. Ну он час доздогадался, что дядья нароком его напоили пьяного, чтобы обобрать и уплавить его корабель. Да! Что тут делать? Домой ехать не с чем — копейки нету. Хлеба даже не на что купить. Надо подыскивать работу, а то с голоду пропадешь. "Пойду, не наймусь ли к кому?" Пошел по пристане, встречат с лодки хозяина.

— Не нужно ли вам рабочего?

— Рабочего? Да рабочей-то мне, пожалуй, будет нужон, только можешь ли ты сполнять всю работу — у тебя белы руки.

— Ну, его верно, что у меня руки белы, робить как следно не умею, ну да ведь подучусь, посмотрю да и научусь, — говорит.

Потом обсказал хозяину, кто он есь, что его дядья ограбили и как он остался без денег. Хозяину жалко его. Он поглянулся ему. Он был красивый из себя парень, ну и по речам видно, что не глупай мужик. Хозяин повел Ваню к себе на фатеру. Накормил, напоил и говорит:

— Хорошо, Ваня, живи у меня, к делу приглядывайся, ежли хорошо себя производить будешь да робить ладно, то я назначу тебе и жалованье на месяца.

Вот живет Ваня у хозяина. Жил да приглядывался к работе, привыкат помаленьку. Ну и что ж, к работе он был сроден — кажно дело на лету, можно сказать, брал. Научился править лодкой. Лодка-то ведь не проста, а навроде как пароход, только помене его. Научился править да ешшо лутче самого хозяина. Хозяин уж и то дивился на него. Ковды надо было, отправлял на лодке Ваню заместо себя.

В етом жа самом восударстве, где был Ваня, жил царь. У царя была дочка Маша, прямо, можно сказать, раскрасавица. Царь ее никуда не отпускал —

дочку свою Машу. Только давал раз в месяц ей кататься по морю на лодке у етого хозяина, где работал Ваня. Воли он ей ни в чем не давал, только вот покататься на море. И ковды ехала, дак лодкой правил сам хозяин, а Ваню и близь не допущал. Ётому Ване очень хотелось хоть раз повидать царёву дочку на лодке. Много он, видите ли, был прослышан о ней, что красива уж очень, а видать тоже не видывал, не удавалось, слыхал только, что красива. А хозяина попросить об етом не хотел, боялся его.

Да! Царёва дочь была такая красавица, что таких и на свете нету — она одна така была. К тому же и добра очень, жалослива: ежли увидит, как кататся, что на море человек тонет, то обязательно велит спасать. Ну вот ездит она, катается на море, а с ей все хозяин-лодошник. Раз пришло ей время кататься, велит наготовить лодку. А тут вдруг лодошник возьми да и захворай. Ехать не мог. Что тут делать, как быть, чем горю пособить?! Стал просить Ваню, чтобы он поехал катать царевну. Ну Ваня жа и обрадовался, что вот он увидит царевну Машу, — не чуял ног у себя. Побег на пристань, велит лодку наряжать, вымыть да вычистить и разбасить и украсить цветами, а сам оделся в саму хорошу лопоть, надел свои часы, на палец кольцо, а на руку бруслет и ожидат царевну Машу. Тут подошла царевна Маша! Зашла на лодку, а Ваня смотрит на ее, глаз спустить не может, чуть было не скрычал. Такого дива ешшо сроду не видывал. Ну и та посмотрела на его, на Ваню, стало быть. Он ей тожа поглянулся. Зашла она в помешшенье. Тот жа час отплыли на море. Сколь-то время они плывут, вышла царевна Маша из помешшенья, на улицу, значит. Подходит к Ване ненароком будто. Спрашивает его:

— Ты что жа хозяина сын?

— Нет, я работник у его, — говорит.

— Как жа тебя зовут?

— А зовут, — говорит, — меня Иваном Иванычем.

— Ты здешний?

— Нет, я из-за моря.

— Не пора ли домой? Ведь мы уже давно уехали от берега. (С)колькой час теперь, не знаете ли? — спрашиват царевна Маша у Вани.

Ну тот, не будь дурак, вынул часы, посмотрел да и сказал:

— Таперь девять часов.

Та увидала у его часы и говорит:

— Ах, позвольте мне, пожалста, зглянуть на ету штучку! Вы продайте мне ваши часы, я вам дам за них хоть сто рублёв.

— Нет, царевна, ети часы у меня не продажны, а заветны. Их нельзя за деньги продать!

— Я вам дам двести рублёв, только продайте ваши часы.

— Нет, царевна, хоть и тысячу давайте, дак не продам, а вот ежли покажете своёго тела мне до колен, тогда и отдам вам свою штучку.

— Что вы?! Ну чего вам из моёго тела? Посмотрите, пожалуй! А пользы не будет никакой вам. Лутче денег возьмите, дам вам пять тысяч и ешшо свои часы прúдам.

— Нет, вот ежли покажете, то и отдам тогды!

И часы-то его-то поглянулись ей да и тела своёго ей показать ему неохота. Подумала-подумала да и говорит ему:

— Ну хорошо, пойдем ко мне в помешшенье.

Сошли в помешшенье. Царевна запёрла дверь, подняла юбку да рубаху до колен. Посмотрел Ваня, посмотрел тело ее: было как сахар! "Кабы подняла юбку до пупа, было бы хорошо", — думает Ваня. Ну, посмотрел, посмотрел, отдал ей свои часы, и она отдала ему свои. Тем дело на́перво и кончилось.

Поехали домой. Доехали до пристани, царевна как сошла на землю, так и домой сразу* жа ушла. Ваня пошел домой. Хозяин спрашиват:

— Как? Хорошо ли покатал, Ваня?

— Ничего, покатались хорошо, — отвечат ему Ваня.

— Ну дак иди, отдыхай.

А Ване не до отдоху. Он думат о царевне Маше, кака она басконька девка. "Кабы она за меня взамуж пошла, вот хорошо бы было. Да нет! Где ей за меня пойти, не пара я ей!" Да! И та приехала домой, и тоже Ваня запал на́ душу ей. Не выходит из головы. Все споминат, как он с ей разговор имел, как смотрел на ея тело бело. Сама думает: "Бравый жа он парень!"

Да! Сказка скоро сказывается, а дело делатся не скоро. Вот живут все, поживают. Ваня думат об ей, а она опеть жа об нем. И всего-то одна неделя прошла, как катались. Захотелось ей опеть кататься. Так и тянет — снова хочет повидаться со своим Ванюшей. Спрашиватся у царя:

— Пусти, папашенька, — ли там она как его прозыват, тятенька ли, — по морю покататься опеть.

А отец ей:

— Ты что-то часто задумала кататься. Ведь една неделя прошла только — ты каталась. А раньше ездила через месяц. (С)мотри ты, что-то похудала да побледнела с лица! Здорова ли?

— Да я здорова, тятенька, только пусти меня покататься. Я покатаюсь и оздоровею сразу, а в комнате мне душно, чижолый воздух!

— Ну в таком разе поезжай, — говорит.

Та и рада. Дают знать лодошнику — наготовить лодку. Через час кататься. А лодошник опеть нездоров и опеть отправил заместо себя своёго рабочего Ваню. Выплыли на море. Опеть царевна Маша выходит из помешшенья поразговаривать с Ваней. Увидала у его на пальце кольцо, стала просить его продать. А тот не соглашатся.

— Ну почему же ты не хочешь мне продать колечко? Я тебе уплачу, что ты запросишь, да дам в придачу свое колечко.

— Нет, царевна, я бы с удовольствием продал тебе кольцо, а оно именно́, мне его нельзя продавать за деньги. А вот ежли покажешь своёго тела бела до пупа, тогда и так отдам.

Ну, она опеть его по́звала в свое помешшенье. Очень уж ей колечко захотелось иметь. Замыкат царевна дверь, подняла юбку да рубаху до пупа. Посмотрел Ваня ее тело бело, дает ей кольцо с руки, а она ему свое отдала. Потом поехали домой.

Тот раз царевна Маша дожила неделю цельну, а нонче ей и дня не выдюжить. Невтерпежку стало. Два дни прошло, опеть задумала кататься по морю. Стала просить царя:

— Пусти меня по морю!

---

*В архивной записи здесь: кряду, что значит подряд, сразу, одно за другим совершались действия.

Тот заупирался, а все же согласье дал. Опеть Ваня на лодке. Позвала его царевна в помешшенье к себе, стала угошшать его чаем, наливочкой да крупчатой всякой прикуской. А потом и просит у его:

— Продай мне, Ваня, свой бруслет, я дам тебе тыщу рублёв.

— Не могу, — говорит, — бруслет у меня не продажной, а заветной.

А в бруслете у его был вделан свой патрет.

— Да чего жа тут заветного, Ваня? Проси что хошь, только продай.

— Ну дак хорошо, Маша, — говорит, — бруслет я тебе отдам, только ты должна поиметь со мной союз. Я уже не могу без тебя жить. Ето все равно что помереть мне без тебя.

Тут она обняла его за шею, а Ваня ее тоже обнял и цаловал. Она его тоже цаловала. Они закрючили в помешшеньи дверь и легли на кровать. Тут они и союз сделали промеж себя. Оправились и пошли из помешшенья на улицу.

Приезжает царевна Маша домой. Ее стречает отец-царь. Зглянул на ее, видит — у ей в лице кака-то перемена.

— Ты, я вижу, Маша, в перемене, однако тебе нездоровится, ты все хуже делашься. Ну, боле не отпушшу тебя кататься. Не просись!

С етого время и не стал Машу никуды пущать из дому. Конешно, она стала по своёму Ване печалиться и скучать. Сильно заскудалась, легла в кровать. Царь етот испужался. Позвали самолутчих дохтуров. Дохтуры собрались, спрашивают ее:

— Чем больна?

А та разли скажет?! Молчком отделывается. Все мольчит. Ее спрашивают, а она мольчит. Вот тут и подходит старший дохтур, постаре всех и говорит:

— Ваше императорско величество, нам ее никак вылечить не можно. Она хворат, потому что любит кого-то.

— Да?!

— И надо узнать, кого она полюбила, того, — говорит, — человека надо убить, а сердце и печенку вынять и зажарить в пече и принести к ей, чтобы она посмотрела. Как увидит она ети жарено сердце и печенку, так с того разу и выздоровет и любить перестанет.

Царь тут скрычал, сильно осердился:

— Кто ето посмел полюбить мою дочку? Кто, мол, осмелился влюбить в себя мое дитё? Обвязательно надо отыскать етого человека и сказнить его!

Потом опеть скрычал:

— Позвать сюда лодошника, он, верно, знат, потому что царевна последне време с им часто каталась на лодке. Ето, верно, неспроста! Тут дело неспроста!

Тут верны слуги побежали за лодошником, тот упирался, не шел, нездоровьем маялся все ешшо. Однако взяли и повели к царю. Царь как скрычит на его:

— Сказывай, подлец, с кем ты отправлял царевну на катанье, а то велю тут же сказнить, тебе голову отрубить!

Лодошник испугался, царю в ноги повалился, просит прошшенья:

— Ваше императорско величество, не сказни меня, а выслушай. Был я нездоров в ту пору и на лодке заместо меня ездил работник Иван.

И опеть просит прошшенья.

— Иди и убей его час, вырежь у его сердце и печенку и принеси сюды.

Ну, делать нечего. Пришел лодошник на свою фатеру, где жил, сам печалится. А работник его, Иван-то етот, его увидал да и спрашиват:

— Что тако случилось? По чего тебя звали к царю?

— Мольчи, Ваня, беда случилась. Царь осе́рдился, что ты возил царевну на лодке кататься. Велел мне тебя убить, сердце и печенку вынять и принести к ему. Жалко мне тебя, а пособить нечем. Придется тебя убить, а то меня самого сказнят.

— Ну вот, кака така беда, что им нужно убить меня. Зарежь вон собачонку, у ей вырежь сердцо и печенку, отнеси к царю, а я уйду по белу свету счастья искать. Авось где-нибудь да найду его!

Хозяин послушался евоного совету, добыл каку-то собачонку, вынял у ей сердце и печенки и понес к царю. В доме у царя изжарили их и поднесли царевне на золотом блюде. Как она увидела, дак перво заплакала. Ей сказали, что ето сердце и печенка выняты от Вани, что у лодошника рабочим был. Поплакала, поплакала да и успокоилась. Стала оздоравливать. Потом ее опеть стали отпущать кататься на море, только на другой лодке и другого хозяина. Етого переменили.

А работник, етот Ваня, пошел за́ город. Пришел к одной старушке и выпросился у ей на фатеру. Та его пустила. Вот стал Ваня жить у етой у старушки и все об своёй царевне Маше тужить. Так думал и печалился, что с печали и с лица вовсе переменился, исхудал, ничего не ест, не пьет. Кусок в горло нейдет. Ну, старушка ето сметила, стала его выспрашивать:

— Что тако с вами, Иван Иваныч, исделалось, вы день ото дня стаете хуже и хуже. Не могу ли я тебе чем помочь?

— Нет, баушка, навряд ты мне поможешь чем. А рассказать тебе расскажу.

Взял и рассказал все старушке, как было дело и чем оно покончилось.

— Ну дак не печалься, дитятко, я тебе могу пособить, — говорит ета старушка. — Вот скоро царевна опять будет кататься на море. Как она поедет, а ты надень на себя женску лопоть да сядь в лодочку и тоже на море поезжай. Будешь подплывать к ее лодке, чтоб они тебя могли увидеть, зачерпни в свою-то лодку до половины воды, а сам лёжись на дно, будто от бессилья, от голоду да от холоду, захлестнуло что ли волной. Ну а там уж увидишь сам, чего доспется.

Послушался Ваня ейного совета. Вот поехала царевна на море. Он переменил свою мужиччу лопоть на женску одёжу. Лицо у его было красиво, то бы слободно походил на девку. Сял в лодку и сам поехал на море. Не доезжая царевниновой лодки, он зачерпнул в свою лодку до половины воды, лег на дно, будто от бессилья. Замечат царевна его лодочку, спросила себе трубу, глядит: лёжит в ей какое-то тело. Велит она направить свою лодку в ету сторону. Поближа подъехала, видит: в лодочке лёжит от бесчувствия кака-то девица красивая. Стало ей жалко ее, етой девицы.

— Перенесите ее в мое помешшенье.

Вливает етой девице, Ивану-то, стало быть, вина в рот. Та в себя приходит, открыла глаза.

— Где ето я? — спрашиват.

— Вот слава бог! Очувствовалась, — говорит царевна.

Потом спрашиват ее есшо:

— Где ето я нахожусь?

А царевна ей говорит:

— Ты не бойся, не бойся, девушка, мы тебя словили в лодке, ты была чуть жива, таперь-то ты, слава бог, поправишься, я тебя увезу к себе на фатеру, а

совсем будешь здорова, так я тебя провожу до твоёго дома. У тебя, верно, есть каки родны?

— Нет у меня никого родных, я сирота, — а сама посмеиватся.

— Ну дак чего?! Есшо лутче! Мы с тобой будем подружками, будешь у нас жить, будем вместях кататься да в лес ходить по ягоды. Есть у нас сад, а в саду озеро, туда будем ходить купаться!

Ну, живут в куче, ровно две подружки, как сестры каки. Ковды разгуливаются, ковды опеть на музыке поиграют. Кака там у их была музыка! Скушно не было — было весело. Одна только печаль царевну зорила — подружка-то ее не хотела с ей вместе купаться в озере, а все купалась рано утром, ковда та есшо почивала. Царевна думу думает: "Пошто ето подружка не хочет со мной купаться, рази тело у ей нехорошее како, с прышшами там али есшо с чем, и ей, бать, совестно меня. Дай-ка я ее укараулю". Пошла утресь подружка ета на озеро купаться, а царевна за ей следом. Разделась, сама култых в воду — купатся. Маша-царевна подкралась, тихохонько взяла ее платье и сяла за куст. Ну подружка, Ваня-то етот, выкупался, вылазит из воды на берег, хвать — одёжонки-то и нету — ишшет, а найти не может! Глядит по сторонам, поворачиватся, а та-то его и увидала, что ето не девка. Сразу Ивана Ивановича своёго признала, схватила за шею и давай цаловать.

— Ах ты, дорог ты мой, люба моя! Ето есь ты, а я все по тебе тужила да горевала! Да как ето ты сумел пробраться ко мне? Увези ты меня отсюда, давай повенчаемся?!

— Ну как жа я тебя увезу отсюда, ковды кругом стоит стража, меня поймают да и тебе от отца достанется.

— Ах, мой Ванечка, я уж(в)здумала как: вот тебе тыщу рублёв, иди в город и покупай всяко барахло — рямину каку ни на есть, а я пойду домой. Есть у меня большой сундук, и я скажу, что мне не глянется, и велю его продать к завтре жа, а сама сяду в етот сундук. А ты карауль. Как только его повезут, дак ты скоре покупай его.

Как задумала, так и сделали. Ваня ушел в город, а Маша как пришла домой, зовет слуг и велит им продать поране утресь, покуль она спит, етот сундук. Утресь слуги взяли етот сундук и везут продавать. А Ваня уж тут как тут и спрашиват:

— Куды ето вы везетё сундук?

— Да продавать!

— Я его куплю, сколь за его хотитё денег?

— А сколь дашь, столь и ладно. Нам настояшшай цены не наказано, сундук-от, паря, не худой!

— Ну ладно, — говорит, — вот вам сто рублев, давайте его мне.

Ну, слуги час согласье дали и отдали ему сундук. Ваня везет сундук к себе на фатеру. Отворят его и выходит из его царевна Маша. Стали они думать, как им повенчаться да домой уехать к его матери. А здесь не стали венчаться, о́пасно, как бы сам царь не услыхал. Они наняли корабель и поехали на его родину. Ковды приедут, тогды и обвенчаются. Плыли они сколько-то време, и недалеко уж до своёго города стрелась им одна торговая пристань. Ваня думат: "Я здесь останусь, накуплю товаров". А Машу отправил на корабле наперед себя домой, обсказал, где найти его дом да мать.

— Скоро жди меня.

Ну, она поехала одна. Долго ли коротко — приезжат в город. Ишшет дом своёго Вани. Нашла — (в)стречат ее служанка.

— А не в етом ли доме живет вот такая-то купечецкая вдова?

— Нет, здесь никакой вдовы не живет, а живут здесь самы знаменитые купцы!

— Как не живет? Да ведь ето дом купечецкого сына Ивана Иваныча?

— Да, ковды-то был и его. Да он уехал за море, капидалы свои все промотал, а дом продал своим дядьям. Матъ его выгнали из дому, ноне сами тут живут.

— Д-да! А где жа живет его матъ-старуха? Мне бы нужно знатъ.

— Не могу знатъ, где она проживатся. Говорят люди, что у своёй знакомой в бане из милости.

Отыскала царевна Маша етот дом, нашла Ванину старуху-матъ. И правда, в бане проживалась из милости. Обсказала ей, кто она естъ, что она невеста ее сына Вани, что и сам он сюды будет. Попервоначалу матъ не поверила, а потом в радости заплакала — обрадовалась. Царевна взяла ее и перевезла к себе на фатеру, где сама остановилась. Тут Маша расспросила старуху, почто она не живет в своем доме. Ну, та тот же час рассказала, как приехали ее деверья, а Ванины дядья из-за моря, как выгнали ее на улицу.

Стали они думатъ, как бы до Вани купитъ им новый дом. Деньги у ее были. Начали подыскивать да спрашиватъ, каки есь дома просты в етом городе. И был в етом городе простой да большой каменный дом. В ём ране до етого случая был бардак. Показали ей етот дом, и она задумала купить его. Осмотрела — он поглянулся. Взяла и сторговала. Направили етот дом как следно бытъ, и она со старухой переехали туда, в етот дом. Стали житъ. Ждут-пождут Вани, а его нет да нет — надо бы задержал кто или что.

Ну вот, живут да живут, а делом каким не займутся. Скушно ей показалось так, без работы-то. Надо зватъ в гости соседей. А она уж завела себе подружек, познакомилась. Зовет к себе на вечорку. Тут всяко угошшение, музыка там, гармонья, пляска. Все жа работа! Едет вот по улице чиновник, не из больших, сказать, а так середовый, навроде будто левизора — вот которы по лавкам ездят. А у той гости. А в доме етом ране-то етого был бардак — жили девки <...>, и при них жила сама хозяйка, ба́ндаршай прозывалась. Ну вот, едет, а у ей в доме огонь, да музыка, да пляска. Весело, слышно, как ногами топочут. Етот-то чиновник и думат, что ето тот жа самый бардак. Здумал зайти в его. Остановил ямщика, бежит ко двере. Стучит. Ну та услыхала стук, подумала, не Ваня ли ето, побежала отворить дверь. Отворят дверь, глядит — незнакомай какой-то.

— Чего вам здесь нужно? — спрашиват его.

Левизор-то как увидел ее, ее кра́соту — слова сказатъ не может. Опомнился, думат — сама хозяйка бардакова — и говорит:

— А нельзя, воспожа ба́ндарша, с вами познакомиться?

Та тоже ничего в толк взятъ не может.

— Кто такой вы? — говорит. — Кака така ба́ндарша?! Как познакомиться?!

— Ну, вот тебе на, не знат, как знакомятся, да обнакновенно. Чай, баба жа, не кобыла, подем да выпьем, да закусим да... Вот и знакомство сведем. Напрок знакомы будем.

Ну, тут Маша-то поняла, чего он хочет от ея, да как заревет:

— Слуги, суды, суды! — Осердилась, аж покраснела в лице.

Прибежали слуги, стали выживать отсель его на улицу. Тот упирается, нейдет да ешшо крычит:

— Ах, ты <...>. Меня да ешшо выгоняешь на улицу, бардак дёржишь, а людей не примашь. Я тебе припомню. Ты должна его правильно содёрживать.

Тут ему не дали говорить, вытолкали на улицу и дверь запёрли. Ох, осердился жа етот левизор. Сял поехал, сам думат: "Ну, погоди жа <...>. Я те покажу, как оттуля выживать добрых людей". Приехал к себе на дом. Стал узнавать, кто она есь. Ну, узнавать-то было нечего — всего-то и узнал, что она невеста Ивана Иваныча. Узнал он, где и Ваня, етот ее жених, находится. Пишет ему письмо, будто от его матере. Омманно письмо! А в письме было все как есь преизведено: "Милай мой сыночек Ванечка. Ужли ты совсем совесть потерял и водишь знакомство с потерянными людьми. ... Ты отправил ко мне каку-то не то девку, не то <...>. Назвала себя твоёй невестой, а поживши маленько, она начала свою непутную жись. Все люди от ей отвернулись. Распутничает не только днем, но и ночью. Откупила дом, знаешь, где ране был бардак, назвала девок, таких же распутных, как сама, сама бáндаршей заделалась. Ужли ты дошел до того, что можешь терпеть ету обиду. Скорей приезжай домой! "

Ну, чего дальше-то было. Получает Ваня ето письмо. Ровно бы от матере написано. Сделался с им припадок. Потом в себя пришел, осердился на царевну Машу и чичас жа стал собираться к дому. Нанял корабель и едет домой. Приплыл он к своёму городу уже вечером, хотя люди ешшо не спали, на живых приехал. Подходит к етому дому, где Маша живет. Видит: в доме свет, народу много, музыка вовсю. Шумят, ногами топочут — пляшут. А у дверей, у крыльца-то массы лошадей с ямшшиками. Гости, стало быть. "Ну и вправду, как есь бардак!" — подумал Ваня. Стучит в дверь. А у Маши была всего-то вечорка, приехали подружки, новые ее знакомки, попеть да поплясать, ну повеселиться. Услыхала Маша стук в дверь, сама побегла отворять. Открыват дверь и видит — Ваня стоит. Хотела броситься к ему на шею и поцаловать. А тот маленькё отступил от ея, схватил пистолет — у его за поясом завсегда был. Стрелил ей в голову и говорит:

— Ах ты, сволочь проклята!

А сам бежать. Она к ему руки протянула, хотела что-то сказать, пробегла етта шагов с пять да тут и упала. Сил-то не стало боле. Сколь времени она тут лёжала, неизвестно. Пришла в чувства, а встать не могит. Едет дохтур. Посмотрел на нее. Остановился, видит: ранена кака-то женьшина. Положил к себе в екипаж и повез домой. Привез к себе, обсмотрел ее да выслушал, рану обмыл, обвязал холшшовой тряпицай. Рана-то хоть и не тяжела, царапина одна, ну а уж надо настояшше дохтурско обхожденье показать. Наутро приходит к ей проведать про ее здоровье. Вчерась вечером он не видел ее как следно, а теперь поглядел да и говорит:

— Ну и девка же, кака красива!

Она его спрашиват, у кого она и что с ней. А она уж ему полюбилась.

— Я, — говорит, — дохтур, и у меня вы в доме, вчерась я подобрал на улице вас в бесчувствии. Кто-то вас поранил, верно, из леворверта.

Она порасскажи ему про все, что с ей, и просится:

— Отпуститё меня, восподин дохтур, домой.

— Нет, я, — говорит, — я тебя не отпушшу, жаних твой разлюбил тебя, а теперь уж любит другу. Лутче оставайся у меня и живи. Ты мне полюбилась, я с тобой обвенчаюсь, капидал у меня есть, и мы будем жить хорошо!

— Нет, восподин дохтур, я окроме моёго Вани ни за кого взамуж идти не согласна. А ежли разлюбил, так уж пущай он и убьет меня, а я все-таки к ему пойду.

— Ну, ежли не хошь идти за меня добром, — осердился дохтур, — дак я возьму тебя силóм. Будешь наложницей, а не жаной!

— Нет, вы не смеете ето сделать со мной, — закричала Маша, — ежли потронете меня, а не отпустите домой, то я сама убью себя!

— Вот ты как! Хорошо, хорошо! — говорит дохтур. — Даю вот тебе строку. Поеду сейчас в город к одному больному, а ты покуль надумайся, а не надумаешься добровольно со мной жить, то я иначе с тобой сделаю.

Взял и отвел ее во второй етаж в саму заднюю комнату. На дверь привесил замок, а сам уехал в город. Осталась Маша одна. Не знает, чего ей делать. Умом думает: "Лучше уж помереть, чем у дохтура наложницай жить". Отворила окно и бросилась из него вниз. Разбилась до смерти. В ето время ехали как раз хрестьяна, назём везли на поле. Видят: лёжит мертвый человек середь улицы.

— А что, робята, вот мертво тело, увезем его на поле да завалим назьмом, а то подберут его да будут резать, да и миру склока будет!

Положили ее на воз, увезли за реку и там бросили да завалили назьмом, а лопоть была на ей, всю сняли и унесли с собой.

Долго ли, коротко лёжала там Маша — про то неизвестно. А стал назём преть, от воспарения она пришла в чувство, выползла из назьма, тело черно, подошла к реке, обмылась и хочет идти в город. А надо ей на ту сторону реки, город-то там. Река широка, без лодки не обойтись. Вот три хохла плавятся вниз, как раз в город <...>. Она скрычала имям:

— Ей, воспода, перевезите меня на ту сторону!

Хохлы обернулись, посмотрели, глядят — женьшина голая. Пристали да и говорят ей:

— Перевезем, дакó дашь нам <...>.

И та тоже посмотрела на них. Деться некуда — их трое, она одна!

— Хорошо, — говорит, — дам, только перевезитё.

Хохлы и стали спорить меж собою, кому из них вперед. Один говорит:

— Я буду наперед вас всех!

Другой говорит:

— Нет, я буду вперед!

Третий тоже говорит:

— Нет, я буду вперед!

Дошло у них дело до драки, никак не могут уговориться. Маша смотрит на них да и говорит:

— Вот чего, хохлы, помирю я вас. Вперед меня будет <...> тот, который наперед других переплывет без лодки реку на тот берег. Вы плывите, да я за вами в лодке!

Ну хохлы согласились, разделись да поплыли, а Маша села в лодку да заместо того, чтобы за имя ей плыть, стала грести в другу сторону, от их прочь. Ну, те увидали, что их обманула кака-то девка. Ругаются — страсть!

— Ох, ты, горячка тебя возьми, болеток! Воротись ты, ..., куды лодку-то погнала! Воротись, мать твою, а то живу не оставим!

Но Маша так уехала от них. Переехала на тот берег, а города не видно. Видит: на берегу станочек, рыбаки, надо быть, живут. Зашла в станок. Нет никого. На столе лёжит коврига хлеба, а на спичке висится поддевка, шаровары да шапка. Ну, как она была нагишом, то взяла всю ету лопоть и одела на себя, поела хлеба. Сяла хозяев ждать. А на рыбалке здеся жили Филипп да сын его Микишка. Заходят они в станок. Сидит парень из себя бравай. Парень-от стал и поклонился имем. Они ему тоже поклон отдали. Стали спрашивать — кто он да откуда, да куда идет. Ну, она имя говорит:

— Иду, мол, наймоваться в работнички.

А Микишка-то признал на ей свою лопотину и говорит старику тихонькё:

— Тятька, гляди-кось, у етого парня лопоть-то как есь моя!

— Вправду как твоя! А твоя где?

— Да евот висела да таперь нету!

— Ну ежли не висится, дак она и есь!

И спрашиват у парня:

— Ты ее где достал?

Той деться некуда. Призналась имя, кто она така, обсказала, что она женьшина и что была гола. Была гола да и взяла у них одёжу.

— Да! Дак ты девка! — говорит старик. — Вот, Микишка, тебе и баба. Живите в куче, не будем на свадьбу тратиться. Глянется ли тебе она?

— Да ничего, девка будто брава!

И ети обзарились на Машу. Ета думат: "Ужли и ети ее не отпустят?" А деться ей некуда. Все-таки надумала уйти, как только будет можно. Ушли на рыбалку ети старик с сыном Микишкой, а Маше наказали никуды не уходить. Та прождала маленькё, собралась да и побегла в город. Воротились рыбаки, а рыбки-то нет! Звать-позвать Машу, никто не откликается. Сметили, что ушла от них. Микишка без бабы остался, почал он ругаться:

— Ах, она сука, убежала, уташшила последнею поддевку, последню лопотину.

Но чего — бранью делу не поможешь.

Вот Маша прибежала в город, напросилась у нишшей старухи пожить, покуля не найдет работы. Старуха приняла ее к себе на фатеру и стала брать с собой просить милостину. А Машу все шшитали за парня, и она называла себя Иваном. Пришли однова к одному богатому купцу попросить милостину. Зглянул тот на Машу, на Ивана таперь, и говорит:

— Ну и стыд же тебе, паря, кормиться ради Христа. Лутче бы занялся какой работой!

— Восподин купец, я и рад бы работать, да не могу найтить себе работу. К черной работе я не сроден, а прикашшиком меня никто не наймует. Вишь сам, лопоть плохая. Так вот и собираю милостину.

— Ну что ж, торговать-то ты, пожалуй, можешь. Я бы прйнел тебя на пробу прикашшиком — торговать вразнос.

— Торговать я умею, — говорит Маша, — я купечецкай сын.

— Ну дак оставайся покуль у меня. Дам тебе на пробу товару на сто рублёв, ходи себе с коробом да торгуй, а через неделю там приди, я проверю, как у тебя идет торговля. Ежли ладно, то можно тебе доверить и больше товару.

Сделалась Маша прикашшиком. Торговля у ей пошла хорошо. Неделя прошла, явилась к купцу, тот проверил. Видит: дела хороши — торговать умеет, сделал ее главным прикашшиком.

А в том городе, в каком они жили, был царь. И етот царь в ету пору помер. Сыновей никого после себя не оставил. Надо было поетому выбирать нового царя. Собрали совет. На ем дворяне да купечество. Стали советовать, кого выбирать царем. Ну, известно, совет, — одно базланье, толку не добьешься. Одни ладят одного, другие — другого, третьи — опеть нового. Так и не сошлись ни на каком. Не сходится дело. Вконец удумали так: поставить свечу в горнице, а через ее пусть проходят все советчики по одному человеку, и когда будут проходить, то ежли свечка загорится, того и выбрать царем. Ну, поставили свечку, стали проходить. Все прошли уж, а свечка как была, стояла, так и стоит — не спыхиват огнем. Сошшитали всех советчиков, не хватило етого купца, у которого жила Маша. Послали за имя. Подъезжают купец да Маша и пошли через горницу. Только идут — свечка загорелась. Тут советчики стали выбирать етого купца царем. Стали говорить, что шли-то двое — хозяин да прикашшик — которого выбирать? Пусть снова пройдут по одному. Делать нечего — пошли поразно. Купец етот прошел — свеча не загорелась, а как Маша пошла, то свечка опеть спыхнула. Ее и выбрали царем. И стала она царствовать.

В одно время зовет она к себе крашельшика. Сама надела бабью одежу и спрашиват его:

— Могишь ты написать мой потрет?

— Могу, — говорит крашельшик.

Сделал он ей потрет. А она выставила его за ворота у крыльца и поставила на караул солдат. Сама наказала, что кто пойдет мимо потрета и будет долго на него засматриваться, то арестовать такого, посадить в тюрьму, а ей самой доносить об етом. Стоит потрет. Народ ходит, едет туды-суды, потрета не замечают. Вот едет чиновник — левизор-то. Пристановился, глядит и говорит:

— А ведь это та женьшина, котору я прошшитал за ба́ндаршу. Да она, она, верно!

Тут подбегают солдаты. Спрашивают у его:

— Что, тебе знакома́ ета женьшина?

— Нет, — говорит, — я так остановился.

— А так, пожалуйте в тюрьму.

И посадили. Через немного време едет тот дохтур — и тожа остановился. Его посадили. Едут хрестьяна, смотрят.

— Э, робята, на потрете-то, гляди-ка-то, походит на ту мертву девку, котору мы увезли вёснусь на поле да назьмом засыпали.

За́брали и их. Потом идут хохлы, тоже говорят:

— Евот та <...>, нас-то оммануда да уплавила лодку!

Их тожа посадили. Пошли старик Филипп да сын его Микишка.

— Тятя, гляди, евот та сука, у меня ухобостала поддевку да шапку, да шаровары.

Они недолго говорили — солдаты их тоже за́брали.

Идет раз по улице Ваня. Вразгулку пошел. Он, как тогда стрелил в царевну, потом узнал уже, что она не виновна ни в чем, стал ее искать, да не мог найтить, начал гулять, промотал весь капи́дал, ходил, как рямужник. Посмотрел на потрет, сразу узнал, что ето ее потрет — Маши-царевны. Тут солдаты под-

скочили, берут Ваню под руки и ведут в тюрьму. Видит она, что собраны все, кого ей нужно было. Наказывает слугам — приводить их к ей по одному. Привели левизора. Она спрашиват его:

— Почему тебе знаком етот потрет?

Тот обсказыват, как его вытолкали. Она велела его сказнить. Сказнить же велела и дохтура, чтобы не сомущал женьшин. Хрестьянам велела дать каждому по десять тысяч рублей. Хохлам велела за то, что они захотели попользоваться ее бессильем, всыпать по пятьдесят плетей, рыбакам жа велела дать по пятьдесят рублей за то, чтобы не заставляли силком идти замуж. Вот привели ее Ваню. Стала его спрашивать:

— Откудова ты знаешь етот потрет?

Ваня заплакал и обсказал всю свою жись, как он убил царевну, и как сам сделался гуляшшим человеком. Тогды вышла Маша в другу горницу и опеть переоделась в женску одёжу. Выходит снова.Тот ее сразу признал, повалился в ноги и стал просить прошшенья. Маша подняла его, схватилась за шею, сама заплакала. Он тоже заплакал на радости, что нашел Машу. Потом они повенчались. Ваня сделался царем, а Маша стала царицей. Стали они царствовать и Ванину мать взяли к себе.

2. ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН, ТОРГУЮЩИЙ СОЛЬЮ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатый купец. И был у его сын Иван. И жили они хорошо и имели двенадцать лавок. И начал он [Иван] пить, пьянствовать. Только раз захворал. Старик и стал говорить ему:

— Не пей, — говорит, — Ваня, с этого помереть можешь, голову свою потерять.

— Ну ладно, — говорит, — пить не буду.

Потом отец помер, а Иван пьет того пуще. Стала и мать говорить ему:

— Не пей, Ваня, — говорит, — помрешь.

Только Иван ее не слушал, говорил, что не буду, а пил пуще прежнего. Пил, пил, лавки пропил, дом пропил, и осталась его мать во флигеле. Потом Иван приходит к матери.

— Дай, — говорит, — сто рублей на завтра!

— Куда берешь?

— Надо.

Подобрал себе пьяниц-гуляк и пропил те деньги. На другой день опять приходит:

— Дай сто рублей на завтра.

— Куда берешь?

— Надо.

И опять набрал пьяниц-пропоиц и пропил деньги. На третий день опять приходит:

— Дай сто рублей!

— Не дам, опять пропьешь.

— Дай, — говорит, — больше не буду пить.

Мать повертелась туды-сюды, дала ему. Только он опять набрал пьяниц.

— Собирайтесь ко мне завтра!

Ну хорошо. Назавтра собрались все пьяницы, выстроил он их в ширинку[1]. У матери бочку вина выпросил, ну хоть не бочку, а несколько ведер, быка заколол. И стал их спрашивать, какое кто ремесло знает. Первого спрашивает:

— Ну что, Михайла, какое ремесло имеешь?

— Я, — говорит, — кузнец.

Второго спросил:

— Что, Степан, какое ремесло имеешь?

— Я, — говорит, — плотник.

Ну, так всех набрал: кузнецов, плотников, столарей, слесарей — всех, а которы ничего не умеют, в шею вытолкал — "будет, мол, напоил я вас!" А этих напоил, накормил. Назавтра повел к кораблю (был у отца у его старый корабль), поновлять чтоб его. Ну, они начали починять. Цену всем выложил хорошую: тому одну, тому другу, тому третью.

Этот корабль исправили они в месяц. Нагрузил он его солью, пудов, может, тыщу. И услыхал, что в одном городе дорогая соль. Сейчас поехал он в тот город. Приехал он в город. А у его был любимый мальчик. Взяли они соли в узелок и пошли на базар. Купили калачик, переломили, съели пополам.

— Хороши, — говорят, — калачи, да не солены.

— Да, — говорят, — ежели б была у нас соль, мы бы меду фунт на фунт дали.

И пошли они дальше путешествовать. Приехали в один город, взяли соли в узелок, пошли на базар, купили калачик, съели пополам.

— Хороши калачи, да не солены.

— Да, — говорят, — ежели б была у нас соль, так мы бы фунт на фунт серебра дали.

Повернулся Иван купеческий сын и отправился в иное царство. И услыхал, что у короля того бал — царь дочь замуж выдает за одного господина. Надел он худую одёжу, взял узелок соли и пошел прямо во дворец. Приходит на кухню и увидал знакомого повара, который у его отца раньше жил. Он и говорит:

— Откуда, Ванюша?

— Да вот, — говорит, — так и так.

— С чем? — говорит.

— Да я, — говорит, — с солью.

— Вот, — говорит, — и ладно, ее нам и надо. Давай-ка!

И он взял насыпал во все котлы. Стали обед подавать и удивились, откеда соль взялась. Позвали повара.

— Отколь соль взял?

— Так и так, — говорит, — человек тут один привез да еще и знакомый.

— Позвать!

— У его, — говорит, — одёжа худая.

— Дайте ему платье верхнее!

Оделся Иван купеческий сын, приходит в горницы. Ну, ручка за ручку, и стал его царь спрашивать:

— У тебя соль есть?

— Есть.

— Что просите?

---

[1]То есть: в шеренгу.

— Что пожалуете.

— Так вот, — говорит, — я назначаю: пуд соли на пуд бумажек.

— Ладно, — говорит Иван купеческий сын.

Вот сяли за дубовые столы, стали столовать да гулять. Откушавши пошел Иван купеческий сын на корабль, а за ним и телеги поехали за солью.

Стали соль сгружать: соль сгружают — бумажки нагружают, соль сгружают — бумажки нагружают. Наконец того всю соль выгрузили. Ивану хоть домой отправляться. Только пошел он по тому городу погулять и увидел в окошко одну прекрасную девицу, увидел и загляделся, сам себя забыл. Она и стукает в окошко:

— Что вам, — говорит, — угодно?

— Да так, — говорит, — загляделся на вас и сам себя забыл.

— Хорошо, — говорит, — так заплатите мне за это время.

— Хорошо, — говорит, — что положите за час?

— Три рубля.

Отсчитал он деньги сто ли двести рублей, отдает. Слово за слово и порешили они, чтоб ей за него в законное супружество идти.

— Хорошо, — говорит, — только проси моего мужа, чтоб он тысяцким у тебя был.

И купил Иван неподалеку от ихнаго дому дом, и сделали они оттуда подкоп. Потом через сколько там времени приходит Иван купеческий сын к етому мужу и просит его к себе в тысяцки:

— Позвольте, — говорит, — вас просить ко мне в тысяцки, так как я желаю вступить в законное супружество с одной девицей, а знакомых здесь у меня нету.

— Чего ж, — говорит, — можно. Почему не уважить странного человека? С полным, — говорит — удовольствием.

— Так пожалуйте, — говорит, — в мой дом.

Только приходят туда, видит он — его жена тут. Сейчас он домой — жена дома. И так сколько раз ни делал, все жена дома была. Стали к венцу сряжаться в церковь ехать. Муж опять к себе побёг, а жена опять раньше его ходом ушла. Видит он — жена его дома. И поехал с поездом. Ну, обвенчали Ивана с ей честь честью. Свадьбу сыграли. Муж опять к себе побежал и опять жену дома застал. Стали молодых на корабль провожать. Сели Иван купеческий сын с женой на корабль, попрощались, только шапки скинули. Муж домой вернулся, хвать-похвать — нету жены! Поахал, поахал, куды девался: некуды.

Поехал Иван купеческий сын. Долго ли, коротко ли ехал, приехал в родной город. Остановился на пристани и пошел к матери пешком, а жену на корабле оставил. Мать обрадовалась, стала расспрашивать. Сейчас Иван купеческий сын рассказал, что, мол, так и так, был я в таком-то царстве, женился, мол.

— Есть ли здоровье?

— Слава богу!

— А жена где?

— На корабле оставил деньги стеречи.

Пошли на корабль. Видит мать: жена — красавица писаная. На все смотрит, все хвалит.

— А это, — говорит, — чего в мешках?

— А вот, — говорит, — чего!

Да мешки и повалил — так бумажки на пол и посыпались! Мать как увидала, только ахнула да с радости и померла.

Сейчас отвезли домой деньги, откупили лавки. Мать честь честью похоронили и стали жить да поживать да добра наживать.

3. РОЖОК

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатый крестьянин и был у его единственный сын — Иваном звали. И был тот Иван дурак. И этот Иван-дурак день-деньской ничего не делал и ел хлеб даром. И как его родитель за это ругал, стал он просить работу — проводить время. И дал он ему пасти скот.

— Паси, — говорит, — скота, Ваня.

И он отправился пасти скота. Вот он пасет день, пасет другой, пасет и третий. Потом в четвертое утро выгнал скотину на чистую долину. Вышел к нему старый старичок — сам с ноготь, борода с локоть.

— Дай, — говорит, — мне одного бычка, я тебе — говорит, — за него дам рожок.

— Что же мне с им делать?

— Ты, — говорит, — этим рожком развеселишь свою скуку, даже никогда не забудешь этот рожок и получишь через этот рожок много счастья. Ты, — говорит, — отдай мне бычка и тогда увидишь, чего будет с этого рожка.

Думал-подумал Иван-дурачок — отдал бычка. Старичок бычка взял, рожок Иванушке отдал, сам сгинул как не бывало. Вот Иванушка-дурачок заиграл, видит — весь скот пляшет. И стал так Иванушка-дурачок кажный день делать. Выгонит скот в чистую долину, сядет, сам играет, а скот пляшет. Мало скот ел, оттого худеть стал. И стал отец спрашивать, отчего, мол, скот худеть стал?

— Не знаю, — говорит.

— Должно быть, ты пасти не умеешь.

Только пересчитал он скот — одного бычка не хватает. И дал он ему пасти свиней — три свиньи, что ни лучших, с поросятами.

— Паси, — говорит, — Иванушка, свиней, когда не умеешь скот пасти.

Пас он их, пас по многим царствам, по многим государствам и припас в одно царство. А в том царстве приклики прикликали, бумаги крепко на углы прилепляли и было написано, что "кто три приметы у моей дочери узнает, за того замуж отдам и полцарства дам".

Выгнал Иванушка-дурачок свиней против царевниных окон, в рожок и заиграл. Сам играет, свиньи пляшут. Царевна в окно смотрит. Глядела, глядела, залюбовалась. Прикликала Ивана.

— Что, — говорит, — сто́ят твои свиньи?

— А они у меня не продажныя, а заветныя.

— Что в их завету?

— Покажи, — говорит, — все тело по пояс, тогда всех отдам.

Доложила своим служанкам, чтоб его проводили к ей в горницу. Показала она ему свое тело до пояса. Он свиней отдал с поросятами, а сам пошел за город на большую дорогу. И был там густой лес. Снял он [с] себя с обувя оборку и сделал лук и стрелку. Сидел тут на сосне косач. Сейчас он его убил. Свалился

косач и упал меж ельником, меж березником. Как раз в ето время поп на сидейке большой дорогой проезжал.

— Что делашь?

— Да вот, — говорит, — косача убил. Большой, — говорит, — косач, да достать трудно. Достань, — говорит, — твой будет. А косач-от матерющий, тебе с попадьей пообедать будет.

Ну, поп, как у его глаза завидущи, вылез из сидейки и полез косача из ельнику, из березнику доставать. Иванушка взял да заиграл. Иванушка играет — поп пляшет, косачом машет. Косачу крылья оборвал, на себе рясу отрепал, исцарапался весь. Перестал Иван играть, поп вылез, скорей на сидейку, коня стеганул и уехал в город прямо к царю. И доложил он царю, что так и так, мол, "ехал я по большой дороге, поймал меня Иван-дурачок, избил, исколотил и все платье на мне изорвал. Имею, — говорит, — честь просить сделать облаву, поймать Иванушку-дурачка и осудить по закону".

Сейчас приказал царь сделать облаву. Сделали облаву. Поймали Иванушку-дурачка, и стал царь его судить.

— Ты знаешь, поп — лицо большое. Как ты смел его на большой дороге ловить, бить и платье рвать?

Иванушка-дурачок туды-сюды, стал было говорить, только ему и говорить не дали. Осудили, чтоб на двадцать четыре часа повесить.

Набрался на площадь народ, и поп тут же. Отпели его заживо и вешать собираются. И стал Иванушка просить, чтоб ему позволили в последний раз в дудочку поиграть. А поп услыхал и просит, чтоб не позволяли. Царь говорит:

— Почему, — говорит, — не позволять?

— А дайте мне сести на кресло и привязаться.

Поп думат: "Привяжусь к креслу, не буду плясать". Взял и привязался косами к креслу. Тогда царь приказал Ивану играть. Иванушка заиграл — все, сколько было народу, плясать пошли. Народ пляшет, солдаты пляшут, и царь вприсядку пляшет, а поп ерзал, ерзал на кресле, сорвался и тоже плясать пошел. Сам пляшет, руками машет и разбил кому лоб, кому нос, кому рыло, кому что! Много даже солдат переклеймил. Только Иванушка остановился играть — все плясать перестали. А поп сейчас на сидейку и уехал. За это Иванушку прощено. Царь спрашиват Иванушку:

— Как было дело?

— Так и так, — говорит, — убил я, — говорит, — косача и попал тот косач в ельник-березник. Ехал мимо поп и стал того косача доставать. Я в дудочку заиграл — поп плясать зачал, на себе все платье изодрал и на меня жалобу подал.

Засмеялся царь и простил Иванушку.

Живет Иванушка день, живет и другой, живет и третий. На четвертый приумылся, прибрался и к царю идти собрался. Приходит ко дворцу и подходит ко крыльцу. Только вместе с им приходит министер. Караульный офицер доложил царю, что так и так, пришли два человека узнавать царевнины приметы. Вышел царь на крыльцо.

— Что надо?

— Так и так, ваше царское величество. Приклики прикликали, по всему царству знать давали, что "кто у моей дочери узнает три приметы, за того дочь взамуж отдам и полцарства дам". Так вот, — говорит, — я и пришел. Я те приметы знаю.

Иван говорит:

— И я знаю. Под правой рукой, — говорит, — шерсть золотая.

А министр говорит:

— А под левой серебряная.

Оба приметы отгадали. За кого замуж отдать? Собрали сенат. Стали думать; думали-подумали и положили, чтоб положить всех трех в одну спальну и которого найдут наутро с царевной в обнимку, за того и замуж отдать. Иван — бедный, министер — богатый. Царю охота отдать за богатого, и царевне не охота выйти за бедного. Только вечер танцевали и ужинать стали. Пили, гуляли, веселились, а поужинавши, повели царевну с министером и Иванушку в светлицу. Царская дочь сейчас с министером обнялись и легли на кровать, а Иванушка с краешку прикарабкался. Лежит, не спит, думу думает. Думал, думал, думал — думал и надумал. И спрашиват у министера:

— Спишь?

— Нет, — говорит, — пошто спрашиваешь?

— Да вот, — говорит, — до ветру захотелось.

— Что ты, — говорит, — тут царские хоромы!

— Ну что ж, — говорит, — не в себе держать!

— Так иди в другу комнату.

Вот Иван пошел, на окошко конфет положил, а сам крехтит, бытто в самом деле <...>. Назать воротился и лег. Через малое время и у министра в брюхе заходило. За ужином натрескался он, ну и начало его позывать.

— Что это, — говорит, — Иван, надо и мне до ветру сходить.

— Что ж, — говорит, — иди.

— Я, — говорит, — на то же место, где и ты.

— Нет, — говорит, — мово места не тронь, другое окно занимай.

Пошел министер, опорожнился и говорит:

— И я сходил.

Иван и говорит:

— Ладно, — говорит, — напаскудить-то мы напаскудили, а это царские хоромы, как бы нам на место женитьбы да веревку на шею не надели. Я, — говорит, — свое <...> съем, а ты, — говорит, — как знаешь.

И пошел в другую горницу, съел свои конфеты с разными духами, от его так и запахло. Министер думал, думал: <...> истъ не охота и повешенным быть не охота. Он и говорит Ивану:

— Когда, — говорит, — свое <...> съел, наймись и мое съисть. Я тебе, — говорит, — полтораста рублей дам.

— Нет, — говорит, — ешь сам. Я и свое насилу съел.

Нечего делать министеру, повертелся, повертелся, пошел исть <...>. А Иванушка в етое время давай на ладони декалону наливать да лицо умывать. Сделал хорошие духи и прижался к царевне. А министер Ивана с постели толкает да ругает, к царевне не пущает. А только царевна сама от его отворачивается да к Иванушке прижимается. А тут уж рассветать стало. Царь с царицей с ключами идет двери отпирать. Министер сейчас бегом к двери, чуть царя с царицей с ног не сшиб. А Иванушка кричит вдогонку:

— Держите <...>!

Сейчас Ивана с царевной обвенчали, свадьбу сыграли. И стали жить да поживать, а худо проживать.

4. СОЛДАТ-БЕДНЯК И ГРАФСКАЯ ДОЧЬ

Был один солдат, служил, бедненький. Деньжонок из дому ему не присылали. Хотя он был бедный, но одежду всегда исправно носил; хотя она была и чинета, но исправна всегда. И вот во всякий праздник и в воскресные дни всегда ходил к обедне. И вот в один праздник идет он от обедни протуваром и упало против его с третьего этажу письмо. На адресе было написано: "Кто ето письмо подымет, тот может и читать". Он же был грамотный.

Ковда поднял письмо и видит ето. Он разорвал ето письмо, и в письме золотое кольцо. Ковда прочитал письмо и в письме так было сказано что: "Сегодняшний вечер иди к такому-то зданию, в нем будет собрание, и стань к тому столбу, у которого горит фонарь, и стой до тех пор, пока чего с тобой не будет. Ну, что с тобой будут делать, не бойся".

Да, прочитал он письмо и говорит фетьфебелю, что вот такое случилось.

— Позвольте мне сходить.

И вот показывает ему ето кольцо. Фетьфебель доложил ротному командиру. Ротный всегда надеялся, что солдат хорош.

— Да, — сказал фетьфебель, — пусть идет.

Вот, как дождались вечеру, солдатик одеется и идет. Да, и как сказано, идет до того здания, и нашел столб, где фонарь, и стоял до тех пор, пока собрание было. Ковда разошлись с собрания, разъехались, и он остался один у етого столба. Вдруг подъезжает повозка на паре лошадях. Выскакиват один из повозки, завязывает ему платком глаза и содит в повозку. Посадил в повозку и повезли неведомо куда. Ковда докуль надо довезли, кучер остановился и говорит ему:

— Вылазь из повозки!

Ковда он вылез из повозки, берет его за руку и ведет по лестнице неведомо куды. Заводит его в прихожу, где горит свеча. Развязыват ему глаза. И говорит:

— Раздевайся, скидывай с себя все.

Ковда тот снимает с себя все, и он ему показал:

— Вот, — говорит, — на столе пара белья, а ето гля тебя — надевай.

Ковда надел ету пару белья, он отворил в темную комнату дверь и завел его туда. Ковда завел, сам вышел и дверь запер. Остался он в темной комнате один и стоит думат: "Ни взадь, ни впередь". Постоял и думат: "Хоть бы где сясти мне".

Вот пошел, начал шупать и поймал как раз за кровать (али за койку, сказать по-городски). Пошшупал — на ей лежит перина мягка. Он и думает: "А, все равно! Что будет — тому и быть! Дай хоть лягу". Ковда лег на койку, лежит и слышит разговор:

— Теперя мне надо итти.

Товда отворятся дверь в ету же комнату, подходит к етой койке и спрашиват:

— Что, душечка, здесь?

Он отвечат:

— Здесь.

И вот начинает его там обнимать и лобызать — цаловать. Не долго думавши, что надо было, то сделали. И она теперя говорит:

— Можете уйти во свое место. А завтра вечером должны вы быть у етого же столба, опеть же ето над вами и будет.

И сама вышла из комнаты. Он остался в етой же.

Товда етот человек отворил дверь и говорит:

— Ну, выходи!

Да, ковда он вышел в ету комнату, в прихожу, человек говорит:

— Снимай ето все с себя, надевай свое.

Ковда он снял, надел свое, ему завязал платком опеть глаза и повел опеть вниз по лестнице. Да, ковда вывел на двор, посадил в повозку и привез опеть к етому столбу. Ковда привез к етому столбу, поставил его, развязал глаза, сам сял на коней и уехал.

Ковда приходит в казармы, то назавтре его фетьфебель спрашивает:

— Что над тобой случилось?

Он рассказал все свое приисшествие и не знает, где и был, и что опеть также на второй вечер к етому же столбу притти. И также на другой вечер его уволили, и на другой вечер над ним то же случилось. Опеть приехала пара лошадей, завязали ему глаза и посадили в карету. Завели в комнату, опеть приказали снять свою одежу и одеть другу.

И ето дело было в Петербурге. Императором был Петро Великий. И вот он во второй и третий вечер сделал так. И вот доложили Петру Великому, что вот такого-то солдатика третий вечер возят не знай куда. Ковда Петро Великий узнал, велел солдатика послать себе. Ковда солдат приходит во дворец, и просит доложить государю. Ковда доложили государю, то государь велел его пропустить к себе. Солдат заходит в кабинет к государю. Государь и говорит ему:

— Ну, расскажи же мне, что над тобой случатся?

Солдат рассказал ему все подробно, как ему попало письмо и как от столба его возят неизвестно куда. Государь дает ему пузыречек и дает перо:

— Ковда, — говорит, — тебя привезут туды, и ты как-нибить ето соблюди, чтоб мог проташшить в ету комнату, мокни́ ето перышко в пузырьке, и как она с тобой лягет — ты в ето время царапни ей шшоку и не сознавайся.

Ну вот, взял пузырек, перо от государя и пошел.

Ковда только настал вечер, и он пошел к столбу. Приходит ко столбу и стает, знает свое дело и место. Подъезжают на паре лошадях, опеть содют его в повозку и завязывают глаза. И привозют. Заводят опеть его в прихожу. Приказал опеть снять всю свою одежу — одевать ету. Ковда он снял всю одежу, опеть отворил ему двери в темную комнату, запихали его туда и заперли дверь, а он пузырек под мышкой мог сохранить. И вот опеть, ковда легли на койку, и он достал перо и царапнул ей шшоку. Она и говорит:

— Что ж, душечка, чем же вы царапнули?

Он и говорит:

— Так нет ничего. Должно быть у вас в подушке что-набидь попало.

Ну, и она на то уверена, что ему пронести нельзя, потому что он раздевается до нага и надеват ее белье. И ковда дело сделали, уходит она от его в особую комнату и ему велит отправляться назадь.

Ковда человек отворил двери, и он вышел туда, в прихожу, дело свое знает, снял ее белье и надел свое. Товда опеть ему завязывают глаза и уводят. Садят в повозку и везут к етому столбу. Подвозят, останавливают коней, выводят его, развязали глаза — и уехала пара. Солдат приходит в казармы. Наутро государь опеть зовет его к себе. Ковда приходит к государю, государь его спрашивает:

— Ну что, был?

Солдат отвечает:

— Был.

— Ну что — царапнул, как я тебе велел?

Солдат отвечает:

— Да, царапнул.

Она утром стает, ковда пошла умываться, и смотрит в зеркало, и увидала у себя ето пятно на шшоке. А государь между тем (в)здумал сделать вечер. И вот разослал афишки, чтоб все енаралы, графы, всяк со своим семейством являлись на вечер. И вот, как ето была графская дочь и была Петру Великому крестница, и ей необходимо надо ехать. Она и придумала вырезать гумажку и налепить на шшоку. И вот начали собираться к ей подруги, она имя и говорит:

— Вот что, — говорит, — я сегодня получила газеты, и во Франции така мода пошла, что все барышни таку должны прилепить гумажку, как я.

И вот, из их кажная прилепила; собрались и поехали на вечер. Ковда приехали во дворец, и кажна с клочкой гумажки. И государь говорит:

— Ето что такое у вас?

Она и отвечает:

— Что же, кресенька, нынче мода такая. Я получила газеты, что во Франции каждая барышня едет на бал и прилепляет клочок гумажки.

Государь и говорит:

— Никаких я мод не знаю! Чтоб отлепить! Не было!

Ковда отлепили, и он начал смотреть и увидал у ей на шшоке пятно. Товда сказал:

— Теперь я знаю, какая мода у вас!

Сейчас послал по етого солдата и назавтра овенчал.

5. ВЕРНАЯ ЖЕНА

Вот один купеческой сын, подошло ему время жаниться, и не мог нигде невесты подыскать, ни в городе и нигде ему не по душе. Искал, искал — нигде ему по сердцу нету. И скоро он загоньшиков рассылал по иным городам, карьточки ему посылали. Семьдесят семь карьточкох снял с невестох из иных городов. И ни котора карьтинка ему от души не подходит. В одно время разложил он все ети карьточки. Надо же решиться.

— Докуль буду я один жить?

Из семидесят семи на трех карьточках решился.

— Ну, поеду: ту ли, другу ли, третью возьму.

Потом в одно время пришла к имя одна нишшая на куфню просить кусок хлеба и прошла мимо ихова дома. А нишшая ета была двадцати пяти годох девушка. Он в окошко кинул (в)зор на ее. Вот припала к душе ета нишшая. Велел прислугам воротить. Прислуги ее огаркивают:

— Воротись, мол, скоре!

Та спужалась.

— Что такое — я ничо, ведь, у вас не украла? Вы мне подали, я и пошла.

Воротилась ета нишшая с горьким слезам, напужалась: гля чего ворачивают?

— Ничего не брала, не украла и преступления никакого с имя не делывала.

Распорядился етот Иван купеческой сын: прямо в палату к нему пушай идет.

Принуждена ета нишшая девушка класть свой мешок и идти к нему на лицо.

Потом распорядился етот Иван купеческой сын над прислугам подать имя вина и закуски, содит ее за стол, налеват ей — как видит: она с испуганным лицом — стакан вина хорошего. Ну, выпила она же ету рюмочку, и у ей красочка переменилась, ешшо она получше стала, пуукуратнее. И стал он сватать за себя ее. Она ему говорит:

— Что же вы ето смеетесь надо мной? Вы уж получше себя кого ишшите да и подсмейтесь! А то надо мной-то чо смеяться, меня и так бог осмеял.

А он всей душой к ей припал:

— Никак нет, не смеюсь, — снимат со своего пальца именное кольцо, надеват ей на руку и приказал кучеру запрягчи лошадь, выспросил:

— Где ты живешь?

А она за самым за ихим за городом в землянке живет. И мать слепа живет. Она с мешкой ходит — мать прокармливат. И кучеру наказал тайном образом:

— Привези ее, слушай невзаметным образом, что она будет говореть, и правду ли у ей мать слепая.

Ну, повез ее кучер, привозит к етой землянке, а сам спрятался и слушат. Как та зашла в землянку, так прямо и говорит:

— Мама, ко мне жаних свататся!

Мать говорит:

— Какой же ето жаних над тобой свататся?

Она и говорит:

— Такого-то купца сын!

Мать и говорит:

— Что ты, девка? Ведь он ето фигурит над тобой!

— Да како же, мама, смех? Ведь он из своих рук подал мне именной перстень и вот — сто рублей денег.

И потом мать ей не верит:

— Ты (г)де-нибудь ходила, польстилась, украла! Унеси обратно, положь!

— Что ты, мама, вот кучер уверит.

А кучер все ето слушал, повернул лошадь и рассказал барину.

Барину ета речь старухина очень понравилась. Потом приезжат к имя сам Иван купеческой сын, в ихую землянку. И решили оне, свадьба которого числа. Обул, одел ее и решили, ковда венчаться. Ну, как ето число дошло, приехал венчаться — велит он старуху в палаты свои вести, а землянку зажечи. Ну, и так по его и сделали. Как оне повенчались, пошел у их пир-пированье. Ну, как подвыпили, все фрелены, ковалера танцуют, а его на смех подымают:

— Чо жо ты со своей молодой не танцуешь?

А он боится ее спросить, может, она обидится — где же ей, с мешкой ходила, поди, не умет. И посылат горнишну спросить, умет ли она танцовать. Та отвечат:

— Пошто не могу? Могу.

Ну и пошли танцовать, она даже всех фрелинох подгадила — те супротив ее не могут.

Ну и стали после свадьбы жить оне по-хорошему, по-благородному. И оне живут, души одни одному не чувствуют, и он нарадоваться ей не может.

— Ето мне Господь послал такую жану.

Подошел май месяц, зацвели цветы в садах, пошли оне с ей в сад разгуливаться; вот он в саду гулял, гулял да (в)здохнул чижало. Она к нему пристала:

— Чо жо ето ты (в)здохнул в неудовольствии, чем ты недоволен?

Ну, он:

— Да так себе тамо-ка.

А потом говорит:

— Вот что, душечка, как был я холостой, в ето время всегда налаживал корабли и плову. А сейчас мне и скушно стало.

— Ну что, душечка, плови, я тебя не доржу. Ступай с Богом, я не воспрешшаю вас плыть.

— А мне, — говорит, — сумление вас оставить.

— Дак что же, вы мне не верите? Так помолимтесь Богу, потеплим свечи и закленёмся, что ни ты другу не поимешь, ни я другого не возьму, вот и вверимся друг другу — и ты с надеждой попловешь, и я останусь.

Ну и пришли оне в дом, затеплили свечи, помолились Богу и закленули друг друга на одной точке стоять.

Ну и стала она мужа в путь-дорогу собирать, и проводила честно-благородно, и стала домашность править, жить без мужа.

Ну, приехал он в чужие земли, в чужие города, ну, и там, значит, как приплыл — собака собаку по лапе знат — приходит там в трахтир, где все богачи собираются. Сяли закусывать, выпивать, карьтежить. Потом из их один молодой офицер сказал:

— Мы-то выпивам, закусывам — чо-то наши жоны дома делают?

А етот же самый сказал, который клелся:

— Да чо же делать? Честь честью живут! Живут в предовольствии. Чо имя делать?

Етот же офицер сказал:

— Э, оне честь честью проживут, найдут ковалерох, парней, вот и все.

Ну, етот купеческой сын с им за спор схватился, что "моя жана хорошо проживет". А офицер с им за спор, голову закладыват, что он к его жене приедет и чо хошь сделат. Потом до того дело у их дошло, что больши тыщи заложил против его головы, и офицер отправлятся.

Офицер етот и говорит ему:

— Ты отправь телеграмму жане, что гость к ей приедет.

Ну, он принужден был телеграмму ей отбить, что гость приедет. Жана получила, ужахнулась:

— Что ето за скороспешная телеграмма? Какой такой гость?

И как у ей в голове было, она сразу стрекинулась:

— Должно какой спор был у их.

Ну, являтся к ей етот гость. Приняла она его честно, благородно, и за закуску. Что же — гость, так гость. Вот, как он выпил, закусил, и стал он к ей лабзиться, дерзкие слова говореть, а оне в комнате были двое. Она:

— Боже избавь, чтоб я ето дело сделала!

Отовлекатся от его. Он вынимат из карману леворверт — вот, дескать, все равно с душой расстанешься. Она ужахнулась — говорит:

— Сейчас же мы оба одеты, неудобно. Вот ночь придет, мы и расположимся в ночное время.

Он и решился ночи ждать.

— Только будем ето дело без огня делать. Я и замуж выходила, решилась с мужем, чтоб ети глупости при огне не делать.

А он и думат: "Ладно, я кольцо (он приметил у ей его) с тебя ночью сыму, мужу указ привезу".

Как оне поужнали, приказыват она горнишной постель в спальне приготовить. Ну, и как она, хозяйка, отлучилась, и горнишну заговорела.

— Ночуй с етим гостем, и я тебе тыщу рублей дам. А я тебя надушню, одену, — говорит. И перстень свой с руки ей дала. Она и согласилась.

На спокой легли ета горнишна и офицер. Ну, потом уж как (в)ставать надо, он ладит кольцо с пальца ташшить. А оно туго было — не идет. Он не долго думал, взял да и отрубил кольцо с пальцем. Горнишна встала — ну и хозяйке с обидой:

— Что он надо мной доспел — палец отрезал!

Хозяйка ее уговарiват:

— Ну, ничего, я тебя не обижу, как ты за меня пострадала, будешь ты на век наша участница.

Потом хозяйка горнишну ету спрятала, а сама руку на темляк повесила и замотала бинтом, будто у ей отрезано. Потом, как стал етот офицер, сяли оне завтрекать, закусывать. Она и говорит:

— Вот какую вы подлость сделали, у сонной у меня палец отрезали.

Он стал ей казною [предлагать]:

— Что вот я столько-то тебе дам.

Она с его копейки не взяла. Отправился с ее гость — отправился к ее мужу. Радый такой.

Она после етого гостя сейчас в полицию, в церкву, и приказала легку шлюпку сейчас в погоню за ним — вместе с горнишной к мужу, узнавать, как он там. Смекат, что не зря етот гость приезжал. И оделась в муску одежу, волосы остригла, приезжат и идет в ту же гостиницу. Тут сидят тоже карьтежат — и увидела гостя етого, который ночевал у ей. И спрашиват:

— Чо у вас тут хорошенького, какой торг, чо почём?

И оне ее спрашивают. Так идет у их беседа. И отвечает ей офицер:

— У нас седни будет новенькое, одного вешать будем, за жану вручал шибко.

Та спрашиват:

— Почему так?

Он объяснятся и говорит:

— Вот, значит, никовда нельзя за жану приставать.

Долго она тут беседовать не стала, пошла по полициям по разным, со всем бумагам. К надзирателю пошла:

— Не могу ли я его увидать?

Надзиратель говорит:

— Как рестантох в баню поведут, перед вешальницей мыть — тут ты его и можешь увидеть, а больше нельзя, никак, не можем допустить.

Ну, как повели в баню, идет она к етой бане — караульны ее не пропускают туды. Ну, она сунула там имя, пропустили ее на четверть часа. Потом она имя обсказыват:

— Товарищш мой был самый задушевный — хочу проститься с ем.

Заходит она в баню.

— Ах, голубчик, до чего достукался! — говорит.

Он с испугу прямо матерным словом:

— Убирайся, мне не до того!

Ну, она ему призналась, что:

— Я твоя жана. Не бойся ничего, я тебя спасу.

Видит, пальцы-то у ей все целы.

— Ты не к вешальнице подешь, а как к куме на именины.

Ну, приходит она к вешальнице — оне привели все начальство — и доказала, вот кто, мол, в ей ночь ночевал.

— Ты не со мной был — востер да не подточеный, вот у кого пальца нет.

Ну, и мужа-то оправдали, а офицера-то повесили. А сколько было капитала у етого офицера в залоге, на горнишну перевели, а его повесили за околчание. А оне вернулись, и стали жить-поживать, добра наживать.

6. [САПОЖНИК И ЦАРСКАЯ ДОЧЬ]

В одно время у государя пришел его любезной министер, сидел в гостях — государь углядел на им сабоги очень прочные. Поглянулись ему.

—Скажи, кто тебе делал етот сабог?

Министер на то ответил:

— Вот по такой-то улице стоит дом за таким-то номером, тут есь мастерская. Поезжайте, закажите, гля вас доспет он. Сильно мастер хороший.

Государь того же разу приказал лошадей доспеть. Приезжает в ету мастерску, спрашиват у него:

— Можешь ли ты мне доспеть сабог?

— Почему же не так, ваше величесво, доспею.

— Колды время назначишь за ними придти?

— Завтре можете придти — будёт все исправно, все готово.

Приходит время. Посылат государь посланника. Дает ему денег, что следует уплотить етому мастеровому человеку. Сходил человек, принес, что было говорено.

В одно прекрасное время надел ети сабоги восударь, пошел прогуляться, увидала ето на ногах его родная дочь.

— Папаша, скажи мне, кто тебе доспел прочный такой хороший сабог?

Он ей в ответ:

— Вот по такой-то улице по такому-то номеру тут мастерская. Поезжай, закажи, что тебе надо.

Царская дочь приказала запречь лошадей, подъезжает в ету мастерску, заказывает плотные хорошие башмачки.

— Доспей, для моёй души, мастер.

Потом стояла, смотрела на парня, влюбилася в его в красу. Чересчур был мастеровой красивай. Сколь с нем ни разговариват, а все на его посматриват. Тот молодой человек догадался, дескать, "что она стоит, шибко крепко меня спрашиват". Сечас ей в ответ:

— Послушай, князьиня, попрошу я вас на чашку чаю.

— С полным удувульсвием, молодой человек, почему не так!

Заходят в столовую, сапожник скрикнул своих слуг:

— Живенько, поскорее наберите стол для князьини!

Вот набрали стол, угушшат он князьиню разными за́кусками, разными винами. Она выпила водки изрядно, ум ее вовсе раскачался, стала говореть ему:

— Послушай, мастеровой, холост ты али женат ты?

— Никак нет, князьиня, я человек холостой, у меня никого нету, один я кругом живу. Етот дом, ета обстановка — все ето мое.

— Скажи, молодой человек, возьмешь ли ты меня в замужество? Потом не будешь заниматься сабогами, шитьём, будешь ходить, гулять — больше ничего не знать. Ето будет все припасёно мое. У меня сумна моя собственная. Не знаю, сколь денег у меня, не знаю шшоту деньгам я. Только увидала вас, сметила, вижу, что человек хороший, поглянулся мне сильно чересчур. Мне твоёго ничего не нужно. Вот на тебе, что скажу. Колды будут готовы ботинки мне?

— Завтрешной вечер, князьиня, будут готовы, все твое исполное будет.

Вот уехала царская дочь, ничего не говорит, а свои дела смекает. Вечер приходит, приказыват запречь лошадей. Отвезли ее в ету мастерску. Приезжает, заходит в комнату. Мастеровой вынес:

— Получай, князьиня, да ищо прошу я вас на чашку чаю. Милость будет пройти ко мне в мою столовую.

— Почему не так...

Приходит в столовую, сидят, разговаривают — на том стоит свет белый. Потом отвечает царская дочь:

— Ну, как будем делать мы свои дела с тобой?

Тот мущина в етих в делах и думает на уме: "Как, чо лутче мне заяснить ей?"

Стал говореть ей:

— Как же, князьиня, будем мы с тобой делаться? Государь тебя за меня не отдаст, за мои слова сказнит меня. Нет закону-положение, чтоб царская дочь выходила в своё государство. Может только выдти в протчие государства, а никак в своё. Етого закону нету.

— Послушай, что я тебе буду отвечать,— говорит князьиня. — Вот я тебя научу. Продай все свое имушество, всю свою обстановку. Потом дожидай меня — я поеду хитрыми делами. Вот в тако-то время, в таки-то часы-минуты подет обоз на таких-то лошадях. Повезут навоз наши служащи на восьми конях, и ты в ето время иди туда, куда оне поедут. Там увидишь меня.

Пошел, увидал за етим обозом молодой человек. Вышли, выехали в загород, один короб отворяет — выходит царская дочь.

— Что, увидел меня?

— Точно так,— отвечает,— увидал я вас, князьиня.

Что ей надо, подробно своим служашшим крепко наказала.

— Мотрите, ничего не говорите дома. Нате вам за то подарок, пятьсот рублей денег.

Вот пошли оне под ручку в гостиницу. Продолжали: сидели, пиревали, ели, пили, что имя́ надо. Потом царская дочь послала человека́ на почтовую станцию, заказала пару́ лошадей, отдалились от своего городу — уехали сильно далёко, в чужое царство.

Шли оне сухопутом, шли оне водой на кораблях. Пристали оне сильному, богатому, роскочному городу. Выходят, идут, куды имя надо. Вот князьиня приходит, просит у нучульсва в цендре в городу́ место. Дают ей место. На ето

место выстроила князьиня огромнай большой дом, всего накупила, что следует по-жительски.

Стали оне жить хорошо. Но только одно — его смыслу́ не хватает против ее. С богатым — она богата́, с бедным — она бе́дна. Не разбирала ничего она, свое вела. Приходют дорогие гости, лица родные, с ними вниманье ничо она не обращает, обходится как следоёт. Но его смысла не хватает так обойтись с народом и поговореть, и побеседовать. Стал он худой ум себе в голову забирать: "Что-то у нас дело неладно с молодой женой. Дай-ка я ее жизь искореню — сам останусь жить в етом имуществе, хватит мне капитала етого".

В одно в прекрасное время созвал ее прогуляться:

— Пойдем, моя мила́я, сегодня вечер хороший, пойдем погуляться к реке Нелой (река Нела́ — имя такое).

Пошли. Доходит до реки Нелой, по бережку ходют, гуляют. Между тем что-то она овернулася посмотреть другую сторону — в тот раз бросил он в воду, столкнул.

— Поплыва́й, подохай, я пойду твоим капиталом жить, я тебя признал, что ты нехорошая гли меня.

Вот сколь ни несло по реке царскую дочь, прибило к бережку́. Вышла царская дочь на белой свет, спасла свою душу. Приходит в гостиницу, заказыват, что ей нужно. Прожила в етой гостинице трое суток. Пошла царская дочь в мага́зин, купила царская дочь мускую ло́пать: "Чтоб никто не знал, что есь я девица". Приходит к морской пристани — у етой у пристани была питейна. Торговал в етой питейне продавец. Приходит наймываться к ему. Продавец отвечает ей:

— Что можешь, молодой человек, делать?

— А что прикажете, буду я должность вашу исполнять.

Принял ее продавец.

Вот ходит царская дочь, ходит, скребет, метет, убират, что ей нужно. Вот хозяин говорит — хозяин смекнул, что ето человек не худой — "дай спросю его", подозвал к себе:

— Что, молодец, ты мне ндрависся — хороший парень. Я тебя попрошу — не можешь ли ты сидеть у меня в трактире? Пулужу тебе жалованье большое.

— Почему не так.

— А знашь ли, молодец, грамоту? Мне всего дороже, куму́ у долг дать — записать.

Она сунула в карман руку, выташшила карандашо́к, кусок гумажки, сама с нем разговаривает, а сама зади своёй рукой написала, что ей надо, подает своёй рукой хозяину. Хозяин поглядел, головой своёй покачал: "Что ето такое — ето человек не простой, из больших каких-намить лицом, потому что образование крепкое".

Обрадовался, сразу ей жалованья положил сорок цалковых на месяц. Сидит себе торгует и ни об чем не думает. Тольки одно думает: "Оде мой таскается? Оде мой валяется?" — об своим муже печалится. "Мне не жалко того, что я издержала, а все ж таки — как бы ни было, я его крепко жалею".

Топере ее отбросим, будем про него говореть. Вот он до тех степе́ней довел себя — все про́жил, ничего у него не выходит. Пошел страдать по городу. В городу ничего не соображает, как в жизни жить.

— Пойду я в деремню, однако, лутче будет.

Пришел в деремню, зашел к богатому крестьянину, нанялся в работники, прóжил до лета. Крестьянин в одно лето послал его:

— Запрягай коня, поезжай — вот в таким-то месте есь у меня расьчистеной черьтеж — бери его.

Вот он уехал, стал залог драть. Дошел конь до пня, пошелевил пень, под пнем — звенит. Услыхал звук, остановил коня, приташшил стяг, давай етот пень отворачивать — под етим пнем стоит корчага золота. Под вечер приходит, приезжает он думой.

— Хозяин, рашшитай меня, будет, я у тебя пожил!

Хозяин слова не сказал, рашшитал его.

— Ну, иди, Бог с тобой. Али ты чем мной не доволен, али пищей не доволен? На чо так оскорбился?

— Нет, я ничо не имею.

Пошел етот мужик, выпросил у туго, у другого мужика коня с телегой — приезжает оде залог драл, выворачиват пень, вынимат корчагу золота, высыпает крепкай мешок. Корчагу оставляет: "Чтобы не заметили, с чем я приехал". Приезжает, потом давай пить-гулять, грех путаться — все ето прогулял. Шел, шлялся, зашел в етот город, оде его жена. Попал в ету питейну. Она его сразу узнала. Сял на скамеечку, призагорюнился, сидит. Она его спрашивает:

— Что, молодой человек, припечалился, призагорюнился сидишь?

— Как же мне не печалиться, жил я в такой жизни!

Ничего на то она ему не ответила. Потом наливат стакан вина, подает ему.

— Пей, молодой человек, ничего твоего мне не нужно — я вижу тебя, что ты с похмелья.

Напоила его крепко, спрашиват его речей:

— Что ж бы ты сейчас увидал свою жену, стал бы ты с ней жить хорошо?

— Ах, товаришш, не то что чо, ежли бы я увидал свою жену, я бы ноги ее расцолавал, так тошно мне тепере.

Пошла она, доложила хозяину:

— Хозяин, рашшитай меня, будет, я поторговал у тебя.

Хозяину неохота отпустить человека такого.

— Не ухуди, живи у меня, вот я тебе жалованья полужу шестьдесят рублей в месяц. Ты у меня человек вернай, мне жись с тобой легкая стала.

— Нет, мне ничего твоего не нужно, рашшитай меня.

Нечего делать хозяину, рашшитал со стоном етого человека. Получила рашшот от хозяина, а своёму мужу наказала крепко:

— Вот по такой-то улице, под таким-то номером гостиница — в етой гостинице возьми номер и дожидайся меня, там увидишь в етой гостинице свою родную жену.

— Хорошо, молодец, правду ли ты, врешь ли, что увижу свою родную жену, пойду сё рамно.

Приходит царская дочь в большой, в огромнай магазин, берет, накупат, что ей надо. Оделася, как следоет,— человек. По городу идет — люди поглядывают: откуль взялась такая дама.

Заходит в ету гостиницу, куды приказала мужу зайти. А он сидит в угулочке, трясется с похмелья, увидал ее в глаза, пал ей в ноги.

— Откуль, моя дорогая, явилася? Правду мне сказал молодой человек, натравил меня верно.

Она ему в ответ:

— Будешь ли жить со мной как человек, а не как скотина? Должо́н ты себя во внимание взять. Ведь ты знаешь, куво взял. Тебе говорить нечего — знаешь ты всю свою жисть. Мое дело — я где хошь проживу, а твое дело — пропашшее. Ну, прошшаю тебя, друг любезнай, за ети дела. Впредь, позже у меня не делай ети дела. Подем со мной.

Зовет его в столовую. Заказала царская дочь обед на восьми блюдьев, вина хорошего. Сидели, беседовали, выпивали, ночевали в етой гостинице. Все уплутила она чесь чесью. Вышли из етой гостиницы.

— Пойдем, друг мой любезной, на воздох, подальше от етой гостиницы.

Дошли оне до лугох зеленых. Приустали, сяли отдохнуть — выпили водки, говорели, беседовали. Царская дочь маленько вздремнула. Увидал ее муж — у нее на шее зблеснелася золотая цепочка.Тихонечко, легонечко собрал, ничего етого не понимает, сидит, держит в руках, любуется, всякие дарогоценности на етим кресту — глядеть никак невозможно.

Потом неоткуль взялся огромнай, большой коршун, выхватнул дарогоценность и полетел, поташшил. Бросился мущина. "Дай, догоню, может быть, оде догоню, бросит он оде-намить ее". Сколь коршин ни летал, окружил человеческую голову, совсем сбил его с пути, не знает, куды выйти. Коршин бросил его вещи, схватил мужик ети вешши, сложил в карман.

— Ну, топере как я буду искать свою жену — сам не знаю, куды итти.

Ходил, ходил, путался, време поздо стало, вышел на дорогу. "Оде ж,— думает на уме,— буду ее искать". Путался, ходил, страдал. Таким же манером упеть добился до того, что ни поисть, ни попить, ни позавтрекать. А ети ее вешши берегет, как свой глаз. Тоже дело ето же дошло. Нанялся упеть кресьянину работать. Тоже жил сколь време. Упеть хрисьянин просит его:

— Поежжай, вот в таким-то месте паши пашню. Ночуй, не одолить тебе будет ближе́.

Вот он пахал, подъезжат, камню́ задел сошник — услыхал, что там прозвенело, останавливат коня. Упеть ему Бог дал счастье — лежит золото, сильно много. Приезжает домой, упеть у хузяина ращет просит. Хозяин маленько присердился:

— Почему ты у меня не живешь, чем ты недоволен?

— Хочу я идти на свою сторону. Будет — по́жил.

Отдает ращет хозяин, рашшитал его. Опеть дошел до человека, выпросил коня, сходил на базар, купил корзину, взял с собой воску. Доезжает до етого места, нагребает золото-серебро полон корзину; ети ее дорогие вещи вынимает, кладет ету корзину, заливает воском крепко-накрепко. Ставит на лошадь. Приезжает хрисьянину. Упрусил его:

— Увези меня, хозяин, до пароходской пристали, я поеду в свою сторону, оде я родился, в которым в городу́. Будет мне шляться по чужой стороне. Перьменить мне нужно жизнь.

— Хорошо, — утвечал мужичок, — отвезу я тебя.

Увез мужичок етого человека, доставил до пристали пароходской. Забыл етот мужичок взять собой продукты — пройти етот путь через море.

— Чо же я, — думат, — буду исть, буду пить?

Спросил у капитана, скоро ли будет о́тправка парохода. Тот ему наложил време, что:

— Вот услышишь первой свисток у пуреходу, поторапливайся, иди скоре́, не шляйся. Услышишь второй свисток — то ето время пуреход на ходу, третий свисток — отдаляется от етой от пристали далёко. Мотри, иди скорее, не проробей.

А етот его багаж у пристали. А у етой у пристали все етот человек блю́дил: кто чо оставлит, он все подбирал до поры до времени. Потом отдавал хозяину. За ето человек составил себе большой капитал, что он охранял чужие сумны.

Вот прибежал мужичок: пароход ушел, багажу его нету.

— Ах, Господи! Наказыват меня Бог за мои грехи. Правду мне говорила моя дорогая, что ты делашь неладно. Она идет на правило, а я делаю другое. Ничего етого у меня не выходит.

Оввернулся мужичок: "Дай с горя зайду в питейну к етому хозяину". Зашел в питейно — она упеть тут торгует, пришла, а он не может ее личнось принять. Она его смекнула.

— Что, молодой человек, загорюнился? Что-то, видно, у тебя дело неладно?

— Ах, молодой сиделец, тошно мне, никак не могу перьнести я. Подай мне стакан водки, пускай мое сердцо отойдет. За ето всякими неправдами я тебе заплачу, осталось ешо у меня деньжонок.

Она ему в ответ:

— Иди ближее к застойке.

Наливат стакан вина.

— Иди, пей, может, ты с похмелья.

Наливат другой.

— Пей ешо!

Притащила ему кусок ветчины, пои́т его, кормит. Спрашиват его:

— Что, об чем горюнисся?

Он ей все подробно рассказал. Она упеть берет во (в)нимание свое.

— Нашел я ее, — говорит, — вот потом у нас упеть дело вышло с ней неладно. Были мы, гуляли с ней в чистым поле, устала она, заснула крепким сном, я увидал у ей чипочку золотую. Сидел, любовался над етими вешшами. Неоткуль взялся коршин и унес ети вещи. Вот бегал я, догонял его, закружилась моя голова, коршин бросил ети вещи, поднял я.

— Хорошо, молодой человек, исправно ли ты мне отвечаешь? Оде ети вещи у тебя?

— Ети вещи, я нашел клад на́ поле, взял у людей коня, уехал, на базаре купил корзину — в ету корзину все сгрузил, в ету корзину вещи склал и все крепко-накрепко воском залил. Хотел попасть в свою сторону, но тольки не пришлось етого. Забыл купить на дорогу хлеба. Побежал купить на базар. Пробегал ето време, прибегаю — пароход ушел. И не знаю, где мои вешши, кто их утушшил. Ничего не знаю. Потерял.

Потом она ему говорит:

— Будешь жить хорошо со своёй женой, то все дело твое будет твое исправное. Все жена твои вещи знает, оде оне лежат.

— Между етим, я же упеть не виноват, только оплошность моя.

— Ничего об етим не разговаривай. Только будешь жить хорошо со своей женой?

— Топере я намаялся, нашлялся, как же мне не жить хорошо. Охота топере мне попасть в свою сторону. Будет шляться.

Отправлят она его:

— Вот тут недалеко гостиница, вот по такой-то улице, под таким-то номером. В етой гостинице возьми номер и дожидайся меня, там увидишь в етой гостинице свою родную жену.

Вернулась она назадь.

— Ращитай меня, хозяин, будет, пожил я у тебя. Не утеряй те вещи, что принел вчера у пурохода. Я знаю хорошо ети вещи — корзина, воском залитая со всех сторон. Я завтра приду с хозяином за имя.

Приходит царская дочь, увидала своего мужа. Рассказала ему подробно. (*В два ряда она сказывается — вот холера-то!*)

— Знаю, оде твои вешши.

Заказала обед на восьми блюдьев, давай пировать, гулять, отдыхать. Переночевали.

Утром:

— Пойдем со мной брать вешши.

Приходят [к] хозяину. Отворят кладову.

— Вот хозяин нашелся вешшам етим.

Отдает ему етот мужичок полторы тысячи деньги за ету за сохранность. Хозяин с блаадарносью принял. Потом дождалися оне парохода, уплыли опеть в чужое, дальное царство, от отца далеко, показаться ей никак нельзя в свою сторону. Опеть она схлопотала место в цендре, в городу́. Опеть поставила дом. И стали жить, стали быть, лутче их нету в городе. Быль ето!

После рассказа собиратель:

— А как же она снова попала в питейное?

— Ох, холера, забыл я! Ну, проснулась она, хватилась чипочки, видит, что "нету на мне ничего. Разорил меня злодей. Как был обалдуй, так обалдуем и пахнет. Не жить ему на свете путем. А я-то, — думат, — пойду, на свете кусок хлеба себе найду". Ну вот, так и попала упеть в питейно. Ты ведь уж ето писал...

7. ПРО ПЕТРА ПЕРВОГО

Прежде солдатская служба большая была. Один солдат отслужил свое время и пошел домой. Застигла его ночь на большой дороге. Петр Первай[1] ехал с охоты, ну и повстречались оне друг с другом. И Петр Первай его выпытыват:

— Ну чо, служивай, как служил службу?

Он отвечат:

— Я восемь лет служил службу, но восударя самого в глаза не видал, охота мне было его посмотреть, кому службу служил.

А Петр Первай спрашиват его:

— Ну а глянулась ли тебе восударева служба? Доволен ли ты был пишшей, например?

Он ему все хвалит:

— Хорошо я служил, чесь чесью служил, всем доволен, — говорит, — но только тем я не доволен, что самого государя не видал.

---

[1]Имя царя в полевой записи обозначается: П. I. Здесь используется форма, приведенная М.К. Азадовским в другой рукописи этой сказки (ГБЛ, ф. 542, к. 39, ед. хр. 8, л. 2—13).

И он его спрашиват, восударя Петра Перваго:

— Вас как звать?

А он ему на то ответил, восударь:

— Меня зовут Гриша.

Вот оне, значит, остановились в лесу, отъехали в сторону от тракту.

— Ну-ка, служивай, слазай мне на дуб-дерево и погляди, не горит ли аде огонь, и мы туда поедем переночевать, узнаем, что за люди живут.

А дуб-то гладкой, за него никак уцепиться нельзя. Он ему и сказал:

— Ты,— говорит, — Гриша, поверни коня задом, я с него заскочу да на дуб и уцеплюсь.

Он только коня повернул задом — солдат уж там. Он и не слыхал, как он там с коня схватил.

Потом восударь его спрашиват:

— Ну, чего, служивай, видишь ли чего?

— Вижу, — говорит, — в далёкой стороне огонь блесни́т.

Потом Петр Первай отвечат:

— Ну слезавай, служивай!

Он только слез с дубу, потом Петр Первай и говорит:

— Ну, служивай, теперь ты постой, я посмотрю, залезу на дуб.

Вот Петр Первай залез, а солдат остался у коня, ошшупал его — там фляжка вина привязана. Он ее ушарил.

— Ах, — говорит, — едят и мухи с комарами, вот ишо ест и подосиновка, дай, — говорит, — я дёрну.

Но выпил и обратно завязал, как и знаку не было.

Петр Первай слезат и говорит:

— Послушай, служивай, садись зади меня и поедем в ту сторону, к етому огню.

Потом он говорит, солдат:

— Послушай, Гриша, ты поезжай зади меня, а я пойду пе́редом на етот огонь.

Солдат пошел в полный ход, а Гриша за ём еле успеват — коня на хлынь берет. Ну, подъезжают оне к етому огню, стоит дом двухетажей. Потом он стучал-стучал — никто не отворят. Собаки только там бушуют во дворе. Потом он говорит:

— Гриша, подверни коня — я, — говорит, — сейчас с коня на той стороне буду, отворю ворота, ты в ворота и заедешь.

Он только туда скочил, собаки на его бросились, он тесаком своим всех собак перерезал, ворота́ открыл, Петр Первай туда въехал.

Подходит солдат ко дверям, стучит, ломит и говорит:

— Что здесь за люди живут? Почему ворота́ не отворяете? Почему людей не примаете?

Потом со стоном приходит старушка, отворят имя́ двери.

— Ну что же ты, старая, притащи нам чо-набить поись, мы пожрать хочим, — солдат распоряжается.

Потом она принесла такую пишшу, которой собак кормят, поставила на стол. Солдат сердится, ругатся:

— Почему же вы так живете нехорошо? У вас ничего приятного покушать нету?

Девка немая стоит у зубору и головой мигнула солдату, что вот иди в ету сторону, там найдешь пишшу. Солдат, значит, пошел, отворят комнату, печь отворил, в пече́ жарится гусь. Етого гуся́ солдат своеручно принес.

— Ето чо у тебя, старая псина, жарится? А ты чего ставишь нам чего не следует? Садись, Гриша, — говорит, — маленько покалякам етого гуся.

Восударь ему отвечат:

— Садись, служивай, кушай, мне что-то не хочется. Душа твоя сколь жалает, пей-ешь тут.

Тамоко он с ём разговаривать, полгуся съел солдат и шенпанского вина бутылку выпил. Потом он распоряжатся, солдат:

— Ну вот, старая, нам нужно отдохнуть, уступи нам комнату.

— Хорошо!

Та отворят комнату и проводит их в верхной етаж. В верхнем етажу постели, ложи, пухувые перины. Етот солдат был хитрай человек.

— Но ты, Гриша, ляг отдыхай, а я постою на карауле, чтоб нам тут худа не было. Здесь, однако, люди худые живут.

Он [Гриша] лег, заснул. Потом, значит, как пошел храпеть, весь корпус ходуном пошел, не терпит, значит, под ём. Потом солдат не спит, слышит: приезжают семь человек верховых во двор. Потом лошадей заворачивают и один за одним идут, а старуха выскочила, отвечат имя́:

— Послушайте, мои дети, ступайте поосторожне, у нас есь вверху две залётные пташечки.

Пришли оне в избу, садятся за стол, ета старуха отвечат:

— Немая-то показала пишшу, гуся́ я вам готовила, солдатишка проклятой все съел. В полон меня всю взял, жизни своей я не рада с имя́.

Старший брат подходит, хлеснул немую, немая упала со стоном. Потом оне пили, гуляли. Потом отец распоряжатся над большим сыном:

— Полезай, — говорит, — поди, отруби имя́ голову обоим.

Тот лезет туды к имя верх бить их. И етот солдат предловчился, тесаком своим снес ему голову. Голова его осталась верху, а туловишшо покатилось по леснице на низ. Потом, немного погодя, посылат отец второго сына:

— Чо ето он так долго делает? Не может что ли золото-се́ребро обобрать? По-моему, надо имя только одну пикульку перерватъ.

Ну, солдат таким же манером снес тому голову. Отец опеть распоряжение делает, посылает опеть сына:

— Чо они там делают? — говорит.

А он, значит, третьему опеть так же голову снёс и четвертому снес таким же родом, и пятому ета же у́чась. Шестому ета же у́чась. Осталась очередь за отцом.

— Хо, я пойду, много разговаривать не буду. Оне что, подлецы, делают — шесь человек не могут двух людей убить? Таши, старуха, вина, я с имя́ поправлюсь, так ладно выпьем!

Лезет туда старик, со стоном подыматся туда. Только голову высунул, солдат тут его хватил тесаком — голова, как шар, откатилась.

Потом солдат говорит:

— Вставай, Гриша, полно тебе спать! Вставай! Оглядись кругом, что я доспел. Жизнь я твою, — говорит, — охрани́л. Оглядись кругом.

Петр Первай бросил глаза, добыл огня — всего его затрясло, испужался. Солдат весь в крови, как черт.

— Ну, теперь, Гриша, пойдем вниз, спросим ету старую псину, накажем ее, чтоб так впредь не делала она. Здравствуй, старая ведьма, я — солдат, пришел с того свету тебя, старую ведьму, вот на етом тесаку...

Старуха отвечает:

— Служивай, не губи мою жисть! Пойдем, — говорит, — я вас уведу в подвал, там в подвале всякое злато-се́ребро, драгоценные деньги. Берите, что хотите и сколь хотите, только оставьте меня на свет.

Потом подходят оне к етому подвалу, отворяют дверь, немая стрелила из леворвера — только пуля пролетела нимо восударевой шеи. Солдат оглянулся, и он того же разу ее жгнул, она и слетела.

Потом осударь отвечат:

— Ну, служивай, полезай туда, бери злата, и бери се́ребра. Мне всего етого не надо. У меня и своего довольно. Не завистую я етим чужим деньгам.

Потом Петр Первай ему наказал:

— Послушай, служивай, — теперя он набрал етой суммы полный карман, злата и се́ребра напихал, едва вылезат оттуль, — вот как мы ехали теперь, дойди до етого места, где мы с тобой встренулись. Иди етой дорогой обратно в город, там увидишь меня, сойдешься со мной.

Восударь приезжает в город. Доспел распоряжение, выгнал несколько солдат:

— Потом вот такой-то солдат пойдет — отдавать ему чесь навытяжку!

Вот солдат идет, проходит, значит, в столичные ворота, заходит в город. Стречают солдата, отдают чесь ему навытяжку, кланяются.

Солдат думает на уме: "Ето что такое? Видать, знают оне, что у меня деньги есь". Берет горсь, бросат имя. Тем, значит, строго было наказано: подобрать все от солдата, не трогать ни копейки его.

Солдат увидал питейну, заходит он в ету питейну. В етой питейной стоит ему налаженой стол, накрытый, разные ему вина стоят, и поставлены у стула гля солдата, значит, креслы. Просют его садиться в креслы.

Солдат отвечат:

— Я вперед шел, нихто за мной не ухаживал, а теперь, едят вас мухи, знают, что у солдата есь деньги, и почтение почитают ему.

Сунул в карман руку, вывернул горсь золота и бросат на стол.

— Даром я пить-ись не буду!

Потом солдат пил и пил, упал и заснул крепким сном. Подбирают солдата и везут его на показанное место во дворец. Потом восударь доспел распоряжение: прибрать етого солдата в комнату, прибрать его на ложу. Поставил двух прислугов ухаживать за етим солдатом. Потом он пробудился, бросил глаза, огляделся кругом: "Ето что такое мне деется? Знают же, что у солдата деньги есь...". Опеть вынимат горсь золота, бросат. Перед солдатом стоит стол, набра́ной всякими разными винами и за́кусками, всякой благодатью восподней изукрашенай. Слуги ухаживают.

Потом его спрашивают:

— В положении ли ты, служивай, можешь ли ты содаржать слово перед государем?

Потом он имя отвечает:

— Могу, — говорит, — отдать ответ государю.

Подхватили солдата, повели в терем, иде государь занимается.

Ну, он как зашел в комнату, на него глянул, на государя-то — восударь сидит в полной аммундировке своей.

— Ну, служивай, — говорит, — увидал ты тепере меня?!

Стал над ём, повернулся.

— Видишь ты, — говорит, — мою личность? Доволен ли ты, — говорит, — теперь етим? Увидал меня в глаза?

Потом солдат пал на колена, кланятся государю в ноги. Государь его не допустил, подхватил, поставил обратно на ноги. Потом восударь его, значит, не отпустил из своего дворца, дал ему чин генералом, поить-кормить до смерти етого солдата за то, что он сохранил его жисть.

Потом восударь доспел собрание, съезд народу. Собралася публика, народу. И потом восударь вывел етого солдата. Он весь в крове, все на ём засохло — оборони Господи! — на человека не находит. Тепере говорит:

— Видите етого солдата, в чем он? — говорит.

Все ужахнулись, руки ломят, испужались (не разб. - *Н.С.*).

Потом пришло распоряжение прислуге. Подхватили етого солдата, умыли его и одели его в енаральскую лопоть. Потом делат распоряжение осударь: оде оне были, отправить несколько лошадей, собрать ето злато-се́ребро, предоставить сюда. Приезжают оне туда — старушка не вытерпела, все в огне спалила и сама себя сожгла. Вот как! Конец.

8. ПРО ВОРА

Были-жили два брата. Один был богатой, другой — беднай. У одного было три сына. Вот брат у брата давай просить сына:

— Отдай, брат, мне одного сына. Живешь ты бедно́, а я живу хорошо. Пускай — помру — владет всем моим хозяйством.

Путом взял большого парня отдал. Вот он пошел, потом запрёг дядя лошадь.

— Ну, поедем, Васютка, со мной в чистое поле.

Вот ехали, ехали, доехали до тех степеней — по горам, по долам, по морам. Потом увидал он луга, обширные, большие, чистые места — только стоят одне древы́, в нёбо упирают. Потом говорит дядя:

— Чо, Васютка, можно делать здесь, в етих рощах?

— О, дядюшка, все можно здесь доспеть: пашню распахать, хлеба насеять.

— Нет, Васютка, ты мне не сын, поедем вобратно домой.

Приезжат, идет, ведет брату парня.

— Нет, парень етот мне не сын, дай другого!

— Ну, поезжай, Паша, с ём. Поди, иди, Вася, домой!

Вот он упеть запрёг коня, посадил парня, привез в ети рощи, доезжат, спрашиват:

— Ну, чо, Паша, можно делать здесь, в етих рощах?

— О, дядюшка, все можно здесь делать! Можно лесу нарубить, можно дом хороший срубить.

— Нет, Пашутка, ты мне не сын. Поедем вобратно домой.

Ворачиваются домой. Приезжат брату.

— Нет, ето мне не сын! Малого мне отдай, ети пушай у тебя.

— Ну, поди, Гришка-плут, тебе по пути плутовать с дядюшкой со своим. Поди, иди, Пашутка[1] домой.

Вот посадил дядя племянника, довез до етих рощев. Спрашиват:

— Ну, чо, Гриша, можно делать здесь, в етих рощах?

— Ну чо, дядюшка, в етих рощах можно все доспеть — украсть и спрятаться и утуить все на свете. Посиди-ка маленечко, я побегу. Евон, видишь скота гонят? Я сейчас быка украду и знать не будут, не отышшут никовда.

Вот он убежал тихими стопами. Украл быка, отогнал стороночку, что не вытти и не вылезти етому быку.

Потом бегут ети сгоньчики разыскивать быка, потеряли. Етот мальчишка одну ногу разул, бросил сабог на дорогу. Бежит сгоньчик, подымат сабог и думает на уме: "Черт с ём, с быком, етот сабог дороже етого проклятого быка". Поднял етот сабог. "Дай побегу подальше, не найду ли я парочку сабога".

Бежит. Гриша так доспел расстояние — доспел полвёрсты, бросил другой сабог. Добегает до другого сабога, Богу молится: "Слава Богу, мне Бог дал парочку. Ети дороже етого проклятого быка".

Межю тем дядя с племянником угнали быка без весте — итак бык ихний стал. Потом вечером отвечает Гриша дяде:

— Поедем, дядя, в государственнай банок, украдем сумну большую денег — нас никто не поймат. Мы все с тобой доспем.

Как подъехали восударственному банку:

— Что будем делать, Гриша? — дядя говорит племяннику.

— Ех, ты, дурак, старше меня — ничо в резон не понимаешь. Давай пробьем дырочку стенке, разберем кирпич, я залезу, накладем воз злата-се́ребра.

— Ну, лезь, Гриша! Я буду стоять да золото таскать, мешки набивать.

До тех пор вор Гришка таскал — пристал таскать. Полный воз увурувал злата-се́ребра.

— Ну, будет, дядя, нам с тобой вуровать, хватит нам на наш век с тобой. Заклади ету дырочку, чтоб не знатко было, чтобы не могли догадаться, откуль кто попал в государственный за́мок. Нас с тобой не найдут вовек — за нами все будет.

Как была стенка, так чесь чесью Гриша-мальчишко все заклал.

— Ну, поедем, дядя, домой. Будет нам с тобой восударственнай банок зорить, сильно много ведь я тебе стаскал.

Приезжают домой, дядя радой — оборони Бог, в три ряда богаче ешо стал! Потом, не в задолге време, опеть дядя зовет племянника:

— Поедем, Гриша, в государственный банок, еще украдем злата-се́ребра. Твоёму родному утцу надуём, он такой же будет богатой, как мы.

А там про их было приготовленное. Наутро хватилися служашши, пришли, отворили восударственный банок — сумны много потерялося. Ничо, все цело, никто не знает откуль. Бросилисе в тюремнай за́мок. Был там один вор, обсуждён на вечную жись. "Дай мы пойдем, спросим его, как натъти ето имушесво. Кто мог взясть? Мы ничего не знаем".

Вор тюремный отвечает:

— Я вас научу. Подите восударственный банок, двери все наглухо заприте, навалите до верху́ дымокур; дым, оде дым подастся — тут, наверно, дырочка есть.

---

[1]В архивной записи ошибочно: Васютка.

Пришли, наклали дымокуру, округом заперли все, стали круг дому оглядывать — в одним месте подался дым скрозь стенки. Давай смотреть, давай шшупать.

— Ех, ребята, вот тут вор лазал. Так и так, под темя́ кирпичами глины нету, разобра́но ето место.

Потом придумали на уме: "Что доспеть? Что и как?" Опеть бросилися в тюрьму к старому вору:

— Нашли мы дырочку. Что будем делать?

— Вот чо вы доспейте: поставьте у дырочки бочонок смолы, накладите камней, чтоб она кипела. Наверно, оне приедут второй раз вурувать, упудут в ету смолу — вот поймаете вора.

Вот поставили бочонок камней, скипятили смолу. Приезжают дядя и племянник второй раз восударственному банку.

— Ну, Гриша, лезь!

— Нет, я не полезу, дядя, я тебе достал, будет! Как хошь! Теперь твоя очередь злато-се́ребро таскать. Я буду помаленько примать да на таратайку бросать.

Дядя полез — бух! — в смоле стипел. Мальчишко коня заворотил вобратно, приехал к тетке.

— Вот, тетка, я сёдни не велел ездить, вот дядя-то в бочонке в смоле стипел. Чо будем делать тепере?

Опеть приходят к вору, он имя говорит:

— Вот возьмите ето тело в железнай [положите] гроб, возьмите поставьте середь городу́, и пущай он стоит. Наверное, какой-нибудь человек придет. Как он шплачет, тут караул его поймат. Вот ето самый вор.

А етот мальчишко запрёг коня, поставил бочонок водки в худенькие дроги, доезжает. Было дело в ноче́. Стоят часовые у етого тела. Доезжает до етого места, взял спицу выдернул из колеса, колесо упало, и ревет нелёсно:

— Дядюшки, дорогие мои, подите, помогите мне надеть колесо на дроги! Моей силы не хватат, обробел я — спица вылетела, колесо спало. За ето пейте водки сколь угодно вам!

Бросили каравульщики караулить телу, подбежали, нашли стягу, подняли, надели колесо. Мальчишко отвечат:

— Выпивайте, дядюшки, сколько душа желат. У меня в карманчике дудочка есь.

Молоточек выташшил мальчишко из карману.

— Сколотите один обруч, потом напьетесь, забьем его на место!

Вот пили, пили... Все караульщики опились, упали по дороге в бесьчусьвии ползают.

Мальчишко подъезжат к своему к дядюшке, подловчился, ничо ето не устуяло, бочонок с водкой спихнул. Так да сяк, дядю со всем с домовишшом на дроги навалил. Увез на могилы. Подкупил людей выкопать могилу. Похоронил своего дядю. Никто не знает, что его дядя в сырой земле.

Приходют из восударственного дворца посланники:

— Оде покойник?

— Нету вовсе его, со всем с гробом увезли без весте.

Караульных всех в острог угнали, в тюрьму посадили за ето. Потом бросились все вобратно к етому к тюремному вору.

— Чо мы тепере будем делать? Украли совсем покойника у нас!

— Ах, вы, дуруки, не можете вы поймать вора! Я вас ешо научу, как поймать вора. Подите купите козла, оболоките етого козла деньгами, не жалейте, златом-сéребром. Опустите по городу. Кто украдет етого козла, убьют его, зарежут, наладют, нажарют, напарют, наверно. На другой день опустите нишшего старика по городу. Научите его: пушай зайдет в комнату, наднесет ему гуранье мясо, пушай попросит — нальют ему етих шшей. Выйдет за ворота, напишет на заплоте, что я тут был, гуранье мясо ел. Вот вы поймаете вора тут.

Приходит Гришка — он был на базаре — приходит домой. Видит надпись: "Был нишший в етим доме, гуранье мясо ел". Гриша бросился, весь квартал как есь опечатал: "[Был тут нишший в етим доме], гуранье мясо ел". Вот весь квартал, все заплоты опечатал.

Потом идут посланники:

— Оде на заплоте написано "Гуранье мясо ел нишший", наверно, тут поймам.

Прибежали посланники, идут — на одним заплоте: "Гуранье мясо ел [нишший]"... Дальше пошли — домов двести — и все на кажном заплоте написано: "Гуранье мясо ел нишший". Так ничо и не дозналися.

Ешо сказать надо — напиши ето.

Когда он в гробу лежал, дядя-то, тетка-то говорит ему:

— Как бы мне доспеть поплакать — мне бы легче было.

А Гриша отвечат:

— А ты, тетя, поди к нему, уруни пятачок да и плачь. Тебя спросют караульны: "Об чем, тетка, плачешь?" — "Да вот в жизни у меня нет куска хлеба, а вот я потеряла пятачок денег, вот об ём и плачу".

Так и сделала. А один дал ей ишо на дорогу денег.

9. ФОМУШКА-ВОР

Был Фомка-вор. Восударь не мог ни в чем поймать, никак не мог его сказнить. До то дело дошло, дал форменную бумагу Фомке-вору, отпустил его по всей земле: "Кто Фомушку-вора поймат, того человека я полцарсва наделяю, а кто ложно на Фомку-вора скажет, с того человека голова с плеч!"

Вот зашел Фомка-вор в столичнай город, дознался его денерал-губернатор, что он сильнай мошенник, вор.

— Я его искушу, полцарсва получу, его предам сырой земле!

Призвал губернатор Фомушку-вора к себе:

— Ну, Фомушка-вор, украдь у меня барана — выгоню тысячу баранов на́ луг, у кажного барана будет пастух!

— Украду, ваше сиятельсво, все рамно!

Вот выгнали на луг баранов. Закрался Фомка-вор на бережок к озёру, наплёл плетушков, наловил полевых утят, насадил полон садо́к. Пригнали пастухи увец, пришли к етому озеру на бережок. Все сяли — у их тут уходбишше было, у етих пастухов, в тот раз. Фомка-вор тайными тихими стопами [подошел], разрезал садок — посыпалися утята по всему берегу, по всей воде. Бросилися пастухи ловить етих утят. В тот раз украл Фомка-вор удного барана.

Вот вечерком время дошло, гонят баранов хозяину. Денерал-губернатор стоит на дворе, сочитал всех баранов — удного барана нету. Послал посланников отыскать Фомку-вора, куды барана девал.

Фомушка-вор ничего ето не боится: идет лично губернатору, заесняет ему. Спрашивает его денерал-губернатор:

— Что, Фомушка, украл моёго барана?

— Так точно, украл!

— А где он?

— Продал, ваше сиятельсво.

— Куды деньги девал?

— Деньги пропил, ваше сиятельсво!

— Ну, хорошо, Фомушка-вор, стал меня зори́ть, так зори́. Что во что бы ни стало, все ж таки я тебя, мошенника, поймаю. Украдь у меня из стойла жеребца. Сто́ит мой жеребец пять тысяч целковых. Будет у меня стоять у стойла стража, будут стоять часовые с ружьями, будут гореть фонари — как днем будет светло!

— Украду, ваше сиятельсво! Ничего ваше патробно [?] не устоит, украду и украду!

Приходит Фомушка-вор тайным образом губернатору, тайным образом закрадывается в тайное место. Приходит полночь глухая, забирается Фомушка-вор в его кабинет, одеётся в денеральскую лопоть, одеёт полный мундир, что он носит. Выходит Фомушка-вор на публику, к жеребцу, к стойлу. Отвечат Фомушка-вор:

— Ребята, слуги мои верные, выведите моёго жеребца из стойла! Дай я сяду на его, уведу его дальше, спрячу, чтобы Фомка-вор не пришел, моёго жеребца не украл, не увел.

Отворяют стойло, выводят жеребца.

— Дайте мне ногу, я не залезу, он высокай!

Дали, поддержали коня, посадили Фомушка. Фомушка-вор уехал без весте. Поставил жеребца в тайное место, приходит вобратно тихими стопами. Никто не видал Фомушку, никто не слыхал. Закрался ему обратно в кабинет, всю ему одёжу чесь чесью свесил, как она была. Невзаметным образом вышел и убежал без весте.

Утром пробудился губернатор, выскакиват на улицу, спрашиват своих слуг:

— Что у вас, ребята, сокранно ли жеребец?

— Что вы, ваше сиятельсво, вы были сами, сами взяли рушно жеребца, увели его. Мы ето дело ничего не знаем, мы самим вам отдали!

— Ах вы, дуручье! Вы ведь Фомке-вору отдали моёго жеребца! Разыскать Фомку, предоставить ко мне!

Оглянулся губернатор назать — Фомка-вор тут стоит.

— Ну, что, Фомушка, украл моёго жеребца?

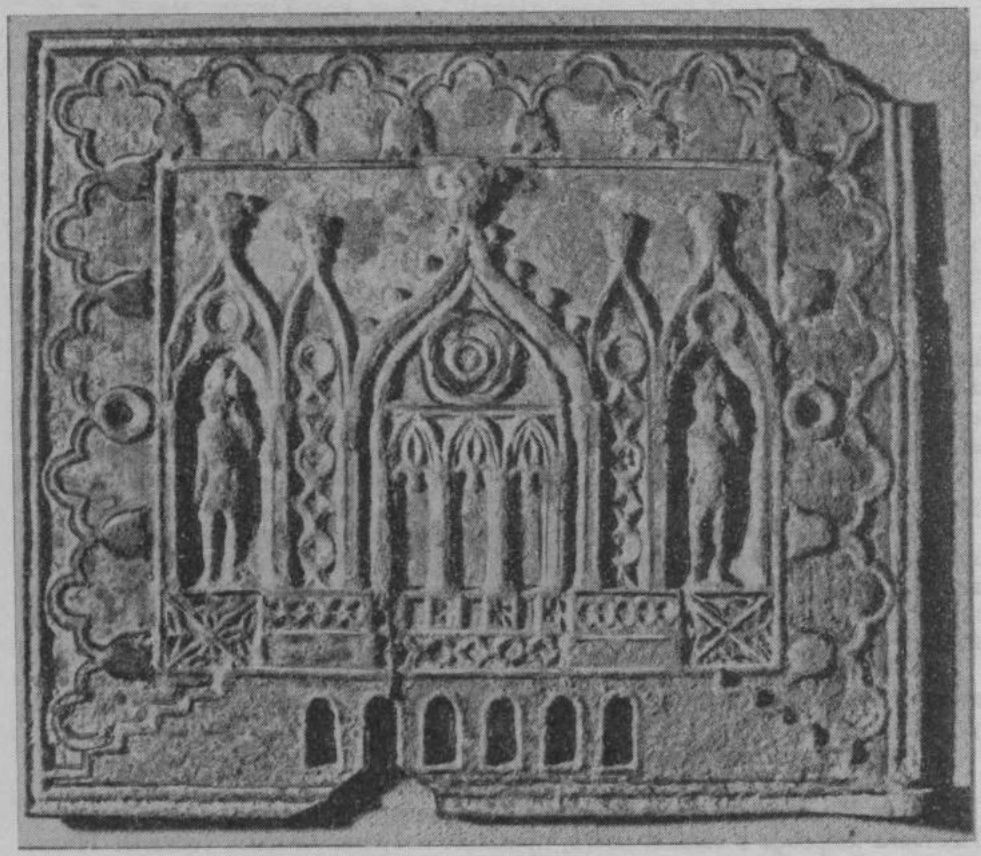
— Украл, ваше сиятельсво!

— А где он?

— Продал, ваше сиятельсво!

— А деньги где?

— Пропил, ваше сиятельсво! Ишшите мои концы! Как вы не находили, так вам не найти! Пропало все на свете!



Дверца печи

— Хорошо, Фомушка, колды стал зори́ть меня, то зори́ меня до конца. Вот я в свою в комнату поставлю шкатулку с деньгами, бессметную сумну денег. Положу на шкатулку своёго родного отца, чтоб он караулил капитал, сумну денег. Ишо того хитрее — положу двух караульнох у пурогу. Ишшо того хитрее — положу двух слуг-кухарок со стариком рядом на софушку — пушай караулят! И будут гореть огни!

— Украду, ваше сиятельсво, ето ничо не спасется, ничо не устоит. Все ето украду!

Вот Фомушка-вор ушел на базар, купил скотскую с <...> брушину, сходил в лес, из ли́свени накулупал сусули. Пришел Фомушка, закрался губернатору тихими стопами в тайное место. Дожидатся време, ковды заснули оне (в) бесьчусьвии. Наложил на их жостокой сон. Пропали, уснули оне смёртным сном.

Приходит Фомушка. Етим двум кухаркам, которы лежат на софушках, между их положил брушину с <...>, в сиродочку имя́. Потом двум служашшим, которы лежали у пурогу головами вместе, налил имя сосули, чтоб стипелися

Дверца печи

ихни волосья друг к дружке крепко-накрепко. Потом повернул старичонка вничь, запустил ему в непоказанное место духовую дудку, которая может играть на разныи голоса. Потушил все ихние угоньки, украл все ихние спички, чтобы им не добыть угня в комнате. Сам пошел по комнате, заревел громким голосом:

— Ваше сиятельсво! Не пора спать, пора ставать! Фомка-вор был, шкатулку украл да пошел. Сё вы проспали на свете, дожидайтесь меня утречком! Рано утром я снова к вам заявлюся!

Прибежал енерал. Осердился, крепко-накрепко пнул своих слуг, которые лежат у пурога, два своих мужика. Те с о́стани соскочили, не могут друг от дружки — стипелися. Друг дружку бьют, хлёшшут насмерть.

— Ты что, подлец, сделал? Пошто так волосья тянешь?

Друг дружку тянут, дерутся.

Прибежал к темя́ слугам-кухаркам:

— Что вы, сволочи, спите́? Все проспали! Фомка-вор был, все украл!

Те скропа (схропа) разбудилися, все в грязе́, в страмоте́, друг с дружкой ссорются:

— У тебя, <...>, лопнула, ты ходила, я знаю, что чижолая! Почто так легла, меня всю выпатрала — на <...>, да не убрала.

Шпонют, дерутся.

Потом губернатор подходит к своёму старичку отцу:

— Ей, ты, старай пёс, проспал все на свете, беги скоре, добывай огонька, зажги свечу!

Старичок со стоном встал, подбегат к печке, выташшил из-под печи угулечик, стал дуть угулечик — у его заиграла в непоказанном месте дудка.

— Что ты, старай черт! — отвечат ему сын. — Кому досада крепкая, всё кругом обнесли, унесли, а ты ешшо там разные музыки заводишь!

Прибежал, хлопнул старичка от жалания серца — тот и Богу душу отдал.

Наутро Фомушка-вор заявлятся прямо к нему налицо.

— Здрастуй, ваше сиятельсво! Что вам угодно? Я сам пришел. Украл, ваше сиятельсво, вашу шкатулку и с деньгами. Все на свете прогулял. Ничего — шкатулка пустая валяется без денег на тракту́! Подите возьмите ее!

— (М)не сё рамно, Фомушка-вор, зори́ меня до конца! Украдь с моёй жены золотой персень с правой руки. Будет лежать она рядом со мной на одной постеле.

— Украду, ваше сиятельсво, ето все рамно!

Вот доходит време, приходит Фомушка тихими стопами. Тихонько, легонько запрятывается в ихую комнату, в тайные место. Приходит ночь темная, идет Фомушка в ихний кабинет, отворят сундук, надеёт чистую лопоть — денеральскую сорочку и также подштанники. Подходит к имя, наложил на них сон престрашной, ужасной — пропали, уснули оне. Лежат как мертвые. Через плечо его будит легонько енеральшу:

— Проснися, моя любезная, отдай мне мое кольцо. Не услышишь, Фомка-вор придет, сымет с тебя.

Та дело не разобрала, пробудилася, сквозь соньё стинула со себя кольцо — думала, что ее муж будит. Подала кольцо Фомушке.

Утром пробудилася, спрашивать губернатор у свуёй супруги:

— А де у тебя кольцо на руке?

— Фу, восподи, Боже мой, сама я тебе отдала своими руками. Что ты, Бог с тобой?! Чо с меня взыскиваешь, колды сам с меня взял кольцо?

— Ах, ты, дура небёсная! Ето ты подала кольцо Фомке-вору!

Утром сам Фомушка-вор приходит, здоровается:

— Здрастуй, ваше сиятельсво! Не ходите, не беспокойтесь и не ишшите меня, я сам к вам пришел.

— Что, Фомушка, украл кольцо?

— Так точно, украл!

— А где оно?

— Продал, ваше сиятельсво!

— А деньги где?

— Прогулял, ваше сиятельсво! Пропало все на свете, не найти вам, все напрасно!

— Ну, хорошо, Фомушка-вор, ето тебе не служба, украдь меня самого, утушши, куда сам знаешь.

— Украду, ваше сиятельсво, и вас самих утушшу на показа́нное место. Я знаю куды вас утушшить. Да вот условие со мной доспеем. Строку будет — приду воровать чересь три дни, потом я могу украсть тебя.

Вот губернатор отца похоронил. Ушел Фомушка-вор, выкопал етого старика, одёжу его покойную надел на себя, а свою одёжу надел на покойного, свалил на плечо покойного старичка, потащил домой вобратно. Вылумил одно клетку у укна, пихат в одну клетку. Увидал генерал-губернатор, что Фомка лезет, пришел за его душой, воровать хочет его самого. На пики хватили етого покойного старика вместо Фомки-вора. А Фомка-вор за окном похохатыват, сладку водочку выпиват на плитуаре, ничего не знает.

Генерал возрадовался, что "я Фомке-вору жизь прикоренил, заколол, полцарсва получаю за ето у царя, наделит, наградит меня государь за ето, что я Фомку искоренил". Споил всех своих друзей-приятелев, всю дворню перепоил, возрадовался етой жизни.

В тот раз Фомушка-вор припас себе пребольшушший куль. Колды легли оне на спокой, Фомка подловчился к етому к окну, постукиват полегонечку, помаленечку етого губернатора.

— Проснись, ваше сиятельсво! Вы сегоднешной вечер Фомку-вора убили, жись его прекратили. Он не только чо, он восподу Богу противник, а не то что добрым людям. За ето вам я посла́ной человек от Николая-угодника утушшить вас во царсво небёсно.

Тот стал и думат на уме: "Верно, ведь он был противнай всем люде́м; верно, меня хотят в царсво небёсное. Пойду!" Взял форку отворил да и в куль-то к ему и залез. Тот, Фомка-вор, свалил на плечо денерала-губернатора. Легко ли, тяжело — тащит, в другим месте с <...>.

Доходит до церквы, залез на колокольну, подвязал его под большой колокол, под язык.

— Ну, дожидай, ваше сиятельсво, вот скоро придут посланники от Николая-угодника, поведут вас во царсво небёсное. Вы сейчас спасенные люди.

А назавтре праздник, воскресенье, пойдет служба. Приходит свящeнник рано, тёмно, заутреню служить. Посылат звонаря:

— Полезай, звони заутреню. Я маленько проспал. Часы доходют. Что это будет?

Звонарь залез на колокольну — у большого колокола язык не шевелится. Испужался звонарь, бежит с колокольни ту́маром на низ, свящeннику заясняет:

— Батюшка, я спужался — на колокольне язык под большим колоколом не шевелится. Что-то большое, огромное, белое ве́сится. Я чуть с ума не сошел, не пойду боле!

— Что ты, Бог с тобой, ты сёдни не проспался! Что ты, Бог с тобой, что будет у нас на храме? Ничего там нету, беги, звони скорее. То из-за тебя я неприятнось перенесу, между тем все часы-минуты пройдут.

— Нет, не пойду. Пойдем со мной на колокольню — двое я пойду!

Свящшенник тот раз спугался.

— Что тако у нас на храме?! Беги скоре! Позови людей! Известим, что у тебя на храме.

Вот он убежал, людей назвал, лезут на колокольню. Во руках кажнай человек дерьжит леворверы. Поднялися — увидали: куль большущий у большого колокола. Отвязали губернатора от колокола, выпустили на свет белый, стали спрашивать его:

— Почто, ваше сиятельсво, вы попали к нам на храм? Кто вас притащил?

— Меня суда дух святой занес. Я вечо́р убил Фомку-вора, за то восподь, Николай-угодник послал посланника, простил меня во всех грехах. Фомка-вор, он был Богу противен, не то что добрым люде́м!

Публика ладушки захлопала:

— Ах, ты, губернатор, сейчас ты дурак и дурак! Ето тебя не дух святой нес, ето тебя Фомка-вор вташшил, под колокол приташшил, под язык подвязал.

Сечас того же разу отбили телеграмму государю: "Фомка-вор обыграл кругом губернатора, самого украл, в храм приташшил, под большой колокол, под язык подвязал".

Телеграмме сейчас того же разу восударь ответ дал: "Разжаловать етого губернатора, призвать Фомку-вора, снять с етого денерала денеральскаю лопоть и всю его должность отдать Фомке-вору. Призвести его губернатором, а губер-

натора призвести на его должность. Чем Фомка-вор питался, ходил по белому свету — больше ему ничего, никакого ответа нет".

Фомка — молодец, обыграл, заслужил чин губернатора!

10. АФОНЮШКА

Пахал мужик пашню. Нагрел камней, поставил на пень горшочек, в горшочек наклал мяса. Горшочек типит. Подходют к нему три лютыя разбойника, хитрыя, мудрыя. Подошли, спрашивают его:

— Что у тебя без огня горшочек типит на пне?

— У меня горшочек-самотип, я разных потуг не имею — ни огня ничо не кладу. Чо в его наложу, поставлю, сварится, сам работаю.

Потом оне ему говорят:

— Променяй нам горшочек, возьми наш новай, меднай котел.

Вот взяли горшочек три разбойника. Шли, пристали к реке, один одного посылат:

— Ну ты, Фо́ма, руби мясо.

— Ну ты, Ерема, поди принеси воды!

Поставили на пенек горшочек, легли, уснули крепким сном. Один одного будит, проснулся:

— Поди, неси горшочек, нако все сгорело. Дамно мы спим, будем кушать.

Пришли, сняли горшок с пня — как было́ мясо красное, так и есь красное, как был холодный, так и есь холодный.

— Подем, найдем етого человека — пошто нас омманул?

Пошли, нашли етого человека.

— Знашь, Афонюшка, зачем мы пришли — зачем нас омманул? Мы тебе дали котел хороший, а ты нас омманул.

Плут Афонюшка в етот раз догадался, сбегну́л домой, принес хляжку пива, принес хляжку вина, нажарил латку мяса, спрятал их под три кусточка в землю и сидит строгёт три палочки.

А оне его спрашивают:

— Ты чо строгашь, Афоня? Гля чего ети палочки?

— Садитесь, прошу, мои друзья, сейчас ету палочку брошу под етот куст, тут выташшу хляжку вина, ету палочку брошу под етот куст — выташшу хляжку пива, брошу ету палочку под третей куст — выташшу латку мяса жареного. Послушайте, ребята, что я вам скажу. Простите меня за его, давайте пить-гулять, со мной пиревать.

Перву палочку бросил — отворачиват пласт дерна, вынимает хляжку вина, вторую палочку бросил под другой куст — вынимает хляжку пива, бросил палочку под третей куст — вынимает латку мяса жареного. Давай пить-гулять оне в конец!

Потом давай покупать ети палочки у него:

— Продай, Афоня, три палочки! Что будет стоить, мы тебе заплатим!

— Душа езли у вас горит взясьть мои палочки, стоют оне триста целковых: по сту рублей палочка.

Взяли оне три палочки, отдали триста рублей денег Афонюшке.

— Ну подемте, товаришши.

Вот оне шли и пристали, поись захотели, бросили по палочке по разному месту под кусты.

— Товаришши, давайте отдохнемте, потом будем пить и закусывать, будем выпивать.

Пробудилися, пошли, огляделися: как палки лежат, так и лежат. Пошарили местность — как трава сухая была, так и есь.

— Подемте обратно к Афонюшке, много разговаривать с ём не будем, убьемте его за ето!

Афонюшка сходил на базар, купил пузырь, начинил кровью, приказал жене своей наготовить всего довольно, чтоб было всего довольно разбойникох угустить. И сказал, что "придут оне, будут меня спрашивать, что убивать меня пришли, я в ответ буду имя́ говореть: перед кончиною моей жизни я вас угушшу, распорюдюсь своёй женой — наташшит жареного, вареного, наташшит пареного".

Дал своей жене пузырь с кровью:

— Положь под правую пазушку, скрой ло́потью, чтоб невзаметно было. Потом распорядюсь над тобою, что иди, наставляй — ты на то рассорься со мною. Наскажи, что мы сидим три дни не пимши, не емши три дня, а ты с меня взыскивашь. Потом я подойду, возьму ножик, ткну тебя по пузурю, упади, лежи, не дыши. Потом возьму пойду нагайку, стегну тебя до больна́ — терьпи, ставай, иди, ничего не говори. Готовь столы, ташши, что следует, будем гостить.

Пришли разбойники, спрашивают:

— Знашь ты, Афонюшка, зачем мы к тебе пришли? Убить мы тебя пришли. Зачем нас округом омманул, безвинно триста рублей денег мы тебе отдали?

— Погодите, три разбойника, не убивайте меня, преже попьем и погуляем, потом убивайте. Ну ты, Серафимья, иди наставляй, набирай на столы, чего следует.

— Что ты, анафьема, взыскивашь с меня? Везде шляшься, ходишь, ничего не припасаешь, приходишь — только с меня взыскивашь! Ничего у тебя нет, огорелой корки нету, а не то что разных за́кусков, разных вин! Ты сегодня одурел — убивайте его, три разбойника, анафьему от меня!

— Врешь, невежа, у нас так не делают!

Подошел, поспешил скорым ходом, выташшил из-за голяшки ножик, порснул бабу в бок. Упала баба, улевная кровь пошла из боку́. Лежит, не шевелится. Разбойники поглядывают: ето что кроется? Висит плеть, подходит он:

— Нет, врешь, сволочь, у нас так не делатся!

Сымат со спички плеть, подходит к ей, замахнулся, только слышали разбойники — просвистала плеть неутулима. Степнул крепко-накрепко ее. Соскочила баба, бежит в кладовку, тащит всякие разные вина, отворят, раскапывать баба печь, вынимат, тащит из печи большие латки, приготовленные пищи. Набрала стол всякой разной блаадатию. Натащила полный стол вин всяких разных.

— Садитесь, гости мои дорогие! Кушайте, что хочете!

Вот три разбойника опилися вина крепкого, закружилась ихняя голова, наелись досыта́.

— Послушай, Афоня, продай нам ету плеточку! Чего она у тебя сто́ит?

— Пятьсот рублей. Я ей живу!

Дуга с колокольчиком, хомут и подковы

Вытаскивают деньги, дают Афонюшке.

— Ну прощай, Афонюшка, блаадарим тебя за угушшение!

Вот пришли оне думой. Утром один товариш, у кутарого плеточка, пришел.

— Вставай, — будит свою жену, — вставай, будет тебе растягиваться, набирай стол гля меня.

— Ты чего, одурел? Оде ходил, оде бродил, чего принес — чего без пути с меня взыскиваешь? Сам знашь хорошо, что у нас ничего нету.

— Врешь, стерва!

Порснул бабу ножиком в правый бок, баба слетела, померла.

— Врешь, кудла, у нас так не делают!

Давай плетью. Дул, дул — ничо баба не встават. Повернул бабу, баба как чернай уголь лежит, по избе река кровé бежит.

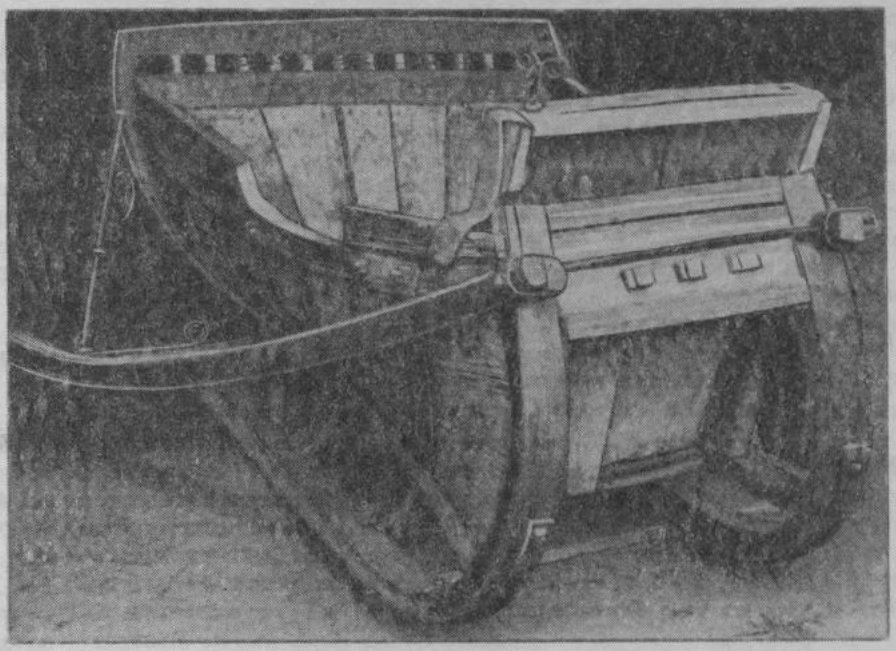
— Ах, вельма, вельма, округом нас омманул. Я пойду, пускай мои товаришши порубят своих жен. Не один я страдать буду — пускай будет всем досада!

Приходит своёму товаришшу. Тот спрашиват его:

— Верно ли его наше дело идет?

— Ой, ой, ребятушки, до горла я сытый пришел, очень хорошо. На́ плеточку, отдуй свою хозяюшку, чо неладно.

Тот тоже самое заколол свою хозяюшку. Ничего не вышло у него.



Сани выездные

— Дай, мне досадно, пускай всем рамно будет. Передам плетку третьему товаришшу. Пускай убьет свою жену.

Приходит ему, отдает плеточку, тот то же самое — заколол свою хозяйку.

— Подемте, убьем Афонюшку, разговаривать не будем. Теперь ему оправдания не будет, сгубил трех душ.

Приходят к Афонюшке:

— Знашь, зачем мы к тебе пришли? За твоёй за окаянной душой. Нагрезил ты нам беды. Из-за тебя мы своих жен всех зарезали.

Афонюшка имя́ отвечает:

— Три разбойника, посадите меня в куль, запихайте меня в пролубь, легче мне будет — все рамно там потону. Я там, может, не застану ли тройку каурых-бурых лошадей?

Вот оне схватили, посадили в куль Афонюшку, приташшили к пролубе́. Пролубь-то махочкая — не могут Афоню запихать. Убежали оне по пе́шню — ето от реки было далеко. Афонюшка лежит в куле, отвечает нелесным голосом, ревет:

— Суждят, рядят — на царство садят!

Едет в тот раз барин на быстрой, на ловкой паре́. Лошади: один — бурый, пристяжна́ — каура. Останавливаются у пролубе.

— Что за человек ревет нелёсно в мешке?

— Вот, скоро прибегут посланники, увезут меня во царство небёсно!

— Дай я тебя развяжу, садись на мою пару, вали по всему белому свету, а я буду дожидаться ету учась.

Залез молодой человек в куль. Афонюшка завязал крепко-накрепко.

— Лежи, скоро прибегут!

Пришли три разбойника, дело не разобрали, раздолбили пролубь, турнули етого человека в пролубь, сами говорят:

— Не так нам досадно. Все ж таки мы его убили, с белого свету сжили етого подлеца.

Афонюшка догадливой был — навстречу им бежит на паре лошадей.

— Что ты, злоехидной, ведь мы тебя запихали в воду, ты не пропадал что ли?

— Что вы, три разбойника, я вам сказал, что добуду там бурых да каурых лошадей. Видишь, глазом не моргнул, подкатил к вам!

(*Вот дуручье-то!*)

— Афонюшка, поди, сшей куль большушший, мы все трое в куль залезем, спусти нас в пролубь, мы трех пар лошадей пригоним!

(*Ах, дуручье! Ах, дуруки!*)

Афонюшка побежал, у его куль уж был приготовленай, приташшил куль моментально. Втолкал их в куль, раздолбил пролубь пошире.

— Отправляйтесь, три разбойника, на вечную жись!

(*Вот хохотать будут — читать-то!*)

11. БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ

На одним хорошим тракту стоял монастырь. Етот монастырь посещало очень много народу. Ни один не проезжал мимо етого монастыря. В одну прекрасную время, утром рано пришлось проехать одному крестьянину. Человек как религиозный, хотел он зайти и помолиться. И уж не тут-то было. Монастырские врата были очень крепко заперты. Давай стучаться в ворота. Подумал, что крепко спят в монастыре. Ну, никак не дождался никого он.

Только стал прислушиваться. Не то были гимны, не то стихи или просто песни. "Дак ето что же, оказывается, гулянка?! Оказывается, беспечальный монастырь!" Вынимает крестьянин памятную книжку, отрывает листок, пишет крупным шрифтом: "Беспечальный монастырь". Скрывает таким скрытым месте, залепил и уехал.

Недолго прошло ето времени, пришлось проезжать этим трахтом государю. И вот он тоже захотел помолиться в монастыре. Да только попалась ему ета самая бумажка на глаза. Что такое? С изумлением смотрит: "Беспечальный монастырь". — "Как же ето печали нету у его? Ковда я ведаю всем государством, и то печали и нужды у меня по горло!"

Заходит он в монастырь. Настречу ему идет отец-игумен с крестом. Приложился ко кресту государь.

— Да что же ето, оказывается, у вас беспечальный монастырь?

Игумен несколько струсил: "Что бы значили ети слова государя?" Остается не в доумении. Государь опять же ему повторяет:

— У вас, оказывается, беспечальный монастырь?

— Откудова вы ето знаете? — игумен спрашивает смиренно.

— Да вот, пойдемте посмотреть на улице, у вас есть какая-то вывеска: "Беспечальный монастырь".

Когда игумен увидел это, стал извиняться, что "кто-то устроил такую подлость. Что мы в монастыре не можем быть беспечальны". Государь сказал, что "это не зря, а наверно, кто-то знает вашу беспечальность".

— Дак вот что, отец-игумен, я наложу на вас печаль!

— А какую же вы хотите наложить печаль на нас?

— Да вот даю вам недельный срок. Задам вам задачу, чтобы вы мне ее разъяснили. И так попечалились эту неделю все бы монахи. Первая задача будет: сошшитать на небе звезд; вторая задача — небеса выше или тот свет дальше, как называют? И потом, оцените меня: что сто́ю я?

Сечас сял и уехал.

Игумен приносит такую печаль всем монахам.

— Вот что, братья, государь заехал помолиться — вместо моления оставил нам печаль.

Монахи все в недоумении.

— Что такое, отец-игумен говорит такое непонятное? Дак, говори же, отец-игумен, правду ли ты, врешь ли?

— Дак вот что, братие, кто-то насмеялся над нами, залепил бумажку. Написано жирным шрифтом: "Беспечальный монастырь". Он за эту-то вывеску и оставил нам печаль.

— А какую же?

— Дал нам недельный строк. Чтобы сосчитать на небе звезды — первая задача; а вторая задача — узнать небеса выше или тот свет дальше, а третья задача — оценить самого царя, что он сто́ит.

— Вот так-так!

Все за́хнули. Где же это смёртному человеку угадать такие задачи?

— Делать нечего, придумайте. Может, кто и угадат.

А время близко. Никто не думает угадывать. А только думают, что казнит всех. Один думает монах: "Так и так, жизнь недалеко, а уж лучше погулять и повеселиться. Дай, пойду в трактир, выпью порядком, чтобы скорее время только прошло, чем беспокоить себя".

И приходит он в трактир, заказывает огромный за́пас такой, трактирщик удивился — зачем же такой большой за́пас?

— А с горя и с печали, — говорит монах.

А тут как раз один трактирский пьяница.

— Что вы, отец, какая вам печаль?

— Да не говори, брат, нековда мне с тобой растабарывать.

— Что ты, отец, может быть, я тебе помогу?

— Едва ли ты своим кабацким делом поможешь мне-ка. Вот что, брат, государь ныне проездом наложил на игумена и монахов печаль. Задали три задачи, и никому они не выполнимы.

— А какие были задачи? — спрашивает пьяница.

А тот и стал шутя ему рассказывать.

— Да ведь, оказывается совсем пустяки, — говорит пьяница, — очень просто, могу отгадать я.

Монах даже оставил свое гулянье. И вот повел его к отцу-игумену, "который щедро тебя наградит". Когда приходит к отцу-игумену, монах заявляет про этого пьяницу:

— Вот что, отец-игумен, оказывается человек находится нас выручать.

— Да неужели? — говорит отец-игумен.

— А вот сами можете лично переговорить с ним.

Берет отец-игумен етого пьяницу, ведет в свою комнату.

— Ну дак что, брат, говорил тебе послушник всю ету историю?

— Да, очень хорошо запомнил.

— Ну дак, брат, берись. Что будет сто́ить, заплотим.

— Дак что тут плата — я не особенно в ей нуждаюсь. Прежде всего я должо́н надеть ваше игуменское одежду и облачение. Ведь надо привукнуть мне за ето время ходить, как игумену, а то я — ведь знаете — просто пьяница.

— Давай сейчас и поменяемся одеждою оба.

Пьяница надевает одежду игумена, а свою подраную дает ему. Нечего делать — хотя и неприятно, приходится надевать. Ковда они переоделись, пьяница и говорит ему:

— Отец-игумен, представьте мне несколько десетей бумаги.

— А гля чего это? — спрашивает отец-игумен.

— Ето лично мое дело. Надо ведь счеты как-нибудь сводить, звезды представить, а время уж близко.

Отец-игумен заказал послушнику принести бумаги. Принесли несколь десетей бумаги, и вот он взял карандаш и начинает писать. Писать-то было чо. Только заглавие поставил: подсчет звезд. А тут стал ставить цифры несложные такие. Где двадцать, где тридцать, а где и сотню, и тысячу поставил, а где и два, и три. И так закончил все ети бумаги в цифрах.

Ковда приходит отец-игумен к нему:

— Ну как, доканчиваешь ли нет? — спрашивает его.

— Да покончал, — говорит.

— А остальное измерил как? Как до неба и до того свету?

— Да ето я давно знаю, — тот пьяница говорит.

Ну-с ладно, значит, делать нечего было.

Приходит время — назначенный строк уже подоспел. Все монахи ждут с нетерпением царя. Только один игумен ни об чем не думает. Как будто бы не его дело. И вдруг появилась коляска. Приезжает государь со всею пышностью. Встречает его игумен с крестом.

— Ну как, отец-игумен, — спрашивает его государь, — угадал ли то, что я вам задал?

— Да не знаю, — говорит пьяница.

Усадил государя в кресло, а сам приносит несколько десетей бумаг, подает государю.

— Можете просмотреть, ваше императорское величество.

Царь начинает рыться в етих бумагах.

— Да что ты, отец-игумен, наврал тут много?

— Что вы, ваше императорское величество, в чем вы узнали, что я тут наврал?

— Конечно, наврал! Одне цифры да цифры и больше ничего!

— А вот я счет-то не могу вам сказать, каки там миллионы или легионы. Я вам и составил, а вот если вы не верите, то можете проверить сами.

Царю смешно показалось — кто же может на небе звезд проверять?

— Правда, — говорит, — что частями-то, верно, вы могли сосчитать. Ну а как вторую задачу? Узнали ли нет вы, тот свет дальше или небеса выше?

— Да уже узнал.

— Ну а как?

— Да вот я на небе слышу стукают-брякают, а до того свету, должно быть, далеко. Мой отец теперь же уехал на тот свет двадцать пять лет и до тепере его нет. Поетому далеко-дальше тот свет.

— Однако неправда, — говорит государь, — ведь ето все надо знать на деле.

— Узнайте сами, может быть, и поверите мне-ка, — говорит "отец-игумен".

Государю тоже так забавно показалось — нашел правильное разъяснение.

— А ну-ка, как топеря третью задачу: поценили вы меня?

— Да вы, ваше императорское величество, сто́ите двадцать девять рублей.

— Как так, что ты? Каким ты способом мог меня ты оценить? Когда простой поденщик берет тридцать рублей в месяц!

— А очень просто, — говорит "отец-игумен" етот.

— Ну а чем вы докажете?

— А вот у нас небёсный царь был продан за тридцать серебренников. А вы-то ведь земной — на рупь должны дешевле быть.

Царь рассмеялся и ничего не сказал.

— Дак вот угадайте, что я думаю на уме? — государь говорит.

— Да и ето угадал.

— И что же?

— Дак вы думаете: все ж таки молодец игумен монастыря! А вот вы и ошиблись!

— Как так?

— А ето молодец — не игумен, а я — пьяница трахтирей и кабака!

Как так? Пошли спросы и допросы. Ну и выяснили, что сам-то игумен уклонился и разъяснил все ето дело игумен-пьяница. Тогда пьяницу оставили игуменом монастыря, а игумена отправили шляться по трахтерам и кабакам.

12. ЦАРЬ И МУЖИК

Едет царь, видит: мужик поле пашет.

— Здравствуй, мужичок! Что, поле пашешь?

— Пашу, — ответил мужик.

А царя-то не узнал, мало ли кто проезжает мимо. Заинтересовался царь:

— Сколько же ты получаешь, мужичок, с земли своей?

— Ни много ни мало — всего восемьдесят рублей.

— А куда же ты деньги деваешь? — расспрашивает царь дальше.

— Двадцать рублей взнос вношу. Двадцать рублей долг плачу. Двадцать рублей в заем даю. Двадцать рублей за окно кидаю.

Не понял царь толком. Попросил мужичка растолковать. Мужик начал по порядку рассказывать:

— Двадцать рублей в казну, барин, плачу, а двадцать рублей долг плачу, так как отца кормлю. Двадцать рублей в долг даю — это сына кормлю. Двадцать рублей за окно кидаю — это дочь питаю.

Понравился царю ответ мужичка, видит он, что пахарь сметливей его придворных будет. Тронул он лошадей, а на прощанье сказал мужичку:

— Смотри же, никому не говори эти присказки, мужичок, никому кроме моего лица.

Дал мужичок обещанье.

Приехал царь в столицу. Решил проверить смекалку у своих двух министров.

— Вот, — говорит он им, — проезжал я деревню Дубровинку и встретил пахаря. Я спросил его, сколько дохода получает с поля он. А он мне ответил — восемьдесят рублей: двадцать рублей взнос вношу, двадцать рублей долг отдаю, двадцать рублей взаймы даю, а двадцать рублей за окно кидаю. Разгадайте слова мужичка. А иначе голова с плеч. Даю вам срок три дня и три ночи.

Пошли министры печальные от царя. Думали они, думали, ломали голову, ломали — так ничего не могли придумать, а время идет. Скоро нужно идти с докладом к царю. И решили они пойти в деревню, найти там этого мужичка и расспросить у него.

Приехали в деревню, нашли мужичка на поле и стали расспрашивать его, о чем он с царем разговаривал. Струхнул мужик, как узнал, что это царь мимо проезжал. Вспомнил он уговор и говорит:

— Нет, не расскажу я вам.

Что делать министрам? Решили они подкупить мужика. Предложили ему сто рублей. Смекнул мужик, что можно хорошо получить с министров, стал отказываться, тогда министры стали давать по двести рублей. Опять отказ. Наконец поладили на трехстах рублях. Вдвоем дали ему шестьсот рублей, и поведал мужик разгадку. Веселые возвращаются министры домой.

На следующий день идут на прием к царю. Стал их тот расспрашивать. Министры наперебой рассказывать стали. Догадался царь, что министры не сами догадались. Спросил их грозно, сколько денег дали мужику. Некуда деваться министрам — повинились перед царем и рассказали ему правду. Рассердился, разгневался царь на мужика:

— Как он смел обещанье нарушить?

И послал гонцов за ним. Привели мужика. Царь, нахмурившись, спрашивает:

— Как ты смел, собачий сын, рассказывать министрам отгадку? Ты ведь обещал никому не рассказывать кроме моей личности.

Мужичок и тут нашелся.

— Так ведь, царь-государь, я рассказывал перед вашей личностью.

— Как так? — удивленно спрашивает царь.

— Так вот на деньгах лицо ваше, — продолжает мужик.

Удивлен царь находчивостью мужика, наградил его по-царски, а министров прогнал, прибавив:

— Не нужны мне такие глупые люди!

Вот и сказке конец.

13. СКАЗКА О СОЛДАТЕ — УМА МНОГО, ДЕНЕГ НЕТ

Отслужил солдат двадцать пять лет. Пошел домой и думает, отпустили его со службы, думает: " Отслужил двадцать пять лет, царя не видал, денег нет, ума много". Ну, и пошел и думает: "Как добраться до царя?" И подошел к царскому дворцу, а его не пускают часовые. Он говорит:

—Я солдат, отслужил двадцать пять лет, царя не видал, — говорит, — ума много и денег нет. Я хочу с царем поговорить.

Ну, его не пускают. Потом доложили царю. Царь приказал:

— Пропустите!

Он зашел к царю.

— Ну, солдат, — царь спрашивает, — что хотел?

— Да вот, я солдатом отслужил двадцать пять лет, царя не видал, — говорит, — ума много и денег нет.

Он говорит:

— Денег нет? Тогда, — говорит, — разгадай мне три загадки, раз много ума.

— А какие?

— А первая загадка, сколько до неба высоты?

— О-о, — говорит,— ваше императорское величество, это не так уж далеко. На небе гром гремит, а на земле слыхать.

— Ну, тогда, — говорит, — второй вопрос, а сколько велик шар земной?

— О, ваше императорство, не так это и велик, утром солнце всходит, а на другое утро на это место приходит, одне сутки переход только.

— А сколько морская глубина?

— О, ето, ваше императорство, глубоко, — говорит.— Мене, — говорит, — был дед, нырнул, прошло тридцать лет и счас нет.

Царь приказал арестовать, посадить солдата в кутузку. Солдата посадили.

Царь собрал всю думу свою, пятнадцать человек, и говорит:

— Я завтра уезжаю за границу, мне надо сведения такие, доклад буду делать. Вот вы должны мне составить к утру.

— А какие вопросы?

Царь задает им:

— Сколько морская глубина? Сколько велик шар земной? И сколько до неба высоты?

Вот они сидели. Думали-думали, думали, ничего они не придумали. Царь приказал: посадить пятнадцать человек всех в кутузку к солдату. Ну, к солдату посадили их всех. Когда пришли они к солдату, солдат сидит. И их, министров, думу всю посадили к ему, думают: "Как мол так мы к солдату попали?"

— А ты, — говорят, — за что тут?

— А царь задавал три вопроса.

— Ну, а ты ответил?

— А вас, — говорит, — за что?

— А нас, — говорят, — тоже за эти вопросы. А ты, — говорят, — ответил?

— Я, — говорит, — ответил, да посадили.

— А мы, — говорят, — не ответили. Ты, — говорят,— нам расскажи, как это так?

— Ого, как это расскажи! Давайте, — говорит, — по тыще рублей каждый, вот и расскажу.

Вот они собрали, значит, денег пятнадцать тысяч, солдату отдали, солдат рассказал им. Когда утром царь выпустил всех, позвал солдата, солдата спрашивает:

— Ну, ты двадцать пять лет служил, за морем бывал?

— Бывал.

— Морских гусей щипал?

— Щипал.

— Сколько нащипал?

— Пятнадцать тысяч, ваше высоко императорство.

Вот таким образом солдат и царя повидал, и ума много, и деньги стали, и пошел домой. Ну, и все.

14. СТРИЖЕНА ДЕВКА

Ну вот, жил бедный хрестьянин. У этого хрестьянина была дочка, Федорой звали. Ну, она с веснушкам, рыжая была, понимаешь, волосы у ей как попало острижены. Ну, а отец ушел на охоту. А принц этот ехал. Заходит:

— Где папка-то?

— Папка ушел рубель на копейку менять.

— Как это так рубель на копейку менять?

— Ну, я, — говорит, — думала, что ты образованный человек, пустяка такого не можешь разгадать. За зайцем пошел (он двадцать копеек ей посулил), за зайцем пошел, бродни — рубель, а заяц — копейка, еще убьет или нет, а бродни наверняка продерет.

Ну, он рассмеялся, уехал.

— Отец придет, — говорит, — с охоты, скажи ему, чтоб он ко мне явился.

Ну что ж. Она сказала ему, отцу. Он говорит:

— Ты знаешь что, девка, ты, — говорит, — сгубила сама себя и меня теперь.

Ну что, отец идет.

— Ты, — говорит, — знаешь что, отец, вот на́ двести штук яиц и снеси своей умнице, чтоб она мне к воскресенью цыпушек вывела. — А яички вареные, ага. Ну ладно. — А я, — говорит, — в пятницу приду проверять.

Ну, она говорит на отца:

— Папка, он сказал сваренные яички, чтоб ты к воскресенью цыплят высидел. Ну и что ж... Но он-то знает, что с вареных яиц цыпушки не будут. Ешь, папка, не обращай внимания, — и сама ест.

Он едет в пятницу, она пестерь гусиный такой соломой набила, шалью набросила, сидит. Посмотрел в окошко, рассмеялся:

— Вот дурочка, — говорит и поехал.

Ну, прошла пятница, она в субботу отправлят отца, записку пишет: "Дорогой друг! Свари, — говорит, — проса центнер, потом посей, намолоти его и к воскресенью, цыпушки вырастут, чтоб свежа крупа была".

Он говорит:

— Вот умница нашлась! С вареной крупы посей и чтобы намолотить все.

— Ну, она, — говорит, — сказала с вареных яиц цыпушки тоже не бывают.

Так он что делает, что делает тогда. Говорит:

— Скажи ей, чтобы она на завтра же, паскудная девочка, ко мне ни шла, ни ехала, ни гола и ни одета, ни с гостинцем и ни без гостинцев.

Ну что...

— Папка, — говорит, — обдурим чудака.

А как? Взяла разделась наголо, как мать родила, сеть рваную с заплота: ни гола и ни одета. Козла взяла поймала, верхом села — ни шла, ни ехала. Ну кого поедешь — шагат и движется что-то же впереди. А в этой руке — кошка, а в этой — воробей на веревке.

А он уже заметил, что движется по степе какая-то оказия: "Ведь это она едет, эта девка, не иначе". Говорит, наказал своим дворникам:

— Если только она в ворота покажется, ты сразу пускай собак, чтоб ее порвали.

Тот пустил собак, она кошку имя, они за кошкой, она на террас, на крыльцо. К ему отворила, а форточка по́ла была, воробья она — чик!

— К вашей милости, были, — говорит, — гостинцы и нету!

— Ну, что с тобой, — говорит, — делать? Знаешь что, давай с тобой, — говорит, — жениться.

— Давай, я не против. Только, — говорит, — родителей не будем звать ни твоих, ни моих, бедных.

Согласились так они. Выпивали. Ну что, над ним же смеются:

— Каку оказию ты достал?!

Дня два или три прожили, он говорит:

— Знаешь что, давай мы с тобой будем разжениваться.

Она говорит:

— Давай, только не будем родителей звать. Только так: как мы с тобой сходились, выпивали, так будем расходиться, выпивать.

Ну что ж, так они и сделали. Она ладит ему как бы побольше винца всунуть, а себе водички (вот как мне вот рюмку за рюмкой лупят, а я, старик, молочу эту водку). Ну что, он выпил. Она видит, что вскочил:

— А, — говорит, — как я опьянею, утром встану, чтоб твоего духу не было, ты уже умылась. Бери, что хочешь!

Ну, она так и сделала. Он скапустился, она его раздеет наголо, стару рогожу берет с полу, закручиват его, попросила дворника этого, кучера, тот помог закрутить.

— Фаэтон к крыльцу!

В фаэтон его принесли, положили в фаэтон. Она и дует в степь, пара вороных. Он пробудился, протрезвился:

— Куда везешь? Ты куда меня везешь? — на нее.

Она говорит:

— Еду туда, сама не знаю куда.

— Да что ты делаешь? Ты же смотри, я весь в грязи.

— А помнишь, как ты сказал, что тебе дорого-мило бери и чтоб к утру тебя не было. Вот ты мне дорого-мило, я тебя завернула, остально богатство — ну его к черту.

Ну, он говорит:

— Ворачивайся, а иначе от тебя не отобьешься.

Давай, женились.

Дак был я нынче у них, живут вместе, ребятишки около стола — целый табун.

15. ЦАРИЦА И СОЛДАТ

Один солдат стоял на часах, ковда Екатерина царствовала. И она шла мимо его, он улыбнулся. Она спрашиват:

— Ты чо же улыбаешься?

Ну, он как простой солдат ничо в свое оправдание сказать не мог, она и дала ему дело: наутро, как встанет, двадцать палок получить. Ну, это продолжалось целый год. Как утро, встанет солдат — ему двадцать палок. Из сил выбился, куда деться? Вот пришел он один раз в кабак, печальный и грустный, сидит, голову повесил. Потом подходит к нему один пьяница:

— О чем, служивый, задумался? О чем печально голову повесил?

— Чо же тебе сказать? Ты моему горю не поможешь.

— А почем ты знаешь? Может, помогу?

— Нет, моему горю никто на свете не поможет.

Ну, солдат ему рассказал, чо как было:

— И теперь время год, как я кажный день терплю тако наказанье.

— Хм, а купишь полбутылки? Я помогу.

— Да кабы помог, я бы бутылку купил.

— Нет, мне будет и полбутылки.

Солдат купил ему полбутылки.

— Ну, — говорит, — теперь я напишу тебе лист и дам, — говорит. — Ты вот приходи завтра вечером в этот же кабачок, я тебе все расскажу.

Солдат ждет не дождется вечера. Приходит вечер. Он написал ему лист, дает и говорит:

— Вот возьми этот лист и обойди вокруг дворца; когда ты пойдешь, стража будет вся спать; когда обойдешь вокруг дворца, все и придворные уснут. Тожно заходи к царице в покой и бери ее на право плечо и неси. На такой-то улице на Васильевском острове есть сапожник, и у него жена точь-точь Екатерина и зовут Екатериной. Они сходственны, как родны сестры, а сапожник злушший-презлушший. Ну и вот, ты положи ее подле сапожника, а жену его унеси, в покои положи.

Ну, солдат так все и сделал: государыню взял, принес к сапожнику, а сапожницу принес в покой. Ну ладно. Сапожник утром проснулся, а он нюхал табак, толкнул жену в бок и говорит (он гнусавый был):

— Баба, баба, давай рог.

Она говорит:

— Это что тако? Кто тут такой?

— А ты кто така?

— Ах ты, сволочь, я — царица!

Как сапожник соскочит:

— А, ты царица?!

Как принялся ее волтузить — некогда ей и думать. Вот она и думат: "Что это тако! Если человек, так он не может мной распоряжаться, а если я померла, то, быть может, меня в ад отправили — так это, верно, черт".

Опять и заснула. Вот она утром лежит, он ее в бок:

— Баба, чо не стаешь?

— Отвяжись, я — царица.

Он снова волтузить. Заставлят ее завтрак варить, она за что ни возьмется, ничо не выходит.

— А, дак ты, верно, и правда царица?! — Опять волтузить.

После обеда он говорит:

— Баба, баба, поишши-ка в голове.

— Да ты что, сволочь, ведь я тебе сказала, что я — царица!

Ну, опеть то же... На другой день он ее заставлят рубахи стирать, а ее все хлоп да хлоп, шибко уж злой был. Она уже боится и не говорит, что царица, повинуется, а сама думат: "Верно, в аду — и все, как у нас, такой же город".

Когда стирала, все руки исстирала, а рубахи не простирала.

Так с Екатериной продолжалось три дня. А в это время Катерина-сапожница проснулась и видит: все не так, и думат: "Верно, Бог за мои мученья простил мои грехи и отправил в рай". Проснулась раньше, чем полагается царице вставать, походила, посмотрела — туалет, платья, все. Потом, когда вышли часы, когда надо одевать государыню, явились фрейлины и давай одевать, напудривать, локоны навивать (вишь, каки у нее локоны были!), и никто ее не заметил, только старшая фрейлина заприметила, что она чуть ростом повыше. Только все удивлялись, в каком покойном настроении — что одели, причесали и никаких капризов.

Государыне в этот день надо в сенат ехать, она ездила со старшей фрейлиной всюду. У фрейлины у этой брату суд по политическому делу был, либо вешать надо, либо в Сибирь на каторгу. Она и говорит ей:

— Когда будут вам передавать суда решенье, передавайте мне через плечо и говорите: "Без суда и следствия".

Ну, како бы дело ей ни давали, она все передает и говорит: "Без суда и следствия, без суда и следствия". Все в сенате удивлены, что Екатерина сегодня добра. Доходит дело до наказания воинской повинностью, та опять ей тихо говорит:

— Говорите, что наказанье телесно отменено.

Она сама добавила:

— Все прощаю, наказанье телесно отменяю.

Прошло три дня. Приходит солдат в тот же кабачок (по всем войскам радость пошла, что отменены наказанья), этот говорит солдату:

— Возьми, с этим листом обойди, опять все будут спать, ты возьми Екатерину, положи в покой, а сапожницу обратно к сапожнику.

Вот солдат унес ее, приносит и кладет. Только ушел, сапожник проснулся, давай локтем толкать:

— Баба, баба, давай-ка рог.

Она говорит:

— Ах ты, сволочь, ведь я — царица!

— А, ты опять царица?! — и давай волтузить.

Проснулась Екатерина, смотрит: в своих покоях, и думат: "Чо это я: то ли во сне видела, то ли наяву случилось?"

Заходит старша фрейлина, и спрашиват она:

— Сегодня у нас какой день?

Та посмотрела — ага!

— Вот такое-то число, ваше величество.

Она лежит и думат: "Неужели было приключенье?" Взглянула на свои руки, а руки- то исстираны: "Правда, было". Потом и думат: "Ведь вот в три дня и то сколь я пережила, а солдата-то я наказала, уже больше году прошло, что он должен вынести, а я присудила безо всякой пощады". Потом, когда одели ее, она и говорит:

— Позовите ко мне такого-то солдата.

Солдата сейчас же привели. Она подошла и хлоп его по правому плечу.

— Ну, — говорит, — расскажи-ка мне, голубчик, только всю правду, как было чо? Како вышло приключенье?

Солдат по чистой совести все рассказал, не мог ни слова скрыть.

— За муки твои дарую тебя генералом, а за правду — майёром, генерал-майёр будешь. Покажи мне, где этот живет сапожник.

Потом солдат рассказал, велела запречь тройку в дышла и покатила в своей коляске, в которой всегда ездила. Приезжат, подкатила коляска, спрашиват:

— Такой-то здесь живет?

Он гнусавит:

— Здесь, здесь.

Она безо всякой помощи спрыгнула, заходит в лачугу опять, смотрит на его жену, и она точь-точь так же красива. Кладет двадцать пять тысяч на стол и говорит:

— Вот тебе, сапожник, двадцать пять тысяч, брось сапожничать и не бей свою жену. Жена твоя будет у меня младшей фрейлиной.

После этого Екатерина добре стала.

16. ЛЮБОВЬ ЖЕНЫ

Однажды ездил купец и подыскивал гля своего сына невесту. Приезжает к леснику, видел девушку. Девушка роскошна, но в низшем положении. Понравилась всем мысли ему. Приезжает домой, объясняет сыну:

— Нашёл я, сын, для тебя невесту; очень великолепна!

На следушшой раз едет сын. Приезжает, объясняет леснику:

— Где ваша дочь?

— Дочь вышла сейчас по грибы.

Ожидат купеческой сын с нетерпением. Приходит ета дочь. Когда посмотрел купеческой сын, очень ему пондравилась.

— Позвольте, почтеннейший, предложить несколько слов?

— Пожалусто, говорите́. Что же ваше предложение скажите, пожалуйста!

— Желал бы я на вашей дочери посвататься.

— Довольно смеяться, как мы бедного положения, а вы капиталист.

— Говорю я очень серьёзно, как она мне пондравилась. Я не считаюсь с етим, что вы низкого положения, у нас капитала хватит!

Тогда они дают верное слово. Согласна невеста. Даёт он ей сто рублей на чай.

— Приезжайте в такой-то город, на такой-то улице, такой-то номер мага́зина.

Когда приезжает невеста в город, по номеру нашла магазин. Дожидается ее жаних с нетерпением. Когда увидал, очень обрадовался, отпущает ей товара, какого ей нужно. Прошло несколько время, сыграли они и свадьбу.

Когда прожили немного, отец и мать етого жаниха оба померли. Остаются молодые хозяева. Проживают несколько времени. Жана ему и говорит:

— Протекает у нас время, кажется, давно надо выехать с торговлей.

Он оттоваривает, шшитает свои недосуги. Она его сметила, в чём ето дело.

— Скажите, пожалуйста, из-за чего вы не едете?

Он говорит ей то и другое. Она и говорит:

— Нет, етого недостаточно. Скажите, пожалуйста, какое у вас сумнение?

— Скажу я вам сейчас душевно: я бы выехал две недели назад тому... из-за того я не еду, что вы без меня сблудуете.

Она и говорит ему:

— Так вы из-за етого и не едете? Охраняете вы меня! Если я захочу сблудовать, то вы меня не укараулите. А вот я вам дам рубашку. Если на рубашке будет чёрно пятно, тогда я сблудую, а если не сблудую, то чёрного пятна не будет.

Етому он согласился.

— Ну еду. Верю вашому честному слову.

— Я еду в той же столицу, откуплю я гостиницу, буду проживать в ей с прислугой. Ну, кто из нас боле приобретет, вы или я, потом увидим.

Муж едет на судне и смотрит на свою рубашку, нет ли чёрного пятна. Сметили его матросы, стали ему говорить:

— Что вы его ошшипываетесь и одёргиваетесь, разве вас блохи кусают?

— Да так, ничего...

Словом, осмотрел себя кругом. В одно прекрасное время кочегар допытался, что дала жана ему точной завет белой рубашки, что нет ли чёрного пятна.

Стает он на гавань. Берет разрешение торговли, торгует несколько дней. А свою натуру не бросает — нет ли чёрного пятна. Рассказал кочегар одному из студентов:

— Вы спросите, пожалуйста, что его он озирается и ошшипывается.

— Скажите, торгующший, какое его у вас есть замечание?

— Да, словом, так... ничего особенного не имею...

— Нет, я замечаю, что-то у вас есть: или вас блохи кусают, или что: вы все смотрите на свою рубашку.

Сколько ни мялся, ни медлил времени, принуждён был сказать, отчего он оглядывается на рубашку.

— Дак вот что, любезной, я вам объясню, почему я озираюсь и осматриваю свою рубашку — нет ли на ней чёрного пятна. Дала мне жана верный завет: "Если я сблудую, то будет чёрное пятно на рубашке, а если не сблудую, то чёрного пятна не будет, будьте настолько уверены".

Студенту стало его очень интересно, что, если жана сблудует, то будет чёрное пятно, а если не сблудует, то не будет чёрного пятна.

— Скажите, пожалуйста, где находится ваша жана?

— Моя жана находится в таком-то городе, по такой-то улице, дом номер такой-то гостиницы.

Говорит ему студент:

— Ну вот что, торгующий, извините — не знаю как звать...

— Меня звать Михаил Иванович!

— Ну вот что, давайте ударимся в заклад по пятьсот рублей. Уверен я, что будет на вашей рубашке чёрно пятно.

Торгующий долго не думал, ударился по пятьсот рублей в заклад. Деньги заложили за руки, сделали точной договор.

Едет в етот город студент. Захватил с собой очень великолепных разных заморских вин, гля угощения жаны етого торговца. Находит в таком-то городе, по такой-то улице, такой-то номер дома-ресторана. Ударил в звонок. Выходит служанка и говорит:

— Что вам нужно?

— Такая-то мадам здесь находится?

— Да, здесь!

— Дак скажите, пожалуйста, пусть выйдет суды сама.

— Сейчас доложусь. Вас, барыня, требует какой-то господин и предлагал вам выйти скорым успехом!

Выходит его жана:

— Что вам нужно, почтеннейший?

— Извините, пожалуйста, что я вас обеспокоил...

— Ничего, ничего. Я таким людям очень довольна!

— Вот переслал ваш муж, предложил побыть у вас на квартере.

— Пожалуйста, с полным удовольствием! Я таким людям очень довольна.

Принимает жана гостя. Вытаскивает его багаж и чемодан. Теперь начинат угошшать.

— Скажите, пожалуйста, дорогая, как вы, молодой человек, как вы ето можете, дескать, проживать без мужа столько времени?

— Вы знаете нашо купеческое дело, что мы проживаем вместе мало, а больше врозь. Если мы будем друг на друга смотреть, то у нас доходов не будет.

У студента разыгрались глаза и взволновалося сердце о своем предложении, как предложить етой женьшине нашшот любви. Подумал сам себе, каким предметом, каким словом, как поступить с етой женьшиной.

— Скажите, пожалуйста, молодая мадам, могу ли я вам пондравиться? Желал бы я вас спросить, не во гнев вашей милости, скажите, пожалуйста!

— Говорите что угодно за всяко просто. — (Она).

— Желал бы я спросить вас, не согласились бы вы со мной поиметь любовь, — я бы вас наградил дорогим подарком.

— Ну дак что жо, так и быть... Я проживаю одна и давно ищу такого человека. С рабочим неудобно, а с господином и знать никто не будет.

— Ну ясно дело! — (Он). — Еслиф мы сделаем, и концы в воду, никто знать не будет!

Прошло времени до девяти часов. Говорит господин:

— Очень я устал, как ехал я в дороге. Как бы скорее отдохнуть.

Говорит ему она:

— Раздевайтесь! Чем волновать один другого, скорее дело сделать!

Рассмехнулся господин, подумал своим мечтам: "Надейся, торгуюшший, на свою жану, сейчас чёрно пятно будет!" Она и говорит ему:

— Вы меня совсем не стесняйтесь, раздевайтесь, оставайтесь в рубашке, в кальсонах, и я сейчас разденусь.

А господин довольно етому рад, снимает с себя одёжу, как можно скорее. Она прибирает его одёжу. Раздеется сама. Вдруг появился звонок. Он спросил:

— Что такое — ето звонок у вас?

— Это государыня идет ко мне на совет.

— А я куда?

— Дак вы идите в спальню, ложитесь на кровать; она туда не пойдет. Она не более пробудет пятнадцать минут.

Заходит он в спальну и ложится на кровать. Когда он лег на кровать, она давнула ногой пружинку, отдёрнулась кровать под стенку — и чубурахнулся господин под пол. Вот так!.. Неожиданной случай получился...

Утром стаёт ета женщина, берет прялку, привязывает куделку шерсти и берет веретёшко, подаёт ему.

— Если хорошо будете вы работать, хорошо буду угошшать.

На первой случай дала ему пишши: фунт чёрного хлеба и полбутылки воды.

— Вот будете вы етим и сыты!

Подумал он сам себе: "Ето мне не по вкусу", — да делать нечего.

У етого торговца смотрят товарищши етого господина из студентов и говорят между собой:

— Что жо ето нет чёрного пятна на рубашке?! Он, молодой человек, наверно, поступил с ней сурьёзными словами, могла она его выгнать. Совестно ему вернуться к нам.

Говорит другой из студентов:

— Ну вот что, торгуюшший, оставим мы тот залог и ударимся по тысяче рублей. Давай я поеду!

— Так и быть, давай, — говорит купец.

Собирается и другой господин. Приезжает в тот город. Как довольно ему известен адрес, — тогда нашёл он етот ресторан — квартиру его жаны. Ударил в звонок. Выходит служанка:

— Что вам нужно?

— Нужно бы мне видеть барыню.

— Сейчас я доложу.

Выходит его жана:

— Что нужно вам?

— Ах, извините, дорогая! Я вас побеспокоил, не поставьте во гнев ваш труд. Вот передал ваш муж, письмо послал вам, получите, пожалуйста.

— Благодарю вас за дорогой привет.

— Скажите, пожалуйста, нельзя ли у вас поквартировать ето время? Как я с вашим мужом довольно знакомый, часто мы посешшаем друг друга.

— Когда вы знакомы моему мужу, заезжайте, поквартируйте, с полным удовольствием!

Рассмехнулся господин: "Вот тут-то у нас что-нибудь да будет!" — подумал сам себе.

Сметила его женьшина:

— В чем же вы ето рассмехнулись?

— Извините, пожалуйста, дорогая, у меня такая есть натура, как я веселый человек.

— Довольно я рада веселым людям.

Заходит в квартиру, достаёт разных заморских вин, начинает угошшать. Так посмотрел на ее взоры, очень взволновалося его сердце. С нетерпением проводит своё время. "Эх, какая красавица женьчина, вот и поймай ей счастье! Ах, как я ехал с дороги, очень устал, — подумал сам себе. — Какие она скажет на мои вопросы ответы?" Начинает с ей вести ласковые разговоры, вроде в шутку ударил ее по плечу.

— Вот чертовска натура! Извините, пожалуйста, может, ето вам не пондравится?

Сметила женьчина, в чём ето дело:

— Не извиняйтесь, пожалуйста, чего в шутках не бывает, хотя поймашь и за титьку и то ничего!

Рассмехнулся господин и подумал: "Ага, вот того мне и надо!.."

— Как же вы ето, молодой человек, молодая женьшина, полнокровная, проживаете вы без мужа? Вот ето очень странно; даже можно получить болесть.

— Что же делать, если мы будем друг на друга смотреть, то мы будем голодом.

— Скажите, пожалуйста, хотел я сказать вам несколько слов, пондравится вам или нет?

— Говорите что угодно. Мы только двое, здесь никого нет.

— Дак вот, предложил бы я вам: могу ли я вам пондравиться и своим обхождением относительно любви? Очень бы я желал поиметь с вами любовь.

Она и говорит:

— Ну дак что жо... так и быть.

Думает господин: "Надейся на свою жену, купец, сейчас чёрно пятно будет на рубашке! "

— Ну, а как не особенно заняты, время полчаса десятого, не пора ли уж отдохнуть?

— Ну дак что же, раздевайтесь!

Посмотрел господин на женьшину. Начинает она головной убор снимать с себя. Ну он раздеваться зачал поскорее.

— Раздевайтесь, останьтесь только в рубашке и в кальсонах. Никого у нас нет.

Прибирает она одёжу господина. Господин разделся. Вдруг получился звонок.

— Ето что такое?

— Ето государыня идет на совет.

— Ах, да вы советница государыни?!

— Да, да!

— Ну а я куда?

— Идите вы в спальну; она туда не пойдет. Не более пробудет десять-пятнадцать минут.

Когда он заходит в спальну, ложится на кровать, она двинула ногой пружинку, кровать в стену удёрнулась. Чубурахнул под пол. Кричит ему первой товариш:

— Полегче, поосторожнее, не то прялку поломаешь, тогда из-за тебя и я буду голодом!

— А здрастуйте, господин! Вы здесь? Оттого вы долго не являетесь? Дак вот по етому случа́ю и я попал суда!

Настает следующшое утро. Берет она другое веретёшко, прялку и кудельку шерсти:

— Ну вот, работайте! Как будете работать, так и буду кормить.

Спрашивает он товаришша:

— Чем она угошшает?

— А вот чёрного хлеба да воды и все.

— Чёрный хлеб не принимает у меня жолудок.

Она подает первому господину пишши: белого хлеба и кусок мяса и сотку водки, а второму один фунт чёрного хлеба и вода.

Смотрят там на торговца, на ее мужа, что нет чёрного пятна на рубашке.

— Эх, болваны, уехали они за каким делом! Стало быть, не нашли квартеру ее.

Жалко имя заложенные деньги. Надо бы их вернуть обратно. Один граф, лет тридцати, и говорит:

— Ну вот что, давай ударимся ишшо по полторы тысячи. Заложим залог, что я с твоей жаной поимею любовь. Будут ли справедливы слова твоей жаны?

Отправлятся граф. Довольно он знает квартеру его жаны. Нашёл он номер гостиницы, ударил в звонок. Выходит служанка:

— Что вам угодно?

— Пошлите хозяйку суда!

— Сию минутку!

Выходит его жана.

— Здраствуйте, молодая мадам! Вот я передать вам письмо от вашего мужа!

— Очень благодарю за дорогой привет моего мужа.

— Да вот ишшо что, нельзя ли у вас поквартеровать, как мы довольно знакомы с ём?

— С полным удовольствием!

Тогда приносят, затаскивают багаж.

Когда они заходят в квартеру, достает он дорогого своего угошшения.

— Извините, пожалуйста, может, ето вам не пондравится?

— Почему не так... А, может быть, вы не желаете и моего угошшения, желаю я вас угостить.

— Не стоит вас беспокоить, как ваше женское дело...

Время десять часов.

— Скажите, пожалуйста, как жо вы, молодой человек, и можете вы прожить без мужа столько времени?

— Куда же девашься, все-таки надо работать. Если мы будем друг на друга смотреть, то мы будем и голодом.

Говорит граф женьшине:

— Дак вот, предложил бы я вам свои предложения, пондравится вам или нет?

— Говорите, что угодно, я ведь не девушка.

— Не во гнев вашей милости предложить вам пару слов. Желал бы я с вами познакомиться нащет всё житейского положения; желал бы я вас спросить верного слова относительно любви: могу ли я вам пондравиться, полюбить меня?

— Ну дак что жо, можно!

Рассмехнулся граф, думат своим умом: "Эх, болваны вы, зачем вы поехали, не исполнили вы своего удовольствия?! Но уж я-то не вы, конечное дело! Я обойдусь с такой женьшиной. Вот и думай, хозяин, о своей рубашке, вот теперь уж и чёрно пятно!"

— Ну дак что же время тянуть, пора отдохнуть, — ето он говорит.

— Ну дак что жо, раздевайтесь, пожалуйста!

Раздевается граф, а сам посматриват. Начинат она сымать головной убор. Снимат верхное платье, а граф разделся, остался в кальсонах и рубахе. Вдруг получился звонок.

— А это что такое?

— А это государыня идет.

— Ах, как она мне довольно знакома, куда же я деваюсь?

— Идите в спальну и ложитесь на кровать; она туда не пойдет.

Заходит граф в спальну и тихо ходит босыми ногами по комнате, раскручивает свои усы и думает сам собою: "Ну, уж я не оне, я по крайной мере... Вот уж и выйграл полторы тысячи". Походил несколько по комнате и упал смаху на кровать. Давнула она ногой пружинку, отдёрнулась кровать под стену, чибура́хнул граф под пол. Там кричат ему товарищши:

— Тише, невежа, прялки поломашь! То здесь без работы с голоду пропадешь!

Узнал граф своих товаришшей.

— Дак вы здесь?

— А ты зачем попал суда? Дак вот не пряда́л от роду, теперь попрядешь!

Поутру встает женьшина, берет третью прялку, кудельку и веретёшко, подает ему.

— Дак вот, хорошо если будешь работать, хорошо буду и кормить.

Взялся граф за работу. Веретёшко не крутится, шерсть клочками вылазит. Первой товариш и говорит:

— Эх, плоха твоя работа! Вот я угадаю твою и порцию сейчас.

— А какая моя будет порция?

— Наверно, будет фунт чёрного хлеба и полбутылки воды.

Первому спускает она порцию за его усердную работу: белого хлеба, полбутылки водки, полфунта колбасы, и кусок ветчины, и миску супа, и стакан молока. Второму — фунт белого хлеба, сотку водки, а графу дает фунт чёрного хлеба и полбутылки воды. Граф и говорит:

— Уделите, пожалуйста, от своей порции мне!

— Ах нет, друг, здесь приятства нет; как работаешь, так и поешь!

Ну, теперь идет она к попу.

— Здравствуй, батюшка!

— Здравствуйте, здравствуйте!

— Ну вот что, батюшка, стыд сказать, грех утаить. Ну вот что, как я молодая женьшина, как у меня большое полнокровие, не могу я терпеть без мужа. С кем-то-нибудь поиметь удовольствие. Есть ли нет грех, вот я пришла спросить вас?

— Ох, свет, грех! Вот если со мной согласишься, то я замолю. Знаете, я часто служу молебны, причешшаюсь и тебя заведу в поминание, во здравие, тебя Бог простит, как ты пришла с покаянием ко мне.

— Ну дак вот что, батюшко, придите в восемь часов, не ране и не после; я в ето время буду одна и свободна.

— Хорошо, подойду, исполню ваше приказание.

Оградил поп крестом женьшину, женьшина пошла. Вместо квартеры да пошла к архирею.

— Здравствуйте, просвешшенный владыка. Вот я пришла к вашому благословлению. Пришла вас спросить, как я, молодой человек, полнокровие, проживаю без мужа целых два месяца, и вот боюсь я, не ударил бы меня паралич. Поимела бы я любовь с кем-то-нибудь, мне бы было много лучше, легче. Дак вот, пришла я вас спросить, есть ли грех или нет? Была я у батюшки, дак батюшка послал к вам.

— Ну, конешно дело, что батюшка не может. Ну вот что, если вы поимеете со мной, тогда Бог простит. По крайней мере, я служу кажной день обедни,

кажной день причашшаюсь. За меня служат много попов. И вот если б со мной согласишься, я тебя в поминание, за ето Бог простит. В концы концов пройдет несколько время, дойдет твоя горячая молитва до Бога, дак ишшо, можот, ты будешь и святая.

— Благодарю вас, просвешшенной владыка, за вашо наставление! До свидания!

Ограждает архирей женьшину крестом и спросил:

— А в которое время приехать?

— Придите в девять часов.

Вместо квартиры пошла к патриарху.

— Здравствуйте, просвешшенной владыка! Пришла я до вашой милости спросить вас, как я, молодой человек, не могу я жить без мужа, как проживаю время три месяца, как у меня большое полнокровие. Боюсь, как бы не получить болезни. Пришла вас спросить: есть ли грех или нет нашот любви, как я есь мужная жана, боюсь я греха. Есть грех или нет, скажите, пожалуйста?

— Ой, грех, великой грех мужной женьшине из-за мужа поиметь любовь! Вот если со мной согласишься, Бог простит.

— А для меня все равно, абы был мужчина только, да было бы действие.

— Вот я тебя заведу в поминание, тебя Бог простит, как ты пришла с покаянием.

— Да вот, просвешшенной владыка, придите в десять часов.

Поворачивается женьшина идти, побладарила патриарха за хорошое наставление. Оградил он ее крестом.

— Иди, свет, с Богом, а в десять часов дожидайся!

— Хорошо!

Уходит женьшина в свою квартеру. Время восемь часов, ударяется звонок. Служанка выходит:

— Батюшко, пожалуйста, проходите!

Проводит его. Приносит он две бутылки водки и за́куски. Поздоровался с женьшиной.

— Ну дак вот что, дорогая, мне ведь долго-то некогда. Я ведь сказал матушке, что я иду сейчас с требой.

Она подготовила угошшение. Сели закусить да и выпить. Смотрит она на часы, что время немного уж.

— Ну дак раздевайтесь, батюшко, поскорее.

Снимает батюшко свой крест и кафтан, весит на стенке. Остается лишь в рубахе и кальсонах. Только успел раздеться, получился звонок.

— Это что такое?

— Да государыня идет!

— А я куда?

Женьчина вроде как оробела, посовалась туда-суда:

— Ах, батюшко, лезьте скоре́ в чемодан!

Попу разговаривать долго некогда, залазит в чемодан. Задернула она его цепочкой, замкнула замком.

— Лежи, свет, спасён, можот, будешь!

А в ето время заходит архирей, вместо государыни.

— Извините, пожалуйста, не рано ли пришёл?

— А каки часы ваши верны! Смотрите-ка: минута в минуту!

— А я их заводил по Благовещенской каланче.

— И я тоже. Дак вот время-то одно и то же.

Приносит закуски и водочки. Выпили и закусили. Несколько время поговорили. Говорит архирей женьшине:

— Дак уж, кажется, время поздно...

Женьшина подтягивает к своему времю. Время подходит.

— Батюшко, раздевайтесь!

Архирей раздеется. Снимает с себя весь убор свой, весит его на стенку. Только успел раздеться, там получился звонок.

— Это что такое?

— Это государыня идет.

— Ах, куда жо я?

Посмотрела она в тот, другой угол.

— Право, я не знаю куда... Да вот лезьте в чемодан; она посмотрит: чемодан, чемодан... да и уйдет.

Залазит архирей в чемодан, задергивает она его цепочкой, замыкат замком.

— Сиди тут, просвешшенной владыко! Авось, можот быть, и в святые попадешь! Вот и будут святые чемоданные мощи!!

В ето время уже в десять часов идет патриарх. Приносит закуски и заграничной водочки.

— Ну вот что, моя дорогая, можот, вы не кушали такой водочки, дак вот я вас и угошшу. Вот я от архирея получил доходности — подати церквей. Хрестьянска шея толста́. Пойдут с Божьей матерью, много наберут денег, хлеба и холста. Дак вот тебе за твой дорогой привет сто рублей.

— Ох, много, просвешшенной владыко, напрасно вы беспокоитесь.

— Ну, что жалеть хрестьян; у их ведь всего много. Собирается копеечками, пятачками, а у меня составляются сотни. На следующший раз приду, дак я сотни две принесу.

— Я, просвешшенной владыка, хотела сотворить раз...

— А если ты согрешишь раз, то можно и десять раз.

Прошло у них несколько времени. Время полных десять часов. Получился звонок.

— Это что такое?

— Ах, да ето с опозданием государыня. Никогда я не ожидала в ето время.

— Что, вы советница государыни? — говорит патриарх. — Куда жо я деваюсь теперь?

— Дак лезьте в чемодан.

Полез патриарх в чемодан. Задернула она его цепочкой, замкнула замком, положила в угол.

— Лежите, три святых!

Ето есть у нас осённый праздник "три святителя", дак они в углу, в чемодане.

Утром встает, посылает при́слугу по извошшика. Приезжат извошшик.

— Вот, пожалуйста, положьте, увезите мои чемоданы!

Заходит извошшик, берет чемодан, со второго етажа, только постукивает. Спросил извошшик:

— А что, хозяйка, в етих чемоданах ничего не поломается?

— Нет, тут такого особенного ничего нету; хотя и смаху бросите, не разобьется ничего. Вы за ето не отвечаете.

Стаскивает все три чемодана. Попросил прислугу:

— Пособите положить, пожалуйста!

Положили чемоданы, садится на чемоданы и едет на пристань к мужу. Когда подъезжат к мужу, здоровается с мужом, цолует мужа с большим извинением.

— Ах, как я об вас соскучилась! Ожидала я вас к себе и вы что-то ко мне не приехали.

— Знаете что, как у меня большая торговля, мне выехать некогда было. Как я понадеялся на твою рубашку, что нет на рубашке чёрного пятна.

— Ну вот что, вы когда поехали, дак вот вы оставили товары. Я спомнила и привезла вам товары.

Достает из кармана ключ, подает прикашшику:

— Вот отомкните этот чемодан, достаньте товару!

Открыл прикашшик чемодан и ужахнулся: чуть со страха не упал.

— Ах, батюшки! Ето что такое?!

Выскакивает поп из чемодана и ходу как поскоре. Она кричит:

— Ай, батюшки! Ето что такое? Я везла дорогой товар, а ето образовался чёрт!

Достает второй ключ. С нетерпением говорит:

— Откройте, пожалуйста, поскорее етот чемодан!

Когда открыли чемодан, получилось чу́довишше: выскакивает архирей и ходу!

— Ну-ка откройте и третий чемодан. Что такое, то был товар, а тут черти? Откройте-ко!

Когда открыли третий чемодан, выскочил патриарх и опеть — бежать. Она и кричит:

— Караул, батюшки! Ето что такое? Ето прямо разоренье; везла я товары, а ето оказалось черти! Ну вот что, муж, вы прикройте торговлю на несколько время. Поедете в мою квартеру. Да, вот что ишшо, я ведь совсем растерялась, забыла спросить и про вашу рубашку. Как, есть чёрно пятно на рубашке или нет?

— Никак нет чёрного пятна, хотя и припачкалось, но вровне вся рубашка!

Приезжают они на квартеру.

— Ну вот что, вы писали первый пакет?

— Да, давал я адрес твоей квартеры.

— А сколько адресов давали: один или два?

— Нет, даже три.

Посмотрел он письма:

— Да, ето справедливо.

Говорит она прислуге:

— Принесите большую лестницу.

Когда приносят большую лестницу, спускают ее под пол и вызывает их оттуда, трех студентов. Она и говорит ему:

— Вот у меня есть три зверька, но хотя не так ценны, но пышны!

Когда они выходят:

— Ну как ваше дело?

— Ваша жана хитрее лисицы!

Тогда он поверил жане, что есть жана справедлива. Сумела трех поймать студентов и весь свяшшеннический приход: как попа, архирея и патриарха.

17. ПРО ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНОГО

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, ето было. В городе в Москве жил когда-то царь Иван Грозной. Он никогда не спал ночам, все ходил по городу.

В том же городе, на самом краю, жила одна вдова с дочерью. И вот однажды мать заболела, и дочере пришлось идти за доктором, и встречает ее Иван Грозной. Но не одну ее встречал, а всех женщин, которы ему встречались ночью, он не одну не отпускал, чтоб не попользоваться. И он с етой девушкой сотворил, что хотел, и спрашиват:

— Что тебе нужно?

Она сказала:

— Ничего мне не нужно, отдай свой георгевский крест.

И он ей отдал.

И вот подходит её день рождения, мать собирает гостей, а дочере говорит:

— Что ты не одеваеся?

А дочь ей говорит:

— Мине не к чему, маменька, одеваться.

Тогда мать сдогадалась, что она в положении, и сказала дочере:

— Надо подать в суд.

А она матере говорит:

— Что, в небесну канцералию?!

Тогда мать сдогадалась, что она беременна.

И вот пришел день родин, и оне отнесли одному купцу, у их детей своих не было, и они поставили на крыльцо ихней лавки, робенок заплакал, а купчиха говорит:

— Ето, наверно, нищенка с робенком.

И она посылает свою прислугу, но она вышла — там нет никого. Когда зашла в избу, то робенок опять заплакал. И она вышла на улицу, и принесла етого робенка в дом, и оне его взяли.

И он стал расти не по дням, а по часам, и был такой умный, что в пять лет он уже стал учиться в школе и в семнадцать лет он получил высшее образование. И отец ему говорит:

— Ты куда пойдешь работать?

— Мне, папа, дай магазин, только чтоб была дамская одежда.

Все девушки и дамы, все съезжались к его магазину. Но по праздникам лавки не открывали, пока не отойдет в церкве обедня, а у его лавки уже полно было народу, так что не можно было ни проехать, ни пройти, даже полиция разгоняла народ, чтоб дать прохожим и проезжим дорогу.

И вот остальныя купцы стали на его злиться, что у их никакого доходу нет, и оне решили облить ихню лавку керасином, и у их все сгорело, и они выскочили только в одном нательном белье.

И тогда отец говорит своему сыну:

— Сколь мы могли, столь мы тебя держали, и учили, и помогали, а теперь у нас ничего не осталось, иди и живи, как хочешь, ведь мы тебе не родныя.

А он ему говорит, что "нет, будем все вместе жить".

И он пошел на базар, и у одного мелочника набрал в долг булавок да пуговок, и становится на краю базара, и торгует. Когда его увидали ете девушки и дамы и стали у его все покупать. Котора вещь стоила три копейки, оне давали три рубля.

И вот он уже наторговал денег и зачал уже торговать товаром. И тогда снимает квартиру у городского головы в низах и торгует.

А у головы была дочка Катя, и царь ее не велел никому показывать.

И тут у Ивана Васильевича умирают родители, и он знакомится с солдатам, и оне ему делают подземной проход прямо к Кате в спальню.

И вот она просит отца, чтоб он ее отпустил с кучером покататься. И тут был сильный дождь, и когда она прокатилась, а у крыльца лавки была лужа, и кучер нарочно опрокинул ее в лужу, а купец стоял на крыльце и дожидал их, и когда кучер ее опрокинул в лужу, а купец её подхватил на руки и занес к себе в дом.

И тут весть дошла до самого царя, и он позвал к себе голову, и оне переоделись и обрились, и пришли к купцу, и он их принял и стал их угощать. А тут выбежала служанка и говорит:

— Иван Васильевич, вас просит Катя.

И он пригласил их етем подземным ходом.

А наутро его садят в тюрьму, в отдельну камару, а ключ забирает сам царь.

А родная его мать, когда его родила, и ушла в ближней монастырь в монашки. Уже прошло много лет, и она стала уже егуменицей.

И вот когда сына посадили, и она услыхала, напекла хлеба и принесла заключенным, всем роздала хлеб. И говорит надзирателю:

— Дайте ключ от етой камары.

А он ей говорит, что етот ключ у самого царя. И она пошла к царю, взяла ключ и отомкнула камару, и подала хлеб. А в етом хлебе была записка и георгевский крест: "Когда тебя поведут на виселицу, то надень етот крест, но я твоя родная мать".

Но ему так охота было посмотреть свою родную мать, но дверь уж замкнули, и она ключ отнесла царю.

И наутро его ведут на виселицу, кругом стража, шашки наголо. А Катя просит отца, чтоб ей его посмотреть в последней раз. Но когда она подъехала, то у его уже петля красовалась на шее, и она упала в обморок.

И тогда царь кричит палачу, что "скоре его души". Когда палач подошел, то увидал у его на груди георгевский крест и говорит, что "я не могу таких душить", то царь:

— Ты не хочешь душить, то я сам задушу!

И когда поднялся и увидал свой георгевский крест, и кричит палачу:

— Сними с шеи веревку!

И царь обнимает его и говорит:

— Сын мой возлюбленной, а я не знал, что такой сын у меня!

Тут вся толпа в ужасе, все шашки опустили.

И оне в тот же день обвенчались — сын с Катей, а царь с егуменшой.

Я на том пиру была, мед-пиво пила, были бы усы, то по усам бы потекло, а в рот не попало.

Сказка — быль или намек, добрым молодцам урок.

18. ПРО ДВУХ ЦАРЕВИЧЕЙ И СТАРУ ВЕЛЬМУ

В нефкотором царстве, в нефкотором государстве жил был царь-государь. Он был старо́й. А сын его на возра́сте. Когда государь помер, сын заступил на престол.

Задумал молодой государь жениться. И взял таку красавицу, что нигде не опубликована. И вот она забеременела. А молодой человек полюбопытствовать по прочим державам поехал. Она без его принесла двух сыновей. Молодой государь телеграфироват, что "я в таки-то числа буду дома". А у ей со свекровкой была неуладица, у жаны его.

Когда он явился во дворец, жана вышла ему навстречу, вынесла двух детей на руках. Он от радости не знат куда деться, жану поцеловал, поблагодарил.

Когда молодая пошла в столову служанкам наказыват, стара вельма нашептоват ему:

— Что ты, сынок, гордишься? Это, думашь, твои кровны дети? Я сама видела, как один принец поднимался к ей на двенадцатый этаж блоком.

Он думат: "Что такое, в такой люби жили и почему она меня изменила? Какие я имел недостатки?"

А стара вельма подымат матрац:

— Вот, сынок, что она гля твоей встречи припасла.

Смотрит — стоят флакончики. Позвали профессора. Тот признал ядовиту отраву.

Пишет царь заявление в Верховный Совет, в суд. Суд пишет: "Дать ей смёртну казнь вместе с детям за измену Иван-царевичу". Но со стороны защиты защищают: "Тут, может, была ложь, тут, может, была клевета. Не дать ей смёртну казнь, дать ей особо наказание: посадить в глуху повозку с детям и завезти ее в непроходимую тайгу и оставить там. Счастье ее, если она сумеет выйти, а не сумеет — зверям на съеданье".

А что же с имя́ там было?

Она отогревала детей у груди, разным кормила травам и корням, а иногда и деревянный огонь зажигала. И однажды вышла она к морю. Напилась морской воды — её бросило в сон. Дети на грудях обои.

Ниоткуда приплыла львица с острова и схватила одного дитю и бросилась в море. Мать в то же время проснулась. Но в море не бросилась. Поплакала, поплакала: "Что же я такое тиранство переносила, и труд, и голод и лишилась одним сыном".

Пошла по берегу моря. Шла несколько времени, видит — халупа стоит. Заходит. Там живет рыбак-старец. Человек грамотной. Смотрит на ее личность, видит, что она человек не простого звания. Обсказала она ему свои терзания ну и осталась тут. Сын у ей, например, имел уже восемь-девять лет. Старец давай учить его грамоте. Учил до возраста семнадцать лет.

Один раз старец пошел в город. Увидел объявление, что на ето царство злой богатырь напал и многих богатырей в етим царстве побил.

Когда вернулся старец, рассказал все ето ее сыну.

А в ето время моряки плавали по морю и сделали на том острову, где львица-то жила, высадку. И увидели человеческий босый след. Оне несколько раз раньше делали высадку, но не видели здесь человеческого следа. Их заинтересовало: хто родился новый человек на острову? Объявили государю. Он говорит:

— Сейчас же оцапите етот остров и преставьте, кого найдете, ко мне.

А тот сын, который находился со львицей, он имел возраст семнадцать лет.

Солдаты сразу оцапили етот остров и взяли их в свои руки. Львицу связали и представили государю во дворец.

Государь приказал имя особо помешшение дать с трём дверям, с трём замкам. Оне там и кушали вместе. Львица его ишо маленького сперва грудью кормила, а после где рыбой, где чем. (Львица — она все может достать.)

А сын, который находился при царице, доходит до дворца и сразу доложили, что такой-то пришел по объявлению побороться с етим богатырем. Государь дает приказ:

— Обыскать и пропустить.

Заходит:

— Здравия [желаю], ваше императорско величество! Я пришел с етим богатырем побороться.

— А надеешься?

— Думаю, ваше императорско величество!

Когда оне вышли на дунель, тот брат его, который со львицей, почувствовал родную кровь, решил в защиту выступать. Поломали оне со львицей трое дверей и трое замков, и все вместе победили етого богатыря.

И делат тогда государь пир за победу. Молодой человек и говорит:

— Ваше императорско величество, мы счас за бокалом, а моя мамаша почернела с горя углем.

— Как так?

— А так, что моя мамаша переносила и труд, и голод, и все нужды.

Государю в голову: "Что ето, не моя ли жана, ето не сыновья ли мои?!" И приказал:

— Немедленно ее звать сюда!

Когда она во дворец со старцем вступила, то надела кольцо именное, царское. Заходят. Государь смотрит: "Ето моя жана!"

— А ето не сыновья ли мои? — спрашиват её.

Она все подробно обсказала, что тут была ложь, что тут была клевета. Царь приказал:

— На пересуд!

Когда вручили судебны повески, приходят оне на суд. Судьи присудили: "Ету стару вельму к смёртной казни за измену Иван-царевичу. Привязать её к хвосту дикой кобылицы и пустить в поле". Так и сделали. Привязали ее к хвосту дикой кобылицы и до основания по полю размыкали.

19. СКАЗКА ПРО ЗОЛОТОГО КОЗЛИКА

Так вот. В не в котором царстве, в не в котором государстве, именно в том, в котором мы живем, в старое время при каком-то там царе еще стоял солдат на часах. Ну и что-то замечтался, понимаешь, уперся на винтовку. Теперь ударил себя, дескать, вот видишь: ума много, но денег нет. Были бы деньги, наделал бы много смеху и греху. В это время проходил мимо, конечно дело, царь. Услыхал это дело. Ну и вот, пришел он и вызывает солдата: Иванов там, Петров называет. Солдат пришел, доложил, как это ведется:

— Ваше высокое императорское величество, по вашему вызову такой-то солдат явился.

— Ты вот такого-то числа в такие-то часы на таком-то посту стоял?

— Так точно, ваше императорское величество, стоял.

— А что ты говорил? Что у тебя ума много, но денег нет? А если бы тебе дать деньги, что бы ты мог сделать?

— Дак, конечно, если бы, — говорит, — деньги, я бы много кое-что сделал — и смех и грех, конечно.

— А вот что бы ты мог узнать?

— Да все бы мог узнать.

— Но вот я тебе даю плетень (плетень раньше назывался государственный плетень — сто тысяч денег). Даю плетень и освобождаю тебя на три года. Так вот узнай: есть у меня дети или нету и будут в будущем или нет? Если узнаешь, то это хорошо, что на три года тебя отпущали, не узнаешь — голова долой.

Раз назвался, теперь уж все равно. Дает к етим деньгам подписку государственную; где он будет, в любом банке может взять деньги.

Конечно, таки деньги когда он получил, подумал: "За три года можно и нагуляться как угодно, что там и натворить, ну а там снимут голову и тоже не беда. Все-тки за три года можно гульнуть великолепно".

Ну, сначала он по своему по этому городу пошатался. Потом гулял-гулял, подался в другой город. Ну, покамест деньги были, выпил он немало, все гулеванил. Приходит время, что ему остается очень мало. А раньше, знаешь, этих кабачков было в городе, вот как сейчас эти киоски. Там повернулся — кабак, там — кабак. Цаловальники содержали в старину. Ну и вот. Идет, подвыпил, конечно дело, стоял он в гостинице. Идет по улице, смотрит: дом двухетажный, великолепный стоит. И за воротами барин. Подошел, поздоровался.

— Слушай, хозяин, у вас не будет ли комнатки под квартеру? Я буду платить вам великолепно за квартеру.

Барин посмотрел на его, дескать, мужик вроде не грешной.

— Есть комнатка небольша, идите, посмотрите, понравится — пожалуйста.

Повел его, завел на третий етаж, там комнатка небольшая, только для одного, столик там, кроватка. Посмотрел он — великолепно! Договорились, сколько платить.

Снял квартеру, теперь сходил на базар, набрал вина, закуски. Закуска раньше, знашь, всего вдоволь: колба́сы разные, ветчина. Притащил, сел, гулеванит. Гуляет день, гуляет второй. А хозяевам заплатил щедро. Не то что там он сказал пять рублей, он ему десять рублей дал. Хозяин смотрит: "Что за тип?"

И вот неделю живет, другую живет. То все по кабачкам ходил, а теперь квартирку снял, набирает беремю вина, закусит — и глушит.

У етого хозяина была дочь взрослая. В одно прекрасное время тоже ну между собой ведут хозяева разговоры: "Что за человек с такими деньгами? Каждый день пьет и вино не берет какое-нибудь там, а берет все хорошие вина, закуски вон каки". Ну и вот, однажды эта дочь решилась зайти к нему в комнату. Он сидит, выпивает. Он пригласил, там стульчик, конечно дело. Ну, она села, посидели, побеседовали. Она просто ему заявляет:

— Вот меня интересует, вы семейный человек или нет?

— Нет, я просто человек одинокий.

— Какое имеете удовольствие, вы вот у нас уже неделю стоите, каждый день пьете? Ну, вообще что за удовольствие?

Ну, он теперь начинает рассказывать, как дело было.

— Мне только и наслаждение, что вот погуляю ето время. Мне всего данное время три года, а живу уже последний год. Куда мне денег... Денег у меня, пожалуйста, куры не клюют, сколько хочешь.

— Ну дак как же? Если вам дали такое препоручение, надо все-тки узнавать, а может, вы узнаете. То через три года вам голову снимут. А вы узнаете, может, и на самом деле есть. А если нет, может, через какое-то потомство будут дети. А ведь есть люди старые, которые знают, вполне могут посоветовать что-нибудь. А что из этого, с вина, хорошего?

Ну, подумал: "Да вобче-то конечно".

— Вот на такой-то улице, — она же говорит, — есть кабачок. И в етот кабачок кажный день ходят три старушки. Пожилые, лет по восемьдесят им, которым даже и перевалило. Люди старые, а может, они и слыхали, есть у царя дети или нет.

Ну и вот, дело доходит, он все ето мотает на ус: а авось что-нибудь и выйдет. Утром встает назавтра, идет на ту улицу, заходит в етот кабачок. Садится в уголочек, сидит. Просидел несколько времени. На самом деле являются три невесты, одна одной старе. Ну и встают, берут. (Раньче были чекушечки таки, бутылочки маленьки, в аккурат четвертая часть бутылки, бекасик.) Ну и вот, одна берет, друга то же самое. Взяли они, выпили по бекасику. Он теперь к одной обращается, котора там с краю. Спрашивает:

— Бабочка, можно вас на минуточку?

Те засмеялись:

— Ну, какой-то молодой втюрился в старуху, видно, вызыват во двор.

Ну, позубоскалили, конечно. Она "пожалуйста" там прочамкала. Вот он у нее спрашивает:

— Бабуся, не знаете ли вы, вы люди старые, от кого-нибудь или сами, может быть, знаете — у нашего царя есть дети или нет?

— У-у-у, батюшка, жнаешь, у штаршей шештры у моей, вот у ей шпроши, — прошамкала она.

Ну, он теперь заходит, берет полбутылки, угощает ее. Она смотрит на него удивленно: "Смотри, еще и угощат".

Теперь вызывает он втору:

— Можно, бабушка.

Ну та посмотрела: "Смотри, что-то пошептал, полбутылки поставил".

— Ну чо, батюшка, пойдем.

Когда вышли, он выспрашиват. А она:

— Уж хоть я и стара, батюшка, сказать-то не могу. Вот у старшей сестры спроси.

Ну, заходит, ставит он и етой полбутылки, берет у цаловальника. Приглашает и третью. Ну, третья с удовольствием тоже вышла. Он у ней и спрашивает:

— Бабушка, вы не скажете, знаете или, может, сами слышали от кого-нибудь — есть у нашего царя дети или нет?

— Да-а, батюшка, мы хотя и прожили в прислугах у царя, но не слыхали, не видали. Вот что, батюшка, это надо узнать. (А там река большая протекала.) Вот утром раньче выходите на берег. И там есть лодочка. Переедете на ту сторону и вот садитесь там. А там пещера, лес. Вот у лесу садитесь. Утром рано, до солнца. Там живет старец, он знает все. Уж если может чо помогчи, то только бы он помог. Но он утром рано до солнца ходит по воду. Идет по воде, как по

полу, по земле. Выходит на самую середку, зачерпывает воду, для умыванья тащит. Живет там в пещере, мается там, конечно дело.

Ну, он так и сделал. Забросил вино пить, утром рано встает и идет на берег. Садится в лодку, переезжает на ту сторону, как ета старуха и присоветовала. А с ней он тоже — отблагодарил, полбутылки взял, так что щедро расплатился.

Теперь сел он у лесу, сидит. Рассветало маленько до солнца, видит: оттудова выходит старичок с котелком. Она-то ему сказала: "Вот как наберет воду, ты смотри, куда он пойдет, иди за ём. Он там в пещере, у него как потайник, но все равно ты с глаз его не отпущай. Дойдешь до пещеры за ём, но пока он будет молиться, ты подождешь, а потом обратишься, что он тебе посоветует".

Ну, он видит, что он набрал. Верно: идет по воде, как по полу. Дошел до середины реки, зачерпнул ведерко, поворачивается и пошел обратно. А этот за ём следом, не теряет его, смотрит, докуда он дошел. Ну, у него все там тайно сделано. Вроде как исчез. Он подошел, стал приглядываться. Пещера там замаскирована. И вот старец там умылся, стал молиться Богу. Когда помолился — а этот все ожидал — тогда он к нему обратился. Рассказал всю историю эту.

— Так вот как, дескать, дедушка, не поможете моему горю? Такое такое дело.

— Да, батюшка, дело-то сурьезное. Узнать-то, конечно, очень трудно, трудно. Как можно узнать? Никто не видал, никто ни от кого не слыхал, есть у него дети или нету. А как можно предвидеть вперед будут или не будут? Как можно?

Он теперь и говорит:

— Ну что ж, придется уж с тобой, батюшка, хоть и согрешить, но твоему горю помогчи, иначе ты голову свою потеряешь.

Ну, тот поклонился ему, попросил его.

Тот и говорит:

— Завтра пораньче вечером, дескать, приходи, зайдешь ко мне, и вот я тебе расскажу, куда идти.

И вот, когда вечером засветло он пришел, старец ему и сказал:

— Сейчас иди домой, проспись, а вечером придешь, потому что придется тебе целую ночь не спать.

Солдат так и сделал. Пришел, лег, выспался, а в назначенное время и отправился. Переехал, пришел туда. Когда пришел туда, старик и говорит:

— Вот пойдешь туда, на лысую гору, там на лысой горе прилетает воздушный замок. Он весь кругом обнесен, и на каждой тынинке висит человечья голова. Только лишь на одной тынинке нет. Если ты проспишь, то твоя голова займет эту тынинку. Когда придешь, сразу из замку выйдет человек, будет тебя спрашивать: "Каким случаем?" Говори: "Я пришел, чтобы вы мне слили золотого козлика", а ты будешь свечи светить. Он скажет: "Ладно, я буду лить золотого козлика, а ты будешь свечи светить".

[Солдат пришел на лысую гору. Прилетел воздушный замок].

Открывает калитку:

— Заходи.

И вот он его запустил. Когда завел его в помещение, поставил ему шесть штук свечей.

— Вот ты будешь светить, а я буду золотого козлика лить.

Ну, непривышный, так непривышный. Это целую ночь надо вытерпеть, чтобы не спать. И вот теперь тот дал ему ножницы, тот ету свечку подстригат,

то другую. А он [старик] ему и наказал: «В крайнем случае, если ты только уснешь, а он будет над твоей головой с клинком стоять и спрашивать: "Спишь или думу думаешь?", отвечай: "Думу думаю". — "Какую?" — "Не столько народу живого, сколько мертвого"».

Ну и вот, взялся тот лить козлика, а етот свечи подстригат. Но сколько ни стриг, давит его сон. И вот уткнулся. Только уткнулся, сразу хватился, а тот уж держит тесак над головой.

— Спишь или думу думаешь?

— Думу думаю.

— Какую?

— Не столько народу живого, сколько мертвого.

Он отскочил, у его волшебная книга. Схватил, посмотрел — правильно.

И вот ночью он пролил этого козлика, а этот проследил за свечами. Утром он его выпустил. Идет он к старцу к этому. Рано, конечно. Видит, старик пошел по воду. Но уже забрел до колен, вода не держит, согрешил. Воротился, помылся, помолился. Вот когда помолился, тогда и к нему:

— Ну как? Рассказывай.

— Вот так, — говорит.

— Ну, правильно, значит. Иди спать, а вечером в тако же время придешь.

Ну, он ушел. Пришел домой, наелся, завалился в етой комнате и спит. Тут уж он теперь проспался, дождался вечера, вечером он велел к нему зайти. Заходит он к етому старцу опять, старец и говорит ему:

— Сегодня ты пойдешь, так же тебя встретит у калитки. Когда ты пойдешь, он тебя спросит все равно: почему, каким случаем? Ты скажешь, что золотого козлика лить. Он скажет: "Мне золотого козлика лить, тебе огонь светить". И запустит. Но ни в коем случае не спать. Если уснешь, значит, головой лишишься. В крайнем случае, может, не вынесешь, уснешь, то он будет с саблей над головой стоять. Спросит тебя так же, как и вчера. Ты отвечай: "Не столько лесу стоячего, сколько лежачего".

Ну и вот, теперь, значит, отправился. Приходит. Только пришел, замок уже прилетел. Он сразу к калитке, уже теперь будто бы знакомее. Тот вылетает уже, спрашивает:

— Каким случаем?

— Мне нужно золотого козлика лить.

— Мне золотого козлика лить, тебе огонь светить.

Открывает калитку и запускает его. Там он ему наставил девять свечей. Прибавлят свечей. И вот он там начинает лить. Льет, а етот как ни крепился, как ни бился, ночь больша, сон клонит. Но, хоть и дремлет, ткнулся, а он уже над головой.

— Спишь или думу думаешь?

— Думу думаю.

— Каку?

— Не столько лесу стоячего, сколько лежачего.

Тот сейчас волшебную книгу посмотрел — правильно. Опять берется за работу. Ну и вот, до свету как будто доработали. Козлик вышел уже почти полностью, немного не докончили. Еще на ночь надо было — доделать.

Приходит к старику, рассказал все это.

— Ну вот, сегодня спи, просыпайся хорошенько. Не засыпай ни в коем случае. Как уснешь, так голову потеряешь.

Он сразу пришел, выспался крепко, хорошо. Приходит вечером обратно к старику. Старик наказывает:

— *Сегодня ты пойдешь, уже козлика будет он доканчивать. И когда он сольет, кончит работу, возьмет за цепочку и поведет его, ты вставай и иди за ём.* Когда он подведет к дверям, только он подведет к дверям, только дверь откроет, а я уже буду тут стоять и сразу скажу: "Мир вам". Говори: "Мир си". Отвечай. И мы с тобой возьмем етого козлика и поведем.

Ну и вот, он уже последнюю ночь, уже тут крепится: спать ни в коем случае нельзя. И вот, когда он его совсем кончил, взял за цепочку и повел. Повел к дверям. Он подымается и за нём. Этот только дверь открыл, а старик уже оттуда: "Мир вам". А этот: "Мир си". Старик берет у него козлика за цепочку, увели, остался замок один.

И вот теперь этого козлика привели к старику. А старик благодаря вот етой истории, согрешил, стал воду черпать с берегу. Забредет маленько, его вода не держит, зачерпнет, умоется, помолится. Но и вот, когда етого козлика привели, старик и говорит:

— Время не так уж много осталось, длить нам шибко нельзя с ём. Теперь мы етого козлика поведем туда, где живет царь, в тот город.

Ну, повели. Интересно — золотой козлик! Он золотой, слитый. Но только в какой город заведут, там встречают по улице, там собирается така толпа, что ни проехать, ни пройти.

— Ведет какой-то старик золотого козлика!

Ну, тут, знашь, в городе барышненки выскочат:

— Ой, какой интересный козлик-то!

А он солдата посадил в козлика-то, а ему наказал:

— Кто там из барышнешек чо там будет говорить, ты передразнивай.

И вот кто-то из барышнешек:

— Ой, какой интересный золотой козлик-то!

А он [передразнивает]:

— Ой, какой интересный золотой козлик-то!

— Ой, да он ешо и говорит!

А етот передразнивает:

— Ой, да он ешо и говорит!

Ну, ты знаешь, тут уж их обступили, не пройти, не проехать. Но все-тки с большим трудом добрались до етого города. Когда добрались до етого до городу, ну старец, наверное, уж бывалый и знает, сразу заводит на центральную улицу. Но только показался с краю, тут толпа обступила. А там уж говорят:

— Какой-то старик ведет золотого козлика да интересный такой, говорит да ешо прискакиват.

Ну, а тот там чудит. Народу набралась — тьма! Ну, а он все же продвигается. Ну, знаешь, богатые мужики в тележках:

— Дедушка, поедемте, я вас увезу, садите козлика.

— Ой, нет, нет.

Домой как же, знаешь, богатые купцы, кажному интересно. Но он:

— Нет, нет, батюшки, нет.

Все же пробирается все вперед и вперед.

Тут у царя, понимаешь, был какой-то сурьезный, строчный пакет. Отправляет етого своего адьютанта быстро с етим пакетом. Ну, он сунулся — куда! Там такая беда — пушкой не прошибешь! Там только верхом проехать, пешком не

пролезть. Ну, он увидал, так тут тоже интересно посмотреть. А там, знаешь, чудят, которые там смотрят. Барышнешки начинают:

— Интересный да бравый!

А он:

— Интересный да бравый! — Передразнивает.

Да еще возьмет прискочит [сказочник показывает]. Ну тут народ мрет. Ну и тот забыл про строчный пакет про етот. А потом хватился, выехал другой улицей, объехал, увез. Ворачивается обратно с опозданием. Царь:

— Что это такое? Почему с опозданием?

Он докладывает:

— Вот такое дело. Какой-то старик ведет золотого козлика. Ну до чего интересный да ешо говорит да прискакиват! Ну, публики — невозможно, даже пешком не пройдешь! Ну, вот поетому опоздал.

— Интересно, что за козлик?

— Да просто золотой козлик, да говорит, да прискакиват!

— Интересно... А ну-ка!

И приказал запрягчи карету. Посадил свою царицу. Сели, приехали. Посмотрели — верно. Ну и слезла царица, сам слез. Поудивлялся:

— Интересно! Дедушка, поедемте ко мне?!

Ну как от царя отказаться? А тут ревут даже из толпы:

— Не езди, дедушка!

Ну, куда там.

— Давайте козлика, садите!

Сейчас нашлись-таки, посадили етого козлика, посадили деда етого и в карете поволокли.

А когда привезли туда, в царски палаты, заводят его в избу. Дедушка сел. Уж она тут его до поту. А он тут и прискакиват. Она:

— Да какой же он интересный!

А он:

— Да какой же он интересный! — Передразнивает.

Прыгает. Она до тех пор прыгала с ним, тоже до поту. Старик:

— Ну, что же, батюшка-царь, где же нам под ночлег-то местюшко?

— Дедушка, вы козлика-то оставьте здесь.

— Ой, батюшка, как же он без меня-то!

— Дедушка, никуда он не денется. Ничо, вы не беспокойтесь. Вот ему тут комнатку отвели, тут его и поют, и кормлют.

Ну а етот все прискакивает. Ну а та тоже придуриват с ним. Ну и что ж. Вечер. Поздно. Сколько ни играли, ну она его там называт, царя-то, Петя ли, Вася ли, как его там звали, говорит:

— Надо к Нине его увести, вот уж она повозится с ним!

У их была дочь. А раньче была кака-то заведенная мода, даже многие бывали случаи: сын или дочь где-то его затворяют в такую помещению, понимаешь, что его никто не видит и он никого не видит, а там приставлены служанки, губернантки разные, учат их, грамоту-то ету преподают. Ну и у их дочь жила, ее никто не видал. Она засажена была там где-то, комната внизу, в нижнем этаже, под печатью. А они ходят, у них ход есть. Ну, сколько ни играли, ведь и верно интересно. Он и говорит:

— Ну что ж, увести, пускай позабавляется.

Она взяла за цепочку, повела ходом ихним. А снаружи-то дверь опечатана, и никто не знает, что там у них хранится. Даже ближайшие вельможи не знают. Ну, увела.

Этого козлика дочка-то увидала, ну она уж такая была, лет семнадцать-восемнадцать, невеста, увидала:

— Ой, мамочки! Ето где же вы взяли такого?! Да такой хорошенький! Ой-ой, мамочки!

А он там передразнил ее. А она:

— Ой, да он ешо и разговаривает!

Соскочила, давай с ним. Он это прискакиват. Ну и вот, до тех пор забавлялась, что уморилась. Легла. Мать там была.

— Ты, мамочка, оставь его, я его положу, он возле кровати будет спать.

Он лежит почавкивает, посверкивает. Ушла царица. Тут она легла. А там у ней эти прислуги были в отдельной комнате. А она тут отдельно спит. Привязала подле кровати козлика этого. Он лежит, посверкиват. Там горит свечка, известно как. Вот он теперь лежал, лежал. Она поспала. Вот встает, давай с ним возиться. День возится, вот второй. Дед придет утром, спросит.

— Да не беспокойся, дед, живи, что тебе, деньги!

А там, знаешь, за обслугу деньги ведь идут, завалили его деньгами. Он там и живет. Ну, пожил теперь там недельку. Она теперь уж привыкла к козлу-то. Ну и как там ни передразнивала, и он там передразнивал. Ну, однажды она там заигралась сильно. А он, козел складной, он и вылез к ней. Она сразу бросилась, заревела, испугалась. Те услыхали, няньки. А он сразу — шмыг! Но они сразу зашли. А он такой видный, хороший. А она не видывала, понимаешь, до самого возрасту кроме этих своих нянек, которы за ей ухаживают. Ну, он опять к ней. Она опять закричала. Оне к ней:

— Ниночка, Ниночка, ты что там увидала страшного?

Ну, она там посмотрела, а пока она там шарилась, он раз и — шмыг — лежит, чамкает, серу жует, посверкивает глазами.

— Но ты что же?

— Да так, бабонька, ниче, ниче, бабонька, ложись спи, я так, бабонька.

Старуха ушла, уснула. Тут уж, конечно, в первую ночь больше ей не стал показываться. Назавтра она опять возится с ним, у кроватки привязала. Но когда те только ушли, управились, легли спать, он и вылазит. Она тогда уж засмеялась, не бросается.

— А вы как попали сюда?

— Дак я как вот, а ты же видала ведь.

— Видала. Интересно...

Ну и давай тоже играть, играть как наподобие с козлом. Ну и доигрались, как ето чо и положено. Ну и прожил он там месяц. Они уж тут пожили великоле-е-епно! Теперь приходит строк. Старик думает: "Козла надо забирать, выпускать, ведь надо ему являться". Ну а он уж жил там вовсю. И, конечно дело, узнал, что вот, дескать, в положении она стала. Доигрались.

Ну и вот, старик выводит. Она не дает никак:

— Нет, пускай он живет, козел, у меня.

Но старик не соглашается, надо ему вывести, потому что строк-то вышел. И вот тогда она уж теперь знает, какой он есть.

— Ну а когда же ты теперь ко мне?

— Я, знаешь, когда вот форточку откроешь, мухой могу прилететь к тебе, — залил он ей.

— Ну, я буду ждать, форточку буду всегда открывать.

А у его строк-то уж истек. А раз строк истек, он уже положение знает. Ну и вот, старик уводит козла. Вывел, выпустил солдата. Солдат проверил честь по чести свою форму, ну и является:

— Ваше приказание выполнил.

— Ух, негодяй такой-сякой... Сколько ты у меня растратил? Снять голову ему!

Ну, вельможи тут.

— Как же, ваше императорское величество, снимать? Я ваше задание исполнил.

— Какое задание? [Грозно]. Казны сколько израсходовал?

Вельможи сразу:

— А как? В чем дело? А как он мог казну израсходовать?

— Так вот, давал он мне такое задание, строк — три года, вот строк кончился. Я к строку и пришел. Задание, какое было, я его выполнил. Он задавал, чтоб я в течение трех лет мог узнать, есть у него дети или нет и вновь будут или нет. Я узнал, что у него дети есть и вновь будут.

А ети вельможи-то:

— Как же так? Где? Какие у его дети?

Они не знают, что у него дети есть.

— Где? Каки у его дети? У его детей нет.

— Вот у его там-то дочь.

А царь настаивает: взять его и все. Ну, а синод поднимается:

— Как же так?! А на самом деле, дескать, ты ему задавал, он и узнал. А кто бывал в етой комнате? Сейчас же открыть, узнать, кто там?

Ну и идут. Этот показывает, дескать, вот здесь-то и здесь-то. Ну и он старается в комнату ворваться вперед. Царь идет там с вельможами. Когда открыл дверь, распечатали, он вперед проскочил, туда является, она к нему:

— Ой, да милый ты мой! Смотри, обещал ведь мухой прилететь, а я все время форточку не закрывала. А ты смотри — какой он есть, такой пришел.

Правильно. Зашли эти вельможи, смотрят — дочь его. Но и вот, теперь что же. Когда прошли все комиссии, узнали, что действительно дочь его. Ну и посмотрели: она в положении, последнее время, уже заметно, ходит. Ну, тогда ему: если бы не задавали такого задания и потом если бы он не писал, если не выполнишь, значит, голова долой, вот. Тогда синод вмешался в ето дело:

— Значит, ваше задание выполнено, у него есть документ, вы же давали и разрешали деньги. Значит, он прав, он узнал, что у вас есть дочь. Следующий будет или нет? Пожалуйста — будет, она у вас в положении.

Ну, ему [царю] деваться некуда: солдат справился. А теперь волей-неволей царь посмотрел, раз уж здесь такое дело получилось, надо выдать дочь за него. И вот пришлось, решил до свадьбы, раз уж оправдался он. Он был солдат, а теперь дали ему чин какой-то там, а потом етот чин полез, как все равно пшенично тесто на опаре: сперва офицеришко, а потом капитан, там майор. А когда стал большим чином, тут уж, конечно, свадьбу сыграли-взыграли. Пир такой богатый был на весь мир! Но приговаривать, конечно, уже не будем. После этого пира, когда пожили несколько время, время у его хватало, съездил в тот город, отблагодарил эту девку, старик увел в пещеру золотого козлика, а потом и

старика отблагодарил, вернулся. И так вот покамест до революции жил у царя. Прихвостником уж вобче-то. Вот на етом и кончим.

20. ПРО ПЁТРО И МАГЕЛОНУ

Английский король был Восполин, премогучий, непобедимый. У него сын родился Инвалин, простой человек, как мы теперича. А уж от Инвалина родился сын Пётро, не в отца, в дедушку силой. Обстановки у них, у королей, раньше были такие, что такого-то числа назначали съезд богатырей (как вечер теперешний). Разрешалось там быть со всех других стран, со всего земного шару.

Сегодняшнего числа съезжаются богатыри со всего света на пир к английскому королю. Съехались с нашей державы и прочих богатыри. Начали гулять, выпивать, заниматься разговорами разными. Дошел разговор до красавиц. Тот говорит: у такого-то короля дочь хороша, этот — у другого. А один сказал:

— Вот что, друзья, как вам известно, я богатырь непобедимый, всех прочих царей и королей не нашел лучше дочери-красавицы, чем дочь испанского короля по имени Магелона.

Раньше были такие, луки назывались. Пробовали на этом съезде лук натянуть, ни один не мог. Пётру было тогда двадцать лет (это как теперича десять).

— Дозволь, папаша, попробовать натянуть? — попросил Пётро у отца.

Отец ответил:

— Богатыри не могли, а ты хотишь.

Публике интересно.

— Разрешите, — говорят.

Пётро натянул и стрелу пустил. Все удивились, что никто не смог, а Пётро смог натянуть.

Все разъехались по своим местам.

Пётро вздумал: "Что за красавица Магелона?" Решил посмотреть. Стал просить у родителей:

— Дозвольте поездить по свету, свет посмотреть и себя показать.

Скрывал, что из-за Магелоны. У родителей он единственный сын, не отпускали, может погибнуть на смертном бою. Ну, сколько ни упрашивали, пришлось разрешить. Сегодняшнего числа разрешили родители Пётру в путь. Подобрал он себе коня, убрал седло серебряными ключами. Родительница подарила два перстня именные. Отправился он в путь.

Приехал Пётро в испанское королевство, в столичный город. По всему городу афиши набиты: "Такого-то числа назначается съезд богатырей у испанского короля". Пётро снял себе номер в гостинице. Подождал этого числа. Когда все богатыри съехались, и Пётро приехал. Наперед надо силу проведать, прежде чем выпивать (как борцы теперь). Было так: ежели смертный бой — острыми концами копий, а нет — тупыми дерутся. Дошла очередь до Пётро. Победа осталась на его стороне. Никто не мог победить молодого детину Восполина. Это удивило испанского короля, и он пригласил его к себе в кабинет погостить.

Погуляли они, попьянствовали. Гостит он у него за столом, и красавица Магелона присутствует тут. Испанский король спросил у Пётро:

— Скажите, молодой человек, какого будете отродья?

Дак Пётр [скрыл] свое царское происхождение:

— Я, — говорит, — простого деревенского мужика сын.

Погостил, погуляли и снова в гостиницу поехал. Опять остановился в гостинице в номере.

За красавицей Магелоной ухаживала одна старушка няня. Пришла она с ней в кабинет, она говорит:

— Я замечаю, что, хотя он и говорит, что простого деревенского мужика сын, а, по-моему, нет.

Старую няню это удивило, что она ни про кого другого не вспоминает, а про Пётра вспомнила. Ночевали. А раньше посещали церкви, она написала Пётру записку: "Заезжай такого-то числа в сад, нажмите кнопку, погостите у меня в кабинете". Дала записку старушке няне, послала ее в церковь:

— Если встретишь Пётро в церкви, передай.

Ей повезло. По ее счастью, Пётро подъехал на коне к церкви. Слез. Привязал коня на указанное место. Следует в церковь, старушка за ним. Стала рядом с ним, тихо передала письмо. Он вышел и написал на обратной стороне: "Дожидайся такого-то числа". И вложил перстень матери, написал: "Вот вам гостинец".

Отстояла старушка, передала гостинец красавице Магелоне, она была рада этому.

Дождался Пётро двенадцати часов, пошел. Подошел к указанному месту, нажал кнопку в калитке. Вышли. Его завели в кабинет. И его стала Магелона спрашивать. Тут Пётро открылся ей:

— Теперь скажу, я есть сын английского короля Пётро.

Теперь дело подходит к свадьбе. Он ей говорит:

— Поеду я к родителям посоветоваться, попрошу разрешения, тогда приеду.

— Нет, — говорит она, — так вы уедете и забудете меня, возьмите меня с собой.

— Можно, — говорит, — и так. Сегодня ночью ничего не сделаем, приготовься завтра днем к вечеру. Я поеду и заберу, ведь днем нам нельзя, ночью нужно.

Погостил Пётро, попрощался. Купил ей иноходца, седло на одну холку. Дождался двенадцати часов и в двенадцать часов подъехал. Магелона няне говорит:

— Утром иди к королю и скажи отцу: Магелона куда-то потерялась, а я проспала.

Она так и сделала (со старого человека что возьмешь: потерялась и потерялась).

Вот едут ночь, а днем нельзя, ведь депеша пойдет скрозь страны. Как раз тайга.

— Вот, — говорят, — переднюем, а ночью дальше поедем.

Поворотили в тайгу, ложатся они спать, отдохнуть. А известно, человек с нежной жизни, да на холке, да не спавши ночь. Легла Магелона и уснула, как умерла.

Пётро походил и нашел у нее красный кузовочек на кресте. Посмотрел: перстень завязала, чтобы не узнали, что английского короля. Надо было взять завязать и положить, а он положил на пенечек: пробудится и можно на руку одеть (теперь скрывать-то не надо). А мышеловка подлетела, красненький

кузовочек схватила и понесла. А тут море, она уронила, его и понесло. А тут рыболовная лодка стояла как на грех. Он отпихнулся, а ветер, куда там, не только кузовочка, но и берега, где Магелона, не видать. Хотел он броситься в море и утонуть, да смерть страшна. Тут шел разбойничий пароход и забрал его в плен. Атаман был друг турецкого султана и взял и подарил Пётро турецкому султану.

Ну, теперь пущай он тут живет, а мы вернемся к красавице Магелоне. Сколько она ни спала, проснулась. Лошади тут, а Пётро нет.

— Пётро! Пётро! — Нет.

День прошел. Темняться стало, а его нет. Не так было интересно с неги-то в тайге опять ночевать. Куда девался Пётро? Пробилась ночь — Пётро нет. Что делать? Вернуться обратно к отцу — конфуз. План такой: "Подамся в английское королевство. Пойду на пристань, сяду на пароход и в Англию". Костюмы губят (депеша ведь везде). Поймают — отведут к отцу.

Выходит на дорогу. Старуха нищенка навстречу. Сяли отдохнуть, поговорили.

— Бабушка!

— Что, матушка?

— Дайте мне костюм!

А ведь известно, какие костюмы у нас. Бабушка обиделась:

— Что ты смеешься, молодой человек?

Но она:

— Нет, бабушка, надо мне.

Бабушка не соглашалась. Тогда Магелона сказала:

— Возьми, только побереги три дня.

Переменились они костюмами, и пошла она дальше.

— Теперь, — говорит, — не возьмут меня.

Приходит на пристань, садится на пароход и в Англию.

Сегодняшнего числа прибыла в Англию. Вышла в город, остановилась на фатере у старушки. Известно, образованный человек найдет о чем поговорить.

— Как здесь живут?

— Да вот, был один сын у короля — Пётро, да пропал без вести, на имя Пётро король, отец его, склал церкву над морем.

Походила Магелона, пишет заявление королю: "Разрешите около церкви больницу построить на свой счет (наверное, деньжонок захватила с собой). Найму сиделок, фельдшеров, докторов, профессоров".

Сегодняшнего дня началась постройка. Короче говоря, построили больницу, начали принимать больных. Познакомилась с королем, частенько бывать стала, но скрывала, что с Пётро поехала.

В одно прекрасное время король послал кучера, нужно было рыбы купить. Кучер принес, отдал поварухе. Распорола поваруха брюхо: там красненький кузовок, а в нем перстень. Так положили: перстень в море и Пётро в море. Убрали город черным тривером и три дня было моление за упокой.

Теперь пусть они дружат, Магелона с королем, вернемся до Пётро, с Пётро потолкуем.

Пётро такую доверенность получил от султана, стал первый глаз у него. Стал проситься домой отпустить. Турецкий султан:

— Брось и думать!

Но у кого что болит, тот про то и говорит. Тогда турецкий султан и говорит:

— Вот что, Пётро, дашь честное слово обратно приехать, отпущу.

Тот дал. А было известно, что в Англии не хватает соли. Попросил нагрузить несколько бочек соли. Турецкий султан разрешил. А он берет бочонок, на дно соль, а в середину золото и снова соль. Погрузили так несколько бочонков.

Сегодняшнего числа отправились в Англию. Сколько времени шли, ударил ураган. Причалил пароход к острову, спустили смертные якоря. Пустили шлюпки, пошла публика гулять на остров и Пётро с ними. Ураган три дня был. Пётро гулял да и уснул, как говорится, богатырским сном. Один свисток. Два. Три свистка... А семеро одного не ждут, пароход ушел. Пётро сколько ни спал, пробудился, подошел к указанному месту — море, нет парохода.

Пришел пароход в Англию. Капитан продал соль на больницу Магелоны. Стала открывать, а там золото. Увеличила пищу больным, зарплату сиделкам.

Пётро отощал на острове. Нашли Пётро французские рыбаки, привезли во Францию, положили в больницу. Лечат его долго, а вылечить не могут. Говорят, слыхом земля полнится. Стали говорить, что "просись у профессора в Англию, там, говорят, новая хорошая больница есть". Вот идет профессор, Пётро просит:

— Ваше высокоблагородие ("товарищ" раньше не знали), отпустите в Англию, в новую больницу.

Ну, профессор согласился.

Отправились в Англию на пароходе. Приехали. Кладут в больницу, где Магелона заведует. Магелона три раза в месяц проверяла больных. Пошла проверять больных. Доходит до Пётро. Но разве можно теперь его узнать? И он ее не узнал. Спрашивает: сколько лежит, что за болезнь. Узнала, что долго. Сказала своим:

— Я вам увеличу зарплату, вылечите его.

Он:

— Меня ни один профессор не вылечит, меня один грех мучит.

— Какой?

— Одна бы ты была, рассказал.

Ну, обошла она и вернулась, повела в кабинет. Он ей рассказывает, как было: оставил одного человека в тайге на произвол судьбы, может, звери его съели.

— Ну, — говорит, — может, я вам помогу?

Вышла в другой кабинет, переоделась в старое платье.

— Ну, признаете теперь меня?

— Признаю!

Пишет королю записку. Ну, те друзья пишут: "Сейчас прибудем". Собрались. Спрятала Пётро в другой кабинет. Начали по рюмочке выпивать.

— А что бы вы, дорогие гости, увидели сейчас свово сына Пётро?

— Ох, — говорят, — дорогая, не поминай лучше!

— Дозвольте, — говорит, — выйти на минуту.

Привели Пётро:

— Ваш сын?

— Да, наш!

Тут вот и весь рассказ кончился на этом.

21. ПРО КУПЦА И ПРО ЦАРЯ

Сказка говорится про царя и про купца. Значит, в некотором царстве, в некотором государстве именно в том, в котором мы живем, жил в одном городе богатый купец-вдовец. У него было двое детей — сын и дочь. И на ограде были у его слуги — родной брат с теткой были прислужниками. И один собачник. Собак у его было очень много, все сидели на цепях. И вот это отец собрался с сыном ехать за границу — обменяться товарами. Уехал, оставил дочку как хозяйкой. Вот этот дядя задумал эту дочку просмеять. Она ему не стала сдаваться. Он отцу пишет, что "у тебя теперь в доме не такой порядок, как был при тебе, а твоя дочка составила целый публичный дом". Отцу это было не по сердцу. Он посылает сына:

— Езжай и зарежь мою дочь и привези мене сердце.

Сын приезжает в город, сестре не показывается, ходит по городу, наблюдает за своей квартирой. Значит, приходит домой, сестра встретила его так радостно, ну встретила брата. Значит, сели, выпили с им там с каких-то рюмочек хороших. Ну, брат ходит, ничё не замечат: сестра как жила, так и живет честно. Ему жаль стало сестры. Он ходил, ходил, в лес ли пойдет, ножи наточит резать ее, у его руки никак не подымаются. Тода собачник заметил, что он стал грустить, срок выходит, надо ехать к отцу. Сказал собачнику, что "вот так и так, такое-то задание мне дал отец — зарезать сестру и привезти от ее сердце". Вот такое дело. Он говорит:

— Дак а что тут думать, давай зарежем старого кобеля и увезем ему сердце, а сестру пустим по белому свету, пусть она идет куда глаза глядят.

Ну так они и сделали. Сестру наделили и отправили ее по лесу, а сердце собачье увезли отцу. Отец это сердце взял и говорит:

— Как она была псиной, так псиной и пахнет.

И бросил это сердце в воду. Ну а легки-то не тонут, плавают, он говорит:

— Вот видишь, — говорит, — даже вода не принимает таку псину.

Ну, а эта девушка ходила, ходила по лесу, вышла на двенадцать разбойников в лесу. Дом хороший, собаки на цепях сидят. И так она изнурилась, оборвалася вся. И эта, сама мать ихна, вышла на крыльцо, увидала. И она ей понравилась, и она ее забрала себе. Напоила, накормила, нарядила ее и спать положила. И вот, значит, в двенадцать ночи являются все двенадцать братьев с охоты. Ну и сели за стол и говорят:

— Я то-то достал, я ето.

А мать говорит:

— Я дома была, да лучче вашего добыла.

Они, значит, к ей пристали:

— Что такое?

Ну, пристали, пристали. Значит, мать повела их к спальне. А она спала, разгорелась, такая красивая, всем она понравилась. И оне завязали спор межу собой на ней жениться. Спорили, спорили. Атаман говорит:

— Нет, — говорит, — никто на ней не будет жениться, будет она нам сестра, будем мы держать как заводную сестру.

И вот она осталась.

А эта тетка была волшебница, дядина-то жена. У ее было такое зеркало, она посмотрела, что племянница живет хорошо, и сделалась стариком, и приходит

туда. Приходит, ну а эта самая девушка вышла на крыльцо. Ей стало жалко, что она так ходила, скиталась и подумала, что этот старик так же скитается, взяла его приняла. Приняла когда она его, он ей подарил колечко. Подарил и ушел. Она его напоила, накормила, и он ушел. Она это колечко одела — и умерла. Приходит мать, мать с испугу тоже умерла, получился разрыв сердца. Приходют эти двенадцать разбойников, видят, что обе мертвые. Ну, значит, стали их хоронить. Мать обмыли, похоронили. Стали эту девушку обмывать сестру, колечко-то сняли, а она ожила.

— Ну, значит, кто-то здесь был, — определил самый главный атаман. — Теперь, — говорит, — будем оставаться дежурить по одному, дома караулить ее, чтоб никто не пришел.

Ну, прошло там несколько время, эта девушка стала поднадзорной у этих братовей, они уже все уходят, а один остается дома. И вот, значит, пришел черед, эта старуха посмотрела в зеркало и видит, что эта девушка живет еще лучше, как и раньше жила, ее еще пуще стерегут и боле жалеют. Она тогда пошла старухой. Приходит туда к имя. И вот опять они приняли ее, опять эта девушка приняла ее, напоила, накормила, и она ей дала шпильку волосы прикалывать. Она эту шпильку бросила в свою спальню и забыла про нее. И вот этот атаман все от двери не отходил никуда. Все караулили — второй и третий, они все так по очереди караулили. И остался у их Фомка — самый последний, он маленько неразвитый был. Он пробегал куда-то, вот она эта старуха-то и была, когда Фомка караулил. Он ее не видал, старуху. И опять пришла очередь — караулит атаман. Атаман караулил ее, а она легла спать да и воткнула эту шпильку, легла и умерла. Атаман от двери не отходил никуда и говорит, что никого не было, значит, теперь она уже умерла. И решили. Сделали этот хрустальный гроб и подвешали под потолок и решили сами себя убийством — один одного всех убили. И в то время, значит, ездил на охоту царский сын со своим сотрудником, со старичком. Ехали и заблудились. И выехали на этот дом. Там уж все замерло, собаки все подохли с голоду, тишина. Приехали ночью. Он говорит этому своёму сотруднику, что "иди в дом и проверь, что там есть". Ну, он приходит в дом — лежит двенадцать трупов на полу и гроб подвешенный хрустальный. Тогда он вышел и говорит вот так и так. Тогда парень соскакивает с коня и за гробом. В гроб заглядывает — лежит девушка, она лежит совершенно живая. Он берет этот гроб, забирает и повез его себе. Привозит его в свою палату царскую и в свою комнату и ставит его под кровать. А раньче у его слуги были, убирали, а он стал бломбировать свою комнату, никого до нее не допускать до етой комнаты, чтобы никто не ходил. Тогда слуги доложили царю, отцу егоному. И говорит:

— Почему, — говорит, — мы раньче у твоего Петра Николаича всегда убирали комнату, а теперь он бломбирует дверь, нам нельзя туда попасть.

Тогда царь отправляет своего сына в другое государство и приказал сорвать бломбу и просмотреть ету его комнату. Когда сорвали, там гроб. Гроб вытащили, лежит девушка. Он приказал вымыть и похоронить. Когда эти собрались мыньщицы, стали ее мыть и волосы расчасывать, шпильку-то выташшили, а она ожила. И тогда все из палаты убежали и говорят:

— Она колдунья.

Ну все. Тогда царь сына достает своего, что "ты привез в дом, в царство колдунью сюда, колдунья заколдованная". А тот обрадовался, что она ожила. Ну и вот, значит. Приехал. Стали молитвы читать, там сотворить заставили, что она

колдунья или не колдунья. А она все читает и молится, и все такое делат, что ни прикажут, все делат. Ну вот, тут сыграли свадьбу, поженились. Ну а сын не выполнил свое заданье, надо ехать обратно. Когда поехал обратно, тогда эту свою жену препоручил дворнику. Он ее катать на море возил, развлекал, чтоб она не грустела. Ну а дворник был тоже молодой и захотел тоже к ей подкатить колески. Она не согласилась. Он сделал лодку такую и поехали на море. Он, значит, в ету лодку ее высадил и отпихнул, и она уплыла. Вот она плыла, плыла и приплыла к перевозу. Перевозчик, значит, перевозит на пароме людей. И говорит:

— Дедушка, давай мы с тобой сменяемся одеждой. Ты, — говорит, — мне дай свою, а я тебе свою, мне только дойтить до города.

А в тот город, где она жила, к отцу. И вот, значит.

— Дойтить мне до этого города, а там я зайду в парикмахерску, сниму волосы, куплю себе костюм и пойду искать себе работу.

Ну вот, и пошла, значит, так сделала. Сняла волосы, купила себе костюм, всё — под мужскую форму сделалась. Идет по городу, а у отца в саду гулянье. Гуляют оне. А он подходит, спрашиват работу. Отец отказыват. Он-то не знал, что его дочь, она-то знат, что отец. Отец отказыват и говорит:

— У нас повар хороший и помповар хороший.

А сын говорит:

— Нет, отец, у нас повар на помповара обижается, давай мы его заменим.

Сына что-то задело за сердце. Ну быстренько, раз уж купцы дак купцы и есть, того сняли, этого поставили. И вот, когда они это сделали, этот помповар стал варить лучше, чем повар. И вот является этот царь с сыном и к етому купцу на квартиру. Ну когда кушать сел и говорит:

— Кто, — говорит, — у вас так готовит хорошо?

— А это мы недавно новенького помповара наняли, это он готовит хорошо. Счас и повар у него вместо помощника, а этот за повара.

Ну и потом. Она этому своему брату рассказывала сказки. А царь, когда покушал хорошо, и говорит:

— Я, — говорит, — любитель сказки слушать, может, он умеет сказки рассказывать.

— Ой, — говорит, — таки сказки рассказыват, что, — говорит, — ажно уши вянут, — это брат-то говорит.

Ну и приводит ее в сад. Приводит ее в сад. Она говорит:

— С тем условием буду рассказывать сказки, если, — говорит, — кто мою речь перебьет, чтоб сразу голову отрубать.

Чо тут весь суд. В перву очередь она начала рассказывать про себя. Не говорит, что "я там". А просто говорит:

— Вот в одном-то городе...

И зачинат, значит, и говорит то, что я вам рассказала уже. И вот задеват этого дядю. А дядя говорит:

— Это, — говорит, — неправда.

Она говорит:

— Вот этому рубите голову.

Дяде срубили голову. Теперича, значит, до тетки добралася. Тетка стала отпираться, ей тоже срубили голову. А потом уже помянула отца и брата. Тем-то и сказать-то нечего неправду, а правда действительная.

22. О ГОЛИ КАБАЦКОЙ

Живал-бувал купец богатой. Дже, живет. Дже, жили, жили, жили. Вдруг об онну пору этот купец пояхал в город. В город приехал. Дже, стал в этом городе жить. Об онну пору сар сделал бал. Созвал вшех людей. На бал пришли вше, а позади них входит Голь кабацкой. У него нехто нету, онна душа в теле. Он стоит под порогом. Дже, шидели на балу, вше пили, опьянели, а Голи кабацкому даже румку не подают. Дже, стали хвастать: кто жиччьем, кто богачеством, кто добрым конем и хто слугой верною. Голь кабацкой отвечает:

— Вот ви мне даже румку не подаете. Я бенный, нехто у меня нету, онна душа в теле. А ви, пьяные, хвастаете, быть может, пустым местом. Я похвастаю — будет правдой.

Сар спрашивает:

— Ну-тко, у чебя нехто нету, ти бенной, какая у чебя удача быть может, скажи?

— А вот, — говурит, — именно у меня удачность никакая нету, а вот самый который приехал чибе-ка купец-то, приехал в гости. Именно я с этой купшихой имею дела.

Купец отвечает:

— Как ты с ней имеешь дела?

Сар отвечает:

— Он вокшю врет. Ти же не отлучался от этого города никуда, а как тут попал?

— Ну, да как, — говурит, — не было — попал. Случилось раз либо два.

Купец сказал:

— Ешли правду ти имеешь дела, поедь вожьми от нее именной пэрчень и заметь у ней признак. Ешли ти заметишь какой-нибудь признак и буде скажешь, то я вше свое имёнье дам, коли не заметишь, то чибя ми повешим*. А я буду ждать вот-така.

— Дайте, — говурит, — за три ння отсрочку.

— Ланно. На три нни дадим отстрочку.

Джэ, Голь кабацкой пояхал. Приехал. И подпал онной старушке:

— Ну, бабушка, положь меня в сундук и отдай этой купшихе до утра. Жив буду — не забуду, а заплачу чибе — что угонно дам.

Джэ, старушка пошла.

— Э-э, тетушка, мой сундучок не положишь? Только до утра.

— А его для чего класть мне-ка?

— А вот, — говурит, — какой-то человек приехал ко мне на квартиру, мне места нет поставить.

— Ну ланно, бабушка, принеши. Пускай ночь он простоит у меня, этот сундук.

Ланно, джэ, старушка унесла к ней этот сундук. Джэ, поштавила у купшихи. Джэ, сундук ночь стоит. Джэ, чувствует Голь кабацкой: купшиха легла, а швет горит. Джэ, из сундука Голь кабацкой вишёл помаленько. Подошел к столу. Смотрит: на столе именной перчень лежит. Вжял этот перчень. Смотрит: она шпит в онной рубашке. Адджало немножко раскинутое. Помаленьку подошел,

*Это предложение в записи ошибочно помещено позже: после слов "что угонно дам".

сглянул и рубашку открыл немножко, увидел: под левой титькой бородавочка. Вошел в сундук и снова ляг. Джэ, ночь прошла.

Купшиха утром стала. Стала искать перчень — нету. Ну, искала, искала и не могла найти. Джэ, приходит старушка к купшихе.

— Дай-ко, тетушка, мой сундушок: человек наряжается и вжясти хочет свой сундук.

— Вожьми, бабушка. Я свой именной пэрчень почарала.

— Ищи, — говурит, — тетушка, куда он ушел?

— Я, — говурит, — искала и совсем не могла найти.

Старушка сундук увулукла. Голя кабацкого выпустила. Голь кабацкой пошел ни в чем не бувало. Понес этот пэрчень принес, где сар шидит с купцом, его ждут как раз. Пришел, этот пэрчень принес.

— Вот я именной пэрчень вжял, хоть ви мине не верили.

Купец спрашивает:

— Как, признак заметил?

— Вот, — говурит, — у ней под левой титькой бородавочка.

— Правда, — говурит.

Голь кабацкой говурит:

— Я уж таперя вшё твое именьё вожьму.

— Э-э, — купец говурит, — бери.

Голь кабацкой отвечает:

— Теперь ти поезжай, из дома виходи.

— Ланно, — говурит.

Купец пояхал. Купец подъезжает к окну.

— Ну что, жена, виходи, — говурит. — Виходи. Только в той одежде, чего носишь, в той и виходи.

— Зачем, — говурит, — я стану виходить?

— Нет, — говурит, — виходи.

Она мужу отвечает:

— Ти в дом войди.

— А стоит ли мне воходить и с тобой разговаривать?

Она вжяла кое-которое, набила в карман деньги, сколько войдут, и достальное вше заперла и ключи с собой. Вишла. Купец ее повез, и Голь кабацкой вошел в дом.

Джэ, купец ее повез. Вежет. Вивеж на такой березник и стал ее драть.

— Зачем, — говурит, — меня дерешь? Какую вину нашел да дерешь? Найди вину.

— А ти, — говурит, — чего, не знаешь вины над собой?

— Нет, не знаю.

— Не знаешь, так не знай.

Яхали, яхали, в город прияхали. Тут разошлись. Тот ее потерял, и другая его почарала в этом городу. Она пошла на базар, купила енеральскую одежду и приходит онному хриштиянину. Написала гумагу:

— На, — говурит, — поставь против сарского окна посох и завяжи эту гумагу на посох.

Сар окном взглянул: стоит посох, за посохом завязанная бумажка.

— Подьте, притащите эту гумажку.

Сар прочитал, что просится к нему с другого города енерал, а просится к сару на обед, а сам находится у хришянина.

— Подьте, зовите его, пусть пообедает.

Джэ, разыскали. Пришел. Джэ, пошидели, побеседовали, поразговаривали.

— Ну что, ваше сарское величество, я хотел, — говурит, — у вас спрошить: у нас були слухи, что Голь кабацка хвастал, что "имею с онной купшихой дела". Правда ли? Его хотели повешить.

— Зачем, — говурит, — ми его повешим, когда он хвастал делом? Вше имущество купшево взял, а купша из дому вывел.

— Кабы, — говурит, — дайте мне кучера, чтобы меня проводил к Голю кабацкому; я посмотрю, как он живет на этом на купеческом имуществе. И именно дайте этого купца, который вышел из дома.

— Дадим, чего не дадим. Где этот бывший купеш? Зовите его.

Призвали, пришел.

— Ну, — сар отвечает, — что ти, спроводишь этого енерала к Голь кабацкому?

— Спровожу.

Джэ, повез. Пояхали. Едут.

— Эх, — генерал отвечает, — ти худой кучер, меня худо везешь, я сам чибя повезу.

— Э-э, повези, — говорит, — мосно.

Вот и повез его енерал этот. Немножко повез в сторону, выяхали на березник и стал этого кучера драть этим березником.

— Э-э, зачем ти, енерал, дерешь меня березником безо всякой вины?

— А ти чего, вины за собой не знашь?

— Нет, не знаю.

— Не знашь, так не знай.

Прияхали Голь кабацкому. Голь кабацкой принял. Шяли. Смотрит, замечает: как от нее осталось запертое, так и було.

— Ну, — говурит, — расскажи, Голь кабацкой, как живешь?

— Живу, — говурит, — я хорошо.

— Ну, — говурит, — пускай ти хорошо живешь. Расскажи, как ти сюда попал.

— Вот, — говурит, — я как попал. Вам расскажу. А вот как захочет мне хвартуння послужить. А послужила мне пустым местом.

Она и отвечает:

— Ти рассказывай, а я буду записывать.

— Расхвастался я, — говурит, — что с онной купшихой имею дела. Хвастал я пустым местом. Не верили меня купец и сар. Ну, потом стало дело [в] том: ударились с этим купцом. Сказал купец, что "принеши у ней именной пэрчень и заметь у ней признак". А я подпал к онной старухе, что "положь меня в сундук и унеши к этой купшихе". Она меня унесла. А я в ношное врэмо из этого сундука вишол и этот пэрчень вжял и заметил признак: под левой титькой бородавочка. Этот пэрчень унеш прямо сару и купшу и этот признак рассказал. И вот купец вишёл из этого имения, и я на его имение вошел.

Этот енерал вихватил из кармана перочинный ножик, ударил етого купца по затылку.

— Знай, — говурит, — дурак, вот как люди умеют наживать.

Как, чего Голь кабацкой рассказывал — енерал вше записал.

— Ну что, Голь кабацкой, примешь ли нас в этом доме ночевать?

— Ой, да, — говурит, — чего я не приму? Думал ли али чаял, что у меня енерал будет на фатеру!

— Ну ланно, если ти наш примешь, определи нам особную комнату ночевать. У тебя дом хороший, большой, купеческой.

Джэ, пора стала ложиться, спать. Джэ, енерал стал раздеваться. Скинул рубаху. Купец отвечает:

— Ваше енеральское величество, как же, — говурит, — у вас титьки походят на женские?

— Гм, — говурит, — это ви говорите так, это на войне прострелили, а это наросло дикое тело.

Он дивуется:

— О, сто за беда: чибе грудь проштрелили, а как ти ожил?

— Это, — говурит, — чего мне: вот мое мужское прострелили, и стало потом женское.

— Да не может буть, — говурит.

— Ешли вот не веришь, я вот разденусь, нижнее белье скину, ти посмотри, — говурит.

— Ланно, — говурит, — пошмотрю.

Скинул енерал — правда, вше женское.

— Э-э, — говурит,— эка беда!

Джэ, поутру встали. Джэ, надо яхать к нима.

— Ну, — говурит, — прощай, Голь кабацкая. Шиди, — говурит, — счастливо ння на три.

— Э, ну ланно, — говурит, — прощай!

Джэ, пояхали, отпихнулись.

Она говурит:

— Слышал, Голь кабацкой что говурел?

— А, слышал.

— Ах, ти дикой ти, дикой, — говурит, — вот таперя и надот(ь) тебя хорошенько драть. Именно я охто твоя — именно твоя баба. Еще я чибя омманнываю о войне, а ти веришь.

Прияхали сару. Какие слова говорел Голь кабацкой, вше выписанные на гумаге. Вжяли этого Голь кабацкого на двенадцать пушках расстреляли и старуху вместе. И купец со своей женой уяхал в свой дом.

[Стали] жить да буть, поживать до таперя.

23. ПАЛКИН-ВОР

Живет сар. Сар призывает своих миништеров:

— В другом меште король живет. Как у этого короля три вешти достать — златокрылого орла, боржого кобеля и вошьминогого коня. Как эти три вешти достать?

Вше откланялись, что "нам не достать".

Другой раз тоже призывает своих миништеров:

— Придумайте, пригадайте, как эти три вешти достать?

Один вызывается:

— Я, — говурит, — эти три вешти достану.

Имо к нему Палкин-вор.

— Дай, — говурит, — мне двенадцать человек и стобы под мой рост були, вше равные. Дай мне корап, на год мне воду, на год еду, я побегу под этот город.

Прибежал под этот город, выброшил схонни и вишел по схонням и поставил шатри. Король отсылает своих миништеров, сто какие люди пришли, с буей* или дракой или с пущими пальмами.

— Ми пришли не с буей и не с дракой и не пущими пальмами. Ми пришли к чибе три вешти украсть.

У этого короля три дочери. Вот поутру стоит старша дочь говурит:

— Пускай мой день ангела.

Дошпели день ангела, вызвали этих людей. А межу этим он украл эти три вешти — златокрылого орла, боржого кобеля и вошьминого коня.

— Я, — говурит она, — штану вора ишкать.

Дэ, стали пить, пошидели. Дэ, этот Палкин-вор говурит — мольча до ветру. Вишёл на двор, товарищей своих вивел.

— Ищите у меня на голове, девка знак положила.

Стали искать — нашли золотой волосок приплеченный. В карман руку запахал и вшем приплел по золотому волоску. Вошли домой. Пошидели немножко и пошли назадь. Стали прощаться. И девка его поймала.

— Вот ходил и вотака вот воровал наши три вешти.

— Как, — говурит, — сударыня, докажешь?

— Вот, — говурит, — золотой волосок к чибе приплеченный.

Он к ней отвечает:

— Может, — говурит, — родина** такая.

Стали обыскивать. У кажного человека нашли по золотому волоску приплеченное. Ланно. Отпустили с этим.

Поутру, значит, стают, шренняя дочка говурит:

— Дошпей день моего ангела, я вора поймаю.

Ланно. Призвали их на ангел, стали пить. Шидели, шидели, этот Палкин-вор говурит:

— Позвольте до ветру.

Дэ, вишли на двор.

— Девка знак положила, — говурит, — ищите.

Стали искать. Нашли в рубашечном вороту шелкову иголку. В карман руку запахал — вшем уткнул. Вошли домой, пошидели, пошли назадь. Стали прощаться. Девка поймала его:

— Вотака, — говурит, — ходил и наши вешти украл.

— Как, — говурит, — сударыня докажешь?

— Вот, — говурит, — у чебя шелкова иголка заткнутая.

Стали искать — у вшех нашли по шелковой иголке. Ушли.

На трэччий день стают, посленняя дочка говурит:

— Чаченька, дошпеем мой день ангела, я стану вора ишкать.

Визвали их. Стали пить. Пошидели.

— Ваше царское величество, — говурит, — позвольте до ветру. Пошли.

— Ищите, — говурит, — робята, девка знак положила.

---

* Т.е. с бурей.

**Т.е. от рождения такой.

Стали искать — никого не нашли. Ланно. Дэ, своим товарищам стал говурить:

— Эти три вешти положьте на корап, меня таперя поймают. И корап на воле держите. Первый раз я рожок сыграю и, — говурит, — в город палите с конца. Другой раз сыграю, ви ещо пуще палите. Ланно. Трэччий раз рожок сыграю, ви корап на воле держите.

Первый раз, дэ, его повели, повешили три петли — онну шелковую, онну полушелковую, онну мочальную. Повели его. Привели его на петлю. На перву ступень ступил:

— Ваше сарское величество, — говурит, — позвольте в рожок сыграть.

Рожок заиграл — по вшему городу раздалось.

На другой ступень ступил:

— Ваше сарское величество, — говурит, — позвольте в рожок сыграть, с белым шветом проштиться.

Заиграл рожок — по вшему городу раздалось.

На трэччу ступень ступил:

— Ну, — говурит, — ваше сарское величество, позвольте в последний раз рожок сыграть.

Сыграл да сглянул, говурит:

— Ваше сарское величество, город горит.

Сар отвечает:

— Твоя шила город запалила, уйми твою силу.

Он к нему отвечает:

— Повешь на три петли своих три дочери. Тогды, — говурит, — я уйму.

Межу этим до полугороду дошло, ещо пуще горит. Повешил своих трех дочерей на три петли — и тот унял свою шилу. И пошел корап, и убежали назадь, и принешли сару эти три вешти. Только.

24. ТАТЬ И БОРМА

Живал-бувал хришянин со старухой. И у него сын. Дэ, живут. Дэ, этот сын ходит, то-другой находит — приносит.

Дэ, в онну пору этот сын ходил, ходил, вше лето странствовал. Дэ, аннезду идет и видит: человек идет, на коровьем бике волокот сено. Он против него остановился, скинул свои убутки и положил. Этот, который сено волок, против убуток и остановился.

— Я, — говурит, — сходю: хто тут видится?

Бика оставил и пошел. Пришел — убутки. (Его они уже знают, парню этому имо Татъ.)

— Эти убутки, — говурит, — винно, Татъ оставил, я у него хочь убутки возьму.

Дэ, когды он ушел по эти убутки, этот парень пришел к коровьему бику, бика заколол, алык сорвал. И этого бика, значит, кожу содрал, месо загреб и с этой головой сам на шебя надел и ушел, в болото ляг.

Этот мужик пришел, говурит:

— Ой, алык сорвал да бик ушел.

Стал его смотреть, смотреть:

— Э, вонака лежит.

Не мог до него дойти — шел, шел по болоту.

— Ух, к черту, — говурит, — я докуда до него дойду, я брошу, — говурит.

Бика брошил. Этот воз шена вжял и поволок. Этот парень вжял это месо, эту кожу содрал и домой принес сзади него. Эту кожу повешил на вешельню. И сушится. О, живут.

Ходил, ходил; об онну пору идет откуда-то домой. Мать его пошла по воду — старушка-то эта. Он вжял деревиночку и стал эту кожу покаличиватъ*. И стал приговариватъ:

— Не я, — говурит, — бичка убивал, а мне тятенька велел.

Эта старушка вошла в избушку и говурит своему старику:

— Ну, старик, какого ти своему сыну велел убитъ бичка — коровьего бика?

— Да когды я стану говоритъ?

— Эта вот говурит наш сынок, что "не я бичка убивал, а мой тятенька велел".

— Да я никогда не велел!

(В)жяли его с этого вигонили.

Он пошел по городу. Ходил, ходил, ходил — пришел в онну юрточку. Живет мужик с бабой.

— Ну, брат, — говурит прихожжий, — станем вмеште жить.

— Можно житъ, — говурит домасний.

— Ну, а как ми станем питаться? — прихожжа говурит.

А домасний к нему отвечает:

— Вот чем, — говурит, — я живу: когды у меня вше кончится, в сарскую казну пойду, один угол отвору, чего нужно помаленочку вожьму, чем и питаюсь. Когды кончится, тогды опеть пойду.

— А станем вместе ходитъ?

— Станем, — говурит.

Дэ, они стали жить вместе. И стали ходитъ сарску казну воровать. Раз сходили, другой сходили — этим и живут.

Дэ, об онну пору сар учувствовался, что сарска казна стала убубляться. Дэ, сар думал, думал, как вора найти. Об онну пору этот сар сарской казне спуштил смолу: хто будёт воровать, и тот и прикипит.

Дэ, вот они жили, жили; об онну пору у них все кончилось — они опеть пришли сарску казну воровать. Дэ, этот Татъ увидел этот, что спущенная смола: кто спуштится, тот и прикипит. Как раз очередь подосла его. Этот Татъ и говурит:

— Ну, спустись ти, брат.

— Нет, — говурит, — твоя очередь.

Немножко они поспорили. Ну, он заставил его спуштиться все равно. Тот спуштился и в смоле прикипел. Он (в)жял у него голову срезал и голову брошил, а туша осталась в смоле. Приходит он домой. Жена узнала, сто мужа убили. Вот она стала плакать. Вот он на ней и раскричался:

— Не плачь, — говурит, — если плакать станешь, сейчас узнают. Вот, — говурит, — знай, вечером это туловище, от которого голова отрезана, станут на коровьем бику волочитъ, приволокут чибе; ну, ти увидишь — слезы не удéржись, плакать станешь. Возьми купшин, и винеши этот купшин, и упади, купшин

*Т.е. поколачиватъ.

разломай и говури: "Из чибя не пивать, не едать!", и плачь по этом купшине. Вот.

Как раз они сидят, как на коровьем бику приволокли это туловище. В это врэмо он шял под окошко и деревянную белку делает. Она плачет по купшине. Когды они вишли, пошли обратно с этим биком — он к нима вишел, белку эту винеш, оморочил живой и отпуштил эту белку. Белка побежала поле — эчи мужики погани́ли белку хватать. Он позадь их бика хватал, алык сорвал, бика заколол, бика випластал и месо все клал. Сидит. Эти люди бегали, бегали, эту белку гоняли, гоняли, гоняли — да, пришли.

— Ну, товарищ, — говурят, — не видал нашего бика, куда ушел?

— Эй, пошел дале, я когды вашего бика смотреть стану — что я, вашего бика смотру сидю?

Дэ, эти люди эту тушу поволокли, никто не плачот, вора не могли найти.

Дэ, сар думал, думал, как вора найти. Вот придумал сар так: нищую (в)довушку и послал по городу.

— Ходи и у казного проси, коровьего месо свежего проси. Хто дает, агде видёшь, тут на дверях три рубишка положи.

Вот пошла эта старуха. Ходила, ходила по городу, просила, просила — ни у кого нету. Дэ, этой бабе пришла. Как раз этого парень нету.

— Ну, — говурит, — тетушка, я ходю по городу, прошу миластыньку, прошу коровьего меса свежего. Нету у чебя этто?

Она висла и отдала к ней лопатку целую. Старуха висла и перед дверми три рубишки положила. И посла эта старуха сару с этим месом.

Вот она шла, а этот парень к ему откуда-то настречу:

— О, бабушка, куды ходила?

— Чёча(с), — говурит, — по городу ходила, миластиньки просила, сару несу. Устала, — говурит.

— Эй, дай, — говурит, — бабушка, я помогу.

— Эй, крепишь, — говурит, — помоги нести.

Вжял эту лопатку, понес. Мальинко понес — и старуху хлопнул и убил. И лопатку эту наверх положил на старуху — лопатка задавила. Ушел домой. Пришел, к дверям сглянул: ой, три рубишка. Побежал по городу, у вшех наклал по рубешку, у сара и сарицы тоже.

Дэ, сар этот здал, здал старуху — не мог доздаться. Дэ, послал старуху искать. Дэ, ходили, ходили — старуху насли: лопатком задавило. Ну, сар говурит:

— У кого-то есть три рубишка, у кого она месо насла. Подьте, — говурит, — ищите три рубишка.

Вот пошли искать: у вшех нашли — у сара, у сарицы тоже нашли эти три рубишки. Дэ, сар думал, думал, как вора найти. Сар придумал так: "Севоння я доспею бал, вшех я призову, — и такое, значит, сделал. — Постелю я на пол (шена): хто ходил да воровал, тому шено в подошву прильнет и полголовы будёт вистрочанная, и пол-уша будёт вистрочанная".

Вот жделал он бал. Призвал он весь город. Стали они пить, стали они гулять. Пили, гуляли — и вше упали, и без памяти вше уснули. Этот Тать учувствовался у вшех попереде — вше к нему прилипли на подошви; побежал он зеркалу, сам себя сглянул: полголови у него вистрочанная и пол-уша. Он с этого (в)жял (в)шем министерам и сару и сарице вше наприлипал на подошви, полголовы вистрогал у вшех и пол-ушу вистрогал. Ну, дэ, пробудилися вше. Дэ, сглянули: у них у вшех прилипло к подошви, у вшех полголовы вистрогана, пол-уши тоже.

Дэ, вот сар думат, как вора найти — никак не может вора найти. Вот об онну пору сар придумал так: оделся он в лопате худой, грязной, как бродяга, и пошел по городу ночью. А этот парень раньше того купил перчатки с ногтями со железныма и сапоги с когтями со железныма. Когды этот сар пошел по городу этим бродягой — и этот парень тоже пошел по городу. Так. Вот они шли и постречалися друг только. Этот Татъ не знат, что это сар. Этот сар и говурит:

— Здравствуй, хто чибе имо?

— А мне, — говурит, — Татъ. А чибе, — говурит, — хто имо?

— Мне, — говурит, — Борма. Ну вот, — говурит, — Татъ да Борма нашлись, пойдем сарскую казну воровать.

Хлящ по той да по другой щеке.

— Ах, ти, — говурит, — на сарскую казну покушаешься, как на Бога! А вон, — говурит, — (у) миништра в окошко швет, пойдем к нему.

Вот пришли они к палате миништерской. Вот Татъ говурит Борме:

— Вот, — говурит, — попадай, Борма, на палату.

Он попадал, попадал — не мог попасти.

— Ну, — говурит, — тапер я штану попастъ, — говурит Татъ.

Ну, у него вше железное, он попал. И стал слушать он.

Сидит миништер, составляет такое, значит: "Завтра я дошпею ангел свой, призову я сара, перву румку налью — когды он выпьёт, тозны его лопнет, по мелкому жерну разорвет. Сто он такой будёт сар, что не могет вора найти".

Спущается он назадь.

— Ну, кого, — говурит, — слыхал?

— А вот, — говурит, — я того слыхал: миништер, — говурит, — делает измену над сара, сто "какой он будёт сар, сто не мог он найти вора. Завтра я дошпею ангел, призову я сара, перву румку налью — когды он выпьет, тозны его лопнет, по мелкому жерну разорвет".

— Ну, — говурит, — Татъ, дай мне эти перчатки и сапогу. Я тоже буду попадать, послушаю.

Вот он (Татъ) скинул и отдал к нему — Борме.

Вот он стал попадать и попал. Видит: то, что он говурил, то и делает миништер, ничего иной разницу нету. Спущается обратно он. Спрашивает другой у него:

— Ну, сто, правду видел, слышал?

— Да, — говурит, — видел, слушал: миништер делает сару измену.

Немножко от него отвернулся — сар в короне, этот Борма.

И этот Татъ, как увидел сара, и поклонился к нему в ноги.

— Ну, сар, — говурит, — прости меня: я давеча чебя по щекам хлестал.

Он к нему отвечает:

— Если из этой беды ти меня избавишь, то я чебя прощу.

— Ну, — говурит, — таперь уведи меня домой, в свою палату. Убуй меня в одежду такой, как сам. Завтра чебя когды кликнут на именины, ти к ним скажи, сто вчерасное врэмо приехал с иного городу барин. Если его вместе зовите, тозны я, — говурит, — приду. Если я приду, если они меня позовут, тозны наллют перву румку и станут подавать чибе. Ти, — говурит, — к ним ответь, сто первая румка пьет домасной хожяин. У вас дело будёт за спором. Ти, — говурит, — скажи, сто (в)черашнее врэмо с иного городу приехал барин, у него спросите — в ихнем городу как водится. А я сумею сказать.

Увел он в свою палату, одел его, как он. Дэ, утром стали — от миништера пришли караты*: требуют сара на именины. Сар посылает обратно пишьмо миништеру: "Вчерашнее врэмо с иного городу прияхал барин, если вмеште кличете, то приеду, если онного́ — я не буду".

От миништера обратно: "Почему не можно будёт, пусть приезжает".

Вот они пояхали на именины. Прияхали, шяли; приняли их. Пошел у них разговор: то-шё там. У них первая запивка-закуска — шпирт в румке. Миништер стал, перву румку налил и понношит к этому сару. Сар не берет и отвечает, сто перву румка пьет домасний хожяин.

— Нет, — говурит, — сар, прежде у нас так було: первым пьет гость.

— А чаго, — говурит, — ми будём спориться, вот, — говурит, — вчерашнее врэмо с иного городу прияхал барин, а спрошите у него, как в ихнем городе водится.

— А вот, — говурит, — в нашем городу так водится: и перву румку выпивает домасний хожяин.

Миништеру стало от этого совестно. Подумал он, значит: "Вше ранно онна смёртъ", — випил он эту румку сам; как выпил, у него лопнуло, треснуло и по мелкому жерну разорвалось.

Пошли эти [от] того, значит. Этого парня сар вжял, увел в свою палату, отделил к нему полжичча, пол-имения и дочерь свою замуж. И после сам шебя завещал на его сарство саром.

И жили, були, поживали. Я давеча у них бул, кашку хлебал, по усу бежало и [в] рот не попало.

25. ЧЕЛБУНЧУ́Т

Живет один человек. Етому человеку има Челбунчу́т. Сам со женой. У него шемь** друзей, и живут ети дружья у него через реку. Сам ходит промышляет и, чего найдет, дружьям дает, и дружья у него богатые, а сам бедный. Ходит си́лишки ставит — куропашечек добывает, етим и питается. А сама река мерзлая, то есь как зимную пору.

Хорошо. Друг об одну пору пошел добыл лисицу. Принес живую. Ну ладно, хорошо.

Друг увидел дружей: идут к нему. Пришли. Ну, спрашивают:

— Ну что, друг, чем живешь?

Он к ним отвечает:

— Ну, живу так да сяк.

— А это у тебя хто? — лисицу говорят.

— Это, — говорит, — моя собака.

— А где ты ее нашел? Мы раньше ее у тебя не видали.

— А вот, — говорит, — на се́ндухе ее поймал, чужая, пришлая, я (в)зял ее себе на руки.

— Ну, старик, продай-ко к нам.

---

*Т.е. кареты.

**Т.е. семь (7).

— Э, купите, — говорит.

— Хорошо. Чего сена́?

— За семьсот рублей да за коня.

— Ладно, хорошо. Вожьмем.

Де, коня отдали и семьсот рублей отдали.

— Ну, хто же ей има, чем мы будем жвать?

— Ей, — говорит, — има Туда да Суда. Вот станите жвать — она к вам будет.

Де (в)жяли, повели. Друг увидели: песец бегот. Ну, нужно отпустить собаку. (В)зяли отпустили — се́ндуху ушла. Де стали кликать:

— Туда-Суда! Туда-Суда!

Де, нету, не пришла.

— Ну, должно быть, — своим умом рассуждают, — хожяину ушла. Ну ладно, ну, пойдем. Может, она у хожяина.

Де, ту пору самый Челбунчут увидел: они идут к ему. Стал деревянную лопату делать. Де, дружья к ему пришли. Стали спрашивать:

— Собака нет ли у тебя?

— Нет, — он говорит, — нету.

Спрашиват:

— Куды ушла?

— А, вот, — говорят, — мы отпустили ее за песцом, она ушла се́ндуху.

— А вот, — говорит, — побегат да будет.

— Ну а ты, — говорят, — кого работашь?

— А вот, — говорит, — я делаю лопату.

— А ее, — говорят, — для чего?

— А вот, — говорит, — я коня стану по хвосту колотить и скажу: "Конь, <...> монет". А вот, — говорит, — у него станут деньги выпадывать.

Они говорят:

— Не может быть!

— А если, — говорит, — мне не верите, то подержимте пароль.

— Э, — ну-тка, — говорят, — подёржим. По чему? — спрашивают.

— А вот, — говорит, — по семьсот рублей да по корове.

— Э, — другие бе́рдят (жалеют), — за грех пробьем мы, должны платить.

Де, один отвечает:

— А что вы, — говорит, — трусите? Если, — говорит, — его правда выйдет, у нас несколько ко́ней; его веру мы вожмем, и нам на его сойдется.

Ну ладно. Де ударились.

Он (в)зял от них крадчи несколько денег, под хвос затолкал, и коня ударил лопатой, и скажал:

— Конь, <... > монеты! — только деньги стали выпадывать.

(В)зяли, заплатили семьсот рублей и корову. Ну, ладно. Де, пошли домой. Стали делать деревянные лопаты, стали коней колотить по хвосту, стали приговаривать: "Конь, <...> монету". Ничего нету.

Де, хорошо.

— Значит, нас Челбунчут провел. Ну, что будем делать? Челбунчута рази мы ижводить станем?

Ну, этим времем Челбунчут ужнал. (В)зял пошел, убил ету корову и начерпал ету кров на два мешка и (в)зял ето своей жене навязал на брюхо да на шпину по мешку. Ну и скажал:

— Ну что, жена, ешли дружья будут, ты шиди, не шевелись, а я шумею что доспеть.

(В)друг дружья, увидел, и́дут. Вошли, шяли. Он (в)зял поймал ножик, уткнул своей жене брюхо да спину — только кров вылилась. И отвечает дружьям, что "пошто шкорее дружьям чаю не варишь?"

— Вот как, — говорит, — я свою жену учу.

Они и говорят, что "мы ету веру вожмем опеть". Один и говорит:

— Убьем ли, что ли, — опять беда да грех.

Там другой скажывает:

— Ну вот, он как ли не убил — ужли мы убьем?

Ну, ладно. Де, их напоили, накормили. Де, они пошли домой. Домой пришли. Выдернули ножи, своих баб спину да брюхо уткнули. Сех семерых убили.

До утра проплакали.

— Эй, — говорят, — ижводить станем Челбунчута. — Ну, хорошо. Чего делать станем?

Стали советовать:

— Пролуб спустим, выдолбим, — говорят, да.

— Э, пролуб, — говорят, — выдолбим.

У етого у Челбунчута на улице живет одноглазый человек. Пришел етот Челбунчут к етому человеку:

— Ну, дедушка, приди мне на день в работу.

— Эй, не буду, — говорит.

— Нет, ты, — говорит, — у меня работу работать не станешь, только ты у меня, — говорит, — на товаришши. Приди да надень мою лопать, надень мои обутки, надень мою хуфайку, и надень мой малахай, и надень мои рукавицы.

— Ну, ладно, хорошо, буду.

Ну, ладно. Де, увидел: дружья идут к ему. Привел шебе в дом етого человека. Де, дружья доходят к дому и отвечают:

— Ну что, Челбунчут, мы к тебе в юрту войдем или ты к нам выйдешь?

Он к ним отвечает:

— Идите, идите, и я к вам выхожу, и стречайте меня дверах.

А между етим временем поймал етого одноглазого человека рот, чтобы он не кричал, и наместо шебя штал выталкивать. Де, (в)жяли они его и поймали, как дверьми увидели, и понешли проруби. Он к им отвечает:

— Я иной, Челбунчут в избе.

Они говорят:

— Нет, нет, ты Челбунчутову лопать носишь, ты и есь Челбунчут.

(В)жяли к прорубе́ донешли и проруб шпуштили. Де, ушли домой.

Ну, Челбунчут говорит своей жене, стал наказывать:

— Ну, — говорит, — старуха, ты поди дружьям, я останусь эттака.

— Ну хорошо.

— И скажи: де вы у меня мужа убили, а вожьмите меня собой, я вас штану кормить-поить.

А, де, старуха пошла.

— Ну что, дружья, вы моего мужа убили — вожмите меня собой. Я вас стану кормить, поить и зашивать.

— Ну ладно, хорошо. Вожмем.

Де, жяли. Де, етот Челбунчут ночное время пошел сухума и натыкался на "тех" (покойников). Стал копать. У, выкопал. У, смотрит: дорогую лопать ношят! Шертуки* , брюки, сапоги — давай ражувать. Разул и сам оделса той лопатью. Пошел дружьям.

Пришел. Вошел юрту. Сидят семеро, се карты играют, тому сотню рублей положит, другому и (в)сем семерым наклал по сотне рублей денег.

Ну и скажал:

— Ну что, дружья мои, и не нашел вас дружнее дружьев. И спашибо к вам, что шпустили меня в пролуб. И нет того лучше житье в пролубе, и нету богатее жемля. Вот видите, какую я лопать ношу в пролубе.

— А, пойдем, — говорят.

Де, пошли. Де, пришли на пролуб. Де, выдернул деньги, спуштил проруб.

— Ну-тко, — говорит, — спущайтесь, дружья, — Челбунчут отвечает.

Они говорят:

— Э, душно будет.

Там один скажет:

— Он туды деньги спустил, кабы худо было, не спустил бы.

Другой отвечает:

— Правду говоришь.

Де, онного стал спущать:

— У, — говорит, — душно, вода.

— Нет, — говорит, — только сперва, дале хорошо будет, голову книзу дёржи.

Де задушилса. Потом другого стал спущать. Так да так, да (в)сех семерых наспущал, и ихо богатсво (в)сё (в)зял, и со старухой стал жить, и так разбогател — первой богач стал.

Сказка кончена.

26. ПЕТР И ПЕТРУША

Жили в одном селе два мужика. Одного звали Петр, а другого Петруша. Петром звали мужика потому, что он был богатый. А Петрушей мужика звали потому, что он был очень бедный, худенький такой. Петруша работал у богатого Петра в работниках. Пахал пашню, сеял хлеб и ездил кое-куда за кучера с Петром. Петруша и себе тоже работал через пять дней один день себе на своей худенькой лошаденке и на петровой. Своя петрушина лошаденка так же работала на Петра, как и Петруша. Пашет или едет Петруша на конях на своей и на петровой, и все он их погонял, покрикивал на них:

— Эй! Вы кони мои!

Привычка у него такая была кричать на коней:

— Эй! Вы кони мои!

---

*Т.е. сертуки.

Резные наличники и ставни

Петр все это слышит, что Петруша так погоняет коней. И говорит Петруше:

— Больше ты так не кричи на коней "Эй! Вы кони мои!" Какие же они твои? Кони ведь мои! Если ты еще так будешь покрикивать на коней "Эй! Вы кони мои! ", я возьму молоток и убью твою лошаденку.

Ставень старообрядческого дома

Вот как-то раз Петр поехал с Петрушей куда-то по делам Петра. Ехали, лошади были запряжены парой. В пристяжку Петруша впрег свою худенькую лошаденку. Ехали, ехали по селу. Петруша забыл, что говорил ему Петр, и крикнул на коней:

— Эй! Вы кони мои!

— Стой! — говорит Петр. — Я же тебе говорил, что не погоняй так коней. Вот сейчас убью твою лошаденку.

Берет из тарантаса молоток и ударил петрушину лошаденку между ушей. Петрушина лошаденка брык с ног на землю и пропала. Убил Петр петрушину лошаденку. Петруша долго не думая достает ножик и ободрал шкуру со своей лошаденки. Принес домой и высушил ее. Сухую кожу положил в мешок и понес продавать в город.

Шел Петруша лесом да перелесками. Видит Петруша: недалеко от дороги какое-то строение стоит в лесу. Это один тут хутор был построен. Вечерело. Петруша думает: "Дай зайду, переночую здесь на хуторе". Стучится в дверь.

— Кто там? — спрашивает женский голос.

Петруша:

— Ну, — говорит, — пустите переночевать.

Хозяйка хутора говорит:

— Нет никого дома. Если хочешь переночевать, ночуй у стога.

Петруша и на это сказал спасибо. Лег Петруша у стога. Не спится ему. Смотрит — кто-то стучит в дверь к хозяйке хутора. Хозяйка впустила в избу

человека. Смотрит Петруша — появился огонь в избе. Через щели ставень было все видно. Вот Петруша и думает: "Дай пойду погляжу, что в избе делается". Смотрит в щель ставни в избу. За столом сидит хозяйка хутора и пономарь из соседней деревни, угощаются. На столе разного угощения понаставила, сидят и выпивают вино.

Слышит Петруша — тарахтит телега, подъезжает кто-то к хутору. Отворил ворота. Заехал в ограду. В избе, должно быть, услышали, что кто-то приехал. Хозяйка хутора начала суетиться в избе. Давай все со стола прятать: вино за печку, жареное мясо в печку, окорок в кладовку.

— А тебя, — говорит хозяйка, — куда? (на пономаря). Иди, — говорит, — в кладовке есть ящик, ложись в него и лежи.

Петруша все это видит и слышит.

А это сам хозяин приехал и стучит в дверь. Ну, хозяйка все в избе прибрала. Пошла отворить дверь мужику. Петруша пошел от окна и лег у стога и лежит, будто ничего не видал и не слыхал.

Вот зашел хозяин в избу. Жена ему говорит:

— Приходил какой-то мужик, просился ночевать, я его не пустила. Что ж одна, боюсь пустить ночевать мужика. И ночует он у стога.

— Надо его, — говорит хозяин, — позвать в избу, пущай ночует в избе.

Подходит хозяин хутора к стогу, а Петруша лежит, будто спит. Хозяин его позвал в избу. Вот хозяин и говорит жене:

— Дай-ка нам что-нибудь поесть, — а сам с Петрушей садится за стол.

— Да нету, — говорит хозяйка, — ничего! Я сегодня ведь не готовила. Осталась вот только вчерашняя каша.

— Ну давай вчерашнюю кашу.

Поставила баба на стол кашу.

— Ну давай молока, — говорит хозяин.

— Молока нету.

— Ну дай хоть воды нам.

Стали есть хозяин хутора и Петруша вчерашнюю кашу и водой запивать. А Петруша, когда садился за стол, кожу-то положил в мешке под стол. Ел, ел кашу с водой, взял да и ногой пошевелил кожу, а сам нагнулся под стол, будто слушает чего-то. Хозяин заметил это.

— Что это у тебя там в мешке?

— Да волшебник сидит.

— А что он тебе говорит?

— Да говорит, что вы вчерашнюю кашу запиваете водой, за печкой две бутылки вина стоят.

Пошел хозяин за печку. Смотрит — верно, стоят две бутылки вина. Ставит на стол и начали с Петрушей пить, а кашей закусывали.

— В печке жареное мясо стоит.

Посмотрел хозяин в печь и верно — жареное мясо стоит. Вытаскивает его на стол. Вот ели, пили хозяин с Петрушей. Петруша опять пошевелил ногой, а сам нагнулся под стол и слушает. Хозяин говорит Петруше:

— Что он тебе волшебник говорит?

— Да, говорит, мало вам жареного мяса, в кладовке окорок лежит на полке.

Пошел хозяин в кладовку и несет оттуда целый окорок.

Хозяйка стоит у печки ни жива ни мертва: "А что да если волшебник расскажет про пономаря?" Хозяин завеселел с вина-то и говорит Петруше:

— Продай, Петруша, волшебника мне.

А Петруша в это время шевелил мешок ногой и слушал.

— Что тебе волшебник говорит?

— Да говорит, что в кладовке в ящике сидит черт и походит на вашего пономаря.

— Пойдем посмотрим.

Открыл хозяин ящик, смотрит — там, верно, сидит пономарь. Хозяин сразу же закрыл крышку ящика. Берет веревку и перевязал ящик, чтоб черт не выскочил. Петруша и говорит хозяину:

— Вот видишь, как раз черт походит на вашего пономаря.

Хозяин все удивлялся волшебнику. Настойчиво просит Петрушу:

— Продай да продай волшебника.

Петруша согласился.

— Ну ладно, продам. Только за волшебника давай одну мерку денег.

— Ладно, — говорит хозяин, — дам мерку денег да возьми еще ящик вместе с чертом.

Наутро Петруша взял у хозяина мерку денег, отдал ему волшебника. Ну, а как же нести черта в ящике — тяжело. Хозяин дал ему еще и тележку. Петруша поставил ящик с пономарем на тележку. Распростился с хозяином и повез тележку. Везет и говорит вслух сам с собой:

— А что же мне везти ящик с чертом такую даль домой? Вот сейчас будет речка. Спущу ящик в речку. Пока иду домой, он приплывет сам домой, а там поймаю его.

Подвозит ящик к речке и начинает будто бы снимать его с тележки. Слышит из ящика голос:

— Милый человек! Не губи меня, мерку денег тебе дам, только отпусти живого.

Петруша согласился, развязал веревки на ящике, открыл крышку. Вылез пономарь. И пошли в деревню. Приходят в церковь. Пономарь насыпал Петруше мерку денег, и Петруша пошел домой с деньгами.

Пришел Петруша домой. Посылает жену за меркой. Просит Петрушина жена мерку у Петра. Петр и думает: "Что же Петруша думает мерить меркой?" Намазал дно мерки слегка смолой и думает, что Петруша будет мерить — на дне все же что-нибудь останется. Когда жена принесла мерку от Петра, Петруша сразу заметил хитрость Петра. Смерил деньги и положил на дно одну монету.

— На, — говорит, — отнеси, жена, мерку теперь обратно.

Жена отдала мерку Петру и поблагодарила его. Петр смотрит — что такое? Петруша деньги мерял? Где он их взял?

Приходит Петр к Петруше:

— Где ты, Петруша, столь денег взял?

— Как где? Ты мою лошаденку убил, я ее ободрал и продал в городе, сапоги (не разб. — *Н.С.*) за одну мерку денег.

Петр и говорит Петруше:

— А если я убью своих коней, за моих сколько дадут?

— За твоих дадут по две мерки.

Пришел Петр домой и убил своих коней. Ободрал кожи и понес продавать. Ходил, ходил Петр по городу, все кожи продавал. Кто его только спросит:

— Сколь стоят кожи?

Петр отвечает:

— По две мерки денег каждая.

Сапожники подняли его на смех. И сколь Петр ни носил их, ему все дают по шесть рублей. Все же Петр продал свои кожи по шести рублей. Осердился на Петрушу. "Убью, — говорит, — его. Он обманул меня".

Петруша знал, что Петр ему теперь будет мстить. Стал Петруша ложиться спать. На свою кровать сам не лег, а положил свою бабушку. Она была старая-престарая. Помереть уже была пора.

Смотрит это Петруша ночью: открывается окно, лезет Петр с топором — раз! по шее старухе и отрубил ей голову. Сам ушел обратно через окно, будто его никто и не видел. Утром Петруша садит бабушку свою на тележку. Голову ей укрепил и поехал по селу. Завозит ее на постоялый двор. Оставил бабушку на тележке, а сам заходит в избу. Ну, правда, Петруша был уже не Петрушей, как раньше. Денег у него было много. Оделся он чисто, как барин. Вытаскивает деньги и покупает вина у хозяина постоялого двора.

— Что же вы, молодой человек, один что ли? — спрашивает хозяин.

— Нет, у меня бабушка на улице сидит.

— Вы бы ее позвали да тоже угостили, — все он к Петруше подговаривался, чтоб он ему дал заработать, покупал бы у него больше вина для двоих и закуски.

— Ничего, — говорит Петруша, — пущай посидит.

Хозяин все же не может утерпеть.

— Так разрешите мне вашу бабушку угостить?

Наливает хозяин постоялого двора вина и несет на улицу бабушке. Угощать. Подносит стакан ей вина. А Петруша его предупредил:

— Она, — говорит, — глуховата.

Хозяин ей кричит:

— Выпейте стакан вина.

Ну, Петрушина бабушка раз мертвая, что она скажет. Молчит. Хозяин ей кричит во все горло. Она молчит. А Петруша вышел да и смотрит, чтоб хозяин его не видел. Вот он кричал хозяин-то около старухи, кричал. Она все молчит. Рассердился да как стукнет ее стаканом-то по лбу. Голова и повалилась на землю. Петруша подходит к нему и говорит:

— Ты что наделал? Убил ведь мою бабушку. Я тебя теперь посажу, засужу в суде!

Хозяин постоялого двора умоляет Петрушу:

— Молчи, не кричи, я тебе дам мерку денег и сам ее похороню. Никто и не узнает.

Петруша согласился. Взял мерку денег и пошел домой. А сам думает: "Хорошо ты ее, хозяин постоялого двора, бабушку, не тобой убитую". Пришел Петруша домой. Посылает опять жену к Петру за меркой. Петр и думает: "Что за черт? Я же его, Петрушу, убил. А он опять берет мерку что-то мерить". Петруша деньги смерял и опять оставил на дне мерки монету. Петр не вытерпел, идет к Петруше.

— Петруша, где ты деньги берешь?

— Как где? Ты сегодня ночью отрубил голову? Думал, что мне, а ты отрубил голову моей бабушке. Я ее продал на чучела за мерку денег — вот и деньги.

— А что, — говорит Петр, — если я убью свою бабушку? Сколько за нее дадут?

— О! За твою бабушку дадут две мерки денег!

Приходит Петр домой и отрубил голову своей бабушке. Расспросил у Петруши, где это покупают старух на чучела. Петруша ему рассказал. Повез Петр свою бабушку продавать. Заходит в участок. Там полицейские сидят. Спрашивает Петр:

— Вы покойников покупаете на чучела?

Полицейские переглядываются. Один полицейский пошел к приставу доложить. Петр сметил, что обманул его и тут Петруша, никаких тут покойников не покупают. Потихоньку да потихоньку да и удрал Петр от полиции. "Ну, — думает, — теперь я отомщу Петруше. Утоплю его в реке". Взял ночью да и посадил его в мешок. Утром понес его на реку топить. Идет по селу, Петрушу несет на плече в мешке. Проходит мимо церкви. "Дай, — думает, — зайду, послушаю, как псалмы Давыдовы поют". Положил Петр Петрушу на крыльце и сам пошел в церкву. Лежит Петруша в мешке и выбраться оттуда не может. Гнал в это время мимо церкви один старый старичок сорок голов коров пасти. Подошел к крыльцу церкви. Начал поклоны отбивать, просит Бога, чтоб он ему дал там царство небесное. Петруша слышит, как старик молится и просит Бога.

— Дедушка, развяжи мешок, — говорит Петруша. — Даст тебе Бог царство небесное. Ты уже стар, тебе помирать пора. Развяжи.

Старик развязал мешок. Петруша вылез из мешка и говорит старику пастуху:

— Дедушка, лезь в мешок. Ты же, как я говорю, старый, тебе надо попасть в царство небесное, и ты его получишь.

Старик пастух согласился на слова Петруши, залез в мешок. Петруша мешок завязал. Взял бич стариков и погнал коров. Петр наслушался псалмов Давыдовых. Выходит из церкви. Берет мешок со стариком. Думает, что там Петруша, подносит к реке и бросил в речку.

— Ну, — говорит, — отомстил Петруше за все. За пару коней и за бабушку. Все это я через него сделал.

Идет Петр от речки домой. Смотрит: Петруша ему навстречу стадо — сорок коров — гонит, посвистывает. "Что такое? — думает Петр. — Только что я его утопил в речке, а он стадо коров гонит". Спрашивает Петр Петрушу:

— Откуль ты взялся? Я же тебя только что в речку бросил.

Ну и вот, говорит Петруша:

— Когда ты меня в речку бросил, иду это я по дну, смотрю, сам Сатана сидит. Не понравился я ему. Он и говорит: "Выпустить его отсюда". И вот выгнали. Да еще дали вот стадо коров, сорок штук.

— А сколько мне дадут коров, если я туда пойду?

— О! Если ты пойдешь к Сатане, то он тебе даст два стада коров.

Тогда Петр говорит Петруше:

— Я залезу в мешок, снеси меня в речку.

Петруша так и сделал. Залез Петр в мешок, Петруша завязал его и понес его к речке. Бросил Петруша Петра в речку — только брызги полетели, и пошел Петр ко дну, как камень. Утонул. Так Петруша избавился от Петра с тех пор, как захотел Петр сам, чтоб его Петруша утопил. Петруша живет спокойно и богато.

27. БЕДНЫЙ САПОЖНИК

Жил-был в одной деревне бедный-пребедный сапожник. Как это говорится пословица: ни кола ни двора. Избушка вся покосилась, покривилась, половина в землю вросла. Жил этот сапожник только вдвоем с матерью. Напротив сапожника жил богатый купец. Дом железом пятистенный покрыт. Кругом ограда заплотом обнесена, никто чужой в ограду не попадет в незаказное время, ночью. У него и в ограде большая постройка была: амбары, кладовые, подвалы разные. Одним словом, первый богач изо всей деревни.

Сапожника звали в деревне Петя. Петя с утра до поздней ночи все сидит у окна да постукивает молотком. Подошвы, подметки деревянными шпильками прибивает. Шил он и новую обувь разным высоким почетным лицам в деревне: попу, приставу, церковному старосте, писарю и много кому другим. Но только шил новой обуви больше богачам, а починку бедному крестьянству выполнял.

В один так в солнечный и веселый для сапожника Пети день он был как-то особенно веселый, раскрыл чуть живые створки у окна своей хижины. Смотрит Петя, а купцова дочка смотрит на него в окошко из своего дома. Сапожник засмотрелся на нее. Дочь купца была молоденькая и красивая. Понравилась она Пете-сапожнику. Петя-сапожник задумался, сам он был тоже не старый, молодой, холостой парень. Задумал Петя жениться на купцовой дочке Мане — так звали дочь купца.

Однажды Петя и говорит своей матери:

— Мама, сходи к соседу-купцу и посватай его дочку за меня.

— Что ты! Что ты, Петя! Да разве можно об этом нам мыслить?! Мы, посмотри, какие бедные!

— Иди, иди, — говорит Петя матери. — Узнай, что скажет. Не выгонит ведь из избы.

Мать крестится перед иконой, мыслит, что сын с ума сошел. Как никак перечить сыну не стала. Пошла к купцу. Пришла Петина мать к купцу, боится говорить, а у самой губы трясутся, краснеет.

— Вот, — говорит, — так и так. Моему Петруше нравится ваша дочь Маня. Меня послал к вам, милые люди, посватать. Не откажите!

Купец выслушал соседку и говорит:

— Гусь свинье не товарищ. Если я отдам свою дочь за твоего сына замуж, тогда я часу не проживу на свете. Нет, ступай, соседка, домой и больше не ходи ко мне попусту.

Пришла Петина мать домой. Рассказала все подробно, какой был разговор с купцом, и говорит Пете:

— Ты, сыночек мой, руби уж дерево по себе.

Петя-сапожник почесал у себя в затылке.

— Ладно, — говорит, — мать, посмотрим, что будет дальше.

Начал Петя-сапожник так работать усиленно, почти ночи, бедняжка, не спит. Все думает об купцовой дочке Мане. Нанял он деревенских ребятишек собирать ломаное стекло. Ребятишки Пете набрали ломаного стекла два мешка полнехоньки. Ну, и Петя как уж старался это, все работал да работал, настукивал молоточком и заработал два золотых — в пятнадцать рублей и в десять рублей монеты. С ребятишками рассчитался. Кому дал десять копеек, кому двадцать за

собранное ломаное стекло. Остались у него всего-навсего два золотых. Петя-сапожник и говорит опять своей матери:

— Сходи к купцу и скажи ему, что, мол, сын мой спрашивает у вас весы. Нельзя ли у вас на весах свесить два куля.

Купец, конечно, не отказал в весах сапожниковой матери.

— Пущай, — говорит, — вешает.

Петя-сапожник пошел у кого-то выпросил лошаденку. Завалил два куля ломаного стекла на телегу и повез к купцу на весы. Купец и из дому-то своего не вышел, а послал работника там ему ворота тесовые отворить да показать, где весы стоят. Не хотел на Петю-сапожника даже смотреть, на такую голь-рвань сапожника. Петя-сапожник умудрился, взял да в мешках прокопал две дырочки и вложил в них по золотой последней монете. Не терпится все же купцу, хочется узнать, что сапожник вешает на весах.

— Сходи-ка, — говорит работнику, — посмотри, что вешает сапожник, а потом мне скажешь.

Подходит работник к Пете-сапожнику, а Петя-сапожник-то уже мешки со стеклом ложит на телегу. Только что тронул лошадь, поехал было к воротам, работник и говорит ему:

— Не ты ли это вот на весах оставил два золотых?

— Да, наверно, я. Вот мешки порвались. Ну ладно, возьми их себе.

Работник купца пожал плечами. Не верится. Два золотых купцову работнику?! Как подарил и будто бы он в них и не нуждается. А они были трудом нажиты, последние! Только работник в избу, а купец к нему с расспросами:

— Ну, что вешал сапожник?

— Золото, хозяин.

— Какое золото?

— Да вот у него порвались мешки и на весах осталось два золотых. Сапожник мне их отдал. Твое, говорит, уж счастье. Возьми золотые себе, а мне хватит, видишь, два мешка.

Купец прямо весь побелел от зависти. "Как, — думает, — так? Был такой бедный, вдруг столько золота. Два мешка? Да столь-то и у меня его нет, а богач ведь во всей деревне". Так этим дело и кончилось у купца с сапожником.

Через два дня ли через три Петя-сапожник посылает опять свою мать к купцу.

— Иди, — говорит, — теперь, еще посватай за меня у купца дочь замуж.

Ну, тут мать на дыбы перед сыном:

— Что ты? Смеешься надо мной, старухой, что ли? В стыд в срам меня на старости лет вводишь. Да разве он отдаст за тебя дочь свою? Он богат, а мы что — голытьба! Не пойду срамиться!

Петя-сапожник настаивает:

— Иди.

Хоть со слезами мать Петина, да пошла. Думает: "Как же я теперь буду говорить купцу? Ведь второй раз иду". Перешагнула только порог избы купца, бух к нему в ноги:

— Дорогой мой батюшка, прости меня старуху. Не дает мне сынок-то покою. Просит, чтоб я перед тобой била челом. Сохнет он по твоей дочери. Ночи не спит, все работает. А про дочь твою не забывает. Вот опять послал к тебе, жениться на ней хочет. Пожалей меня старуху, отдай дочь свою замуж за моего сына Петю.

— Ладно, — говорит купец, — пришли его ко мне.

Мать Петина приходит домой и говорит:

— Так и так. Купец тебя просит к себе на переговоры.

Петя-сапожник приоделся, подчепурился чисто так это, во что было только. Пошел к купцу на переговоры насчет свадьбы.

У купца сердце отлегло, нет ни зависти к сапожнику, принял его вежливо. Ну, начали, как это говорится, разговоры про свадьбу. Купец не мог с Пети-сапожника вырядить там калым какой-нибудь. Знал он, что сапожник по виду-то и по хозяйственности бедней некуда. Про калым и не поминает. (Калым раньше брался с жениха для невесты: такой наряд разный, некоторую сумму денег. По-деревенски все необходимое. Одеть невесту с ног до головы и некоторую сумму или же деньгами или чем-нибудь помочь отцу невесты справить свадьбу без ущерба родителям.)

А говорит Пете-сапожнику:

— Дочь за тебя замуж я отдать согласен. Но как ты свадьбу будешь справлять? У тебя, — говорит, — и лошаденки-то нет ехать к венцу. Осрамишь ты меня и себя.

Петя-сапожник говорит купцу:

— Вы об этом не беспокойтесь.

Назначили свадьбу назавтра. Чтоб ехать к венцу, Петя-сапожник должен себе собрать прежде поезжан, а тогда приехать за невестой, как это водится, а потом ехать к венцу. Пришел Петя-сапожник домой. У него и ум в голове раскорячился. Как быть и что теперь делать? Не пал сапожник духом. Пошел собирать поезжан ехать на свадьбу. "Кто же, — думает, — мне поможет?" Пошел по деревне по богатым заказчикам. Перво зашел к приставу.

— Вот, — говорит, — так и так. Не откажитесь поехать мне на свадьбу завтра.

Пристав говорит:

— Где высватал да у кого?

Бедный Петя-сапожник рассказал, что высватал вот у такого-то купца.

— Ладно, — говорит пристав, — поеду, только уговор: после свадьбы вечером я должен с твоей молодой женой погулять, как полагается, первый вечер.

Петя-сапожник согласился:

— Ладно, — говорит, — приходи и гуляй, сколь тебе нужно. Хоть на всю ночь вина хватит.

Пошел дальше. К церковному старосте, к писарю, сотскому, старосте по деревне и к попу. И все одно и то же ему, Пете-сапожнику, предлагают, чтоб после свадьбы погулять этот первый вечер с его женой. Петя-сапожник все отвечает:

— Ладно, гуляйте, вина хватит...

Утречком на следующий день просыпается до солнца чуть свет купец и смотрит в окно к новому зятю, сапожнику. Не видит никакого приготовления к свадьбе. А потом еще раз посмотрел. Смотрит — подъезжают к нему, сапожнику-то, все лошади парами, в хороших повозках, упряжь, колокольцы звенят. Купец и глазам своим не верит — то ли это сон, то ли это наяву. Первое не верил он бедному Пете-сапожнику в то, что у него столь золота, два мешка. И не верил второе, что Пете-сапожнику к венцу ехать будет не с кем. Ну, раз так, дак так. Приходится так или иначе отдавать дочь за сапожника. Начал

хлопотать дома насчет свадьбы. Он думал, что ничего из этой свадьбы не выйдет, и сидел спокойно. Раз такое дело, видит, что собираются поезжаны под венец ехать с сапожником, начал сам беспокоиться. Проводил купец свою дочь с сапожником под венец в церкву венчаться.

Тут народ деревенский:

— Ах, ах! Как же это купец отдал за бедного сапожника свою дочь красавицу?

Дело делалось сначала без людей и с людьми.

Обвенчались, приехали к сапожнику гулять свадьбу. Боятся, что задавит их избушка. Наскоро все это гулянье закончили. Знали поезжане, что еще вечер ихний, еще ночь будут гулять с молодой женой Пети-сапожника. Каждый про себя...

Разъехались все гости по домам. Остался Петя-сапожник со своей молодой женой дома вдвоем. Мать ушла к соседям. Петя-сапожник и говорит своей жене Мане:

— Вот, — говорит, — я уйду сейчас из дома. К тебе будут приходить вот тот-то, тот-то.

Назвал, кто к ней придет гулять.

— Но каждого прячь в отдельности. А если придет поп, ты его спрячь на полати, там старое лежит перо в корзине, туда его и спрячь. Не пугайся, что будет дальше. Всех принимай, кто к тебе сегодня придет.

Оставил Петя, бедный сапожник, свою Маню одну дома, сам вышел во двор. Вечерело. Петина молодая жена Маня осталась одна дома. Дверь заложила на крючок. Слышит: стук-стук в дверь.

— Кто там?

— Пристав!

Маня отворила дверь:

— Входите.

Пристав зашел в избу. Маня давай налаживать на стол не торопясь. Прошло несколько минут. Не успела она собрать на стол выпивки, закуски, слышит опять в дверь: стук-стук. Куда девать пристава?

— Лезь, — говорит, — под кровать. Кто-то еще идет.

Пристав спрятался под кровать. Маня пошла отворила дверь. Заходит церковный староста. Ну, тут разговор, то да се. Слышат: опять в дверь стучат. Церковного старосту спрятала за печку. Спрашивает:

— Кто там?

— Староста по деревне.

Впустила и его.

Только что староста присел на лавку, опять стук-стук в дверь. Куда девать теперь старосту?

— Лезь, — говорит, — под лавку.

Староста залез под лавку и лежит. Отворила дверь Маня, купцова дочь. Боже мой! Заходит сам поп ихний. Волоса легли на оба плеча, крест на груди висит большой серебряный. Вошел поп так это благородно, чинно, дескать, ведь я поп. Пришел к тебе сегодня гулять, к молодой жене сапожника. Только что поп успел разгладить свою бороду да развести руками по толстому брюху, слышит, что кто-то опять стучит в дверь.

Поп испугался:

— Кто это? — говорит.

— Не знаю, батюшка, — говорит Маня. — Батюшка, спрячьтесь от лишних глаз вон на печку в корзину.

А дверь ходуном ходит. Стучит в нее кто-то.

— Отворяй! — кричит из-за двери.

Маня отворила. Заходит в избу Петя-сапожник да как крикнет на свою жену-то Маню:

— А, ты такая! Не успела еще выйти замуж, а гостей себе набрала полное застолье! — Берет ружье, которое висело на стене. — Сейчас застрелю! Убью тебя, — говорит.

Прицелился, направил ружье на полати. Бах! — раздался выстрел. Тут что дальше-то получилось? Кто из-под лавки, кто из-под кровати, из-за печки. А поп завалялся весь в куриное перо, и рясу его не узнать и его самого. Бог ты мой! Да бах! с полатей на пол. Кто куда разбежались все гуляки. Поп бежит по улице, только перья от него летят.

Так бедный сапожник Петя женился на купцовой дочке. Обманул отца-купца. Обманул и других. Попа и всю деревенскую благородную знать. И стал бедный сапожник жить с купцовой дочкой да поживать и сейчас живут, хлеб жуют.

28. СЧАСТЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Жили муж и жена. Все у них было хорошо. Вот раз поехал мужик пахать, а жена дома осталась. Подошел к мужику старичок, старый-старый.

— Когда, — говорит, — на твоих косточках поиграть, сейчас или под старость?

Мужик подумал-подумал и отвечает:

— Лучше сейчас, пока я молод. А то под старость не выживу.

Глядь, а старичка-то уж нет. Мужик подумал, что все это ему померещилось. Но только начал пахать, а конь его упал на землю и издох. Не успел повернуться — другой конь пал. Пошел мужик домой, а дома-то его уж и нет — все чисто сгорело. Жена рядом стоит и плачет. Ну, что делать? А баба его больно красива была. Решили пойти с ней в город и там чего-нибудь зарабатывать. Навстречу им едет барин. Приглянулась ему мужикова баба и начал расспрашивать, куда они путь держат. Мужик и рассказал ему про свою печаль.

— А ты продай мне свою жену, — говорит барин. — И тебе польза — деньги появятся.

Дает мужику двадцать пять тысяч рублей. Заплакал мужик, а деньги взял. Зашил их в шапку.

Только пошел он по дороге, как налетел на него орел, снял с головы шапку и улетел. Еще обиднее стало мужику, да делать нечего, надо куда-то подаваться.

Пришел он в город, нанялся к одному барину лес валить и семнадцать лет прослужил ему верой-правдой. Назначил его барин за верную службу своим управляющим. А вскорости помер хозяин. Жена его как чуть что, так к управляющему обращается. Вот раз разговорились они, стали спрашивать друг у друга про жизнь, и узнали оба друг друга. Сошлись, стали жить. Хорошо живут. Вот раз пошел он в лес, где мужики валили деревья. Подошел он к сваленному дубу и увидел там орлиное гнездо. Разгреб, а там его шапка, и в ней зашиты его

двадцать пять тысяч. Обрадовался мужик, пришел, рассказал жене. Совсем разбогатели они и жили счастливо. Вот как тот старичок им подстроил!

29. ТРИ ЗАПОВЕДИ

Давным-давно это было. Жил да был в нашей деревне дед по прозвищу Аула. То ли было у него другое имя, то ли нет, только никто это другое-то имя и не знал. Так и звали его — Аула. Всю жизнь свою дед Аула гнул спину на барина. Родился и вырос на барской земле. Был всегда честным и скрытным, за что и любил его барин, доверял ему.

И был у деда Аулы единственный сын Василий. Любил дед Аула сына, но в смертный час свой ничего не смог ему завещать кроме трех заповедей: первая — с богатым дружбу не води, вторая — сирот не воспитывай и третья заповедь — жене правду не сказывай. Подумал-подумал Василий да и решил проверить отцовскую правду.

А время между тем шло. Василий заменил отца на барской конюшне и еще преданнее служил барину. Барин любил Василия и всякие тайны доверял ему. И жили так они душа в душу, барин и батрак. Только вот детей не было у Василия. Но барин помог ему усыновить сиротку. Такой уж беззащитный был мальчонка, что пожалел его Василий и взял к себе.

Мало ли, много ли лет прошло, только вырос уж сын у Василия. А у барина новое развлечение появилось да какое!.. Волшебный сокол. И откуда взялся он, и в чем волшебство его — никому неведомо было. Только берег его барин пуще своего глаза, прятал от людей и очень зол был, когда его спрашивали о соколе. Оттого, наверное, и никуда не выезжал барин со своего двора.

Но вот однажды нужда пришла ехать барину в город. Долго думал барин, а потом призвал к себе Василия и говорит ему:

— Долго и честно служил твой отец, честно и ты мне служишь. Так доверяю я тебе сокола своего. Корми, пой его да оберегай от людского глаза. Сохранишь сокола — добром заплачу, не сохранишь — на себя пеняй, голова с плеч.

Уехал барин. Василий же, запрятав сокола в глубокое подземелье за три замка, за три засова, пришел домой. Тайком от жены зарезал он петуха, опалил его и вечером поздно-поздно отдал жене. И сказал он, Василий, жене тайну:

— Убил я сокола у барина. Вот он. Свари его, но никому ни слова, иначе — узнает барин — не носить мне своей головы.

— Да, что ты, Васильюшка, — засуетилась жена, — неужто я враг тебе?

А рано утром побежала к соседке и по секрету шепнула, как вкусно поужинала вчера барским соколом.

— Только ты, соседушка, уж никому про соколятинку-то, — упросила она. Но уже к вечеру секрет васильевой хаты перестал быть секретом.

Приехал барин — все донесли ему. В злобе барин приказал сей же день казнить Василия. И не помогла Василию его давняя дружба с барином, привели уж его к плахе. Но перед смертью велел Василий принести все его золото, чтобы он сам мог честно его разделить семье своей. Жена и сын тут были. И вот высыпал Василий золото на стол, разделил его на три равных кучки и сказал:

— Вот тебе, женушка, вторая — тебе, сынок, а третья тому, кто голову мою рубить будет.

Но тут загорелись глаза сына жадностью и с жаром воскликнул он:

— Батя, зачем же чужому золото отдавать? Давай мне его, и я отрублю твою голову, все равно ведь тебе умирать! — И сгреб золото в свою кучу.

Теперь понял Василий, что прав был отец, проверены три заповеди. Признался Василий, что жив сокол, отпустили его на свободу. Но не пошел он, Василий, уж больше домой, а вскинул суму на плечо и пошел куда глаза глядят...

И не сказка это, а взаправду так было, так что быль это.

30. ЖИЛ-БЫЛ ОДИН КРЕСТЬЯНИН

Жил-был один крестьянин, и было у него трое сыновей и две дочери. Подходит время, выдал он замуж дочерей, женил младших сыновей, а хозяйство свое отдал старшему. Стал старый, уж никому и ничего делать не может-то сам. А жил у старшего сына. Надоел он старшему сыну, и говорит сын отцу:

— Пошел бы ты к другим братьям пожить.

Они его ждут, поди, к себе... Пошел отец к среднему сыну. Прожил у него совсем мало. Стала жена ворчать, все же — лишний рот, никакой прибыли-то от него нет!

Пришлось ему идти к младшему своему сыну. А тут он совсем не нужен.

Терпел он, терпел и пошел к своим дочерям. Поживет то у одной немного, то у другой. Так и ходил он от одной к другой. Старая одежонка-то совсем сносилась, а о новой-то никто и не думает. Однажды встретил он своего давнего друга, еще мальчишками росли вместе. А тот и спрашивает у него:

— Как же это ты стал таким оборванным, ведь ты же богатый хозяин был?

Ну и рассказал он ему, как все было.

— Не горюй ты, помогу я тебе. Будь немного похитрее — и будешь жить в достатке! У меня есть сундук, я тебе его отдам.

— Зачем мне твой сундук? К чему, на посмешище? — удивился старик.

— А ты сделай к нему столько ключей, сколько у тебя детей, и чтобы они увидели эти ключи.

— А ежели они спросят про ключи?

— Ты правду-то не говори. Скажи, дескать, ключи от добра, а добро-то в надежном месте. Умру я и получите добро в наследство.

Как научил старика, так тот и сделал: сделал пять ключей к сундуку и пошел к своему старшему сыну. Увидал тот ключи и спрашивает:

— Где ты взял ключ?

А старик отвечает:

— Это ключ от моего добра. Умру я — все ваше будет!

И отдал ему ключ, дескать, храни его на здоровье себе.

— Умру, ты узнаешь, где сундук с добром хранится.

Услышал про то сын и стал к старику услужливый. И одежонку нову справил, возит его, как барина.

Другие дети стали зазывать его к себе. Стал старик хорошо жить, и все-то у него было! Разве что птичьего молока у него не было!

Долго ли, мало ли прожил он, и пришла пора умирать. И сказал он детям, что сундук хранится там-то, там-то.

Устроили ему похороны богатые и пошли за сундуком, а там — лежит листок и посох. На листе написано: "Надо бить старика было этим посохом за то, что не сумел из своих детей хороших людей вырастить! "

31. О СТАРИКАХ

Вот стал немощный старик, никудышный.

— Чо, — говорит [сын], — им делать, давай отвезем его вон под яр.

А еслиф парнишку [внуку] не сказать, то это дело-то будет хуже потом, выяснится дело. Парнишка говорит:

— Давай, папка, отвезем, чо им делать.

Всё, дождался темного вечера, посадил его на санки, этого старика, и парнишка увязался за им:

— Я, — говорит, — тоже, папка!

— Ну поедем.

Довез до яру и фуганул его туда под яр вместе с санка́ми, старика-то этого. Парнишка как закричит:

— Ой, папка, папка! Да ты что делаешь, что ты делаешь?

— Как что? Ты ж соглашался!

— Да, соглашался, дел-то мало, ну санки́-то, я-то тебя потом на чим повезу?!

Дак вот, вот ведь как оно бывает. Так вот счас попробуй, увезут куда-нибудь, выбросят. А уж на своим-то дому лучше [т.е. жить отдельно].

32. [МУЖИК И СМЕРТЬ]

Жил-был один мужик. Его жена родила сына. Мужик жил очень бедно. Потом он пошел искать себе кума. И заветил мужик: "Кто первый попадется встречу, того буду звать в кумовья". От идет он по дороге. Идет ему навстречу Бог и Николай-угодник.

— Здорово, хохол!

— Здравствуйте, добрые люди!

— Куды пошел?

— Да я пошел искать себе кума. У меня жинка родила сына. Богатый ко мне не идет, а бедного я сам не хочу звать, потому что я сам бедный.

(Ему надо богатого, а бедного-то ему какой толк звать.)

— Дак ты возьми от из нас из двоих кого-нибудь!

— Да вы кто такие? Что за люди?

— Я Бог.

— А ты кто?

— А я Миколай-угодник.

— Дак идите оба к черту! Вы богатому так все посылаете: и счастье, и богатство. А мне, бедному, все ничего не даете.

От Бог на хохла рассердился, посылает на него Смерть, чтобы умертвить хохла. От идет Смертъ хохлу навстречу.

— Здорово, хохол!

— Здорово, добрый человек.

— Куды идешь?

— Да иду искать себе кума.

— Ты возьми меня.

— А ты кто такой?

— Я Смертъ.

— Ага! Ты ни бедному, ни богатому пощады не даешь, ты всех равно умерщвляешь. Вот ты и добрый человек. И пойдем до меня, ты ни бедному, ни богатому пощады не даешь.

От и привел хохол Смертъ к себе в гости. Покрестили ребенка. И погостила Смертъ у хохла, и пошла Смертъ домой. Приглашает хохла к себе в гости:

— Ты приходи когда-нибудь, кум, ко мне в гости.

— Да я не знаю, ты где живешь.

— Да вот иди по дорожке по той и ты меня найдешь, у меня дом большой.

И вот собрался через несколько время хохол и пошел в гости. От шел, шел, насилу пришел. А у Смерти был очень большой дом. От зашел хохол, поздоровался со своим кумом:

— Здравствуй, кум!

— Здравствуй, куманечек, проходи!

От сял хохол на лавку, а у Смерти горело очень много свечей. Хохол все долго смотрел и интересовался, что у кума того много свечей горит. От и стал его спрашивать:

— Почему у тебя, кум, много свечей горит?

— Дак видишь, кум, дом-то у меня большой, мне одному скучно.

— Нет, кум, не правда это... Что-то у тебя есь (хохол тоже назло, не проведешь). — Ты мне скажи всю сущую правду.

— А от, кум, для чего: когда человек помирает, то эта свеча догорает.

— Дак ты, кум, побачь, где моя?

— Но пойдем, кум, смотреть, — отвечала Смертъ.

От взяла кума Смертъ за руки и повела смотреть, где его смертъ. От когда оне подошли, то стал хохол смотреть, где его смертъ. Его жизни остается мало, всего три года. Его уже свеча догорает (половина уже). От хохол и спрашивает:

— А сколько мне, кум, жить?

— Тебе три года, — отвечает Смертъ. — От уже твоя свеча догорает.

— А как же, кум, мы с тобой теперь родня, то дай мне веку больше. Я все время жил бедно. А теперь бы я три года пожил богато. Дак как же, кум, быть?

— Надо спросить Бога, я сам не могу прибавить тебе веку.

От хохол сказал:

— Но сходи до Бога.

От пошла Смертъ до Бога.

— Господи, ко мне пришел мой кум-хохол, просит прибавить веку.

— Но дай ему лет пять за его хитрость, а то он и тебя пошлет к черту, он нас обоих с Миколаем послал.

От пришла смертъ и сказала хохлу, что:

— Бог велел тебе прибавить на пять лет веку.

— А как же, кум, мне бы пожить эти пять лет богато? Мне надоело жить бедному. Уж как ты мне теперь кум, так ты мне помоги.

— Но ладно, кум, помогу тебе. От как я есть Смерть, я морю людей бедных и богатых. А ты делайся доктором, — это говорит Смерть хохлу. — От я пойду к одному богатому купцу, — это говорит Смерть хохлу. — А ты берись его лечить. Когда ты придешь, то я сделаю отсрочку. А потом ты его вылечишь. Я пойду к другому. А ты придешь к другому. Я пойду к третьему.

От он и пришел к одному купцу, к первому. Купец лежит очень больной. А хохол наделал из травы порошков и взялся купца лечить. От пожил у его три дня. Купец чувствует себя здоровым (он его, значит, лечит). Ишо стал чувствовать себе лучше, чем раньше был. И пожертвовал ему семьсот рублей денег. От пошел ко второму. Приходит и ко второму купцу, а Смерть сидит и у второго купца, ждет его душу. А там уже было известно про етого доктора, что лечит хорошо. От и взялся лечить второго. Вот и прожил у второго три дня. А Смерть все делает отсрочку — как же, родня! А он все делает схожденье. И вот и етого вылечил тожа так жа.

И Смерть пошла дальше. И от Смерть забралась к барину. И давай барина сушить. Значит, барин заболел. А хохол был доктор известный. От направился хохол к барину — лечить барина. А от того тожа получил хорошую награду. И пошел третьего барина лечить. От пришел к барину, а Смерть уж стояла у барина над головой. Когда пришел хохол, а Смерть ушла (он видит ее). Так и через три дня вылечил барина. Получил тысячу рублей от барина. От он, этот хохол, стал жить богато, он получил от трех человек награду. Так все пять лет все ездил, людей лечил и составлял богатство. Завел хороших лошадей, купил себе хороший дом. И стал жить богато. Ездил с кучером. Имел у себя прислуг. И забыл свою бедность, как он жил бедно. От, значит, наступил последний год хохлу жизни. Пошел хохол к своему куму, к Смерти, спросить его про жись. От пришел хохол к куму:

— Здорово, кум!

— Здорово, куманек! Проходи, садись!

От и стал его спрашивать:

— Что, кум, скажешь?

— От я пришел тебя спросить, сколько мне жить веку?

— Да ладно, кум, посидим побеседуем, потом тебе скажу.

И стал угощать своёва кума разными напитками, разными закусками. А бедному хохлу не пилось, не елось, все на уме вертелось. Вот повела Смерть смотреть свечку.

— Но, кум, тебе остается жить веку мало... Всего тебе жить остается полгода.

Вот хохол стал просить своёва кума, нельзя ли прибавить веку.

От Смерть и говорит:

— Надо спросить сходить Бога.

— Но сходи до Бога.

От пошла Смерть до Бога и говорит:

— Господи, пришел ко мне кум-хохол и просит прибавку веку.

— Нет, — сказал Господь, — не прибавлю веку.

Так приходит Смерть к хохлу и объясняет, что Бог веку не прибавляет.

Сял хохол на лавку и задумался:

— Все я жил бедно. Я сейчас не заметил, как прожил эти пять лет. Теперь мне от такого богатства не охота помирать.

Но Смерть отвечает:

— Никак, кум, я не могу тебе веку прибавить. Должен тебя уморить.

— А ты как моришь людей?

— Дак как морю, обнаковенно, — отвечает Смерть. — Пойду к голове, возьму из человека душу и пойду.

Хохол сял на лавку и задумался: "Для чего мне на тот свет нести капитал, все равно пропадет на том свете. Я закажу себе такую кровать, чтоб была на винтах, на пружинах. Когда Смерть подойдет к голове, я повернусь к ней ногами".

От и пришел хохол домой. И заказал себе кровать. И через три дня заболел хохол. От лежит болеет. Неделю, вторую и третью. Болеет очень чажело. Он видит перед собой Смерть. Как подойдет Смерть к голове, а он дает оборот к ней ногами. Так три недели Смерть ходила каждый день. Так уморить хохла не могла [Смех]. Пошла Смерть к Богу.

— Господи, что на меня навязался мой кум-хохол. Три недели каждый день хожу, а уморить все его не могу.

Господь сказал:

— Прибавь ему еще двадцать пять лет. За его хитрость, что он нас всех перехитрил.

Но как же, Бога, Николая-угодника и Смерть перехитрил.

Так хохол прожил лишних двадцать пять лет. Так и кончился рассказ.

33. НИКОЛА И ИЛЬЯ

Дело было это давно, мне еще было лет десять так, не больше. Пахать я не мог, а боронить боронил. Вот мы приехали с отцом на пашню. Он стал там запрягать коней, ну налаживаются пахать. А я бегаю на полосе.

И вот видим: едут двое мужиков. Кони у них были, один был вот, как помню, рыжий, а другой, кажется, белый, ну, серый, что ли. Едут оне и между собой спорят. Один говорит:

— Мой конь лучше твоего.

А другой говорит:

— Нет! Мой конь лучше твоего!

Спорили, спорили.

— Ну ладно, — говорит один. — Вон мужик пашет, поедем к ему, он нам скажет, чей конь лучше.

Подъехали и говорят:

— Бог помочь! (Ну, а раньше все так говорили.) Ну вот что, мужик. Ты вот сейчас скажи нам, чей конь лучше. Возьми, — говорят, — запряги одного коня в плуг, пройдешь один круг и скажешь. На, — говорит первый, — запрягай моего!

Отец запрёг коня. Ну, а знает, у нас кони были худые, еле-еле плуг тащили. А этот конь один плуг тащит. Ну отец, значит, круг на коне объехал. Мужики спрашивают его:

— Ну как? Хорош конь?

— Да, ничего, — говорит отец, — хорош.

— Ну, на вот теперь моего.

Отец тоже запрёг в плуг второго коня, проехал на коне один круг.

— Ну как, — спрашивают мужики, — этот конь?

— Да и этот, — говорит отец, — конь хорош.

— Ну, ты нам все же скажи, чей конь лучше. Надо же нам знать.

— Да вот этот вот серый конь так ничего, да как-то часто шибко шагает, тропотит так. А этот идет ровно, немного получше.

А мужики-то эти были один Николай-Угодник, а другой Илья-Пророк. Серый конь был Ильи-Пророка, он обиделся на отца. "Ну, — думает, — подожди, я тебе дам пшеницу". Ну мы, правда, мало сеяли хлеба, сеяли мы ну там ярицу, овес, пшеницы немного, всего десятины две с половиной. А Николай-Угодник думает: "Я мужику помогу".

Посеяли мы, значит, пшеницу, пшеница взошла лучше всех, уж в колос пошла. Поехал наш деревенский поп на поля. Ну, у его тоже пашни было с полдесятины. Оне хоть раньше были эти попы, а все же сеяли для своего развлечения. Увидел он нашу пшеницу, приехал к отцу. Ну, знаешь, там ведь поп приехал. Ведь это же дело [неразб.]. Отец его пригласил чай пить. Оне ведь попы-то чай пьют только у богатых, знают, у кого есть что поесть. А тут что — чай да хлеб. Да он тут бы и не стал чай пить.

— Продай, — говорит поп, — ты мне свою пшеницу, я тебе за ее сто рублей дам!

Отец говорит.

— Ну как я вам пшеницу продам? А сам как?

Поговорил-поговорил с отцом и уехал. Приходит Николай-Угодник, говорит отцу:

— Торговал у тебя поп пшеницу?

— Торговал, — говорит отец.

— Ну и продай ему, а хлеба тебе хватит.

Приехал опять поп.

— Ну как? Надумал продать пшеницу? На́ тебе за ее сто рублей.

Отец продал пшеницу. Тут зашли тучки, пошел дождь. И всю пшеницу выбило градом — черно стало на полосе. Илья-Пророк не знал, что отец пшеницу продал попу. Пришел Николай-Угодник, говорит отцу:

— Купи, — говорит, — у попа обратно пшеницу, с хлебом будешь.

— Да там же на полосе черно.

— Ничего, купи, она пойдет коленцами и вырастет.

Пошел отец к попу.

— Продай, — говорит, — батюшка, мне пшеницу обратно.

— А сколько, — говорит, — ты мне за ее дашь?

— Да половину отдам обратно.

Ну, тут поп и за двадцать бы рублей ее отдал. Ладно, отдал поп отцу пшеницу обратно за пятьдесят рублей. Вот пшеница пошла, пошла расти коленцами да в колос. И опять пшеница стала лучше всех. Вот мы пшеницу убрали, насажали снопов тысячу. У нас овинов не было, а была рига, где сушили снопы. Ну, Илья узнал это, что пшеница опять наша.

— Ну, — говорит, — я ему дам только один мешок с риги.

Приходит Николай-Угодник, говорит отцу:

— Ты, — говорит, — в ригу склади только пять снопов, четыре по углам, а пятый в окно.

Вот отец принес пять снопов, расставил их по углам и пятый сноп воткнул в окно. Стали мы молотить и намолотили один мешок с риги в четыре пуда. И так сушили мы по пять снопов в риге и все намолачивали из пяти снопов по кулю в четыре пуда, теперь считай вот, сколь мы намолотили с тысячи снопов хлеба.

34. СКАЗКА О ПАСПОРТЕ

Нет, мужики, для меня первое дело человек, а что у него в пачпорту указано, так дела мне до этого нету. Да и есть ли у его этот самый пачпорт или нет ли, мне-то какое дело, человек-то родится без пачпорту. Да и то сказать, ведь люди-то идут разные. Вот, можа, кто не верит, а я верю, что бывает годен человек для испытанья твоего. Силу он над тобой имеет огромадную, а не выкажет тебе сразу. И представится бог знает кем перед тобой. Ты его и прогонишь, а потом он тебе за это к ответу. Понятно дело, не за себя ему обидно, потому эти люди ни в чем нужды не знают. Може, кто не верит в этих людей, а я верю. Потому у нас случилась одна притча.

Жил у нас в Ликсандровском*, мужик один, Сидор Прокопов. Може, кто и слышал о нем здесь. Мужик эта богатей был виднай. Домина большой, приметнай на все село. Скота много. Двух работников держал. Одним словом, хозяин огромадный. Сидит этот самый Сидор в вечернее время у себе дома, а на улице как сейчас мороз крепчал и буранить начинало. Вдруг приходит к нему мужичишка такой замухрыщчатый. Поглядеть не на ча. Пришел, на образы помолился. Честь по чести, хозяину поклонился.

— Стужа, — говорит, — сегодня люта больно, ночевать, — говорит, — дозволь у тебя в хоромине, — а сам разболокаться начал.

А Сидор спрашиват:

— Пачпорт есь?

А старик тот самый вроде как-быдто вилятъся начал:

— Нет, — говорит, — не имем, ваше милость, простить просим.

А Сидор тут и говорит:

— Бог простит. Иди своей дорогой откиль идешь, а что нам не велено пущать бродяжек в таком виде.

И вытолкал его на мороз да на стужу лютую.

А пошел тот самый старичок на край села к бедному мужику и попросился ночевать. Тот сразу:

— Пожалста, — говорит, — ежели, — говорит, — нашей бедности не гнушаетесь! Что от клопов у нас житья нет.

— Ничего, — говорит тут бродяжка, — была бы печь, сумем как лечь.

Так и остался переночевать у бедного мужика этот самый бродяжка. А наутро речь держит:

— Как спалось, хозяин?

А мужик сам удивлятся: раньше клопы заедали, а тут ровно никогды и не было. Усмехнулся тот самый старичок:

---

*Село Александровское Нарымского края (примеч. собирателя).

— Ну вот и хорошо, — говорит, — а пока иди в лавку да принеси-ка курительной бумаги на три копейки.

Принес хозяин бумаги и смотрит, что, дескать, он делать будет. А старичок взял ножницы, чик-чик и настриг ворох мельчайших бумажек. Вышел на двор, начал кидать во все стороны, а сам приговаривает:

— Ей вы, клопихи, вошки, тараканы, блошки, нате-ка вам пачпорта да идите к мужику, который пачпорт любит и без пачпорта никого не пущает.

Будто пошутил старик и ушел сам. А поглядел хозяин после ухода — нет клопов в избе, точно ветром выдуло.

А Сидора Прокопова, того самого мужика, клопы доняли. Она — эта маленькая мошка, а вреда от нее — беда много. А тут как метлой смели в кучу к Сидору. Щету нету! Тьма! Бился год, другой. Все средства перебрал. Молебствие служил. А клопов все больше да больше. Отчаялся мужик: дом сжег — вот до чего дошло. Разорился в конец! А избенку поставил, а клопы в ей опять за дело принялись. По стенам, по потолку — все осыпают. Мильоны, мильонами!

Не верил Сидор, что это от бродяжки у него приключилось. Вспомнил он тут его. А время уж дивно прошло с того время, годов с пяток. И начал тогда он искать этого самого старичка. В Томск ездил, по селам везде искал. Ну да бродячего человека трудно найти. И обратился тут к ему молитвой как к странничку божьему. А тогда и явился ему во сне той самой странничек и приказал ему строго переехать на трахт Томскай. И принимать там всех безотказно — прохожего и проезжего, и оборони Бог у кого пачпорт спросить.

Скоро собрался тогда Сидор. Дом там поставил вроде как постоялого. И, наверно, ишо все помнют, что отказу у него никто не получал, а пачпорт избави Бог у кого спросить. Другой вынет показать, а тот отскочит от него как черт от ладана.

— На что, — говорит, — мне твой пачпорт, мне человека надо, а не пачпорт.

Вот он-то и говорил всем: человек-то дороже пачпорта. И я этого завета держусь.

35. ЗА ДОЖДЕМ К БОГУ

В одной небольшой деревне была ужасная засуха и все посевы погибли, урожая не было. И вот решили крестьяне молебствовать. Пошли они в церковь: молебствовали день, молебствовали два, а толку — никакого! Тогда решили они послать за дождем человека к самому Богу. Вызвался идти один служивый, бывалый солдат, но прежде попросил платы: пятьдесят копеек с каждой земельной души. Получив деньги, он пошел в город и стал там кутить на эти деньги. Но вот пошел проливной дождь. Шел он, шел в течение пяти дней. И солдат решил домой идти, когда дождь уже кончился.

Пришел он в родную деревню, а крестьяне напустились на него:

— Что ж это ты поделал? Мы просили немного дождя, а ты попросил его на целых пять дней и залил все наши посевы!

А солдат им отвечает:

— Слушайте, милые люди, что я вам скажу: прихожу я к самому Господу Богу, а он спит, рядом сидит его жена — пышная и красивая дама в белом платье — и вышивает. Попросил я ее разбудить своего супруга, а она не согласилась и послала меня к Илье-Пророку, но того тоже на месте не оказалось, и я пошел к Апостолу Павлу. Тот меня встретил радостно; выпили мы с ним вина, и он быстро захмелел, но согласился исполнить мою просьбу. Взял он ковш с водой и пошел выливать его на Землю, но нечаянно споткнулся о бочку с водой и перекинул ее, и полилась вся вода на Землю. Поэтому у вас и был проливной дождь долгое время. Так что в этом виноват сам Апостол Павел, а не я.

Так находчивый солдат перехитрил своих земляков.

36. ПОЧЕМУ ЖЕНЩИНА СТАЛА БЕСПРАВНОЙ

Когда ходил Исус Христос с Петром по земле, тогда хозяин была женщина. Ну, зашли они в одном селе до одного мужика, просятся, чтобы пустили ночевать.

— Я бы, — говорит, — бы и пустил, да жены боюсь.

Уговорили, мужик он слабый был, уговорили.

— Там вон под лавкой ляжете. (Раньше лавки были, сейчас стулья да диваны, а тогда лавки.)

Положились спать. Исус Христос под лавкою, Петро с краю.

Приходит хозяйка:

— Кто? Что?

— Да яки-то прохожи попросились ночевать, я и пустил.

— Кто разрешил? Зачем пускал?

И давай. Била-била хозяйка, била-била, сколько влезло. Сморилась, села отдохнуть. Берет Петра, давай Петру давать: била-била, сколько хотела. Села отдыхать. Петро думает: "Стой, с-под лавкой-то не достанет. Я под лавкой спрячусь, а Исуса Христа оттолкну сюда, чтобы ему досталось".

Она хорошо отдохнула, надо и второму дать. Она знала, что крайнему дала, надо и другому, да с-под лавки и достает Петра и опять бить. А Исус Христос спит и ничего не слышит.

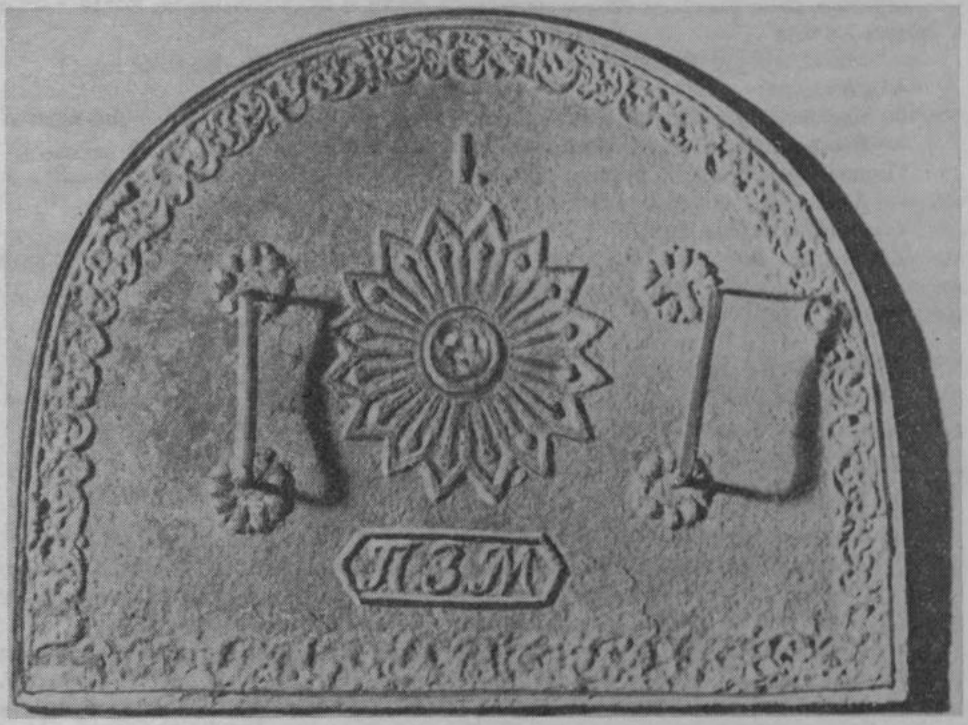
Наутро вышли, идут Исус Христос и Петро. Петро на Исуса Христа:

— Господи, отними у женщины права, пущай мужчина владеет!

Тогда Исус Христос отнял у женщины права, и вот в эти годы революции женщина завоевала права не выше и не ниже мужа, а равноправие.

37. СКАЗКА ПРО ЗАСЛОНКУ

Раньше ходили на вечорки, откупали дом. Ну, молодежь играла. Один парень был сарем. Приказал одной девушке разобраться догола и выйти на вулису. Она все сполнила. Теперь на второй вечер стали сходиться на вечорки, теперь сарем была эта девушка. Она и говорит:



Заслонка русской печи

— Бессовестный ты, ты нехорошо, — говорит, — приказал сполнить, но я тебе накажу, иди в пустыню и принеси заслонку из пустого дома.

Он подходя в пустой дом, горит огонек, постукался — выходит дедушка старый.

— Откройте, мол, двери!

— А что вам нужно?

— Мне сарь приказал принесть заслонку.

Он зашел, а дедушка говорит девушке-красависе:

— Выходи с комнаты с той.

Она вышла, поставила самовар. А дед на этого парня приказывает:

— Пей чаек, два стакана пей, а третий не пей. Теперь, сынок, бери заслонку, но принеси заслонку, а то тебе плохо будет.

Пришел с заслонкою и бросил на пол, а молодежь шлепает в ладошки, сполнил приказание. Он посидел и говорит:

— Ну вы как хочите, а отнесу эту заслонку.

И понес паренек заслонку, отнес к этому дедушке, игде брал. Этот дед заставил девушку снова греть чай, снова он ему говорит:

— Два стакана пей, третий не пей.

Дед ему приказывает:

— Бери, мол, мою дочь замуж, не возьмешь, плохо тебе будет.

Пришел он с улисы домой и не спится: "Как я буду жениться, когда я еще в армии не был".

— Мама, я буду жениться.

А мать ему:

— Как же жениться тебе, когда ты в армии не был, а где ты будешь брать?

— Я в пустом доме, где дедушка с девушкой живут.

Пошел он к суседу:

— Дядя, мол, поедем свататься?!

— А кого же ты берешь?

Так и так. Он говорит, что "пустой дом и нет никакой девушки, и я с тобой не поеду". Пошел в второй дом просить еще человека. Он тоже не пошел. Идеть пьяниса по улисы, кричить, матерится. Этот парень ему:

— Дядя, пойдем свататься?

— Пойдем, — говорит.

Пришли домой к жениху. Запрягли пару коней и поехали в этот дом. Приехали, постукались, дедушка открыл. Он спрашивает:

— Ты с дружком приехал?

— Да, с дружком.

Он открыл комнату. Опять им говорит:

— Два стакана пейте, третий не пейте.

Угостил их. Потом дед посылает этого дружка в голубес, лезь, мол. Он залез в голубес, начал мешки выкидать, два воза багажу наклал. Дед приказал дружку выйтить с комнаты, а жениху наказ давал:

— Сынок, мол, сделай нам гулянку, нагони самогонки бочку и поставь в голубес. Вытаскивай окна и двери и матерись и, когда отгуляешь, то закрывай все и крестися, а когда поедете венчаться, то бери топор с собою, зайдешь в сторожку, по правую сторону люлька висить, а там маленький ребенок кричит, а в той люльке не ребенок, а головешка, бери эту головешку и руби топором.

Этот парень взял топор и порубил эту.

А матушка в это время послала своего дитя в серковь за батюшкой — тут венчаться приехали. А батюшка ответил:

— Иди, — говорит, — я службу отслужу и приду.

Батюшка заходя в сторожку, а жаних сказал:

— Вот ваша дочка.

А матушка омраком упала, она давно сказала на своего дитя, когда он кричал: "Чтоб тебя черти забрали!" Вот черти и забрали, и восемнадцать лет эта головешка криком кричала.

Потом, как приехали они с серкви, начали гулянку гулять. Повыставляли окна, повыставляли двери и начали гулянку им гулять. Пили, пили, этот дед и говорит из голубса:

— Спасибо, сынок, напоил нас, накормил нас, но мы маленечко пошутим над вами, но вы не бойтесь, обратно все сделаем как надо.

Взяли крышу соломенную подняли на дому кверьху, покрутили-покрутили и поставили на место.

— Спасибо, мол, сынок, за ваше угощение, мы напились и наелись, вставляй окны, крестися и закрывай двери и живи богато.

Тут и сказке конец.

38. [ЕНОТОВАЯ ШУБА]

Один молодец не мог сосвататься. Товарищи ему и говорят на Святках:

— Будем ворожить.

Пошли они слушать в пустую избу. Вдруг из подполья выходят три девицы. Молодцы бежать. Жених попал сзади. Одна девица ухватила его и говорит:

— Не убегай, я твоя суженая! Приезжай свататься на мне.

Назначила день, когда приехать. Будущий тесть велел запасти две сорокоухи водки и свадьбу снарядить посередь ограды. Так жених все и сделал. Собрали народ, поднялась сильная погода, явился будущий тесть. Дал он дочери много приданого — злата и серебра, а зятя подарил енотовой шубой и при этом сказал:

— Как будешь в ней в церкви, подойдет к тебе купец и будет шубу признавать, то ты в это время вспомни про меня.

А шуба та была купеческа: подымался в ней купец в гору, сделалось ему тяжко, он сбросил шубу с плеч и сказал:

— Чтоб тя черт утащил!

А он и утащил ее.

Пошел зять в енотовой шубе в церковь. Там купец и признал свою шубу и говорит:

— Эта шуба моя!

Тот сейчас вспомнил своего тестя, и он сейчас же явился перед ними и говорит купцу:

— Ведь шуба твоя была, правда, и дочь тоже твоя была.

Как шуба была проклята у купца, так и дочь была проклята.

39. КАК СОЛДАТ РАССМЕШИЛ ЦАРСКУЮ ДОЧЬ

У царя была одна дочь, грубая была она, смеяться даже никовда не смеялась. Ну, значит, и таперь кто бы ни посватал, никто ей не нравился, и ее никто не брал, что уж очень грубая была. А царь нашел такой завет: "Кто мою дочь рассмешит, за того я выдам замуж". А ее никто уж не мог рассмешить, хотя там, конешно, многие из богатеньких старались.

Ну-с пришел, значит, какой-нибидь беднай из солдат — я уж не знаю, как назвать, совсем уж неграмотнай — и вот напросился к царю ночевать. А с ним вместе был другой человек, лакей ли, слуга. Када, значит, царская дочь ложилась спать, постлали ей няньки постелю и када она легла спать, сказала своим прислугам:

— Гусинай пух через лебединай перешёл...

Значит неладно постлали. Взяли ее на руки прислуги, подняли — так уж она больно нежная была — перетрясли весь етот пух и закрыли сверху ее дорогим собольим одеялом. Она урунила со своей руки кольцо и сказала своим прислугам, что "возьмите на орехи". А кольцо ето было дорогое, так что рублей двадцать пять стоило оно. Потом, значит, етот человек, который лежал за порогом и который пришел ночевать, — он тоже рассмешить хотел, — ему сначала осиновое полено положили под бока, а снизу березово. И потом кричит он своему лакею:

— Осина через березу перешла — жестко спать!

Ну тот, значит, свалил его с етих дров и положил осину снизу, а березово наверх, чтоб береза через осину перешла, чтоб на березе ему спать. Тада он говорит:

— Одень меня!

Тада берет етот лакей таловый прут, и сколь у его было силы, он "одел" его этим пру́том заместо одеяла. Када он "одел" его етим прутом, он, извините за выражение, <...> и сказал:

— Возьми на конфеты!

И тада ета царская дочь расхохоталась, не вынесла она, смешно ей показалось. И принужден был царь выдать свою дочь за етого человека.

40. О ШУТЕ БАЛАКИРЕВЕ

И вот тоже, как шут Балакирев свою должность знат, и тоже подшутил, тоже разыгрывает. Один министр, там заседание, начал жаловаться на этого шута Петру, что шибко он уж, говорит, надсмешку делает. Взял волю, надсмешку, говорит, делает.

— Я его, — говорит, — терпеть не могу, а ты его держишь, вот. Содержишь его, жалованье ему плотишь такому.

Ну, вражда пошла у них. Ну что ж, этот, вражда такая идет. Потом, значит, на етим заседании побыли — второе заседание, значит. Балакирев и говорит Петру:

— Ты меня, — говорит, — блюстителем порядка выбери... Вот будет заседание-собрание, выбери.

— А что тебе, — говорит, — охота присутствовать? Это все так, вот все ра́вно у нас есть блюститель порядка.

— Ну а почему, я не могу что ли?

Он:

— Раз изъявляешь, — говорит, — желание, пожалуйста!

— Так вот, дай мне разрешение, вот чтобы, а то скажут: "Куда ты лезешь, блюститель порядка?" Вот мне надо утверждение, — говорит, — бумажку напиши, что я участвую здесь по разрешению вашему.

— Хм, а в чем дело?! Долго ли эту бумажку написать тебе!

— Да вот, напиши, — говорит, — распишись.

Ну, написал, что это заседание, значит, проводит [с] блюстителем порядка, тишины. Все, значит. Балакирев выходит, ему разрешение есть, он — хозя́ин собранию этому, чтоб порядок наводить.

А министр был этот плешивый: лоб был здоровый этот, голова здоровая, но плешивый — волосинки не было да блестел, как луна. Теперича что... Балакирев дескать: "Ты на меня зло имеешь, но и я тебя тоже. Ты мне попадешься сегодня". Ну такой выбрал лубок пустой, сверток кардонный, твердый, палку и, значит, расхаживается. Приходит министр, и другие заходят. Он ходит, значит, командует:

— Это так! Порядок! Это так!

Ну все: ага, Балакирев уже ведет тут порядок, значит, его, наверно, подошла очередь. Так всех, кто приходит, он встречает:

— Пожалуйста, я хозяин собрания, порядок навожу!

— Ого, тебе, значит, доверили, тебе изобрали!

— Да, да, я теперича уже, чтобы мне тишина, чтобы никакой — муха пролетит, все чтоб слышно было! Не было этого! У меня уже муха теперича сядет на какое-нибудь лицо, я теперича хозяин над мухами! Вот мне его императорское величество дал задание, что я хозяин порядка и хозяин над мухами.

— Хорошо! Вот над мухами тебе только и распоряжаться! — этот говорит. — Вот только тебе и доверие и есть над мухами, уничтожай!

— Да, да!

Ну сидят, сидят. Ну начали собрание это, обсуждать какие дела государственные, вопросы, всё. Балакирев все похаживат. Похаживал, похаживал: "Ну как мне все-тки ему отомстить? Он мне поперек дороги стоит, все это на меня взвел. Ну давай".

Теперича идет к хозяину.

— Над мухами непорядок навожу!

"Подожди, я его все-тки огрею, — думает, и он мне ничего, — говорит, — не сделает, потому что я хозяин над мухами".

Ну и что... На него еще муха-то, значит, не села, он заходит с другой стороны, ходит тут, машет это, сгоняет, как будто б этих мух гоняет. А потом подходит к етому министру, как его этим лубком как отгреет по башке!

Тот ухватился:

—. Батюшки, за что? Что? С ума сошел Балакирев!

— Это верно! Забрать сейчас! Выбросить отсюда! Что такое?

— Села, ваше императорское величество!

— Это что такое? Балакирев, ну давай-ка на расправу сюда!

— Пожалуйста!

— За что ты его ударил?

— Как за что! Я блюститель порядка и над мухами, ты мне дал распоряжение, чтобы их уничтожать. Дак она на такое лицо села, муха! Я что должен поощерять ее, что ли, муху, чтоб моих министров мухи кусали? Вот я ее и огрел, эту муху!

Но он говорит:

— Вишь, браток, ничего не сделаешь, — говорит. — Он уничтожать муху. Правильно, эту нечисть надо уничтожать!

Вот он:

— Дак что же, так огрел?!

— Ну а как же я ее, буду сгонять что ли? Я ее убил, я хозяин! Хочу я ее убью, хочу, чего сделаю. И вот я ее убил, муху. А мне что, вот я такой есть!

Ну оправдался, ничего. А тот так с шишкой этой, с рубцом, синяком, чешет и пошел.

— Вот так-так, — говорит, — вот так Балакирев, — говорит, — ну, сукин сын... А все-тки, — говорит, — я постараюсь его выжить. Не может быть... Это что такое, — говорит. — Вот зло навязалось!

Ну царь ему говорит:

— Балакирев, что это ты? — говорит.

— Так и так, — говорит. — Да ладно, это дело, — говорит, — прошлое, я, — говорит, — хозяин.

— Ну что ж, — царь говорит, — ведь министр все-тки у меня не глупый, а у него умная, — говорит, — голова.

— Ну, умная?! Какая к черту умная у него, глупая, — говорит, — дурак!

— Как так?

— А вот, — говорит, — увидишь, как так.

— А как?

— А вот так. Я вам, — говорит, — докажу.

— А чем докажешь?

— А ты меня, — говорит, — вот будут они проходить сюда к вам. Нам-то пройти-то нельзя, только что доложить вам надо, доложить вам, доложить, вы разрешите пройти такому министру, а вас беспокоить нельзя. Кто попало то полезет!

— Ну, дак, конечно.

— Изберите меня, чтобы не проходили так вот, — говорит, — зря сюда. И я вот буду пропущать. И вы, — говорит, — посмотрите на этого дурака.

— А как? — говорит.

— А вот посмотрите, что за дурак! Я его, — говорит, — посажу на яйцы на индюшьи, и он, — говорит, — будет высиживать цыплят.

— Вот это вот что? С ума что ли сошел он, совсем дурак?!

— А вот посмотришь, дурак он или не дурак.

— Ну, не знаю, — говорит.

— Вот дозволь, — говорит, — мне в пропускной стоять?

— Ладно!

— Чтобы я вам докладывал?

— Пожалуйста, — говорит, — докладывай!

Значит, он туда принес ящик, постелил туда соломы, мягко так все сделал, индюшьи яйца принёс. Положил их. Туда закрыл их все в его кресло. Ну, кресло как кресло, сделал яйца там, замаскировал все. Ну, министр там приходит один, начал собираться докладывать. Как его.

— Императорское величество готовы нас принять?

— Счас доложу.

Ну, побежал, доложил.

— Пропускай!

Приходит тот министр, значит, велит:

— Как Петро?

— А надо доложить!

— Ну, доложь!

— Не могу, братец мой!

Он сидит в этом кресле на индюшьих яйцах. Балакирев сидит сам.

— Не могу!

— Как не можешь? Я ведь пришел, ты что?! Министру не подчиняешься?

— Нет, я, — говорит, — вам не подчиняюсь. Его императорскому величеству Петру я подчиняюсь.

— Ну, подчиняешься! Дак ты же на этом деле!

— Мне, братец, нельзя уйти!

— А почему?

— А потому, что я вот, — говорит, — здесь сижу, на этом месте, сойти я не могу, отойти я, — говорит, — не могу. Он мне приказал, что сиди, вот.

Ну, он говорит:

— В чем же дело?

— Вот. А если ты, — говорит, — сядешь, а я пойду доложу?

— Ну а в чем же дело? Могу, — говорит, — и я отсидеть.

— Вот сиди, — говорит, — здесь аккуратно.

Ну и все. Министр садится, сел, ну пущай его.

Он пришел.

— Ваше императорское величество, пришел тот министр, я его посадил на яйца, он сидит на индюшьих яйцах!

— А ты что не рехнулся что ль?

— А вот не рехнулся! Ты говоришь, что он умный, так вот посмотри на этого дурака.

— Как, — говорит, — дурак, он сидит?

— Сидит!

— Как же?

— А вот так, — говорит. — Пойдем, пожалуйста, удостоверисся.

Ну и те приходят. Тот сидит.

— Ну, — говорит, — ты явилси?

— Явилси.

— А что ты сидишь?

— Да Балакирев велел мне сидеть, а сам доложить побежал.

— Да у тебя ум-то, — говорит, — есть?

Он:

— А что же?

41. КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

Шибко бедный мужик жил, шибко. Ни хлеба, ни соли, ничего нету. Полез к царю. Может, что-нибудь даст. Дали гуся без соли, без хлеба есть.

— Что ж, мужик, можешь нам разделить: два сына, две дочери, нас двое. Вот, — говорит, — поровну раздели нас.

Ну, ладно, мужик согласился. Стал делить гуся этого. Отрезал голову:

— Ты, государь, как в доме голова, тебе голова. Я мужик глуп, мне все гуся хлуп.

Потом отрезал гуську дает царице:

— Как ты дома сидишь, за домом глядишь, вот вам гуську, а я, — говорит, — мужик глуп, мне весь гуся хлуп.

Отрезает две ножки, дает сыновьям по ножке:

— Когда вырастите — топтать отцовские дорожки.

И опять также проговорил. А вот отрезат два крылышка, дает по крылышкам дочерям:

— Вырастите и улетите. С отцом-матерью жить ведь не будете (оно само по себе доказывает).

И остался весь целый гусь. Царь его наградил, и вином напоил, и домой отправил. На четырех конях капиталу привез, сумел так сделать.

Услыхал богатый мужик, что мужика так наградил государь. Богатый мужик пять гусей зарезал, дескать, я богатый, больше даст.

Государь принял.

— Вот раздели меж нами поровну.

Как ни делит, не приходится никак. Позвали того мужика. Стал мужик делить так же и всех пятерых гусей домой принес. Его наградили, а богатого мужика домой прогнали.

42. ТРИ ЗАГАДКИ

Один солдат зашел ночевать до мужика.

— Отгадаешь три загадки — ночевать будешь, не отгадаешь — за каждую загадку — оплеуху.

Кошка ходит, он спрашивает:

— Кто это ходит?

— Кошка.

— По-нашему, чистота! — Раз в ухо солдата.

На лампу показал:

— Что це?

— Лампа.

— По-нашему, светлота, — оплеуху солдату.

Дождь на улице идет:

— Ще це?

— Дождь.

— По-нашему, Божья благодать, — опять оплеуху.

Переночевал. Утром кошку карасином облил, запалил, а хозяин в клуне молотил.

— Хозяин, хозяин, разгадай загадку, не разгадаешь — оплеуху. Ваша чистота схватила светлоту, понесла на высоту, как не даст Бог благодать, так тебе дома не видать.

Солдат развернулся, дал ему, а когда мужик вышел, смотрит — тут и догадался.

43. ОХОТНИК ДО СКАЗОК

Жили-были старик со старухой. Зашел к ним солдат переночевать. Старик пустил его, но солдат должен за это всю ночь старику сказки рассказывать. Легли на печку, старик лег с краю. А старуха еще не ложилась, пряла сидела. Вот солдат рассказывал, рассказывал старику сказки, а потом и спрашивает:

— С тобой рядом кто лежит?

Старик ему отвечает:

— Как кто? Ты, солдат.

— Я не солдат, я волк.

Старик поглядел — и впрямь волк.

Солдат ему говорит:

— А ты — медведь.

Старик отвечает:

— И то правда.

Солдат старику говорит:

— Мы же звери, что же мы на печи лежим? Побежали в лес!

Убежали они в лес, долго там жили. Наступила осень. Идут-бредут они по лесу голодные, а навстречу старикова кобыла.

Волк:

— Давай кобылу съедим...

А медведь ему:

— Но это же моя кобыла!

Волк:

— А голод не тетка!

Съели они кобылу, идут дальше. Навстречу идет старуха.

Волк:

— Давай съедим старуху...

— Но это же моя старуха!

— А голод не тетка!

Съели они и старуху. Идут дальше. А по лесу собаки бегают — охотники, значит, пришли.

Волк говорит:

— Ищи быстрее берлогу, заляжем там, теперь я лягу с краю. А уж если меня убьют, ты возьми мою шкуру, перекувыркнись и снова станешь человеком.

Так и сделали. Убили охотники волка. Медведь взял шкуру, перекувыркнулся да как закричит:

— Ох, спина, спина моя! Ох, спинушку отбил.

А сам с печки кувыркнулся. Старуха подбежала:

— Ты что, старый?

А старик глаза выпучил:

— Дак мы ж тебя съели, а ты опять живая...

Рассказал он все старухе, а сам все охает — спину ушиб.

Старуха ему:

— Немало, да вы как леґли, так сразу и захрапели.

Долго еще у старика спина болела. Перестал он с тех пор любить шибко сказки слушать.

44. НАХОДЧИВЫЙ СЫН

Было у одного человека трое сыновей: два умных, а третий — дурак. Определил отец старшего сына к попу в кучера. Но не справился старший сын с этим делом, через неделю поп отправил его домой. Послал отец второго сына, но и его поп прогнал. Наконец послал отец дурака. Приходит дурак, а пастор спрашивает:

— Ну как, сможешь быть кучером?

— Не знаю, — отвечает дурак, — никогда не доводилось мне быть кучером. Вот свиней пасти — этому я у отца выучился!

— Ну, ладно! Будешь свиней пасти. А плату в конце года такую получишь: разрешу тебе дать мне три щелчка по лбу.

Дурак согласился.

Спустя некоторое время умерла у попа мать, а на похороны надо было зарезать девять больших упитанных быков. Собрались все поповы слуги этих быков резать, но быки расшвыряли людей, словно семечки. А дурак глядит на все это и хохочет. Спрашивает его поп:

— Чему ты, дурак, смеешься?

— Да вот, над твоими скотобойцами смеюсь, — говорит дурак.

— Ну, коли ты горазд над другими смеяться, пойди зарежь сам.

— Что ж, и пойду! — ответил дурак.

Вошел в хлев, схватил одного быка, щелкнул его по лбу — тот и готов, схватил другого, щелкнул по лбу — тоже готов. Так всех быков и перещелкал. Увидел поп, какая силища у этого свинопаса, и очень испугался. "Что же это со мной-то станет, — думает он, — когда в конце года надо будет с дураком расплачиваться?"

Собрал поп свою родню и спрашивает совета, как от дурака избавиться. Стали думать да гадать — никто ничего толком вспомнить не может. Наконец кто-то воскликнул:

— Я знаю! В таком-то, — говорит, — лесу стоят копны овса, и каждую ночь приходит туда медведь этот овес есть. Вот куда, мол, дурака послать надо!

Понравилось это попу. Позвал он дурака и говорит:

— Вот что, три года тому назад у меня пропала корова, а давеча ее видали на опушке леса возле копен овса. Иди-ка и приведи ее домой!

— Что ж, надо, так надо! — говорит дурак и отправился в путь.

Идет и думает: "Корова, что три года по лесам бродила, уж не корова, а дикий зверь. Голыми руками ее не возьмешь. Пойду-ка я выкую хорошую дубинку". Выковал он дубинку весом в тринадцать пудов, пришел на опушку леса и спрятался в копне овса, только голову чуть-чуть высунул, чтоб по сторонам глядеть. Около полуночи видит дурак: вышел из лесу огромный медведь и за овес принялся. У дурака — аж руки зачесались! И только медведь к его копне подошел, дурак хвать его одной рукой за уши, а другой давай колотить изо всех сил дубинкой. Видит медведь — шутки плохи, — посмирнел. А дураку все одно — хоть рвись, хоть плачь — знай себе, тащит косолапого, так и привел его в хлев к попу.

Увидел поп, что дурак с медведем справился, пуще прежнего испугался. Что ж от него останется, если в конце года такой богатырь его три раза по лбу щелкнет! Решил поп дурака погубить во что бы то ни стало. Стал он думать, куда бы еще дурака послать? И так думал, и эдак думал, наконец решил.

— Слушай, дурак! Три года тому назад заблудился в огромном болоте мой слуга. Через болото речка течет. Пошел он на речку купаться, да так и не вернулся. Иди-ка, отыщи моего слугу!

— Что ж, надо, так надо! — говорит дурак.

Пришел на болото, видит: речка течет, а у берега — лодка. Лег дурак в лодку и заснул. Около полуночи проснулся и слышит: идет кто-то да так топает, что земля дрожит. Поднял дурак голову — перед ним черт о трех головах. "Что ж делать?" — подумал дурак, однако медлить не стал. Схватил он черта за бороду и давай его охаживать железной дубинкой. Уж как черт ни рвался, но дурак его не выпустил и притащил к попу. В доме попа все еще спали, никто ему дверь не отворяет, а тут черт брыкается словно бешеный. Рассердился дурак и стукнул в дверь легонько, а дверь и вылетела. Выскочил из дому поп, завопил:

— Посади своего черта к медведю, а меня не тревожь!

Что ж, посадил дурак черта к медведю, а сам спать пошел.

Утром поп снова стал думать, куда б дурака послать, чтоб он не вернулся. И придумал: пусть дурак запряжет медведя в телегу, прихватит черта и едет к царю. Ладно. Запряг дурак медведя в повозку, посадил черта на козлы за кучера и поехал словно барин.

Приезжает к царю, а царь ему говорит:

— Видишь — большое озеро, а на берегу дворец стоит. Вот в том дворце надо тебе провести одну ночь.

А во дворце жили черти, и на берегу озера было видимо-невидимо камней. Но это были вовсе не камни, а заколдованные люди. Много лет тому назад на этом месте был базар. И вот однажды явился на базар черт и превратил всех людей в камни, а сам остался жить во дворце под самым носом у царя. Как ни старался царь выжить бессовестного черта, все напрасно! Вот в том-то дворце и должен дурак переночевать.

Только приехал дурак во дворец, велел своему черту выпрячь медведя и наковать железных орехов. Вечером насыпал он этих орехов в левый карман, а настоящих — в правый. Ничего не стал он рассказывать своему черту, отослал его спать и сказал, что самому ему ложиться еще рано. Черт с медведем спать улеглись, а дурак сидит ждет, что дальше будет. Ждет он, ждет. До полуночи все тихо, ни звука. Только полночь наступила, застукало, загремело во дворе. Такой шум поднялся, хоть уши затыкай. Схватил дурак покрепче свою тяжеленную дубину и ждет, что будет. Глядь — дверь отворяется, и входит сам черт о девяти головах.

— Ты кого ждешь? — спрашивает.

— Тебя! — отвечает дурак. — На вот, я тебе орешков принес пощелкать.

— Что ж, попробуем, каковы твои орешки!

Дал дурак черту горсть железных орехов, а сам достает из правого кармана настоящие и щелкает. Грызет черт железные орехи, грызет так, что искры сыплются, а раскусить не может. Засмеялся дурак.

— Ах, ты еще смеяться будешь? — рассвирепел черт и вцепился дураку в волосы.

Но дурак сгреб черта за бороду, прильнул к земле и одним махом отрубил три головы. Тут черт ловко вывернулся и с оставшимися головами спрятался на дне озера. Жаль дураку, что черт удрал, да что поделаешь? Не лезть же за ним в воду.

В ту ночь уж больше ничего не случилось. На следующий вечер велел дурак своему черту выковать железного человека весом в тридцать пудов и положить его в угол.

Наступила полночь, явился черт о двенадцати головах и спрашивает:

— Ты кого ждешь? И зачем моему брату прошлой ночью три головы снес? Теперь со мной биться будешь!

А дурак смеется:

— Стану я с тобой возиться! Ты тут орешь во всю глотку, а вон там, в углу, спит мой дед, так он даже и не проснулся. Где уж тебе со мной тягаться?!

— Давай сюда своего деда! — Закричал черт и со злостью накинулся на железного человека, хочет его в клочья разорвать.

Только разве железо разорвешь? Черт когти запустил, зубы обломал, а дед все еще не просыпается. Наконец, схватил черт деда, чтобы вышвырнуть его сквозь крышу, а дурак возьми и толкни черта. Черт вместе с дедом грохнулся на

пол. Черт — внизу, дед — на нем. Схватил дурак свою железную дубинку, давай черта колотить и снес ему половину голов.

Видит черт — плохо дело и стал просить дурака, чтобы отпустил его живым.

— Так и быть, — отвечает дурак, — отпущу, но ты из дворца навсегда уберешься и те камни, на берегу, снова в людей превратишь!

— Все сделаю, только не бей!

Принес черт дураку ключи от дворца, превратил все камни в людей и убрался из тех мест навеки. А дурак пришел к царю, рассказал ему все и ключи от дворца вернул.

— Вот тебе ключи от твоего дворца, а вот — твои люди. А чертей я отсюда навсегда прогнал!

Обрадовался король, выдал за дурака замуж свою дочь и отдал ему все свое царство.

Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец!

45. ЦЫГАН И ЧЕРТ

У одного цыгана много было ребят-цыганят. Никак он их не мог прокормить своим трудом цыганским. Менял он конями на базарах и доменялся до того, что вовсе есть стало нечего. И думает цыган: "Что же делать? Чем кормить своих цыганят?"

Поговорил с женой:

— Пойду, — говорит, — я по белому свету искать счастья.

Ну и пошел он куда глаза глядят. Оставил своих цыганят на произвол судьбы, собирать куски по деревне. Шел, шел он, попадается ему навстречу черт. Спрашивает черт цыгана:

— Куда, — говорит, — ты идешь?

— А, батенька, иду куда глаза глядят.

— Ну ладно, — говорит черт, — пойдем ко мне в гости.

— Пойдем!

Цыган на все согласен.

Пришли к черту во владение. Смотрит цыган — у черта пасется большое стадо быков. "Эх, — думает, — если бы оно было мое". А у цыгана глаза завидущие. Черт и говорит цыгану:

— Сходи, — говорит, — заколи сорок быков нам на обед.

Цыган и думает: "Ничего себе?! В гости позвал, а работать заставляет. Ладно, — думает, — черт силен, а я хитер". Пришел к стаду быков и ловит их по одному и связывает одного к одному за хвост.Черт ждал, ждал цыгана, не может дождаться. Пошел к цыгану. Смотрит, что цыган все стадо связал за хвосты. И спрашивает его:

— Что это ты делаешь?

— А что, батенька? Да вот хочу всех сразу принести да и заколоть там на месте. А что колоть да таскать по одному-то. Это долго будет.

Рассердился черт, а цыгану ничего не говорит. Взялся сам колоть быков и таскать их к котлу.

— Теперь, — говорит черт, — пока я, — говорит, — быков тут обдираю, ты сходи принеси вот воды из колодца в шкуре.

Взял цыган бычью шкуру и пошел по воду. Едва-едва донес бычью шкуру-то до колодца и думает: "А как же ее нести с водой?" Думал, думал: "Как же обмануть теперь черта?" Берет лопатку и давай обкапывать колодец кругом. Черт ждал, ждал его с водой, не мог дождаться. Пошел сам. Приходит, смотрит, а цыган обкопал уже колодец кругом. Черт спрашивает:

— Что это ты делаешь?

— А это, батенька ты мой, да вот хочу сразу принести весь колодец с водой. А что это в шкуре-то носить... Когда это ее наносишь?

Черт опять смотрел-смотрел. Берет в шкуру воды и принес сам.

— Ну ладно, — говорит черт, — я буду теперь мыть мясо да приготавливать суп варить, а ты, — говорит, — сходи принеси дров из лесу целую лесину, чтоб хватило сварить обед.

Вот цыган пошел в лес и думает: "Как бы не упасть духом перед чертом". Ну и давай связывать все деревья в лесу — дерево с деревом. Черт опять ждал, ждал, нет цыгана долго. Пошел сам в лес. Смотрит, а цыган связывает деревья.

— Что это ты, — говорит, — делаешь?

— А что же, батенька, да вот я, — говорит, — хочу сразу принести дров на несколько дней, чтоб не ходить каждый раз по дрова.

"Эх, — думает черт, — все он делает не по его". Берет одно дерево и вырвал его с корнем.

— Хватит пока, — говорит, — одного.

Навалил его на плечи и понес. Вершина тащится по земле, пыль подымает. А цыган думает: "Что я буду идти пешком". Взял да и сел на вершину, и цыгана черт несет вместе с деревом.

Так. Сварил черт обед.

— Ну, давай, — говорит цыгану, — будем обедать.

Обедают. Черт как взялся оплетать бычье мясо, только за ушами трещит, не успевает цыган за ним считать, сколь он быков съел.

— А что, — говорит черт на цыгана, — ты не ешь?

— Да я, — говорит цыган, — батенька мой, мясным запахом сыт бываю. Нанюхался вот, пока готовили обед, и больше на глаза мне мясо не надо.

А сам голодный как волк. Ну, знаешь, все виду не подает черту, что он голодный. Наелся черт. Цыган ему говорит:

— Поедем теперь ко мне в гости. Я у тебя погостил.

— Ну ладно, — говорит черт, — поедем.

Запрягли тройку самых хороших коней. Черт взял гостинцев цыганятам. Наложили целую повозку мяса, сала, муки, одним словом, всего-всего. Цыган помалкивает. Подъезжают к деревне. Цыган говорит черту:

— Смотри, — говорит, — вот как увидят тебя мои детки, батенька мой, будут бросаться на тебя, ты не бойся, не разорвут они тебя при мне.

Вот уже совсем близко подъехали к деревне. Увидали цыганята, что отец едет, вернулся домой, да как выскочат все гужом из дому они ему навстречу. Кричат, в ладошки хлопают. Черт говорит:

— Что это такое?

— Да вот это, батенька мой, и есть мои цыганята. Садись, — говорит, — поближе ко мне, а то разорвут.

Где тут садись поближе! Черт испугался да как прыгнет с повозки-то да бежать. Был да нету — убежал от цыгана в лес.

Цыган улыбается цыганятам.

— Вот, — говорит, — сколь вам добра и мяса привез. Теперь, — говорит, — живи не тужи.

Оставил черт тройку коней, мясо, сало все цыгану. А сам так и убежал в лес. С тех пор цыган его и не видел и зажил с своими ребятами-цыганятами на славу.

46. О ТРЕХ БРАТЬЯХ

Жил старик со старухой, было так. В их было три сына: Васька, Федька и Ваня. Ваня был всех меньше. Он ешо ничо не понимал. Братишки его называют "Ваня-дурак", он откликатся, не думат ничо. Ну вот и так сколь они прожили. Вырос Вася, первый, вырос и говорит:

— Тятя, оседлайте мне коня, я куда-нибудь поеду.

Он:

— Да что ты, сыночек, куда же ты поедешь? Мы старые, да ты ничо не знашь.

— Как не знаю, поеду и все.

Ну не могли отбиться. Оседлали ему лошадь, отправили мать и отец со слезами. Вот уехал Вася. Вот его год нету, другой нету уже и третий нету. Подрос Федя и говорит:

— Мине, тятя, тоже заседлайте коня, я тоже поеду.

Они обои закричали рёвом:

— Что ты?! Вася уехал, вот и нету, и ты уедешь!

— Ну, поеду, ничо.

Ну не могли отбиться никак, оседлали коня и проводили. Остался Ваня. Вот Ваня растет. И так же и Феди нету и нету. Ну что. Ваня вырос. Отец с матерью живые. Он и говорит:

— Тятя, оседлайте мне коня, я поеду братьев искать.

— Ваня, сыночек, они уехали и не приехали, и ты уедешь и не приедешь. А мы старые.

— Нет, тятя, ничо, поеду.

Ну что, не могли отбиться. Оседлали коня, проводили его. Поехал Ваня. А Ваня — он всех хитре, даром он, это братья говорили, что он дурак, а он их всех лучше.

Вот он едет, едет, попадат ему навстречу девушка, уж далёко уехал от своёй стороны. Он спрашиват:

— Куда бы мне поехать?

Она говорит:

— А куда путь держите?

— Я держу братьев искать.

— Дак братья твои... Всем слыхать, что у нас тута-ка Баба-Яга есть, оне, наверно, попали к Бабе-Яге.

Он:

— Вот мине и туда и надо, их выручить.

— Дак ты их не выручишь, а сам погинешь.

— Ну это дело мое, а скажите, пожалуйста, где дорога?

Указала девушка ему дорогу, он поехал. Вот ехал, ехал — мост, река. Он только заехал на мост, лошадь его упала как прямо на коленочки. Он говорит:

— Что ты делашь? Перед кем ты так подчиняшься, перед какой тварью?

А под мостом сидит человек и говорит:

— Я не тварь, я человек.

— Ну ладно, извиняюсь.

Он поехал. Приехал, итъ нашел Бабу-Ягу, где Баба-Яга живет. Подъехал, остановился, зашел. Баба-Яга сидит.

— О, сам пришел, молодец, ко мне?! Ну давай раздевайся или так.

Взяла подпол открыла и посадила его туда, и братья там сидят. Худенькие уже, прямо страшно глядеть на их. Есть один человек с имя. Вот он сидит. Вечер. Баба-Яга лягла поспала, утром встала, в ограду вышла, а в ограду видать окошечко подпольем, он смотрит, Ваня. Она кричит:

— Дочечка! Тут у меня гусёк приехал молодой! Приди сжарь, счереди, по тарелкам разломай, рукотёртом накрой.

Ваня слушат. Вот пришла дочка. Бросила, дров принесла, бросила, затопила печку, печка прямо уж растопилася, она жар загребла. Подпол открыла, говорит:

— Выходи, — она не Ваню зовет, а старшего, что уж те худые, — выходи, гусёк!

А Вася сказал:

— Это мое теперя-ка время итить.

А Ваня его оттолкнул:

— Сиди, — говорит.

Вышел к ей. Она положила лопатку на стуло и на шесток и говорит:

— Ложись, молодец!

Он лег. Одну ногу под шесток, другую [сказочница показывает вверх], расшарашился. Она его толкала-толкала.

— Ты, молодец, гуськом-то, гуськом!

— Да ты, тётушка, ляжь сама да поучи, я же не умею!

Она живо соскочила, он сошел, она ля́гла, ноги вытянула, руки. Он — хоп! ее туда. Изжарил, счередил, по тарелкам разломал, рукотёртом накрыл. Братьям говорит:

— Выходите, вы же ись хочитя.

— Ой, какой выходить?! Мы боимся!

Он имя в подпол подал еды, сам поел. А это... Как она велела, чо говорила, он разломал, рукотёртом накрыл, в подполье залез. Поели. Приезжает Баба-Яга, заходит в избу, глянула:

— Ох, подпол-то дочка забыла замкнуть! Вы, гуськи, тут?

Федя отвечат:

— Здесь, здесь мы.

А Ваня уж молчит. Ну ладно, взяла замкнула. Вот села, всю эту дочку съела и вот спать лягла. Кататся по полу:

— Покатаюся, поваляюся на жирненьких косточках!

А Ваня там отвечат [понижает голос]:

— Покатайся, покатайся на дочкиных косточках.

Они:

— Тише, тише!

— Она, — говорит, — не услышит. [Смеется].

Ну что, ночевали, значит. Она опять, опять вышла, у ней, видно, дочек-то там Бог знат сколь. Она опеть кричит:

— Дочечка! У меня тут два гуська!

А оне все три.

— Тут ты одного изжарь, счереди, по тарелкам разломай, рукотёртом накрой.

Сама села уехала на весь день. Уехала, дочка пришла, отомкнула.

— Выходи, гусёк!

Ваня опять всех тех оттолкал, вышел. От вышел опеть. Она все приготовила, уж печку стопила, это отомкнула, наготовила все.

— Ложися! — Лопатку положила.

Он лег, опеть так же сделал. Она его толкала-толкала, ничо не может сделать.

— А ты, молодец, гуськом, гуськом!

— Да ты, тётушка, ляжь сама и поучи меня, я не умею.

Она живо лягла опеть так же. Он хоп ее! — и другу дочку сжёг. Сжарил, счередил, по тарелкам разломал, рукотертом накрыл, как Баба-Яга велела. Братьев позвал — не идут, не вылазеют. Он опеть им туда еды дал. Ну хоть их досыта кормит, сам поел. Сел, сидят. Приезжат она опеть, Баба-Яга, забежала:

— Ох, да его что такие дочки стали! Опеть по́дпол открыт, не замыкнули! Молодцы, вы тут?

— Здесь, здесь! — Ваня отвечат.

Вот она подпол замкнула, села, наелась и кататся опеть по полу.

— Покатайся, поваляйся на жирненьких косточках!

А Ваня опеть там:

— Покатайся, поваляйся на дочкиных косточках!

Они его ткают с обоих сторон, братья:

— Тише! То она нас счас же убьет!

Он:

— Да не бойтесь вы, не бойтесь!

Ну все, ночевали опять. Вот она опеть утром кричит — у ей, видно, много дочек — опеть кричит:

— Дочечка, приди, тут один гусёк, ты его сжарь, счереди, по тарелкам разломай, рукотёртом накрой, я приеду.

Ну, приходит дочь, опеть дрова бросила, затопила печь, стопила и говорит:

— Но, гусёк, вылазий!

Ваня вылез.

— Ложись! — Положила лопатку.

Он опеть так же лёг. Она опеть толкала-толкала, ничо не может с им сделать.

— Ты гуськом, гуськом!

— Да, тётушка, да ляжь сама и поучи меня!

Она лягла, он и третю дочь-то сжёг. Сжарил, счередил, по тарелкам разломал, рукотёртом накрыл. Братьям говорит:

— Давайте выходите, скорей-ка пое́дим и надо нам удирать, то Баба-Яга приедет, узнат, что мы дочек сожгли...

Братья вышли. Вот сели. Братья говорят:

— Давай не будем ись! Пойдем скоре!

Они боятся. Он:

— Не бойтесь!

А он ее ждет.

— Не бойтесь! Не бойтесь! — говорит.

Сам сел, поел.

— Ешьте, ешьте!

Ну, они маленько поели. Вот никак, он то то делат, то друго.

Они:

— Побегим скоре, побегим! Она придёт, нам смерть! А то живьём убегим!

Он:

— Да подождите, да что вы!

Чо-нибудь опеть скажет, опеть делат. Ну дождался её, она заходит. О-о-ох! Как это глянула!

— Это я своих дочек съела? Вы все трое живые!

Схватила Ваську, старшего-то, потрепала, потрепала, ну они кого, еле-еле, бросила под лавку. Схватила Федю — то же самое. (Ваня сидит.) Тоже его потрепала, побила маленько рукой, бросила. Подбегат к Ване, как схватила! Он как ее схватил, как крутанул, она упала, он и давай ее тута-ка. Набил как надо и даже до того — надвое раздернул ее чуть ли не всю. Убил. Братья смотрят. Он:

— Вот теперь пойдемте, боятся некого!

— А мы боялись.

— Ну что?

— Мы не знали, что ты такой! [То дураком называли. — Смеется].

Ну что, пошли. Ну что. Он взял эту Бабу-Ягу. Взял дверь снял. А у ей избёночка-то, как баня. Он дверь снял, они смотрют.

— Да пойдём скоре, чо ты, ведь скоро ночь!

Он:

— Уйдём ешо успеем!

Дверь снял. Бабу-Ягу на дверь положил, на голову себе положил и пошли. Ну что, оне-то замученные, а он-то... Вот шли, шли, темно. Он подошел — лесина большая-большая. Он говорит:

— Надо нам на лесину залезть. А так, видишь, — говорит, — тута-ка вытоптано, тут разбойники, наверно, ездиют.

Залезли на лесину, он их подсадил, потом сам залез, ну и сидят. И правды, немножко погодя приехали три разбойника на трех лошадях. Привезли, Бог знат чо понаворовали. А он смотрит. Оне яму открыли, всё в яму склали, опеть закрыли все богатство. Один пошёл варить, а двое сели тут отдыхать на этой, прямо они на лесине. А он сидел-сидел, говорит:

— Братцы, я <...> хочу.

Оне:

— Ну как теперь?

А один говорит:

— <...> в мою шапку ежли свою неохота мочить.

— Ха! Да я на их <...>!

— Да ты чо, они нас убьют!

— Да ну-у! Бояться их! — И <...>.

А оно, видишь, кусты, оно брызги.

— Дождь, — говорят, — роса! Роса! То ли дождь, то ли роса, — говорят.

Ну и сидят опеть. Они-то боятся, а он-то не боится. Ну теперь что. Вот опеть сидел-сидел:

— Я <...> хочу. [Шёпотом].

— Да ты что?! Ну <...> по тот бок хоть лесины или в шапку. [Смеется].

— Нет, я на их!

Ну что с им сделают, он давай на их <...>. Оне отбрасывают да говорят:

— Шишки летят!

Ну что ... вот он опеть сидел-сидел да говорит:

— Я устал Бабу-Ягу держать. Дверь, она мине тут надоела, я счас дверь на их брошу.

Оне:

— Да ты чо, ты чо?!

— Ну чо ... а чо будем ее тут держать?!

Взял дверь на их бросил. Они говорят:

— Бог пошел баню топить, открыл, дверь с крючьев сорвалась, на нас упала.

Опеть сидят. А один подальше варит. Вот он сидел-сидел, говорит:

— Бабу-Ягу на их счас брошу.

— Да ты что, ведь они нас убьют!

— Не убьют.

Взял Бабу-ягу — хоп на их! Они, как увидали, что Баба-Яга, ну и побежали и даже то́му не крикнули, третьему-то, побежали без оглядки, никого не взяли, ни лошадей, никого. Он слез с лесины, их ссадил, пошел туда. Подходит, говорит:

— Чо ж, товарищ, у тебя на языке-то? Ты варишь...

А тёмно, хоть огонёк только, а ночь. А он язык высунул ему, а он взял за язык-то да ему складишком маленько отрезал. А он тогда видит, что не свои, он же не подумал, подбегает, а тут Баба-Яга... Он побежал да и кричит, за имя туда, а сам лепечет, язык-то в кровь:

— Ла-ла! Ла-ла!

А оне бегут, что Баба-Яга догонят. Ну что. Он:

— Вот, — говорит, — и убежали наши воры! А мы, — говорит, — счас запрягём и поедем.

Запрягли три лошади. Он открыл одну яму — там только деньги. Он себе нагрёб. Ну чо же там все же настлано все, есь там у их всякая всячина. А они набрали по́льта, там сапоги. Нагрузили эти все три лошади и запрягли и поехали. Приехали, сколь они там ехали, домой, може, ешо где ночевали. А потом приехали домой, а уже отца нету и матери нету. Они умерли, их схоронили. Он пошёл, оне кого-то там делают, братья, а он зашел, одну лесину нашел гнилую во дворе — дворы ведь были раньше — он туда все деньги ссыпал. А оне свое добро прибрали. А потом оне и говорят:

— А чо ты там все делашь во дворе?

— Да чо ... хожу, вы-то уж давно от дому, а я-то ведь недавно приехал али уехал, вот я и хожу.

Вот ходил, ходил. А оне-то как-то стали задираться на брата. Он куда уйдет, а они за им смотрят. А он взял провертел эту лесину-то гнилую, побил, а деньги-то сыпятся, он взял заткнул. Заткнул опеть. У их там от отца осталося, осталась лошадь и бык, две лошади и бык. Они:

— Вот по лошади нам, а бык тебе.

Он:

— Ладно, мне и ладно бык.

А бык ешо молодой. Вот он опеть ходит во дворе, оне сидят, кого-то дома делают. Он взял этого быка за ноги, ну он просто ешо небольшой, за задние и давай стукать по лесине, а деньги сыпятся. Они говорят:

— Кого наш дурак делат? — Все ешо дураком зовут, уж нет что их спас. — Пойдем, поглядим!

Один пошел, подкрадатся, глядит. Побежал к брату.

— Он, — говорит, — быка убил, которого мы ему благословили, об лесину стукат, деньги, — говорит, — прямо кучка навалилась.

А у его там деньги-то мелкие такие вот, не бумажные. Они прибежали.

— Ты нам дай денег!

— Хм! У вас вон каки лошади большие, вы побейте имя!

Много в отца вкопанных эти слеги или как их называли.

— Тоже сделайте так и набьёте. [Смеется].

Оне сделали, лошадей убили, ни копейки не набили. И вот этой сказке конец.

47. ВАНЮШКА-ДУРАЧОК

Жил старик со старухой. У них примерно было три сына. И вот они стали умирать. Они благословили Мише — лошадь, Грише — лошадь, а Ванюшке-дурачку благословили быка. Вот он и говорит:

— Братья, пойду продавать быка.

— Да куда ты, глупец, пойдешь?

Вот Ванюшка взял на веревку быка, привязал за рога, приводит в поле и говорит:

— Березка, купи быка!

Березке что! Стоит, покачивается от ветра. Он взял быка за рога, привязал к березе, домой вернулся и говорит:

— Братья, я быка продал.

— Кому ты, дурак, продал? Иди, Ванюшка, садись на печь.

Братья пошли, быка отвязали. Вот наутро Ванюшка встал, пришел к этой березе и говорит:

— Береза, давай деньги!

Березка стоит, ветром покачивается. Он взял палку и давай березку эту хлестать. И говорит:

— Береза, отдай деньги! Быка за ночь сожрала, отдай деньги!

Вот посыпались с березы деньги. Вокруг насыпалась неведомая куча. Пришел Иван домой и говорит:

— Братья, дайте лошадей и короба, я пойду к березе за деньгами.

Сказали братья:

— Надо дурака потешить.

Дали братья лошадей и короб. Везет Ванюшка полный короб денег. Братья обрадовались и говорят:

— Сходи, Ванюшка, к попу за пудовкой, да не сказывай, что деньги меришь. Только пудовку попроси.

Вот поп спрашивает:

— Зачем тебе пудовка?

— Братья не велели говорить, да деньги мерят.

Принес он пудовку. Братья говорят:

— Вставай, Ванюшка, к воротам. а мы будем мерить деньги. Кто к нам придет, ты нам свистни.

Поп думает: "Какие деньги они мериют? Пойду посмотрю".

А Ванюшка взял большую палку и встал к воротам. Только поп отворил ворота, как его и убил. И кричит:

— Братья, я свистнул!

— Кого ты, дурак, свистнул?

— Попа.

Испугались братья. Взяли попа, завязали в мешок, спустили в погреб, а Ванюшку проводили на печку спать. И говорят между собой братья:

— Ведь он нас выдаст.

Взяли из погреба вытащили попа, унесли — в реку бросили. А в этот погреб засадили козла. Вот попадья ждала, ждала своего попа и решила иттить. Увидала Ванюшку:

— Ванюшка, не видал ли батюшку?

— А я его, матушка, свистнул.

— Ну и как? И чем, дурак, ты его свистнул?

— Большой палкой, матушка.

— Да где он?

— Его братья бросили в погреб.

— Ну иди, мне его подай.

Залез Ванюшка в погреб и говорит:

— Он у тебя в шерсти?

— Чего мелешь, подавай!

— Он у тебя с рогами?

— Не болтай, дурак, подавай!

— Он у тебя с хвостом?

— Подавай, дурило!

Когда стал козла подавать попадье, испугалась попадья и умерла у погреба. А ему досталось все поповское имущество.

48. КУНДУШКА

У старика да у старухи родился сын. Дали ему имя Кунду́шка. Етыт парнишка подрос и дня через три рассмеялся. Оне спрашивают:

— Чо, Кундушка, смеёся?

— Не скажу я.

И потом подрос он. Подрос и пошел по улицы вдоль. Бежит свадьба. Он в ту и другу сторону бегат — не дает ко́ням ходу. Мужик соскочил, давай его драть кнутом. Кундушка бежит домой, плачет, кричит. Мать спрашиват:

— Чо, Кундушка, плачешь?

— Да вот свадьба бежала, я в ту и другу сторону бегал, стал меня мужик драть кнутом.

А мать ему угувариват:

— Ты бы сказал: "Дай Бог под злат венец (в)стать, закон Божий принять!"

Вот он снова пошел. Мужик свинью палит. Кундушка говорит:

— Дай Бог вам под злат венец (в)стать, закон Божий принять.

Мужик скачил, давай его шлёпать. Кундушка приходит [к] матери, упять плачет, ревет. Мать спрашиват:

— Пошто плачешь?

— Да вот, мужики свинью пали́т, я сказал имя́: "Дай Бог под злат венец (в)стать, закон Божий принять". Мужик выскочил, давай меня шлёпать.

— Ты бы сказал, — мать говорит, — "Дай Бог етим куском тебе в Христов день разговеться".

— Ну пубегу, скажу упять.

Вот он бежит, мужик у заплоту <...>. Он говорит:

— Дай Бог тебе етим куском в Христов день разговеться.

Тот скачил, давай его бить.

Вот он перестал бегать, вырос. А потом пошел по трахту. У попа корову украл да внутре солому набил. Священник ищет корову, не может найти корову. Думой приходит. Заходит священник думой, а Кундушка с ём. Залез под стол.

Матушка попа спрашиват:

— Чо, батюшка, нашел корову?

— Нет, видно, волки съели.

А Кундушка под столом в зале сидит:

— Положь сто рублей на стол, корова твоя найдется. На той стороне речки твоя корова!

Батюшка взял сто рублей положил на стол.

— Вот, — говорит, — батюшка, Микола-угодник сказал, что найдется корова, что на той стороне речки корова.

И потом пошел искать корову. Кундушка обогнал его и вперед его уж там. И там спрятался, сидит коло коровы. Батька идет возле речку, увидал корову:

— Тпру-ка, тпру-ка...

А Кундушка ему:

— Ммы-ы, ммы-ы... — по-коровьи ревет.

Священник ее га́ркал, га́ркал, она не идет. Сабоги скинул с калошами на берегу речку, давай брести. Кундушка перешел на ету сторону и калоши с сабогами уташшил упять. А поп корову погнал — она не идет. Толкнул корову — она упала в речку.

— Ах, — говорит, — собаки съели мясо, — говорит, — да солому набили.

Ну и обратился, пошел домой. Перешел речку, смотрит — а сабогов нету упять.

— Ах, — говорит, — собаки и сабоги уташшили.

А Кундушка на ту сторону убяжал да и отвалил по трахту. Слышит: колокольцы брякают — ямшчик едет. Вот он один сабог с калошом бросил на дорогу. Ямшчик увидал, соскочил. Взял сабог, в повозку бросил, другой походил поискал — нет, не видать. Рассердился:

— Ех, <...> на что мне один сабог? — Взял да и бросил.

А Кундушка вперед уж убежал, другой сабог упять на дорогу бросил. Мужик только отъехал — и другой лежит.

— Ех, пошто я тот сабог не взял?!

Обратился назать. Етыт сабог с калошом бросил, погнался за другим, побежал. А етыт Кундушка в тройку сял и уехал. До теперича ухлестал. Тройку ко́ней угнал и с повозкой. Вот какой хвати́на, убрал!

49. ПРО МУЖИКА И СВЯЩЕННИКА

Вот как был праздник, и свяшшенник служил литургию и после литургии начал проповедь. В проповеде говорелось так:

— У кого что есть — то ондай свяшшеннику, в то место Бог десять даст.

И вот, как был один мужичок за обедней и была у его только одна корова, он и думает на уме: "Неужели, я корову свою ондам, мне Бог в то место десять даст?"

Мужик приходит домой и говорит жане:

— Вот что, баба, я сёдни был за обедней и свяшшенник читал проповедь: "У кого что есть, ондать свяшшеннику, в то место Бог даст десять". И вот как у нас одна корова, ондадим свяшшеннику, не даст ли Бог в то место десять.

Жана и думает:

— Ну, так что ж, на самым-то-с деле. Давай, мужик, ондадим!

Поймали корову — потащили к свяшшеннику.

Ковда приводят корову, мужик и говорит:

— Вот, батюшка, вы севодни читали проповедь и говорели, что у кого есть, то ондай свяшшеннику — в то место Бог десять даст. И вот как у меня одна корова, я и привел ее к вам, не даст ли Бог в то место десять.

Свяшшенник сказал:

— Ага, спасибо! — и велел опустить ее во двор.

Да, и вот живет у свяшшенника корова, и у его было девять быков своих, и корова с етим быкам стала ходить в поле. И вот настало лето, стал жар, скот стал ходить полдням, вот ета корова как бежала вперед быков, быки за ей. И увидала, что у старого хозяина вороты полы — и забегает прямо во двор, и быки за ей. Мужик взглянул в окно прямо во двор и увидал.

— Вот, баба, верно, нам Бог дал в то место десять! — И пошел запер ворота.

Да, пастух идет, заходит во двор, выгонят етого скота. Мужик ему не дал, выгнял етого пастуха вон.

Пастух сечас к свяшшеннику и говорит:

— Вот, батька, тако-т: мужик не ондает быков.

Батька смекнул ето дело, что дело не ладно будет. Собрался и пошел к мужику. Приходит и говорит:

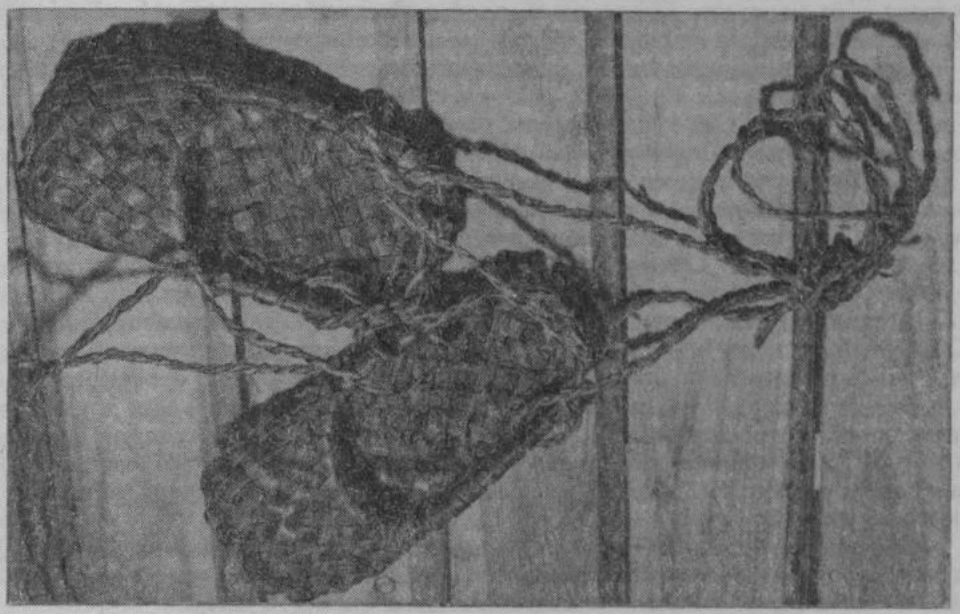
— Здрастуйте, Иван Иваныч!

— Здрастуйте, батюшка!

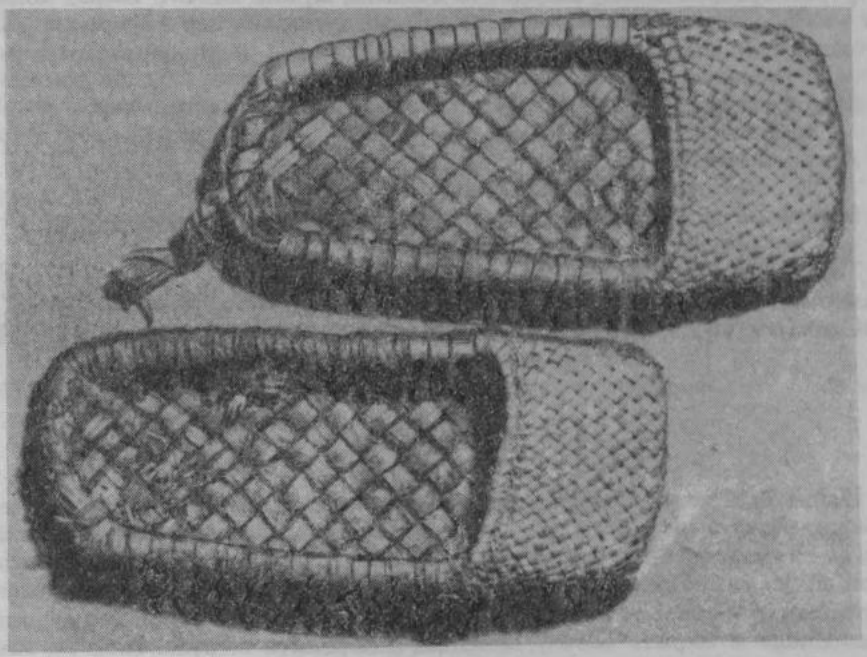
— Вот, Иван Иваныч, вы ондайте быков — быки-то ведь мои!

Мужик говорит:

— Нет, батюшка, я ничего не знаю. Вы же сами проповедь читали, что кто свяшшеннику ондаст, в то место Бог десять даст. Ну, я ондал вам последнюю



Лапти будничные.



Лапти праздничные.

корову, в то место нам Бог десять и дал. А я етому не причинен. Мне Бог дал. Как хотите, а корову не ондам и быков вам не ондам.

Свяшшенник подумал, что с мужиком не сделаешь ничего. И подал мировому о захвате быков.

Ковда мировой их вызвал на суд, то мужик рассказал мировому, что вот, свяшшенник после литургии читал проповедь, и в проповеде было говорено:

— У кого что есть, то ондай свяшшеннику, в то место Бог десять даст. У меня была одна корова, и я ондал последнюю свяшшеннику, а я же етому не причинен, что Бог мне в то место десять дал.

Мировой как на мужике все-таки присуждает:

— Ондай свяшшеннику быков.

Мужик остался недоволен, обжаловал мировой суд и подал в окружный. Окружный суд тоже присуждает ондать свяшшеннику быков. Мужик опеть же недоволен и подал пресвященному в духовную консисторию.

Да, как вот архирей получил то заявление, и назначил имя́ суд и выслал повестки свяшшеннику и мужику. Мужик и думат: "Что ж, свяшшенник поедет в город, у него есть капидал, поедет на почтовых, и там у него всё знакомо. А мне придется идти пешком. И там не знаю, где найти квартеру, придется ночевать уже у архирея".

Да, так и порешил. Собрался и пошел. Явился в город, заходит [к] пресвяшшенному и подает ему повестки. Пресвяшшенный ему и говорит:

— Являйся, — говорит, — завтре, и товда я вас буду судить.

Ковда он поворотился от архирея, пошел и завернулся незаметно в ету спальну. Ковда зашел в спальну и влез под койку, и думат: "Вот здесь я ночую". И лежит себе под койкой. А к архирею ездила одна дама, и он с ей занимался.

Утром архирей встает, выходит из спальны, мужик вылазит из-под койки и идет в куфню, и вот в том времени являтся свяшшенник етот. Архирей подзывать их товда к себе, выслушал и думает, того и другого — и спрашивает мужика:

— А где же ты ночевал севодни?

Мужик отвечат:

— Да в вашей спальне,— говорит.

Архирей говорит:

— Что ты баешь? Не может быть!

Мужик опеть говорит:

— Нет, пресвященный владыка, как вы...

Товда архирей говорит:

— Молчи, молчи, — быки-то твои!

С тех пор мужик стал пользоваться быкам — свяшшеннику-то отказал.

50. КЛАД

Жили-были старик со старухой. Они были бедными. Прошло немного времени, старуха умерла. А на дворе стояла зима лютая, и старик пошел к соседям за помощью. Нужно было вырыть могилу для старухи. Но соседи знали, какой он бедный, и отказали ему. Тогда старик пошел к попу. Тот поп жадный был, и он ему отказал тоже. Старику нечего было делать, он решил один пойти на кладбище и вырыть могилу, а потом похоронить старуху. Взял он топор,

лопату и пошел на кладбище. Пришел и стал копать, и выкопал котелок с деньгами. Старик обрадовался: "Теперь будет на что похоронить и помянуть старуху". Перестал он рыть могилу и пошел домой. Сразу нашлись люди, которые и могилу вырыли, и гроб смастерили. Старик послал невестку купить еды разной, а сам взял деньги и пошел опять к попу. Поп увидел старика и закричал на него, чтобы старик без денег не приходил. Тогда старик достал деньги и просит попа, чтобы он похоронил его старуху. Поп обрадовался деньгам, усадил старика, накормил его. Затем поп похоронил старуху.

После похорон старик позвал попа на поминки. На поминках кушанья много всякого было. Отобедали гости и стали по домам расходиться. Старик пошел провожать попа, тут-то поп и спросил у старика, откуда у него деньги, ведь старик был очень бедным. Старик ему все рассказал. Как услышал поп про клад, так от жадности затрясся, воротился домой и всю ночь не спал и думал, как бы украсть у старика котелок с деньгами. Рассказал он про это попадье, и стали они вдвоем думать. Вспомнили, что у них есть козел. Зарезал поп козла, содрал с него шкуру и тотчас натянул на себя. И сказал попадье, чтобы она обшила его. Попадья взяла иглу с ниткой и обшила его козлиною шкурой.

Ночью пошел поп к старику и начал стучать в окно. Старик услыхал шум, вскочил и спрашивает:

— Кто там? — И стал молиться.

А поп говорит, что молиться от него бесполезно, "а лучше — отдай деньги".

Старик подумал и решил, что если он раньше жил без денег, то и сейчас проживет, и выбросил на улицу котелок с деньгами. Поп подхватил котелок и припустил домой. Воротился и говорит попадье:

— Спрячь деньги да бери нож, режь нитки да снимай с меня шкуру, пока никто не видел.

Попадья взяла нож и стала резать нитки, а поп как закричит:

— Больно, не режь!

Начнет попадья резать в другом месте, и там тоже кровь льется. Кругом приросла к телу шкура. Пришлось отнести деньги назад, а шкура так и осталась на попе, ничего не помогло.

51. ЖАДНОСТЬ ПОПОВ

Был у одного крестьянина хороший кобель, умный. Хозяин его любил и ценил, особенно после того, как тот ему нашел целый котел золота. Сколь жил этот кобель, мужик его хранил, а тут он взял да и пропал.

Мужику стало жалко кобеля так бросить, он и придумал его с выносом хоронить. Пошел к батюшке:

— Пришел, батюшка, до вашей милости.

— Чо скажешь?

— Да вот: был у меня кобель умный-преумный и пропал! Дак нельзя ли схоронить с выносом?

Поп закрычал на него, затопал:

— Чо ты, с ума сошел? Что пса с выносом хоронить?

— Да, батюшка, кобель-то такой был умный. Нашел мне котел с золотом, так вот уж я вам пятьсот рублей за труды ваши.

Поп почесал маленько затылок и говорит:

— Ну, сходи к дьякону, чо он тебе скажет.

Мужик пришел:

— Отец дьякон, до вашей милости батюшка послал.

— Чо тако? — говорит.

— Да вот, — говорит, — у меня был кобель умный-преумный и пропал. Дак вот, нельзя ли с выносом схоронить?

Дьякон попятился ажно от него, говорит:

— Чо ты, с ума что ли сошел?

— Да, — говорит, — отец дьякон, кобель-то шибко умный был. Он мне котел золота нашел, вот вам двести пятьдесят рублей.

Дьякон помолчал и говорит:

— Чо же, я не могу же один с батюшкой, надо к дьячку сходить. Чо он скажет?

Мужик опеть приходит к дьячку, называт его по имени и величат.

Дьячок спрашиват:

— Чо нужно?

— Да вот, был у меня кобель хороший, пропал, дак хочу хоронить с выносом.

Дьячок говорит:

— Да ты чо, взбеленился, что ли? Тебя чо, в сумашедший отправить али на цепь посадить?

Етот опеть назвал-взвеличал и говорит:

— Слушай, ведь у меня кобель-то шибко умный был, он мне котел золота нашел. Я уж, — говорит, — попу пятьсот дал, дьякону — двести пятьдесят, а вам — полтораста.

— Ну, дак, — говорит, — чо же я? Я не знаю — ежель батюшка велит, дак мне-то все равно.

Ну, схоронили с выносом. Вот пошло по народу, дошло и до архиерея, что кобеля схоронили с выносом. Архиерей потребовал свяшшенника — расстригать его. Мужику стало жалко: "Что же, через меня расстригут и сошлют в Туруханск или куды. Дай, я пойду сам к архиерею". Пришел.

— Владыко, — говорит, — преосвященный! Простите, ето из-за меня ить: кобель-то у меня умный был, он мне котел золота нашел, вот потому-то мне и жалко было, я с выносом и просил схоронить. Батюшке я дал пятьсот рублей, отцу дьякону — двести пятьдесят рублей, а дьячку — полтораста, вам уж — пять тысяч рублей.

— Глупый ты! Не за то же я хочу расстригчи, что он с выносом хоронил, а за то хочу расстригчи, что без звону да не потребовал меня!

52. ПОХОРОНЫ СУЛИМА

Был один богатый мужик. У него был кобель по кличке Сулим. И у них в деревне был поп жадный-жадный на деньги. И мужик его решил проверить. У мужика пропал этот кобель Сулим. Он приходит к ему и говорит:

— Батюшка, у меня, — говорит, — умер Сулим, как бы его надо отпеть.

А поп думал — Сулим, что так звать мужика. Он говорит:

— Ладно, свет, привози его в церковь, а я тем временем счас приду, и мы его отпоем.

Мужик привез кобеля в гробу. А поп пришел. Занесли в церковь гроб-то. Когда открыли гроб, а там кобель. Поп и начал ругаться на него:

— Ты что сделал такой-сякой, псину привез в Божий храм. Разве можно? Ты ж знаешь, что псину нельзя допускать до Божьего храма?!

А он и говорит:

— Батюшка, а ты не ругайся. Мой, — говорит, — Сулим — он не простой кобель. Мой Сулим — он тебе сто рублей отсулил.

— Да я, свет, знаешь, ругаю тебя не за то, что ты кобеля привез, а за то, что ты его перед смертью не пособоровал.

53. ПРО ПОПА

Давненько было-то. Был у нас в Таргае поп жадный. Ну, знаете, по-крестьянски-то любят брюхо набить. А он, так по-поповски. И то все дивовали. Кто к нему придет — корочки не даст, а сам за щеку прячет. Ну вот, праздник был. Он и пошел с крестом. Придет, лошадиным хвостом побрызжет — и гони ему чё-мить*.

Он куда придет:

— Благослови, Бог! А хорош ли пирог?

Все сам на стол заглядывает. Помашет хвостом со святой водичкой кому в глаз, кому в лоб, а сам-то — к столу поближе.

— Православные! Живите дружно! А к киселю молока нужно... Во имя Отца, и Сына, и Святого духа! А в рыбнике запеклась щука.

Да и насядет. Только скулы потрескивают. Рыбник — так с костями, кисель с блюда — с лизом. Нажрется так — пузо вздует, ряса торчком стоит.

— Мир дому сему! Отныне и до века! Накормили человека!

Да и в новую избу. Ходил он до вечера. Нажрался зело — душе повезло значит. Он за брюхо схватился, глаза закативши. А сам рукавом машет:

— Нет Бога святей! Запрягайте коней!

Его на дровни свалили и повезли. У нас какие дороги? Короста! Его и подбрасывает.

— Ох, помогите, родимые, помираю!

А у него брюхо вспучило, но не хуже, как у тяжелой бабы. А уж мать, попадья, стоит у тына:

— Что с тобой, батюшка?

— Обрюхател, матушка.

— Ох, ох, ох! Надо за бабкой бежать, обабит.

Ну вот, бабка пришла попа направлять:

— Здравствуй, батюшка! Обрюхател?

— Обрюхател. Не поправишь ли?

Она его и так, и сяк, и в бане парила.

— Ничего, — говорит, — не поможет, рожать будешь.

Ну, тут поп завыл:

— Куда я рожать! Засмеют! Прогонят! Архирей судить будет!

---

*Т.е. что-нибудь.

— Надо потихоньку из села долой.

— Куды-ы я пойду!

Ну, ночь. У попа воют. Попадья собрала ему шанежек да и говорит:

— Иди, батюшка, из села. Сраму примешь.

Он и пойди. Идет да на брюхо косится. Ну вот, шел леском, видит: человек убитый лежит, а на ногах — сапоги хорошие.

— Господи, помилуй и помоги!

Ну и давай с мертвяка сапоги стаскивать.

А тот уж заколел, нейдут сапоги. Ну, поп взял и сапоги с ногами отрезал. В сумку положил, идет дальше.

А время на полночь. Стоит изба. Он и попросился ночевать. Его запустили, он и лег на печь, сапоги под голову и заснул. А у хозяев тех корова тельна была. Да в ту ночь отелилась. Они и взяли теленочка, чтоб не замерз, на печь положили около попа. Он ночью проснись — меж ногами мокро. Кто-то помыкивает.

— Свят, свят, дак я родил!

От сраму скорей с печи да вон из избы. И котомку, и сапоги те забыл. Утром хозяева-то встали:

— Иди, батюшка, щи хлебать! — А ответу нету.

Они-то на печь полезли, а там два сапога да с ногами. Они вопят:

— Беда! Наш теленок попа съел!

Созвали деревню да того телка и порешили. А ноги с сапогами зарыли — ведь батюшкины, священнейшего.

Ну, больше о попе-то об этом я ничего не слышал.

54. УСЕРДНЫЙ РАБОТНИК

Жил-был поп. Нашел себе работника, привел его домой.

— Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

— Ну, свет, — говорит поп, — Бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено.

— Хорошо, батюшка.

Дождались они утра, встали рано. Поп и говорит попадье:

— Давай-ка нам, матка, завтракать, мы пойдем на поле косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, мы и пообедаем за один раз и будем косить до самого полдника без роздыха.

— Как вам угодно, батюшка, пожалуй, и пообедаем.

— Подавай, матка, на стол обедать, — приказал поп жене.

Она подала им обед. Они по ложке, по другой хлебнули — и сыты! Поп говорит работнику:

— Давай, свет, за одним столом и пополуднуем и будем косить до самого ужина.

— Как вам угодно, батюшка, полудновать, так полудновать!

Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой — сыты.

— Все равно, свет, — говорит поп работнику, — давай заодно и поужинаем и заночуем в поле — завтра раньше на работу поспеем.

— Давай, батюшка.

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола.

Работник схватил свой армяк и собирается вон.

— Куда ты, свет? — спрашивает поп.

— Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться.

Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угощать работника зараз завтраком, обедом, полдником и ужином.

55. ЖИЛИ ПОП И ПОПАДЬЯ

Жили поп и попадья. Они держали работника и кормили его плохо. Ну вот, потом он думал-думал: "Что мне придумать?" — и придумал: попадья как уснет, а ключ у нее на сарафане, на лямке, на пройме был (так называли давно). У них отдельна комната там была. Ну и он этот ключ потихонечку снимет, пойдет там.

Это один раз он решил устроить так. А там мно-о-ого икон стояло. А шел Великий пост. Он этим иконам взял да губы сметаной перемазал — всем этим иконам. А потом старик пришел наутро:

— Стару-у-уха, старуха, это чо? Они, бессовестны, боги-то чо делают? Смотри-ка в Великий пост наелись этого... Ты иди-ка, посмотри, что натворили они.

А этот работник помалкиват, там чо-то (гумно давно называлось) он на гумне там ходит, управлятся.

Но и он пошел взял этот дед-то бич, плеть и давай эти иконы:

— Вы что это? Вы что это?! В Великий пост ешо нам не даете постовать да ешо вы сами... — и взял изодрал.

Ладно, день прошел, ночь настала. Он опять взял отвязал это с проймы с сарафана ключ и все эти иконы украл — в гумно-то унес и спрятал. Они потом утром приходят:

— Это зачем я изодрал-то их? Старуха, ведь боги-то у нас, иконы-то все ушли за то, что я изодрал-то их.

Но и чо, потом — батюшки мои! — этому работнику-то:

— Ты ишши! Никишка, Никишка, ты ишши!

— А вот будете хорошо меня кормить, дак я постараюсь, найду.

— Будем, сыночка, будем, сынок, обязательно, только нам верни эти иконы.

Он пошел, искал-искал, искал-искал, кое-как он их нашел. И с тех пор они его замечательно стали кормить.

56. ПРО ПОПА И ВОРА

Жил в одной деревне поп. Был он рыжий и распутный. Ни одна баба от него не уйдет. Жил он богато. Скота у него было много. И был в этой деревне Иван-вор. Захотелось Ивану у попа коня украсть. Пришел ночью в конюшню и

увел. Конь был шибко хороший. Угнал у попа и продал. Хватился поп утром — нету коня. Сразу на Ивана подумал. А как подойти к Ивану, смелости не хватает. А может не он? Настал Великий пост. Пошел говеть народ. А Иван хотя и вор, но набожный был, то пришел в церкву поститься. Як настал день причастия, исповеди то есть, вот тут-то поп и спрашивает:

— Чем, Иван, грешный?

А поп хитрый был. Думает: "Сейчас сознается Иван, и заставлю его перед всеми его, перед всеми гражданами сознаться, чтоб свидетелей больше было".

— Ну, Иван, чем грешный, рассказывай!

— Во всем, — говорит, — грешный, батюшка.

— А коня не ты у меня украл? — спрашивает поп.

— Я, батюшка.

— Так вот сейчас выйди и покайся перед всеми гражданами, что у кого украл, все расскажи.

Обращается поп к прихожанам и говорит:

— Православные, внемлите гласу Ивана, что он будет сейчас говорить. Это все правда!

Выходит Иван, поклонился и говорит:

— Православные, у кого в церкви есть рыжие ребятишки — все пошло от попа.

И ушел. А поп стоит как оплеванный. Все.

57. ДЬЯЧОК-ВОР

Жил в какой-то деревне поп один, и был его сын в его церкви дьячком, но престрашный вор. Раз пошел сын ночью воровать. Утром поп встает — сына еще нету. Попу нужно к заутрени идти, и отправился он один, без сына, служить, значит, заутреню. Поп пришел в церкву, отворил только царски двери, и сын, вернувшись с промыслу, тоже идет на крылос. Попу и охота узнать, что сын украл. Он вышел в царски двери, стал прямо народу и запел духовным тоном:

— Сынче, сынче, где ты был нынче?

А сын развернул этак вот книгу и читат:

— На божественной страже. Попался было в краже, но все-таки приведоша в дом родителя своего единого иго-го-го!

А поп закрыл царски двери:

— Слава тебе, господи, слава тебе!

Народ крестится, ничего не понимат.

58. СКАЗКА ПРО ПОПА

Жили-были мужик да баба. Детей у них не было. Жили вдвоем поживали, горя не знали. Все бы хорошо, да связалась жена с попом. Муж уедет на работу, а поп к ней. А мужу говорит, что "работать не могу — болею". А потом стали мужику старушки говорить:

— Не болеет она, она с попом гуляет и говорит, что болеет.

Не верил мужик старухам. А поп научил его жену, говорит ей:

— Пошли своего мужа в Нарым за нарымским маслом, скажи, что я только им и могу излечиться, а он туда уедет, а оттуда не вернется.

И вот жена однажды и говорит мужу:

— Ты меня можешь излечить только нарымским маслом, если съездишь.

Согласился мужик — нужно было жену лечить. Выбрал времечко и поехал. Долго ли, коротко ли ехал и повстречал старичка. Старичок у него спрашивает:

— Куда, добрый молодец, путь держишь?

Отвечает ему мужик:

— Поехал в Нарым за нарымским маслом, жена у меня болеет, лечить надобно, только им и излечится.

Старичок ему говорит:

— А ты знаешь, что туда уедешь, а оттуда не вернешься? Повертай, милый сын, домой, послушай меня, и поедем вместе.

Послушал его мужик, и поехали они обратно вместе. Приезжают в деревню ночью, темно, нигде ни огонька, и только в мужиковой избе огонек. Дедушка и говорит мужику:

— Подойди посмотри, что у тебя дома делается.

Подошел мужик к окну, смотрит — его жена попа угощает, она-то знает, что муж не вернется. Старичок и говорит мужику:

— Сначала выпряги лошадь, заведи.

Завел мужик лошадь, накормил. А дед ему:

— Есть у меня большой мешок, садись-ка в него.

Посадил дед его в мешок и стал стучать в дверь. Вышла жена и спрашивает:

— Кто тут?

— Я, нищий, — отвечает дед. — Пустите переночевать?

А она и говорит деду:

— Пойду, спрошу сначала.

Пришла, у попа спрашивает:

— Можно нищего запустить, просится ночевать?

А поп говорит:

— Пусти, он нам не помешает.

Открыла она старичку, а старичок говорит:

— Тут у меня еще мешок с собой, солома в нем, гречишная, прямая.

Баба ему говорит:

— Заноси и мешок.

Затащил дед кое-как мешок в избу, положил под кровать, а сам на печь залез. И вот сидят поп с бабой за столом. Налил поп две рюмки, выпил одну и пошел по избе, и поет:

— Хозяин уехал в Нарым за нарымским маслом. Туда уехал, а оттуда не вернется.

А потом и баба выпила, пошла по избе и тоже поет:

— Уехал мой муж в Нарым за нарымским маслом, туда уехал, а оттуда не приедет.

Лежит дед на печке, слушает, а потом и говорит:

— Подайте-ка и мне стаканчик, я тоже умею петь.

Налили ему рюмочку, подали. Выпил дед, слез с печи и запел, пошел по избе:

— Солома, ты моя солома,
Гречишная, прямая,
Гляди, моя солома,
Что делается дома.
Висит безмен на стене,
Бери, бей попа по спине!

Весело стало попу с бабой, расхохотались они, поглянулась им песня. Принесла баба тогда третью рюмку для деда. Налил поп снова водки. Выпил сам и пошел по избе, поет:

— Наш хозяин уехал в Нарым за нарымским маслом, туда он уехал, а оттуда не вернется.

А потом хозяйка тоже пошла по избе, запела:

— Мой муж уехал в Нарым за нарымским маслом, туда он уехал, а оттуда не приедет.

Потом старик выпил, пошел по избе и запел:

— Солома, ты моя солома,
Гречишная, прямая,
Гляди, моя солома,
Что делается дома.
Висит безмен на стене,
Выскакивай, бей попа по спине!

Выскочил мужик из мешка и давай попа по спине безменом охаживать. Выскочил поп из избы, хотел бежать, а дверь-то заперта — дедушка ее запер, когда шли. Кинулся тогда он в кладовку. Там стояла бочка с медом, а над бочкой висело перо, хозяйка сушить повесила. Заскочил поп в бочку и перо нечаянно сорвал, оно на него все высыпалось. И просидел он в бочке до утра. Убежал поп из избы, а хозяин за жену взялся, бьет и приговаривает:

— Так-то ты болеешь?! Выздоравливай, выздоравливай!

Утром встал хозяин, отворил дверь. Поп потихонечку вылез из своей бочки весь в перьях и в меде. А бабы уже коров погнали, рассветало. Увидели попа и кричат:

— Ровно наш поп? Или черт? — И хохочут над ним.

Поп бежать, а далеко было, через всю деревню пробежал — все смотрят и хохочут. А попадья сидит дома и думает: "Что это такое, попа нет? То хоть поздно вечером домой приходил, а то совсем нет". Прибежал поп домой, стучит и говорит:

— Открой, матушка!

Слышит попадья голос попа, открыла дверь, перепугалась, закричала и опять захлопнула:

— Не поп это, не поп — черт прибежал!

Три раза откроет она двери, испугается и снова закроет.

А народ вокруг стоит смеется: жена мужа не узнает.

А у мужика баба сразу выздоровела и работать пошла. На том и сказке конец.

59. ЖИЛ-БЫЛ ПОП

Жил-был поп. И вот он работника нанял, Ваньку там одного. А матушка у него она с дьячком связалася, вот. Ну как бы она ни связалась, поп этого ничего не знат. А Ванька-то был такой пройдоха, заметил, что что-то она нечисто живет.

Поехали они на пашню пахать. Наберут продуктов, неделю они, значит, на пашне живут, пашут. А Ванька кажный день приезжает домой за продуктами. А прежде чем в избу зайти, он сядет под окном, выслушат, о чем же матушка-то говорит с дьячком-то. Сядет, подслушат, а потом приходит дома продуктов набират. Ванька-то приедет домой, сядет под окошко и слушат.

А матушка и говорит дьячку:

— Сёдни, — говорит, — Ванька приедет по продукты, куды же мне тебя спрятать-то?

— А не знаю, — говорит, — куда.

— Давай, ты лезь к овцам на сеновал и там, — говорит, — в сено закопайся. Он наберет продуктов, уедет, и мы опять с тобой вдвоем будем.

Но ладно. Ванька подождал пока матушка его туды спрячет, а когда спрятала, Ванька приходит домой.

— Ну, здравствуй, матушка!

— Здравствуй!

— Батюшка велел овечек проверить да хорошо ли ты их тут кормишь, накормить надо бы, имя сенца тут дать да подпоить маленько.

А ему охота туды на сеновал-то забраться. Ага. Залез Ванька на сеновал, матушка как его ни оттоваривала, что "не надо да я сама тут управлюсь", да все. А Ванька все равно:

— Да что ты, матушка, будешь ты там лазить мазаться, да все я по-молодецки сейчас все сделаю.

Залез Ванька на сеновал, нашшупал там этого дьячка, взял оттуда сбросил его как мешок сюды на землю. А сеновал высоко же, наверху же сено-то. Сбросил. Дьячок скоре подхватил да бежать. Вот. Убежал. Но Ванька будто ничо не заметил, приходит, продуктов набрал, уехал. И помалкиват, попу-то ничо не сказыват.

Теперь ладно. Опять назавтра, опять Ванька просится:

— Ну, батюшка, отпусти домой, вот у нас ешо с тобой вот этого нету, вот этого, да я хоть квасу привезу свеженького, чо я молодой, я съезжу.

Приехал Ванька, опять сел под окошко. А дьячок-то опять снова у матушки. Вот слушат Ванька, а матушка говорит:

— Ну куды я тебя теперь спрячу? Вот смотри какой парнишка непутевый, как-то ведь нашел на сеновале, ему понадобилось. Да ладно, — говорит, — я тебя в перину, лезь.

Вот залез дьячок в перину, она счас койку заправила. И все — в перине лежит дьячок. Ну, Ванька приходит:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Ну как ты тут? Здорова ли ты? Как у тебя тут со здоровьем-то? Поди дома-то ты тут не можешь убраться, одна ведь находишься. Давай, матушка, постель надо перехлопать, все пылью запылилося.

— Да ладно, Ванюшка, я уж сама тут перехлопаю.

То-друго тут.

— Да, но под старость лет да ты будешь такую тягость хлопать.

Подхватыват эту перину, выносит на улицу и пошел об угол эту перину колотить. А там вместе с ей дьячок об угол колотится. Выколотил перину Ванюшка, собрал продукты и опять уехал, ничо не сказал батюшке. Сам помалкиват, похохатыват, а батюшке ничо не говорит. Вот теперь ладно. Опять снова настает время, опять просится:

— Пусти меня, батюшка. домой. Я съезжу попроведаю, как там матушка, поди она больна да поди то-друго.

— Ну поезжай.

Поехал Ванька туды, домой, сел под окошко и слушает, чо дьячок с матушкой разговаривают. А дьячок-то (Ванька-то всю неделю целу не был, ну пашня есть пашня — тут работа больша) говорит, отхворался и говорит:

— Переколотил ведь он мине, чуть все духи не отбил, дак вот теперь куда его девать?

А матушка говорит:

— Ладно, я, — говорит, — средство, мне сказали чем. Надо их сахаром накормить сладким, от сладкого глохнут, а от масла они ослепнут. Вот они приедут в субботу-то в баню, дак я их, — говорит, — маслено накормлю да сладко, дак они оглохнут и ослепнут.

Ладно. Ванька не зашел даже в избу, никаких продуктов не взял, а приехал на пашню и рассказыват батюшке, как он первый раз ездил да второй раз ездил да чо он это сделал — все это пересказал батюшке.

— И вот теперь матушка для нас готовит средство, чтобы нас с тобой накормить как можно сладким и как можно масленым, потому что от масла слепнут, а от сахару глохнут.

Ну ладно. Суббота подходит, батюшка уже в курсе дела, приезжают они домой. Приехали домой, а матушка-а-а готовит тут! — прямо пыль столбом чо у нее тут готовится, наготовила и сладкого, и все.

— Садитесь, садитесь, садитесь.

А дьячок у ей там спрятанный, что никаких делов. Ну сели за стол Ванька с батюшкой, вот ели, ели, а батюшка-то понарошке по столу шарит и говорит:

— Ванька, я чо-то не вижу, где мой чай-то стоит.

А Ванька-то и говорит:

— Да и я не вижу, — тоже шарит по столу.

Да друг дружке орут, ничо не слышут. Вот сидят это, представляются оба. А матушка радешенька, что дескать "подействовали мои препараты все на их — они ослепли и оглохли". Ну раз ослепли и оглохли, дьячок-то приходит, и оне пошли в комнату. Ушли оне с дьячком в комнату, а батюшка-то приносит бич, которой понужал лошадей, ременной, хорошой. Да. Заходит в комнату, как давай-ка их там драть, давай драть, дак и етот дьячок не знал куда бежать, и матушке досталося. И с тем матушка-то отступилась от дьячка, чуть этого дьячка-то совсем не уходили.

60. [ПОРОШКИ]

Было это, значит, в Каратусским районе, заимка там была Никитиха. Жили там старик со старухой, а старик-то мордва, по-русски мало понимал. У старухи зубы заболели шибко-шибко. Ну и вот. Старуха-то требует, что надо порошки. Сама-то она была лекаркой, лечила шопотками да травой да чем, вот, а зубы-то себе вылечить не могла. А тут ей кто-то подсказал, что надо порошки, надо к доктору. Ну вот старик и собрался к доктору. Наклал туески: яички, масла туесок, сметаны туесок — в город по порошки. В город-то приехал и не разобрался, что вместо доктора и нашел урядника. А там подметал какой-то и сказал, что вот, дома хозяин, иди.

Затаскивается он с этими туесками прямо в избу и объяснят, что у старухи вот зубы заболели, вот старуха тут все послала, порошки ей надо. А урядник-то говорит:

— А, ага, порошки тебе надо, порошки? Садись-ка!

Тот сел. Он ему раз затрещину дал, два дал, три.

— Но хватит?

— Хватит!

Но ладно. Старик сел на лошадь, поехал домой. Приехал. Старуха его встречает.

— Ну чо, старик? Привез порошки-то?

— Привез, привез, дай лошадь-то распрягчи, счас.

Распрег лошадь. Пошли в избу.

— Но садись.

Села старуха и дожидат, когда старик порошок хоть один даст. Ну вот. А старик-то как размахнулся и как дал ей по больному-то месту, у ей так все и прорвало, и кровь пошла, и из ума выбило. Ну и все. Старухе-то полегчало. Старухе-то полегчало, а вот у его два порошка-то еще остались, он только один использовал.

— Да, надо вот обратно доктору увезти эти порошки.

Накладыват он сметаны, масла, яичек. Поехал он, обратно повез эти порошки. Приезжат и говорит:

— Полегчало старухе-то. Дак одного-то порошка-то хватило, а два-то осталось. Дак вот я привез долг-то тебе. Вот тебе вот масло, тут все.

А урядник как раз сидел. Он его как дал — две затрещины.

— Теперь я с тобой в расчете, два порошка я тебе их отдал.

И все, и уехал домой.

61. ПРОТИВНАЯ ЖЕНА

Один был человек женатой, у них детей не было, и жана у его была противная, он искал, чтобы где ее сверьшить. И вот он в одну прекрасную времё шел через болото и нашел такое место, что человек может сразу провалиться, как ступит. Встал он поутру назавтре, сказал ей:

— Пойдем, жана, я нашел много грибов, — и повел ее через ето болото.

И тапери, как он сам прошел, легонько переступил, а она переступить не могла и провалилася.

Вот он живет неделю после жаны, стало ему скучно, живет другую, и надумался он выташшить свою жану оттуда. Набрал он веревок, привязал топор на конец, подходит к тому месту и отпустил топор. Потом послышался голос оттуда:

— Тяни!

Он выташшил оттудова, оказалось, не жана его, а черт.

Ну теперя черт ему отвечат:

— Спасибо, мужичок, что выташшил, я триста лет жил там и блаженствовал, а теперя назадь тому две недели пришла ко мне какая-то баба, и вот она мне не дала спокою. Ро́ги у меня поотгрызла и хвостик конец отъела, теперь мне надо путешествовать, чтобы росли ро́ги и хвост. Теперя я залезу в купеческую дочь, она будет дуритъ, а вы возьмитесь лечить ее и заведите ее в особую комнату, шопните ей в левое ухо: "Антошка беспятой, вылезай", я тот раз вылезу. И она обумится. Тогда я залезу в графскую дочь, и вы тоже так же вылечите ее, а напотом я залезу в царскую дочь, и она будет дуреть, а вы ее не лечите. А то если возьметесь лечить, то я тада вылезу и тот же момент выташшу из тебя душу. У меня тот же час вырастут хвост и ро́ги.

Вот через несколько времени задурела купеческая дочь. Стали искать дохтурох лечить ее, но так как никто не мог вылечить ее, етот человек взялся ее лечить. Когда он приехал к купцу и взял ее в особую комнату, под левое ухо шопнул ей:

— Антошка беспятый, вылезай! — И он выскочил из дочери, девушка-то тот же раз обумилась.

Через несколько времени задурела графская дочь. И вот тогда уже, как знают етого дохтура, сразу по́слали бумагу за етим человеком.

Приехал он к графу и взял дочь в особую комнату, шопнул ей в левое ухо:

— Антошка беспятый, вылезай! — И он выскочил, девушка тот же раз обумилась.

Через несколько времени задурелась царская дочь. И вот требуют етого дохтура, как он уже известен. Тогда мужику делать нечего; если не ехать, то царь приговорит его к смёртной казни. А если взяться лечить, тада черт душу выташшит. Но мужик как был не робкой, скоро удумчивый, он придумал так, что черт боится женщин. У царицы было двенадцать фрелин. И вот он велел выбрать часть из них, голосистых, громкогласных, и поставил их, этих шесть женьшин за дверям комнаты. И наказал имя:

— Када я, — говорит, — скажу: "Вот он где", то вы во всю мочь закричите: "Дерьжи его, лови его".

Сам вошел в комнату с царской дочерью и приказал окна запереть на бо́лты и трубу забинтовать, закрыть наглухо, так что черт выташшит случаем душу, то чтобы он не мог с его душой уйти. И вот када под левое ухо сказал девушке: "Антошка беспятой, вылезай", то черт выскочил и сказал:

— Вот теперя я из тебя душу возьму!

А мужик не обробел и крикнул:

— Вот он где!

И женьшины в тот же момент закричали:

— Держи его! Лови его!

Черт по комнате стал кидаться и бросился в трубу. Когда он в трубу ударился и вылетел на двор, разбился на мелкие кусочки. Где кусочек упал, там винополь образовалась.

62. СКАЗКА О ЖЕНЕ, КОТОРАЯ ВСЕ ДЕЛАЛА НАОБОРОТ

Жили да были на свете муж да жена. А жена-то была такая капризная да вредная: что муж ни скажет, все наоборот делает. Замучился мужик, а что делать — не знает.

Пошли однажды они в поле, сено косить пора настала. Прошли лесок, дальше речка, а на той речке мосточек плохонький, сгнил уже. Старик и говорит бабе:

— Обожди, не ходи по мосточку-то, брод поищем сначала!

А баба не слушает, на мостик ступила, провалилась и в воду упала, тонуть начала. Муж не знает, что делать, давай на помощь звать, а время-то шло, утонула баба.

Собрались люди, искать начали ее, искали, искали — не нашли. Лишь на третий день нашли за пять верст против течения реки.

63. ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА

Это один рабочий жил бедно-бедно. Ребятишек много у его было. А он у барина работал на фабрике, этот рабочий. Ну и вот, бедно жил, как же выйти из положения-то ему? А жена была у его такая это, ну, как сказать, нетерпеливая, брехливая, одним словом. Ну он задумал у барина деньги украсть. А ходил он мимо речки на фабрику-то работать. Вот поймал он шшуку и положил на березку ее и туды веточек наклал. Потом поймал зайца и в мордушку посадил и в воду его. Ну приходит. Одному-то ему никак нельзя украсть деньги, надо двоим туда. Приходит, говорит:

— Ты знаешь что, жена?

Она:

— Что?

— Я хочу у барина деньги украсть.

— Ага, давай украдем.

— Дак ведь ты расскажешь.

— Ну вот, однова дыхнуть — лопни глаза не скажу никому.

— Ну если не скажешь, то пойдем сегодня.

Ну, дождался вечера, тёмно, и пошли. Подходит это где березка-то, он:

— Постой, баба, я полезу.

Полез, достал шшуку. И ветки-то оттуда сбросил.

Она говорит:

— Ишь ты! Ишь ты, где гнездо-то свила себе!

Ну, идут дальше. Он опять останавливает.

— Я, — говорит, — вот тут посмотрю счас.

Вытаскивает мордушку и оттуда зайца вытаскивает. Она глядит.

— Гляди, где живут зайцы-то!

Ну и все, доходют до фабрики, до дому до этого. Он ей и говорит:

— Вот что-нибудь ты учуешь, услышишь, так стукни мне об стенку.

Сам начал окно выставлять. Только полез туда за деньгами-то, а павлина (это птица была павлина такая, она и счас есть) закричала там у барина во дворе-то. Она его:

— Стой! Куда ты?

— Да куда, — говорит, — сама знаешь!

— А это что? Слышишь!

— Молчи, — говорит, — баба, это барина черти дерут.

Она замолчала. Ну он взял деньги, со шкатулкой вылез и пошли с ей. А уж куда он их спрятал-то, тут он ей не сказал. Ну приходит домой, это все в порядке. Утром:

— Смотри, жена, не сказывай!

— Не-не, никому не скажу!

Только он ушел на работу, она к куме. А кума тоже жила плохо. Ну она глядит, говорит:

— О, кума, как вы плохо живете-то?!

— О, кума, а вы-то лучше нас что ли?

— Уж мы-то теперь не как вы будем жить... Мы будем лучше теперь жить.

— А как вы будете лучше?

— Да будем лучше и все.

— Ну как?

— У нас теперь и деньги будут и все.

— А где вы взяли?

— Да ты скажешь!

— Нет, никому не скажу!

— Не сказывай, кума, у барина украли. Мы теперь жить хорошо будем.

Ну и все, а энта кума дальше. И пошло, и разнесся слух и дошел до барина. Барин забирает с собой стражу, с обыском. Искать, нигде ничо не могли найти у его. Ну и говорит:

— Слушай, все-тки, — говорит, — взял-то ты.

— Да что вы, господин барин, ну не брал я, не брал!

Он:

— Как не брал?!

— Да кто вам это сказал, что я взял? Кто сказал-то вам?

— Да ведь от жене это все вышло.

— Да что вы, господа жандармы, господин барин, ведь я живу-то совсем с дурой, она ведь ничего у меня не знает. Ведь это дети меня дёржут, я это живу, давно бы я её бросил.

— Да, да, я все знаю, — сидит.

Жандарм подходит к ей:

— Ну, голубка, скажи, что ты знаешь-то?

— Я знаю, где зайцы живут.

Он ее спрашиват:

— А где?

— В воде, — говорит.

Они тогда глядь друг на друга: на самом деле чо-то она это...

— В воде-е-е, вон что! А ешо что ты знаешь?

— Да я знаю, где и шшуки гнезды вьют.
— Ну где?
— Да на березке, где.
Тогда этот рабочий-то говорит:
— Видите, господа, что она умная у меня что ли?! Форменная дура! Что вы ее слушаете-то, позорите меня?
Ну тогда барин думал-думал, что же делать-то. Тогда подходит к ей:
— Вот что, голубка, я вам третью часть всех денег этих отдам, только скажи всю правду, когда их вы брали?
— Барин! Когда вас черти-то драли, вот в то время мы их и брали!
Он тогда:
— Тьфу! Господа жандармы, на самом деле она дура! Пошли отсюда!
И ушли. И так он остался этот с этими деньгами, никто не узнал, что он украл их.

64. БАНЯ

Пошел мужик на сходку. Приходит оттудова, она спрашиват, жена:
— Ну что там говорили-то?
— Да что теперь там говорили! Дела плохи, говорили!
— Чо?
— Да власть теперь вся в руки перешла бабам, женщинам.
— Правда?
— Правда!
Ну вот она обрадовалась:
— Власть-то наша теперича!
Ну что:
— Давай, мужик, топи баню сегодня!
Куда деваться, власть ихна. Берет едет, таскает воду, греет там, все это делает, топит. Истопил, приходит, докладает ей:
— Ну вот, я истопил, пожалуйста, айда в баню!
— А соломки-то настлал до бани?
— Да нет, — говорит, — не настлал.
— Ну настели да вилюшками...
Ну он пошел за соломкой, взял солому и пошел класть вилюшками солому-то эту. Ну заходит в баню.
— Раздевай!
Он ее раздевает всю, моет. А сам приготовил хороший бич, там положил. Ну и вот:
— Парь меня!
Она залезла, он наподдавал, давай ее веником парить. Она:
— Вот тут, вот тут, вот тут, вот ешо, вот здесь ешо напарь, — на задницу указывает.
Он схватил этот бич, как ее начал там парить этим бичом! Как она выскочит оттудова! Он ей кричит:
— По вилюшкам! <...> По вилюшкам!
Какие там вилюшки!

65. ПРИТОНЕЦ — С ТОГО СВЕТУ ВЫХОДЕЦ

Жили старик со старухой. У них был единственный сын Микитушка, и того Господь прибрал. Потужили-потужили старики, делать нечего, надо дело делать. Старик поехал поле пахать, а старуха осталась дома по хозяйству управляться. Пришел к ней солдатик и говорит:

— Бабушка, напои, накорми меня, пожалуйста.

Она говорит:

— Пожалуйста, светик, проходи, напою, накормлю.

Вот посадила его. Напоила, накормила и смотрит:

— Откуда же ты будешь, батюшка, и кто ты такой?

— О, бабушка, я Притонец — с того свету выходец.

Она ему и говорит:

— Ба-а-тюшка, ты с того свету пришел?

Он говорит:

— С того свету, бабушка.

— Не видал ли ты там нашего Микитушку?

— О, бабушка, видал вашего Микитушку.

— А что ж он там делает?

— Бабушка, коров пасет да весь обносился, весь оборвался. И вот наказывал, чтобы ему что-нибудь послать туда — обувку, одежу, там белья и два холста, булку хлеба, сала кусок, масла горшок и немножко денег в мешок.

Ну старушка все это собрала, положила в мешок. А у них была гармошка Микитушкина. А он и говорит:

— Бабушка, а можно в гармошку немножко поиграть?

Она:

— Поиграй, касатик, поиграй.

И вот он взял гармошку растянул:

Помяни, Господи
Микитушку за упокой,
Микитушку за упокой,
Микитушку за упокой
Микитушку за упокой

[Песня переходит из заупокойной в плясовую].

А бабка пошла плясать [исполнительница прихлопывает]:

Микитушка был такой —
Неженатый, холостой,
Микитушка был такой —
Неженатый, холостой.

Вот попели, поплясали, помянули Микитушку. Дело к вечеру. Солдат стал собираться. Вот взял эту всю ношу и пошел. Пошел.

Немного погодя приезжает старик с поля. Встречает его старуха:

— Ой, старик, был солдат Притонец — с того свету выходец, Микитушку нашего видал. Он там коров пасет да весь обносился, наказывал ему послать кое-что. Вот я ему собрала. Вот два холста положила, белья положила, обувку положила, одежку положила, булку положила, сала кусок, масла горшок и денег маленько ему в мешок.

Он:

— Ох, и старая карга, да ведь он тебя обманул. А давно ушел?

— Нет.

А он ушел недавно. Счас лошадь распрег, отвязал. Говорит:

— Я счас его поеду догоню и все отберу.

Сел дед на коня и поехал. Солдатик видит, что едет верховой, свернул с дороги, шел по дороге, свернул с дороги, мешок оставил, а сам вышел на дорогу и опять пошел. Вот догоняет его старик:

— Здорово, служивый!

Он говорит:

— Здорово, отец!

Он:

— Не видал ли тут солдат прошел с мешком?

— О, отец, видал.

— А давно?

— Да не так, отец, давно. Ну давай, я пошустрей тебя. Ты вот здесь посиди подожди, я его сечас верхом я его догоню.

Ну сел солдат верхом — и только его видали.

Старик сидел-сидел, сидел-сидел, досиделся до поздней ночи, нету солдата, не вернулси. Идет домой. Идет домой, пришел, а старуха его встречает:

— Старик, а где же у тебя лошадь?

Он:

— Ну, где лошадь?! Ты ему послала обувку-одежу, а я отдал коня, чтобы он там пешком не ходил, коров пас.

А солдат тем временем вернулся, мешок забрал и уехал.

66. КАЧАЮСЬ, КАЧАЮСЬ МАШУТОЧКА

Вот жили старик со старухой. У них было два сына. Старший сын был Яков, а младший был Улаз. Вот они уехали с отцом на пашню, а старуха осталась дома по хозяйству. Вот шел солдат со службы, приуморилси и зашел к им.

Он говорит:

— Бабушка, покорми меня, попои.

Она:

— А счаш, шолдатик, напою и накормлю, вше шделаю.

Ну, стала готовить обед. А солдат тем временем стал бриться. Бреется, а старуха, она же никогда сроду не видала, в деревнях раньше ж не брились. Она и спрашивает:

— Шолдатик, а что это ты делаешь?

Он говорит:

— Бабушка, это я, — говорит, — старых переделываю на молодых.

— Правда?

Он:

— Правда, правда!

— А меня переделаешь?

— Переделаю, бабушка, переделаю.

— А что для этого надо?

— Ну что надо, — говорит, — надо дегтю бочонок, надо перьев и пятьсот рублей денег. Ну еще, — говорит, — принеси корыто и веревки.

Ну, старуха подхватилась, принесла ему дегтю бочонок, перьев и денег ему дала пятьсот рублей. Принесла корыто с веревками. Солдат корыто на веревках подвязал к потолку, посадил старуху в корыто, остриг, дегтем обмазал ее всю, перьями обсыпал и спрашивает:

— Бабушка, как тебя звать?

Она:

— Марья!

Он говорит:

— Ну вот качайся и говори:

Качаюсь, качаюсь Машуточка,
Пятьсот рублей не шуточка.
Двести на одном месте —
И то хорошо.

Ну вот, сам собрал это все и ушел. Ушел, а старуха сидит и качается, на всю избу поет:

Качаюшь, качаюшь Машуточка,
Пятьшот рублей не шуточка.
Двешти на одном меште —
И то хорошо.

Ну и сама сидит и поет. Вот приехал отец с сыновьями с пашни, открыл дверь-то. Старший сын-то как глянул и говорит:

— Бра-а-т Улаз, да ты посмотри, черт у нас!

А тот когда поглядел:

— Да ты что, брат Яша, да это же мать наша.

— Да нет, брат Улаз, это черт у нас.

Стоят спорят. Отец подходит:

— Чо за шум?

— Да посмотри, чо у нас есть-то.

Отец когда глянул, а это его старуха сидит в корыте вся остриженная, дегтем обмазанная, перьями обсыпанная и поет:

Качаюшь, качаюшь Машуточка,
Пятьшот рублей не шуточка.
Двешти на одном меште —
И то хорошо.

А старик спрашивает:

— Чо это ты, старуха, что с тобой?

— Как что?! Шкоро молодая буду!

— Как?

— А вот пришел шолдатик, вот, шкажал, что дай мне бочонок дегтю, перьев и пятьшот рублей денег. Ну я ему дала. Вот он вжял, корыто на веревку привяжал, меня в корыто пошадил, оштриг и шкажал: вот, бабушка, шиди и пой. Вот я шижу и пою, я шкоро буду молодая.

Ну а старик понял, что это солдат-то обманул старуху, деньги забрал, ну а делать нечего. Погоревал-погоревал и с тем и остались.

67. [КАК МУЖ ЖЕНУ ВЫУЧИЛ]

Жил сын с матерью. Жили бедно. Вздумал он жениться, но хорошая невеста брезгует парнем, а плохую сам не хочет брать. Поехал он в соседнюю деревню. Решил взять Аксинью. Отец говорит:

— Она ленивая.

— А ест? — спросил парень.

— Ест.

— Коли ест, значит жить будет.

Рядились они, рядились, высватали Аксинью. Парню все ничего, лишь бы ела. Выехали их деревни, он и говорит ей:

— Я говорю только до трех слов, раз говорю, два говорю, три говорю, а после голову отрубаю.

Она струсила, как услышала это. Заходят они в избу, а она полна курей и петух на столе. У парня был топор приготовлен на поясе. Петуху:

— Убирайся со стола. Раз... два, — не уходит, — три.

Цап за топор, цап петуха, отрубил голову. А в огороде козел шкодничал... Отрубил он ему голову. Аксинья, как увидела все это, думает: "Тут добра мало". Так и пошло у них, парень скажет:

— Кому сказал раз...

И больше не повторяет. Живут они месяц, не едут к теще в гости. Она сама собралась и пришла к ним. А мужа не было дома. Дочка пожаловалась:

— Ой, мама, ну беда, какой же он: до трех раз повторяет, а не сделаешь — голову срубает.

Теща говорит ей:

— Ну, как-нибудь с ним ладь.

Заходит муж домой, теща начинает ворчать. Он поворачивается и уходит. Приходит он снова вечером.

— Давай, Аксинья, ужин. Кому сказал, раз.

Жена только успевает разворачиваться. А теща никак не унимается, зудит у него под ухом. Тогда он говорит теще:

— Марш отсюда, раз.

Она все ворчит:

— Два.

Теща не уходит.

— Три, — и хватается за топор.

Теща, ничего, что ночь, побежала домой. Прибежала, рассказывает мужу, он только смеется. Прошло некоторое время, они собираются в гости к родителям. Поехали на телеге, а кобыла тощая, еле идет. Не доехали два километра, она упала, не поднимается. Раз он сказал ей, чтобы поднялась, два сказал, а на третий пристрелил. А потом говорит жене:

— Слазь, запрягайся, жена.

Она запряглась, он сел на телегу, ноги свесил, поехали. Теща увидела, запричитала:

— Доченька, милая.

Впряглись обе, везут его. Тесть встретил их, ничего не сказал, только посмеивается. А молодые погостили-погостили да и поехали домой. Дело у них наладилось, жена стала работящая. Стали они жить хорошо, лучше и не надо.

68. ЗОСЯ

Муж послал жинку жито жать. Пишла она жать, день жнет, другой. Домой приходит, а муж спрашивает:

— Сколько ты, жинка, нажала?

— Да три копы.

Решил он ее проверить. Приехал на пашню, а она спит. И нажала лишь одну копу, легла на нее и спит. Спала она крепко и не слышала, как муж приехал. Тот увидел, что Зося спит, и решил ее проучить. Взял и остриг ее. Зося проснулась:

— Що це таке? Я была Зося, на голове были волосья, а сейчас я не Зося, на голове нема волосья.

Что делать?

— Пойду в болотце, подивлюсь: я или не я.

Смотрит и говорит:

— Я Зося, не Зося? Я лягала спать, были волосья, теперь нет...

Пошла она домой. Приходит, уже темно и стучится в свою хату:

— Муж, а муж, твоя жинка дома?

— Дома, спит.

— Значит, я не Зося. Нет, Зося ведь. Это наша хата.

И так стучала она до рассвета. И так и не узнала сама себя.

69. ЛЕНИВАЯ ПРЯХА

Жил пан, и нужно ему было собрать лен, а тоды фабриков же не было, а пряли вручную. Ну поехал он по селам шукать прядильщиц. У одной женщины была девка ленивая-ленивая. Воды посылала, дак она не йдет, дак она ее палкой бьет, чтоб воды хоть принесла. А пан еде, шукае прядильщиц. Заходя в хату и говоря:

— Чтой-то девка ваша плача?

А старуха не каже, что за водой не пошла, да говоря:

— Да она у меня такая удалая, чтоб все сядела да пряла, надо и то делать и то, а она б все пряла.

А она и прясть не умела.

— А сколько за нее возьмете? — говоря. — Я ее возьму, я шукаю прядех.

Уплатил ей деньги за девку, забрал и повез. Привез, а три склады уже полны лену.

— Вот, — говоря, — спрядешь все три склады, раз ты така работница, а я тебя тоды замуж возьму.

Ну ее тоды в ети склады пихнул. Она сиде и плаче, не знае, что делать. Ну пан приходя и говоря:

— Чё плача?

— Я ж соскучилась по матке.

А на другое утро приходя, она опять сидит и плача. Ну он говоря:

— Если не будешь прясти, так тебя пихну в тюрьму. Там тебя зъедят, коли прясть не будешь.

Потом села у складе на окну и плаче, чуя, что смерть. Едут три старухи и говоря:

— Что ж ты, девушка, плачашь?

— Да как же мне не плакать, когда три склады лену, а я прясти не умею. Пан сказал, что пущу у подвал, где звери.

— Э-э, девушка, если позовешь на свадьбу, тоды поможем.

— Ой, что вы, позову!

Эти бабы как пришли в склад, как начали прясть... Один склад попряли за ночь. Пан приходит, глядь: склад попряли.

— О, да ты работница какая!

Потом снова пришли попряли. Так за три дня и попряли.

Ну раз обещал пан, говоря:

— Паче такой работницы не найдешь на свете! Давай, сын, женись!

Ну что ж, согласился сын.

Вот время свадьбу гулять. Она говоря:

— У меня три тетки, так надо ж их позвать.

— Ну зови, раз твои тетки, твоя родня, так зови.

Ну пришли, сели за стол. У одной палец такой большой у две четверти — тягнула нитку, кода пряла. А у другой ступень разбита — пряла да ногой ступала и разбила. А у третьей грыб отвис — нитку слюнила. Он поглядев на этих теток, якие они страшные, и говоря:

— Чё у тебя такой грыб отвис?

Она говоря:

— Век пряла, слюнила, — она говоря, — и грыб отвис.

А он другой говоря:

— А чаго у тебя такой палец?

Она говоря:

— Да нитку тянула, и палец вырос такой большой.

А он говоря на третью:

— А ты чаго такую ступню сделала?

Она говоря:

— А я весь век пряду, ступаю о прялке, вот и разбила.

Он говоря:

— Да, работяща порода у вас!

Сыну говоря:

— Ой, какая работница!

А она ж не умела!

70. ПРОСАВВИЛАСЬ ДА ПРОВАРВАРИЛАСЬ

Вот тоже старик со старухой жили. Она лень была — старуха. А это закон-то у их был такой, опутывать-то пряденым. А раноче в праздники омманывала. Он в лес уедет, приедет, а она вот так ногу на ногу скла́дет и сидит. Он зайдет — дрова там, чо сбросат — в избу зайдет:

— Старуха, ты чо не прядешь, думашь?! Я вот помру ли ты, у нас ни одного пряденого нет!

— Да будет, старик, я уж напряла знашь скоко — двадцать колубков!

А раньше засеки-то были высоки туды. Она два колубка напряла: черный да белый толькя и туды спустила, в засек. Вот он это:

— Ну ладно.

— Да сёдни, старик, праздник, сёдни ведь Саввы.

— Но ладно, пропраздновала, завтра пряди.

Вот опеть. Старик рыбачий был, уехал.

Приехал, она опеть сидит — руки сложила.

— Ты, старуха, сёдни не пряла, ли чо? Ты чо сидишь? Вот мы стареньки, скоро помирать будем...

— Да ты чо, старик, у меня двадцать колубков. Хватит! Мне хватит.

— А де они?

— Пойдем, я тебе буду бросать, а ты шшитай.

Она залезла туды, в этот засек.

— Пойдем, пойдем...

В засек залезла, черный бросит — он шшитат, белый бросит — он шшитат, черный бросит... — все один да один бросат. Он сошшитал двадцать колубков: десять черных, десять белых.

— Но ладно, старуха, ладно.

Сам-то думат: "Но я тебя выведу..." Он не поехал в лес, заболел. Заболел чо-то, заболел.

— Ой, старуха, болею! Болею я давно.

— Ой, старик у меня болет!

Вот приходит, а он вот так руки сложил и глаза защурил, и не дышит. Совсем не дышит. (Как он терпел?) Ой, старуха выскочила. Ой, побежала.

— Старик-то у меня помер! Я чо праздновала? Мне Саввы да Варвары, Саввы да Варвары... Два тольки колубочка. Ну да, может, хватит, тут-то его запутаю, а тут-то не обязательно.

Приташшила два колубочка, принесла. От ног зачала суды зачала путать, путать, додцель хватило тольке, она ему вот так:

— Но руки-то уж так складем, чо уж сделалося, я просаввилась да проварварилась.

Он как соскочит! Все разорвал да давай ее бить. Говорит:

— Ты все Саввы да Варвары, а помирать-то не собиралась да меня омманывала!

Вот как омманула его она.

71. ЖИЛИ МУЖ С ЖЕНОЙ

Жили муж с женой. У них детей не было. Сядут за обед:

— Ну, Алексей, кто будет умирать вперед... Если ты будешь умирать вперед, я тебя разодену... — Это она ему говорит.

Мужика разобрало. Он говорит:

— Я тоже не подгажу, сделаю так сделаю.

Она тоже: "Как же он будет меня хоронить?" Она будто заболела. Вот день знобит, второй. Помират, конец пришел, померла, притворилась. Ее помыли,

положили на лавке, лежит. Притворилась. Мужик рассуждает: "Блины я сам напеку". Сидит блины пекет. А она глазом посмотрит, ей интересно. Он увидел, взял и сковородником ее убил, но не совсем. Освободили ее от смерти. Живут опеть. Он думат: "Ну раз уж ты так, счас я тебя испытаю". Он прибаливать стал, недоедать, на лицо похудал. Помер. А у ей сердце слабо, она запричитала, закричала:

— Чо я буду делать без тебя, родной мой?

К соседу прибежала:

— Алексей-то помер.

— Ну чо, хоронить надо, два века не будет жить.

— Одеть надо.

— Да чо одевать-то? Чо ему в земле-то лежать, костюм тебе годится.

— Ну дак чо делать? Ты присоветуй.

— У меня вон лодка стара, в лодку положи, в ремегу заверни.

— А чо люди-то скажут?

— Чо тебе люди-то!

Завернули, заколотили. Сосед бегат среди людей, семенит:

— Ей же жить надо, кое-чо починить, загородить.

Стали выносить. Она запричитала:

— Куда ты полетел, мое солнышко...

Он поднимается:

— Рыбачить, куда же больше...

72. ЖАДНАЯ БАБА

Шел солдат со службы домой. Устал, проголодался, спать хочет. Зашел к одной бабе, а она жадная была: снегу зимой не выпросишь. Он ей и говорит:

— Баба, дай мне поесть!

Она поставила ему суп постный:

— На, ешь.

А он ей:

— Положи мне масла!

— Да у меня нет!

А солдат:

— За каждый кружок масла по пятаку положу...

Ну она ему и бухнула целый кус. А масла много, оно все одним кругом и расплылось. Солдат поел, отдал бабе пятак и был таков. А баба с носом осталась.

73. ПОМОЛЧАЛИ

Жили бабушка с дедушкой. Бабушка все хлопочет, кашку варит, как и я же. А дедушка слезет, поест и все. Старуха говорит:

— Хватит, моей силы нет, не буду больше варить.

Старик тогда говорит:

— А, старуха, кто первый заговорит, тот и варить будет.

Вот туда-ка старуха на печке, дед на ленеечке, молчат. Утром соседи думают: "Что-то дымок не идет, не ходят, не разговаривают. Умерли чё ли?" Постукались, те не открывают. Пошли в сельсовет, говорят:

— Не ладно со стариками.

Но двери-то с петель сняли.

— Вы чё, старики, сёдня? Дедушка, ты чё, приболел? Пошто не разговариваешь?

Ну думат: "Надо доктора звать". Просят куму:

— Ты, кума, останься.

А кума:

— Я чё ли даром буду хлопотать? Там шубка висит. Эта шубка пятерку стоит.

А бабка не выдержала:

— Я за нее пять серебром заплатила.

Дед говорит:

— Давай, баушка, вари кашку.

74. КАК СОЛДАТ САЛО УКРАЛ

Машин еще не було. Это в старые-старые годы солдатов перегоняли. Так же пешком гнали из города в город. И из далеких городов перегоняли. А тогда в деревню загонят, и они по квартерам там расставят их. Тому человек двох-трех поставят. И вот один солдат там подглядел, что у мужика на потолке привязано сало висить. Он и думае: "Як бы его стягнуть, тое сало?"

Дождал ночи. А крыши ж там соломенные були. И залез на крышу, прорвал крышу там, солому. Ну и сало тое отвязал, ти перерезал он веревочку. И думае: "Как же его поднять туда, не поднимешь вверх". Он думает: "А я в сенцы опущу, а потом сенцы открою и вынесу".

Да, стал спускать, а сам-то як стукнет — мешок упал. А хозяин услыхал, думает: "Что такое стукнуло?" Открыл двери в избе, а солдат стоит и говорит:

— Хозяин, купи у меня сало?

Он говорит:

— Нет, у меня сала своего довольно, не надо мне.

— Ну не надо, так пособи мне на плечи.

Он взял, подал ему, помог на плечи поднять. Он и пошел, солдат той, с салом. Идеть, а там ручей бул. Через ручей досточка лежала, а он идеть и припевае:

Идет солдат по кладочке,
Несет солдат не гадочки,
Не украл, не уворовал,
А сам хозяин отдал,
Так и на плечи поддал!

75. СКАЗКА ПРО ЩЕЯ, ВОРОЖЕЯ, ДОКТОРА

Жили-были старик со старухой в деревне. Ну и вот, значит. А старик-то заболел, пошел к доктору. Ну, доктор как доктор, раньче он столько умел, не хуже как мы сейчас, вот.

— Проходи, садись, старик. — Он сел. — Ну, разевай рот.

Разинул рот. Он:

— Хм...да... — Похымкал, подакал.

Выписал ему рецепт и говорит:

— Иди вот по этому рецепту в аптеку, купи лекарство. Выпьешь и вам станет легче.

Ну старик так и сделал. Взял двадцать пять рублей и пошел, там дали ему лекарство, он выпил — только и всего — и вылечился.

И говорит старухе:

— О, старуха, надо ехать в город, этак-то я и сам лечить умею. Хым-да-да, и все, и вылечился.

Но ладно, продали они корову, продали дом и поехали в город. Купили там избушку, самовар старик купил, а то врач всегда чай пьет, а он чо будет без самовара, это значит уж плохо дело. Вот.

И вот он, значит, пригласил ребятишек и говорит:

— Напишите мине вывеску.

— Ну а как, дедушка, тебе написать?

Вот дед-то и не знат, как написать: то ли он доктор, то ли он ворожей, то ли он кто. Вот он сидел думал-думал:

— То ще ворожей, а ще доктор, не знаю.

Ну вот, а ребятишки-то и написали: "Щей, ворожей, доктор" и прилепили к углу и все — готово, прилепили.

Теперь оне, значит, сидят со старухой дома, официанта наняли, дома сидят, чай пьют и дожидают клиента от времени до времени. А у одного купца потерялися золотые вещи. И вот он едет по городу, видит, что на вывеске написано: " Щей, ворожей, доктор".

— О! Ворожей! Значит, я к ему заеду, он мне сворожит, и он мне эти золотые вещи найдет.

Приходит, спрашиват. Ну как ворожея спрашивать — это неудобно, он сразу спрашиват:

— Доктор дома?

А эта девка-то, официантка, говорит:

— Дома, дома.

— А когда он будет заниматься?

— Да, — говорит, — чаю напьется и придет.

Вот ладно, он самовар-то купил, все сидит, чай попиват. Вот ладно, выходит старикашка:

— А-а... Проходите, проходите, садитеся.

Вот этот купец сел.

— Разевайте рот.

Он говорит:

— Да у меня совсем по другому делу.

— Знаю, знаю, знаю! Знаю! Сиди! Разевай рот!

Вот тот разинул рот. Он глядит в рот:

— Хм... да-а... Сурьезно!

Ага... Но ладно. А неграмотный старик-то был, сидит каракульки, всяки таки колясочки сидит пишет на бумажке. А чо написано, это он не знат ни одной буквы.

— Но... вот тебе бумажка, поедешь вот в таку-то вот аптеку, подашь, тебе дадут там лекарство, оно недорого стоит — рубель двадцать, а за это мне плати двадцать пять рублей денег.

Но этот уплатил, взял эту бумажку, сел в свою коляску на тройке лошадях. Приезжат в эту аптеку, подает эту бумажечку, вот там все читают и никто разобрать ничо не может.

— Дак тут мы ничо не поймем, да, наверно, какой-то иностранец пишет.

— Да он мне сказал, что это лекарство стоит рубель двадцать.

— Но у нас только рубель двадцать касторовое масло.

Ну вот оне ему касторки-то и дали. Ну а ему-то чо. Спрашивает аптекарей-то:

— Его когда приниматъ-то? Сейчас? Или позже?

Оне говорят:

— Еслиф вам уж шибко трудно, то, — говорят, — сейчас принимайте.

Ну а он думат: "Уж куда мине труднее". Ведь все же он такую потерю потерял. Ну и выпил эту касторку-то всю совсем. Выпил, сел в свою коляску и поехал. Едет. Вдруг ему прижимает там сзади-то. Что ты будешь делатъ... А город есть город: никаких таких ни стаек, ни закоулков, ничо нету, чтоб куды бы заехать.

— Гони! Гони на край города лошадь!

Вот этот ямщик гонит ему лошадь, лошадей что есть мочи. Выехали оне за город на помойки на эти, там мусор возили. Он скорей штаненки снял, там фыр да и только. Думает: "Да что такое? Дак с чего это на меня напало? Как это я так, ну-ка (взял палочку, поковырял) да поди чо со мной случилось неладно". Стал палочкой-то ковырять, глядит — золотую цепочку выташшил. Глядит — часики выташшил. Да что такое? "Дак я именно оправляться-то на то место приехал, где золотые вещи-то спрятали". Спрятали их там, и вот он туды-то и приехал. Ага. Стали они рытъ, вырыли, и все свои вещи-то он и нашел. Ну что ты — такой хороший ворожейшик, ой молодец. Он, значит, пишет афишу, что "такой-то вот есть знаменитый щей, ворожей, доктор, нашел мине золотые вещи, а за это ему в награду даю пятьсот рублей денег". Ага.

Но чо, старик-то получает деньги.

— Во, старуха! Гляди, здесь прямо ниоткуда деньги валятся, как же мы тут заживем ловко.

Ну получили деньги. А он неграмотной и афиши не знат и ничо — кто чего там писал, не писал, главное — деньги пришли и ладно. Живет старик опять, продолжает.

Вот едет второй купец. Глядит: "Ага! Вот он щей, ворожей, доктор!" А у него дочь больна. "Да уж не вылечит ли он мине этот щей, ворожей эту дочь-то? ". Заезжает.

— Доктор дома?

— Дома.

— Он, — говорит, — скоро заниматься будет?

— Да вот чаю напьется и будет заниматься.

Ага. Попил старик чаю, вышел, на купца говорит:

— Проходите! Садитеся!

Этот купец сел.

— Разевайте рот!

Он говорит:

— Да я не больной, у меня дочь больна.

— Знаю, знаю... Знаю!

И вот он думат: "Уж он знат, чо тут перечить с им".

Разинул рот, он поглядел в рот, похымкал-похымкал, подакал:

— Хм... да-а... Сурьезно!

Опять садится таку же пишет, значит, бумагу всякими колясками и наказыват:

— Вот вам рецепт, сходите вот в таку-то аптеку, вот она на углу там была, вот дадут там лекарство и все будет спокойно. А счас мне платите двадцать пять рублей денег.

Ну чо, купец есть купец, деньги есть, уплатил да и поехал. Приезжат в аптеку с этой бумагой, там опять читают, никого не разберут.

— Да вот он сказал, что это лекарство будет стоить всего рубель двадцать.

— Раз рубель двадцать, значит, у нас только касторово масло.

И етому касторки поднавялили. Ну он привез домой.

— Вот, доченька, я от знаменитого доктора достал лекарство. Вот давай пей.

Ну эта доченька чо... болела-то она из-за любви, в кого-то там влюбилась шибко, а он ее, не знай, не любил, видно. Вот. Но она как касторки-то напилася, с печки да на печку лазит взад-вперед, ее гонят. А она чо же, миленька моя-то, и думает: "Да кто же меня такую дреслявенькую будет любить, да никто меня такую не будет любить". И все — и она забыла про любовь, и не стала больше думать, и так она вылечилася.

Но живут-поживают. И етот тоже пишет, что "вот такой-то доктор вылечил мине дочь, и вот я ему тоже посылаю пятьсот рублей в награду".

Живет старик дальше. Жил-жил. У царя потерялися царские головы, вот статуйки таки вот. Вот эти статуйки кто-то у его украл. И вот он прослышал, что вот такой-то есть ворожей, что "он может мине сворожить и найти эти царские головы". Посылает за ним там своих лакеев, что "вот приведите мне этого ворожея, чтобы он мне разыскал эти царские головы, статуйки эти".

Приезжают к нему. А старик ... напугался, в шубенку нарядился. "Что такое?... А может эти деньги-то прислали... за каки глазки... С чего это к царю требуют?". Но ладно. В шубенку нарядился, сел поехал. Повезли его к царю. Привезли к царю, а царь ему и говорит:

— Вот... ты понимаешь, у меня потерялися царские головы.

А старик то ли с перепугу, то ли с чего:

— Знаю, знаю, знаю, — и больше ничего.

И вот он ему чо говорит:

— Вот ты должон их найти.

— Знаю, знаю, знаю.

Вот чо бы он ему ни говорил, чо бы он ему ни сказывал, а все равно этот старик кричит:

— Знаю, знаю, знаю!

И этот царь так и ушел и не добился от его никакого слова.

И вот:

— Подумай, может, ты мне их найдешь.

А старик-то с перепугу одно кричит:

— Знаю! Знаю! И знать буду! Знаю!

И вот уж ночь подошла, уж вовсе солнце закатилося, стемнелося, а он все кричит:

— Знаю! Знаю! И знать буду!

А воришки-то думают:

— Еслиф он все знат, он же нас выдаст, тогда не дай Бог.

А он такой невзрачненький, старикашка.

— Пойдемте, — говорят, — его уговорим, чтобы он нас не выдавал.

Приходят к этому старику и говорят:

— Ты нас царю не выдавай, головы-то спрятаны во-о-он в том здании, которо строится, ешо не достроено, оне там вот в етем углу вот там, зайдешь, справа там в уголке лежат. Ты нас не выдавай.

А старик-то их слушат, сам-то слушат, а сам одно кричит, что "знаю, знаю и знать буду". Но ладно. Говорили, говорили оне, а он все знает. То ли он понял, то ли не понял, ушли от его.

Вот ладно, утром петух первый запел. А воришка-то один думает: "Надо посмотреть, чо старик-то там делат". И вот только он в нижну шелку голову-то просунул — просмотреть-то, чо старичонка-то там делат, а петух-то в это время запел. Он думал, что его, как петухи запоют, ему и царь голову отрубит. А он голову в этот момент просунул — посмотреть. А старик говорит:

— Слава тебе, Господи! Один, — говорит, — есть!

Тот прибежал к своим воришкам и говорит:

— Меня-то, — говорит, — сразу узнал! Только я ешо в шелку посмотрел, он сразу меня узнал, сказал: "Слава Господи! Один есть! "

Но вот теперя сидели-сидели. Второй говорит:

— Пойду я, — говорит, — посмотрю, чо он делат.

И второй только в шелку посмотрел, и петух-то второй запел, он говорит:

— Слава тебе, Господи! Второй есть!

Вот и третий тоже также пошел смотреть, и третий петух пропел.

— Слава тебе, Господи! Третий есть!

Но те трясутся, думают: "Всё — он сразу нас узнал".

Но вот теперя ладно, сидит старик, дожидат своей казни от царя. Приходит царь и говорит:

— Но как? Надумали, где мои головы?

А старик-то говорит:

— А чо мне думать?! Во-о-он строенье. Иди, там вот в правом углу, вот как зайдешь, и твои головы лежат.

Пошли туды, там и правда — те головы лежат. Ну вот царь-то его не только наградил, а стал его у себя как при дворе держать. Так что стариково счастье сбылося. Оне стали жить-поживать, добра наживать. И я там была, и вино пила, и по усам текло, да в рот не попало.

76. ПАРФИЛУШКА

В одной деревне жили дедка с бабкой. Его звали Парфилушка, ну а бабку там Маша или Даша ли. Ну вот, жили бедненько они. Держали одну кобылку. Кобылинка и то старенька была. Ну а бабушка пряла пряжу, дедушка по хозяйству там чо-нибудь где подколотит, где подмолотит. Бабушка напрядет, навяжет носков, чулков, варежек.

— Ну, дедушка, сбегай продай на базар.

Город был недалеко, близко. Ну, дедушка в узолочек — и побежит. Сходит на базар, продаст. Потом чо такое купит: то сахару, чаю или там конфеточек ли чо ли, бабушке платочек ли фартучек купит. Ну, жили так эти старики.

Ну, один раз дедушка пошел на базар. Так же, таким же образом бабушка напряла, навязала. Пошел он продавать. Идет. Навстречу ему кабачок. Раньше были...ну щас, наверно, ларёчек или как магазинчик ли маленький. А раньше называли кабачки. Ну, заходит. Зашел он, там то-другое взял в етим кабачке. Осталась у него сда́ча.

— Ну а сдачу, — продавщу говорит, — вы мне не давайте, я обратно зайду. На эту сдачу чо-нибудь возьму.

Ну и идет дальше. Подходит и идет, идет. Опеть снова ему кабачок попадат. Вот он заходит в этот кабачок опеть: посмотрю, мол, чо там есть. Посмотрел. Ну и так же набрал кое-чо и опеть же сдача осталася. Но он опеть вот продавщице говорит:

— Вы мне сдачу не давайте, не давайте. Я обратно зайду.

Ну идет, идет, опеть же снова ему попадат кабачок. Заходит. Ну что там, может, чо-то новенькое, опеть маленько взял. И опеть у него сдача осталась. Ну и торгоши́це опеть говорит:

— Вы мне сдачу эту не давайте.

И пошел на базар. Идет, ну там носочки ли там чулочки. про́дал. Походил-походил по городу, тут-там на базаре. Идет опеть снова. Домой хочет идти. И попадатся ему поп. Ну и говорит:

— Ты, Парфил, куда ходил?

— Да вот ходил. Продал. Старуха напряла то-другое. И продал, и мне надо домой возвращаться.

— Ой, — говорит, — ты садись со мной в кошеву.

Это была зима. Ну а этому попу то и надо, чтоб ему хоть ехать дорогой да разговаривать с ним, балагурить да все да. Ну едут, разговаривают про все. Парфилушка был веселый мужчина, этот старик. Ну едут, едут, подъезжают к кабачку. Парфил говорит:

— Поп, — говорит, — заедем в этот кабачок.

— Ну дава-ай заедем, — говорит.

Ну, заехали. Парфил замерз, у попа — чо же? —хорошая одежда, там шуба, валенки ли там унты ли, кого ли. А у Парфила — кого? — хухаечка! Он и замерз.

Подходит к продавцу:

— Товарищ продавец, налей мне шкалик вина.

Ну продавец — чо?

— Пожалуйста, — наливат. Налила. Он выпил. А у него шапка была худенькая. Он этой шапочкой взял потрёс.

— Товарищ продавец, в расчете?

— В расчете.

А у него же там сдача была. В расчете.

Поп смотрит:

— Как это так?

Ну и поп тоже так же:

— Мне тоже шкалик вина.

— Ну, давайте рассчитывайтесь. Ну, поп, деньги плати.

Ну, поп смотрит:

— Как это так? Я деньги плачу, а Парфилушка так.

Но и едут дальше. Поехали. Едут, едут, опеть кабачок попадат. Ну ладно. Парфил...Тут уж не Парфил, а сам поп:

— Но, Парфил, заедем в етот кабачок.

Ну маленечко попало, надо маленько подбавить. Но заехали. Поп-то то же самое:

— Мне налейте шкалик вина, — и деньги плотит.

А Парфилушка:

— Товарищ продавец, налейте вина!

Ну товарищ продавец наливат. А он взял опеть же шапочкой потрёс:

— Товарищ продавец, в расчёте?

— В расчёте.

Ну ладно. Поп тут уж глаза выпучил. Они же, попы, вот такие раньше — теперь-то нету — жадные. Смотрит:"Как же это так?! Я плачу деньги, а он не плотит и пьет так же".

Ну ладно. Садятся, едут. Едут, едут, опеть же снова кабачок попадат. Они опеть заезжают. Но Парфилушка подходит к продавцу:

— Товарищ продавец, налей шкалик вина!

Продавец налиёт вина. Парфилушка выпил, опеть снова этой шапочкой потрёс:

— Товарищ продавец, в расчете?

— В расчете.

Ну поп думат: "Как так?! " Но ладно. Сели, поехали. Едут дорогой, поп и говорит:

— Вот, дед Парфил, как так? Я пью сто грамм — деньги плачу. Ты пьешь, ты не плотишь?

— Но, — говорит, — товарищ поп, грех сказать, стыд утаить. Это ведь у меня шапка-самотруска. Я ей и живу.

Ой, привязался по-оп!

— Продай и продай! Парфилушка, продай мне эту шапку!

— Не-ет, что вы не говорите, ни за что не продам. Как хочете, я только ей и живу. Мы потом со старухой с голоду пропадем.

Вот едут. Вот этот поп и упрашиват, и так, и эдак. Скоро уж к дому подъезжать. Но поп все-таки никак не отступат. Ну Парфил говорит:

— Ну ладно. Заедем к тебе.

— Заезжайте.

Заезжают. Поп Парфила заводит.

— Ну давай уговоримся, как, каку плату да все да.

Он говорит:

— Вот если ты мне сто рублей дашь за шапку, значит, отдам.

Но ладно. Этот поп говорит:

— Отдам безо всякого.

Но ладно. Там договорились. Все. Деньги заплатил поп. Парфил домой пошел с деньгам. Ну этот поп думат: "Нет, завтри надо мне пораньше ехать на базар".

— Ну ты, бабка, — он своей старушке говорит, — ты, бабушка, завтра пораньше вставай, чай вари, и мне надо ехать на базар.

Ну утром ране́нько, не спится ему. Ночь путем не спал.

— Надо ехать!

Ну вот, он встал, коня запрягат, начишшат. Бабушка чай сварила. Чай попил, оделся потепле́. Чо? — одёжа хорошая, а шапку эту худеньку одел. Но едет этот поп. Едет. Люди все смотрят, там — как это? — попов все знали! Приезжат на базар, встает в ряды, где эти купцы — торговцы́ торгуют. Чо это такое? Поп сёдня вон в какой худой шапке! Посмотрят на него да и дальше, ихно како дело. Вот этот поп берет у одного купца, у другого торговца́ хороши все товары побольше. Наклал полну кошеву.

Ну этот купец говорит:

— Давай, расшитывайся! Деньги плати!

Он эту шапочку снял, трясет:

— Товарищ там купец ли, торговец ли, в расчете?

— Какой расчет-то? Ты почему это надо мной смеёсся-то? Давай-ка плати-ка деньги.

Вот он к другому подошел, опеть же:

— Товарищ продавец, в расчете?

Но и чо же, тот то же самое на него осердился. Но он шапочкой трёс-трёс. Эти торговцы-купцы его сгребли, налупили, набили как надо, сколь в него влезло. Товары отобрали, его в кошеву бросили и отправили. Коня понужнули, и поехал поп. Едет. Опомнился:

— Ну, этот дед Парфил! Его надо ка́знить. Это такую шутку надо мной сделал! Да я опозорился на всю местность и ешо набили. Боли вон сколько перенял! Стыду-то теперь! Как людям в глаза смотреть?

Ну ладно. Приехал домой, говорит:

— Буду молчать. Етому дьякону отдам шапку. Пускай он завтра съездит.

Ну, дьякон прибежал:

— Ну как съездил-то?

— Ой, хорошо съездил! Чо я ни привез! Всякой всячины! А ты, — говорит, — завтра ехай да побольше бери-то! Я-то мало взял.

Ну ладно. Этот дьякон наутречко тоже, утром рано встает, коня запрягат, собирается, одеёт одёжу хорошую. Но старуха его проводила.

Приезжат на базар, встает то же самое, где хорошим торгуют, в те ряды. Вот и ря́дится, вот берет, накупат он больше и больше! Все дорого́, все хорошее. Но связал все. Ети говорят:

— Ты с нам расшитывайся, нам же деньги надо.

Он то же самое — опеть шапочкой потрясет:

— Товарищ купец, в расчете?

— Да какой расчет-то?

К другому продавцу подходит:

— Товарищ продавец, в расчете?

Но чо же? Те продавцы глаза выпучили, смотрят, говорят:

— Ты докуда над нам будешь смеяться?! Вчера один такой же был, над нам шутил ли, смеялся ли, в позор ли нас вводил и сёдни така же штука!

Но и чо же? Взяли, так же набили его, сколь в него влезло.

Товары ети забрали, его в кошеву бросили, коня понужнили:

— Ехай, — говорит, — откуда приехал, туда и ехай.

Но поехал этот дьякон. Едет. Ну опомнился:

— Вот, — говорит, — сколь то же самое стыду я приня́л, сколько я боли приня́л, теперь как людя́м в глаза смотреть! Но домой приеду, причетнику ни-ичо говорить не буду. Пускай он съездит!

Ну причетник и прибежал с вечера:

— Ну как съездил-то?

— Хорошо съездил. Ой, — говорит, — ты завтри ехай да ешо больше бери! Сколько тебе надо!

Но и чо же? Причетник там тоже собра-ался, поехал, шапочку одел. Приезжат на базар, встает в ряды. Но опеть же самое с купцам рядится, торгуется и товары берет: этот товар хороший, там ешо лучше. Но набрал прямо под завя́зь! Затяну-ул етим за́дником. Ну эти продавцы говорят:

— Это чо? Третий день сёдни и уж такая петрушка! — вы приезжаете. Давай плати деньги!

Он то же самое — етой шапочкой потрясёт:

— В расчете? — к тому и к другому продавцу. — В расчете?

А те чо же?

— Вы, — говорят, — сколько над нами, вы ешо завтри приедете?!

И давай его — сгребли, ешо пушше намутузили его, налупили. Отправили так же: бросили его в кошеву, коня направили и:

— Езжай, езжай, да больше никто пускай, другим передай, чтоб никто не ездил!

Ну ладно. Тот едет, дорогой опамятовался.

— Вот, — говорит, — ну, этого Парфила казнить надо! Ну чо это попам такое усме́шечье уделал!

Но ладно. Приезжат домой, нихто не бежит к нему. Те чо уж?! Эту школу прошли, историю. Утром поп и дьякон идут к причетнику.

— Но как ты съездил?

— Да как съездил? Избили да отправили!

— А мы-то, — говорят, — так же съездили.

— Но, — поп говорит, — нет! Все-таки идти надо Парфила ка́знить! Это чо? Он нас троих теперь опозорил!

А Парфил тем временем, пока три дня они ездили, придумыват:

"Чо мне сделать?" Чо придумал? Но чо же? У него была кобылёнка старенькая, такая худа-ая, неупитанная. Ну чо, старики! — кормили плохо. Он сбегал на базар, там-тут в ларёчках ли там, в магазинчиках, везде денег наменял медяшек, кулёк какой-нибудь. И пришел домой. И старухе говорит:

— Завтра придут попы утром, а я уйду в сарай, где у меня там кобыла-то стоит. Они придут, ты говори, что "он чо-то там под сараем делает, я ничо не знаю. Идите сами и разговаривайте с нем".

А он ушел под сарай и не убирал, может, сколько там, может, неделю ли, две ли, у кобылы. Навозу много, говёшки ети. Он в ети го́вны-то натыкал етих

копеек! Серебрушек! Ну, там сколько уж было. Но и утречком соскочил, таз взял, второй таз, воды угашшил чистенькой. Но ладно. Ждет етих попов там, в-под сараем.

Приходят попы:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Но, бабушка, — говорит, — где твой хозяин?

— Да, — говорит, — там под сараем чо-то делат. Сама не знаю, чо он там делат.

Ну ладно. Пошли они все трое. Приходят. А Парфил даже на них вниманья не обращат, что они пришли. Ломат эти говны, деньги выбират, в воду кладет, моет, в таз перебрасыват, даже, они пришли, хотели его ка́знить, и они даже про все забыли и смотрят: чо он удират?

Ну и чо же? Посмотрели да и чо? Раз они жадные, они на деньги вовсе. Они даже злобу на него забыли. Смотрят. Посмотрели-посмотрели:

— Дак ты, дед Парфил, чо это, чем занимасся?

— Дак вот чем занимаюсь, видите: деньги мою.

— А дак а чо они? Почему деньги-то моешь?

— Да, — говорит, — у меня кобыла. Несмотря что она такая худенькая да едва живая, она вот у меня деньгами <...>!

Но они про все забыли.

— Давай продай и продай нам кобылу, — поп этот. Но не отставая.

— Нет, нет, ребяты. Я вам шапку продал. Вы опеть добираетесь до кобылы. Не-ет, нет! Даже не разговариваю.

А сам все продолжат: моет эти деньги — кладет, моет — кладет. А они ну пристали, пристали. Но вот он чо? Знат, скоко денег-то было, како количество. При их это перемыл, все. Все рядился:

— Нет и нет!

Но потом деньги перемыл, они видят: много!

— Это чо? За одну ночь ли, за сколь ли?

— Ну, — говорит, — как покормишь! Если хорошо покормишь, ешо больше намоешь!

Ну ладно. Но вот пристали, пристали. Но Парфилу чо-то дайся. Рядился, рядился. Потом:

— Ну ладно, мужики. Уж продам я вам эту кобылу. Только вы мне триста рублей за нее платите. Не дадите, не буду продавать.

— Но мы тебе чо? — хоть пятьсот дадим. Только продай!

Но ладно. Парфил руки вымыл, деньги в тазик. И пошли они домой, в избу к нему. Но договорелись там он за пятьсот или за триста, ну, наверно, за пятьсот. Попы глядят, глядит Парфил: попы ташшут деньги ему.

— Ну ладно. Только вы ее чистите, кормите хорошо, чтоб она в чистоте у вас стояла, — наказывает. — Она вам больше денег <...>

Ну ладно. Поп говорит:

— Первый день я возьму кобылу.

Поп же старше. Повел поп Парфилову кобылу. Люди все смотрят в деревне: "Чо это такое? Парфилову кобылу поп повел! У попа же вон каки кони, как игрушки! Куда же он это кобылу-то повел?" Ну вот. Посудачат, посудачат. Ну ладно. Поп вот пришел, сам эту кобылу кормит и на пойло ведет. И сам это под

сараем где-то у него вымел. Все! То все у него обычно конюха́ делали, а тут все сам делат! Даже люди-то удивились! Ну ладно. Накормил ее. Все. Спать легли. Старухе наказыват:

— Ты завтра, бабушка, вставай пораньше, воды, водички грей, я пойду деньги мыть.

Ну ладно. Встали. Позавтракали. Он тоже ведро, тазик забрал, пошел. Вот одно разломил говно, друго разломил, третье. Все переломал — ни одной копейки не вымал!

— Ну, этот паршивый, — говорит, — опеть над нам штуку удират! Каку-то прямо! Ну ладно. Молчать буду! Пускай дьякон сводит эту кобылу. Покормит ночь.

Ну а дьякон прибежал:

— Ну как, поп?

— Ой-ой, намыл много денег! Что у Парфила было, дак я там в два ли в три раза больше намыл. Бери! Да хорошеньче ходи, — говорит, — за ней. Побольше корми ее.

Ну ладно. Дьякон увел, таким же образом ее кормит, и чистит, и гладит, и все. Утречком тоже своей бабушке наказыват:

— Вставай, водички грей. Я пойду деньги мыть.

Ну, встали. Взял посудки, водичку чистеньку. Ну таким же образом переломал, перемыл — ни одной копейки не нашел. Но ладно. Прибегат причетник:

— Но как у тебя?

— Да-а, — говорит, — хорошо, все хорошо. (Молчать буду.) Веди, корми!

Ну и чо же? Причетник таким же образом приве-ёл. Кормит ее, са́мо хороше зерно ей дает. Все. Ночевать поставил эту кобылу под сарай. Утречком таким же образом встал, пошел, водичку взял, таз, ведро. Приходит. А кобыла-то у него была под сараем, и дверь была. Вот эту дверь хочет открыть — и открыть не может. Вот ее толкал-толкал, эту дверь. Не может.

— Ой, — говорит, — сколько кобыла денег! Ну, много <...>. Денег много будет! Дверь не могу открыть!

Но чо же? Открывал, открывал. Один не может открыть. Побежал по попа и по дьякона:

— Пойдемте, я никак дверь открыть не могу! Кобыла навозу много<...>. Денег, видно, много будет.

Но чо же? Поп и дьякон пришли, эту дверь-то открыть не могут! Давай ее взламывать. Лома́м да все да. Открыли. А кобыла-то пропала! Он чо же? Зерна, пшеницы-то доброй ей дал. Она объелась да и сдохла! Но чо же? Тут они поахали, поохали.

— Но, пойдем! Мы щас этого Парфила ска́зним!

Раньше чо? — попы могли и ка́знить, и на виселицу вести, и все, людей. Ну а Парфил тем временем, пока эти три дня они водили эту кобылу-то туда-сюда, этот Парфил давай придумывать: "Чо-то надо опеть сделать! Они ведь придут, меня ска́знят! Точно повешают! "

Ну он сбегал, побе-егал по городу, это перед тем, тут-там. Забежал на базар, купил пузырь коровий, купил крови ну там с пол-литра и плетку. Пришел домой, старухе наказыват:

— Завтра утром попы придут. Ты, — говорит, — сиди пряди пряжу. Я скажу: "Старуха, вари чай! " Раз скажу, ты не слушай. Второй раз скажу:

"Старуха, вари чай! " Ты сиди, вниманья не обращай! Третий раз скажу: "Старуха, вари чай! " Ты сиди. Я потом сгребу ножик и тебе в это место ткну, в бок, и в пузырь как раз в этот с кровью-то, и кровь-то как побежит. Ты упади и как вроде как померла. Но а я потом плётку возьму. Раз пойду по избе: "Плетка-живулька, оживи мою старуху". Тебя жгну. Ты не вставай. Второй раз пройду: "Плётка-живулька, оживи мою старуху". Ты не вставай! Третий раз как пройду, скажу да жгну, ты соскочи, а перед тем наладь все на стол на в кухне, чтоб все было приготовлено у тебя! Только как соскочишь, но бегай, чай скорее наставь и за каких-то пять-десять минут у тебя чай был чтоб на столе.

Но ладно. Так они уговорилися со старухой. Эта старуха с вечера уж давай все приготавливать, этот чай. Но все это утром, уж раны́м-рано́ встала, все напекла, нажарила, наварила, чайник скипятила. Все зава́рено, все у ней готово. Вот приходят попы:

— Но, здравствуйте!

— Здравствуйте.

Старуха прядет. Парфил:

— Ну проходите, мужики.

Но а Парфил сразу:

— Старуха, вари чай!

Сидит, вниманья не обращат, прядет и все! Во второй раз сказал Парфил:

— Старуха, вари чай!

Сидит — ни-ни, даже не реагирует это. Потом третий раз сказал:

— Старуха, вари чай!

Сидит, прядет.

Сгрёб этот Парфил ножик, ра-аз! — ткнул ей в бок! Старуха упала, кровь пошла. Зарезал! Попы смотрят, глаза во-от таки выпучили:

— Чо он сделал-то? Старуху зарезал!

Вот видят: плётка. Он снимат эту плётку, раз пошел по избе, жгнул эту старуху:

— Плётка-живулька, оживи мою старуху.

Лежит старуха. Второй раз пошел.

— Плётка-живулька, оживи старуху!

Лежит старуха. Третий раз прошелся:

— Плётка-живулька, оживи мою старуху!

Жгнул, та соскочила. Ой, каку по́ру она! — за пять минут у ней чай готовый! Все кипит, все у ней нажарено, напарено, все горя́че, шипит. Ой, эти попы!

— Но проходите, — Парфил приглашат их в столовую, — проходите чай пить.

Садятся они чай пить. Шопчутся:

— Это чо же? Как все вкусно наготовлено. Все горячее, да в каку пору?! Это прямо в пять минут она все сделала! А у нас ведь старухи-то совсем обнаглели: лентяйки самы настояшши, ничо не хочут делать!

Шопчатся:

— Нам надо эту плетку у него купить, — это между собой они шопчатся.

Ну а эта старуха бегат, угошшат, этот Парфил то же самое. Ну ладно.

Потом поп-то говорит:

— Дед Парфил!

— Чо такое?

— Ты нам продай-ка эту плетку.

— Ой, нет, нет, нет!

— Ой, у нас каки, — говорит, — старухи-то лентяйки, ничо не хочут делать!

Но вот ряди́ться давай. Этот Парфил с ним ре́дится, они не отстают:

— Продай и продай!

Но ладно. Напились чаю. Парфил говорит:

— Ладно. Продам. Мы уж старики со старухой, как-нибудь я с ней уж промотаюсь. У меня-то тоже така же лень. Но сами видели, я ее как исправляю-то! Ой, ну ладно. Мы уж так доживем.

Продал он эту плетку там за сколько рублей. Ешо подороже кобылы взял, за шестьсот взял он про́дал ее.

— Но деньги вот мне шестьсот рублей за эту плетку заплотите, дак отдам.

— Ой, отдадим, отдадим.

Но сразу сходили домой. Деньги принесли. Но ладно. Поп говорит:

— Я первый день возьму плетку, а потом, после меня вы.

Но ладно. Поп идет с плеточкой домой. Приходит:

— Ты бы, бабушка моя, сходила в лес за ягодам сёдни.

— Ну-у, — эта старуха заревела, — ты придумал: в жизни родо́в меня никогда на работу не отправлял, я у тебя ничо не делала, а тут ты придумал по ягоды меня отправить! Не-ет-нет, нет!

— Но, может, сходишь?

— Не-ет, нет, нет, нет!

Сгрёб ножик, ее ткнул в бок, да чо же? — он ее зарезал! Старуха упала и померла! Ой, ну чо же? Он раз прошелся по избе:

— Плетка-живулька, оживи старуху!

Второй раз прошелся таким же образом, третий раз, а потом вот он ее и десять раз жо́гал. Старуха чо? Лежит и все, померла!

Но этот поп за голову поймался:

— Но этот Парфил! Все! Точно! Завтра я пойду его ка́знить!..Нет, — говорит, — завтра не пойду, дам дьякону эту плетку: чо уж будет, то и будет!

Но вот потихонечку где-то старуху свою прило́жил, людям никому не говорит. Все тихо-смирно. Прибегат дьякон:

— Но как?

— Ой, — говорит, — у меня старуха-то хоть в ухо вдень стала! Чо бы только ни сказал ей, все делат, как есть. Безотказно! Возьми и ты свою старуху-то исправишь!

Но дьякон идет довольный: "Теперь у меня старуха все будет делать! " Но чо же? Приходит домой:

— Но вот, ты бы, старушка, сёдни там сходила пополола ли, погребла ли картошку ли, сено ли погребла ли.

Как раз сенокосно время.

— Но-о, — его бабушка заревела таким же образом. — Я у тебя уж никогда-то не работала всю жисть, а ты сёдня вот меня придумал — заставляшь работать! Не-ет, нет, нет! Не пойду я никуда!

Вот и он, может, ешо каку-то другую работу ей предло́жил, чо там, мол, полы вымыть, постирать ли, кого ли.

— Нет, нет, нет! — она рукам машет, — ничо я делать не буду!

Он так же ножик сгреб. Раз! — ее ткнул, она упала и все! Чо? Зарезал! Вот так же он прошелся раз по избе:

— Плётка-живулька, оживи старуху!

Второй раз прошелся:

— Плётка-живулька, оживи старуху!

Третий раз так же. Но и чо? Потом он, может, еще сколько раз ее жгнет, жогал, и говорел все — она ничо!

Ой, за голову тоже поймался:

— Чо я сделал?! Ну, этого Парфила надо казнить, больше ничо! Но ладно, — говорит, — молчать буду. Пускай причетник придет, эту плетку возьмет. Чо будет уж, то и будет.

Тоже так же припрятал, ну положил куда-то с глазу, чтоб люди не видели, эту свою бабушку, да и чтоб не испортилась-то, схоронил ее где-то там, в подвал уташшил ли, в анбар ли, куда ли!

Но прибегат причетник:

— Но как у тебя дела?

— О-ой, хорошо! Это прямо я теперь грешить-то со старухой не буду, грéху-то никакого не будет! Все до слова, все делат!

Но ладно. Сам виду не подает. Но взял причетник:

— Ой, у меня-то совсем лентяйка, — говорит, — у вас-то ешо лутче были, а у меня совсем ни к чему не гожа.

Ну и взял. Вот так же домой приходит. Ну там работу находит:

— Ты бы постирала ли там, в избе помыла ли там, может, сено покопнила.

Но та помоложе ешо была:

— Нет, нет, нет, нет, нет! Ты даже мне не говори про это. Я тебе не работница пришла!

Так же сгребат ножик. Раз! — ее кольнул. Зарезал! Та упала. Ну чо? Он ее то же само, вот так же:

— Плётка-живулька, оживи мою старуху!

Плёткой жгнет, пройдется, опеть снова:

— Плётка-живулька, оживи мою старуху!

Но и чо? До трех раз прошелся, проговорил. Ничо. Он потом после етого, может, пять и десять раз проходился и жогал и все. И ничо! Все. Этот уж не стал подбирать старуху, сразу побежал к попам. Прибегат:

— Ну чо у вас? Как? Я свою-то зарезал!

— Но дак мы-то, — говорит, — тоже зарезали.

Но этот поп говорит:

— Все! Пойдемте Парфила ка́знить. Все! Ну и даже не отступаясь его повешам и все!

Ну ладно. Пошли они к Парфилу. А Парфил тем временем, ну чо? — три дня ду-умал, думал. Чо придумать-то? Теперь-то они придут. Точно его уже все! Ему смерть да и больше ничо!

Но все-таки сбегал на базар, купил ружье. Ружье купил, говорит, старухе наказыват:

— Щас придут попы. Ты, — говорит, — говори: "Идите в подвал (у них подвал был), чо-то он там делат. Я сама не знаю, чо он делат в этом подвале".

Но ладно. Вот сидели, пришли они:

— Но здравствуйте!

— Здравствуйте!

Ну вот старуху спрашивают:

— Где у тебя хозяин-то?

— Да там, где-то в подвале чо-то делат. Я, — говорит, — не знаю.

Но вот. Посидели. Посидели. Поп причетнику говорит:

— Сходи-ка узнай, чо он там делат.

Но причетник убежал. Ну там в подвале-то только голову засунул, кричит:

— Ты, Парфил, здесь?

— Здесь, здесь! — он уже караулил.

Как он взглянет, он — раз! — его ружьем стрельнул и убил, к себе заташшил.

Ну ладно. Дьякон побежал. То же самое — голову туда спустил:

— Ты, Парфилушка, здесь?

— Зде-е-е-есь!

Он его — раз! — опеть ружьем это стрельнул и убил. К себе заташшил.

Ну поп сидел, сидел, сидел и уж не может сидеть ждать:

— Пойду сам.

Пошел. Нигде никого не видать. Ничо. Опеть же в подвал взглянул, голову опустил:

— Ты, Парфил, здесь?

— Зде-есь!

Ну и чо же? Он и его — раз! — стрельнул и убил. К себе опеть заташшил. Но всех попов склал! Старух склал и попов склал! Но ладно. Вылез он из подвала, идет домой.

— Но чо, старуха, вари чай. Чай попьем. Теперь чо делать?

Но ладно. Попили чай. Все уж это дело...Чо-то там походил, поубирался. Дело к вечеру пошло. Убрались вечерний убор. Опеть поужинали. Ужинают сидят. Слышат: стукатся к ним. Но Парфил на стук вышел на улицу:

— Кто там?

— Да я, — говорит, — служивый! Вы меня пустите поночевать.

— А, пожалуйста, проходи, — говорит.

Ну и пришел служивый. Она сразу его к столу, ужинать. Ну Парфил теперь чо! — с деньгам, живет хорошо. Где-то у него бутылочки стоят. Вытаскивать бутылочку. Но сидят, чай пьют. Выпили там по́ сто грамм, по двести грамм. Служивому он побольше налиёт. И говорит:

— Вот ночевать-то мы тебя опустили, — говорит, — вот ты нам службу сослужи.

— Каку службу?

— Да, — говорит, — вот у меня нынче именины были. Ну и пригласил попа. А поп-то там у него...какого вино выпил ли, кого ли — и околел! Умер. Теперь мне этого попа-то надо утопить. Ты его в реку-то уташшишь!

— Уташшу, — говорит, — мне чо? Здоровье...Солдату ну чо не уташшить-то! Пойдем, покажи, где он.

Ну и чо? Парфил пошел. Говорит:

— В подвале.

Ну и вытаскивать из подвала попа. Но а тот чо? — служивый, берет его на плечо и поташшил! Уташшил. А Парфил-то тем временем там у него ешо два попа-то, одного, второго-то попа выташшил, приташшил ко крыльцу, водой

облил и подставил. А мороз был уж это осенью! Подставил. Этот служивый-то бежит, но подпитый ешо при том:

— Ну, — говорит, — только уташшил, бросил в воду, да он вперед меня и прибежал.

Сгребат этого попа, опеть же на плечо, даже и в и́збу не заходит.

Но ладно. Бежит, даже выматерился:

— Я тебе таку-т твою, расстаку-т твою! Ты у меня докуда будешь мучить? Я щас тебя утоплю! Подальше, поглубже спушшу!

Но и чо? Уташшил, бросил. Идет. А Парфил тем временем опеть же третьего-то попа выташшил из подвала, и опеть то же само. Ну, тут уж ему и старуха помогат и все! Облили они его и опеть поставили.

Но там бежит, говорит:

— Да вы это, ты меня (думат, что все один и тот же) докуда будешь ты меня мучить-то?!

Матерится на чем белый свет стоит!

— Щас, — говорит, — я тебе камень привяжу!

Но приташшил, камень привязал, спустил его. Идет. А тут уж по деревне слухи идут — попы теряются, в етой деревне уже все потерялися. Из других-то деревень уже слухи идут! Но из другой деревни-то поп-то бежит! Шкатулочку ташшит. Вечером. Днем-то боятся бежать прятаться. Он бежит прятаться. Но этот служивый-то идет с реки и спрашиват:

— Хто идет?

— Я, — говорит, — поп.

— А ты куда пошел?

— Да, — говорит, — вы сёдни...Прятаться! Слышу, попы-то теряются, теряются, а я и побежал прятаться.

— Да я, — говорит, — докуда сёдни буду вас таскать-то?!

Сгребат и этого, живого, на плечо и ташшит. На́ реку. Ташшит. Тот бата́лится, ногам бьет, рукам бьет.

— Отпусти, отпусти! Я тебе ничо плохого не сделал. Ты меня по чо поташшил топить-то?

Ну и этому, живому-то попу, то же самое: камень привязал и утопил. Шкатулочку взял с деньгам и идет к старикам, к Парфилу идет ночевать. Ну а чо Парфил?

— Ты чо-то долго. Мы думали, ты, поди, вместе с попом там не утонул ли? Хотели идти искать.

— Да, — говорит. Он потом эту историю-то всю рассказал. — Я, — говорит, — три раза этого мертвого и таскал топить. Он, — говорит, — как приду, он стоит и все здесь. Дак потом последний раз иду. Живой поп бежит! Я и живого уташшил утопил!

Но и (а у попа-то денег много), но и чо же? Парфил-то говорит:

— Дак вот тогда я, наверно, делал именины-то, попов-то приглашал. Наверно, эту шкатулочку-то у меня украли!

Ну и служивый и говорит:

— Ну чо? Если твоя, дак возьми!

И шкатулочку отдал вместе с деньгами. Ну и вот: и Парфилу совсем же хорошо! Он от етих попов сколько денег получил, поживился, да ешо шкатулка с деньгам ему совсем даром пришла!

Ну и чо? Они этого служивого положили спать. И утром угостили, и накормили, и проводили. И стали жить-поживать да добра наживать. Ешо, наверно, кого-нибудь обманывать. И всё!

77. ПРО ВОРА

В одной деревне жила мать. И у нее был сын. Этот сын был такой, вроде дураковатый. Не хватало у него. Ну и вот. Этот сын, он был молоденький. Где надо ему сделать хорошо, он, наоборот, плохо сделат. Где надо плохо сделать, он, наоборот, хорошо сделат. Вот мать с ним так и моталась, жила. Ну вот. Она его кормила, содéрживала. Уж надоело ей кормить его, и вот она давай говорить:

— Ты, Ваня, бы хоть где-то бы чо-то работал.

Вот он сбегат, где-то нагáрусит* там то у соседях, то и дома где-то. Соседи недовольны из-за этого бывают. Вот он матери говорит:

— Ладно, мама. Завтри пойду. Работать начинать.

Назавтри утречком соскочил, говорит:

— Мама, дай мне краюшку хлеба и платок.

Мать ему чо — дала краюшку хлеба и платок. Он говорит:

— Я пойду учиться воровать.

Ладно. И рассказал матери:

— Пойду в лес.

Мать дала краюшку хлеба и говорит:

— Хоть бы уж ушел да и заблудился. Мне хоть бы от него избавиться.

Отправила. Вот ушел он в лес. Краюшку хлеба положил в платок, завернул — и на пенёк. А сам отошел далё-о-ко. Платком-то глаза завязал. Отошел от пенька далёко и говорит:

— Вот если я найду на пенёк, то буду страшный вор. А если я мимо пройду пенька, то, значит, я не сумею воровать.

Но и вот. Идет, идет, идет, идет и точно на пенек пришел!

Глаза развязал, идет домой обратно. Приходит домой и матери говорит:

— Ну, мама, теперь я буду работать.

Мать его накормила, спать легли. Утром он говорит:

— Мама, я пошел на базар.

Мать говорит:

— Опеть чо-нибудь наделат. Где-то чо-то украдет. Опеть я виновата буду!

Ну чо она из его сделат? Не убьет же она его! Вот побегал по городу, по базару там. Все знали прекрасно этого Ваню, ну чо — раз такой недовольный умом. На базаре повстречал он барина. Барин говорит:

— Ванюшка, ты куда это бегал?

— Да, — говорит, — так по городу хожу.

— А ты домой?

— Домой.

— Но поехали со мной.

---

*Т. е. сделает что-то плохое.

Барину тоже обратно ехать, надо разговаривать, дорога дальняя. Вот и едут, разговаривают, то-другo. Этот барин говорит:

— А ты, Ваня, куда все-таки ходил-то?

— Да, — говорит, — я теперь буду работать, барин. Буду воровать.

Ну и рассказал, что ходил вчера вот так-вот так в лес. Он засмеялся, барин:

— Ну чо же? — говорит. — Из Вани-дурачка кого возьмешь-то? Чо попало говорит.

Но и едет. И для смеху ему говорит:

— Но вот, Ваня, если ты страшный вор, то ты украдь вот мою Виноходку. Вот на которой мы щас едем.

Он говорит:

— Украду́.

Но вот едут. Барин же ему не верит даже. Сначала-то не верил. Но подъехали домой. Он его пригласил, барин, домой. Заходит Ваня к нему. Барыня думат: "Чо это Ваня? Дурачка к себе домой привел?"

Ну а он, этот барин, там чай готовый, к себе пригласил чай пить его. Сидят, пьют чай. Потом уговорилися; барин спрашиват:

— А когда ты будешь воровать?

— А я, — говорит, — это вам число не укажу, когда буду воровать.

Ага. Ваня взял и попросил:

— Ты мне, — говорит, — барин, дай три рубля денег.

Барин говорит:

— Чо тебе давать — не давать?

А барыня говорит:

— Да да-ай! — говорит, — ему. Пускай сбегат или папирёс купит, или конфет купит ли. Хоть сам себе душу утешит.

Этот барин дал ему три рубля денег. Раньше деньги же дороги были! Но ладно. Этот Ваня побежал на базар. В город. Вот бегат по городу тут, там. А барин тем временем наказыват своим конюхам что:

— В ето время вы Виноходку как глаз берегите! На ночь вы его одного никогда не оставляйте! Или пасите его на пастбище, или дома ко́рмите, дак под замком держите. А если на пастбище, то вы от него ни на сколько, даже на минуту не отрывайтеся.

Но ладно. Ваня побегал по базару. Взял трехлитровую вина, четверть. Раньше четверти трехлитровые. Четверть вина ну там в чего-то завернул потихонечку, чтоб люди не видели. Приташшил домой. Приташшил, поставил. Назавтри или на послезавтри, маленечко приушомкалось, барин маленько притих, не думат, что украдут. Ну и не поверил даже, что же он — украдет что ли Виноходку? Но прошло неделю, две. Придумал один день:"Все-таки я украду́ его в этот день". Видит: пастухи его пасут каждый день, где, посмотрел, какие пастбища, какие, чо, этот Ваня. Ну и два брата у него жило здесь. Зажи-иточны братья жили у Ивана-то. Но попросил у одного брата коня, кобылу там чо-то матери сделать. Брат дал. Он сумы́ наделал на коня. Раньше сумы были такие — верхом ездят и сумы одевают. Поставил четверть в сумы. Ну там кружку положил каку-то. И уже темнется, так поехал, где скотники его пасут, ету Виноходку. Поехал. Така грязь. Это место-то было зибу́н, кочки. И нарочи́ в эти кочки, в грязь заехал на кобыле. Кобыла-то завязла, вылезти не может. Вот он, этот Ваня, кричит:

— Помоги-ите! Спаси-ите! Помоги-ите! Спаси-ите!

Вот эти скотники, это конюхи говорят:

— Кто же это кричит?

Прислушались:

— Да ето, однако, Ванька, — говорит, — кричит, дурачок-то!

Пошли они к етому месту, где он кричит. Видят: правда. И Ваня ето здесь.

— Ты чо, Ваня, здесь делашь?

— Да, — говорит, — вот поехал сёдни. Брат Степан печку бьет русскую и меня отправил по вино на базар, а я запоздал. Вот еду и кобылу завязи́л, выташшить не могу один.

А ети конюха́, двое было их, молоды ребяты, быстро-быстро — раз! — помогли этой кобыле. Выташшили из грязи́. Ваня эту кобылу где-то у воды помыл. Все. Говорит:

— Пойдемте, ребяты, где у вас огонек-то, где вы ночуете.

Я вам хоть по кружке вина налью.

Но ладно. Приходят к огоньку. Ваня вытаскиват эту четверть, наливат им по кружке вина, они выпили. Ваня им маленько. Посидели, то-друго.

— Нет, надо братьям оставить вино-то!

— Но ты оставь, — они тоже говорят. — Но ты нам ешо по кружке-то налей!

Захорошело в голове-то у них. Но Ваня ешо по кружке налиёт.

— Нет, ребяты, я больше не буду вам наливать. Ето надо мне брату везти.

А Ваня думат: "Ешо бы попросили".

Но ладно. Выпили по второй, потом Ваня им по третьей сам уж от себя:

— Вы, ребяты, ешо выпейте-ка!

Но и по третьей наливат, а им совсем хорошо. Ну и чо же?

Ваня поил-поил, до тех пор их поил, они уж упали и спят, храпят. Спят, храпят. Он видит, что разоспалися эти ребяты, конюхи. "Теперь надо мне етого Виноходку — он у них на привязи был — поймать, взять и увезти домой". Ему это вино ни к чему, что он его выпоил. Он на ето и брал ето вино. Взял Виноходку — ету кобылу отпустил здесь — и привел домой. Привел домой, а мать чо? — спать легла уж. Утром мать разбудилась:

— Что такое? Баринов Виноходка у нас в подзавозне стоит! Это ведь барин сказнит Ваньку! За этого коня! Да ешо слухи идут, что етого Виноходку пасут, стерегут, под замком держут. Все!

Ну ладно. Мать Ваньку:

— Ваня, вставай! Пошто у тебя баринов Виноходка?

А он на мать:

— Не ты, мама, привязала его, и не тебе его отпускать. Придет пускай барин сам.

Но и спит опеть снова. Ну ладно... Глядит-поглядит: уже солнце высоковато стало, правда, барин идет. Идет. Пришел:

— Ну, Ваня, здравствуй!

— Здравствуй!

— Ну, сумел ты у меня Виноходку украсти. Пойдем по расчет. Деньги я тебе отдам.

Но Ваня поел, чо-то тут позавтрикал и пошел с барином. Увели етого Виноходку. Ну барин говорит:

— Раз ты сумел, я тебе полностью отдам.

Сто рублей — они рядились. Барин ему сто рублей отдает, барыня на него ругатся, ворчит:

— Чо ты с дурачком связался? Вон каки деньги ему плотишь!

А он:

— Ты не переживай. Я ети деньги обратно верну.

Ну ладно. Договорились. Барин и говорит:

— Вот, Ваня, ты у меня Виноходку украл, дак вот теперь ты снова у меня чо-нибудь ворви!

Придумал:

— Ты у нас должен украсти постельное белье, на которое мы спим с барыней. Вот если ты украдешь ето белье, то, значит, я тебе двести рублей плачу!

Ваня говорит:

— Украду.

Ну ладно. Но деньги сначала не берет. Когда украдет, потом. Он говорит:

— Я деньги не возьму. Когда украду, потом возьму деньги.

А барин думат: "Чо же он у нас украдет чо ли это белье? Не украдет!"

Он барыне-то и говорит:

— Мы эти деньги вернем!

Договорилися. Он спрашиват:

— А в како время будешь воровать?

— А это я вам не скажу.

Ну ладно. Барин дома всем-всем: прислугам, няням и мамам — всем наказал, что в ето время по ночам чтоб никого-никого не пускать в дом. Ну ладно. Проходит неделя, проходит две. Вот этот Ваня и морокует: "Как же это мне все-таки украсти-то"?

Но и одно время побежал на базар. На базаре купил бутылку дрожжей, пузырь коровий купил свежий и пикульку купил. Но ладно. Вот Ваня каждый день все тоже бегат, слухом пользуется, как барин живет, куда ли ни поедет, куда ли чо ли он. Ну ладно. Одно время где-то у них там в другой деревне, у других богатых какие-то гости. И барина приглашают. Но вот Ваня:

— Мне надо в это время чо-то думать.

Вот барин поехал в гости. Поехал. Наказал тут строго-настрого:

— Без меня никого не пускайте.

Ну ладно. Говорит:

— Когда мы приедем из гостей, вы комнату нам проветрите, чтоб была проветрена. Ну а пока комната проветривается, чтобы никто к нам не зашел, не залез.

Ну вот. Барин уехал в гости. Слуги эти, нянечки да все давай комнату: протерли все пыль и окно открыли. Чо-то отвернулись, тем временем этот Ваня проник, залез в окошко, в комнату ету и под кровать залез. Залез под кровать и сидит там.

Приезжают ети барин с барыней из гостей. Легли спать. Спят. Вот разоспалися. И вот Ванька, у него дрожжи были разведенные и тепленькие, он ети дрожжи взял в серёдочку вылил барину с барыней. Сходил. Там две стряпки молоденькие, девчонки жили, спали где-то в другой комнате. Он этот пузырь надул мокрый, бросил тоже в серёдку. Идет. Там конюха спят. Он им крепко-

накрепко связал чупы. А та-ам где-то в дальней комнате одна бабушка жила у них (но это сказка же!), он этой бабушке в задний проход поставил пикульку.

Ну ладно. Вот этот барин с барыней лежат. Чо такое? У них вонят — это дрожжи же, когда еще маленько долго стояли, дак прокисли, и вовсе от них вонят-то.

— Ой-ой-ой! Ой, — барыня говорит. — Ой, барин! Чо это такое у нас тут в постели-то? Это чо же? Спать невозможно! Ты укостился?!

Барин говорит:

— Не-ет! У меня живот не болел. Ты, барыня, весь вечер говорила: у тебя живот болит. Ты укостилася?!

Вот давай перепираться-перепираться. Барин потом говорит:

— Да чо мы будем докуда перепираться-то? Снимем это белье да и чистое оденем. Вы там, няни, нам ташшите-ка спички!

Пошарились. Спички везде он собрал.

— Спички принесите-ка!

Вот ети няни, молоды кухарки разбудилися. Чо такое у них в серёдке-то? Говорит:

— Ты родила?

Вот перепираются:

— Нет, ты родила! У тебя живот большой был!

Вот перепираются:

— Нет! Ты!

Вот пока перепирались, перепирались, барин, барыня их ждут, ждут. Не несут никак им спички!

— О, вы, конюха́! Вот там эти принесите спички!

Те никак чупы эти не могут расташшить!

— Ты меня держишь? — один одного.

— Ты меня держишь?

Другой говорит:

— Нет, ты меня держишь.

Вот перепираются, перепираются.

— Ой, бабушка, ты там где-то далёко, хоть ты бы нам спички принесла!

Она шарит спички, нигде найти не может.

— Ой, ребяты, погодите. Я щас схожу в печку, уголек подую.

Пошла в печку уголек-то дуть. Только начнет дуть — у ней заиграт эта пикулька-то. Вот этот барин с барыней никак не дождались спички! Но чо же? В темноте с себя белье все сняли, постельно белье все сняли. Где-то в комоде ли, где ли нашарили там халаты ли, кого ли. Одели и легли спать. А это все в угол и под кровать забросили. Ну, Ване то и надо! Но это уж где уж? Время-то далёко ушло. Шухмати́лися чуть не всю ночь. Перед утром все крепко уснули. Спя-ат! Ванька чует, что барин с барыней спят крепко. Захрапели.

— Мне надо вылазить!

Вылез. Это белье подмышечку и ушел. Приходит домой. Все у него прямо хорошо получилось! Лег спать. Спит. Ну а мать наутро разбудилася, поглядела:

— Что такое? Он откуда чо принес? Како белье-то ето? Постельно. И все грязно, главно!

Ну чо? Ети дрожжи прокисшие, они же воняют-то как! Ну ладно. Утром мать-то спрашиват:

— Ты, Ваня, ты чо? Где удрал-то? Кого ты опеть, кого приташшил, тако грязно белье?

— Мама, не твое дело. Это я знаю сам.

Ну ладно. Утром лежит. Спит. К обеду где-то идет барин.

Идет барин:

— Но, Ваня, приходи ко мне, — пригласил.

Ваня чо? Встал, поел. Это опеть белье подмышечку и побежал к барину. Но барин к себе там в комнату его пригласил.

— Но, Ваня, ты, — говорит, — украл с нас белье. И не то что с нас белье, даже и постельно-то белье украл.

Но дает деньги. Отдает. Раз такой договор был, отдает. Но деньги жалко. Барыня его пилит, ругат:

— Ты это что связался, с кем? Сколько денег-то просадил!

Барин-то и говорит:

— Ладно, — говорит, — барыня, все-таки я выкручусь. Выкручу с него эти деньги. Жалко же!

Ну вот опеть этого Ваню он пригласил к столу, к чаю. И сидят, чай пьют. Барин говорит:

— Ваня, вот ты украл с нас белье. Теперь давай-ка ты с моёй барыней ночуй-ка.

Ваня подумал-подумал и говорит:

— Ладно. Ночую.

— А когда будешь ночевать?

— А это число не укажу вам, когда я буду ночевать.

Но ладно. Ушел Ваня домой. Вот неделя проходит, две проходит. Маленько это приумолкло все, призабылося. Ваня думат: "Все-таки надо как-то мне ночевать".

А у него тут в деревне был дружок. Ну такой же. И он все болел и болел. Ну, парень молоденький. Вот он все бегал к ему. Каждый день его наведывал. Все. Потом он в больнице лежал. Потом говорят, что умер этот Ванин дружок. Ваня его и хоронить помогал. Все. Ну ладно. Схоронили этого мальчишку. Вот этот Ваня думат: "Чо же это мне делать-то? Пока свежая могила, мне его надо выкопать".

Ну он ночь не поспал — выкопал этого мальчишку. Сбегал на базар, купил себе хорошее белье спальное и, в общем, костюм себе — все купил, все хорошее. Духов, надушился. Все! Ну и етого мальчишку-то выкопал и где-то поближе к деревне подташшил, спрятал его. А уж было осень. Холодновато.

Ну и барин с барыней тоже вот так вот где-то в гостях были, да и не в гостях. Чо-то душно им показалось. Открыли они окно — проветрить комнату — и спать легли. Вот этот Ваня приташшил своего дружка. Он чо? Холодный. Застыл. Он поперек так окошка поставил его, мертвеца-то этого, а сам где-то припрятался. А барыня-то разбудилася. Уснули-то — разбудилася. Барин-то тапочки-то одел, халат одел, в окошко-то выскочил, смотрит: правда, убитый парнишка-то — Ванька да Ванька. Тёмно!

— Ой, барыня! Теперь чо будет-то? Ладно, я щас его подальше куда-нибудь отташшу. Чтоб на нас-то не подумали, что его убили-то.

Ну и чо же? Барин приоделся, вылез да поташшил его, парня-то. А Ванька тем временем залез в окошко. Окошко закрыл, а барин-то всем-всем наказыват,

что никогда, ни одну ночь никому не открывать. Ну и чо? Ванька-то залез и к барыне скоре под постель. А барыня-то спрашиват:

— Чо уташшил?

А Ванька там уж:

— Уташшил, уташшил.

Ну ладно.

— Тихо! Спать надо.

Но и чо же? Ванька барыню приобнял и с испугу уснули да и спят, храпят. А барин-то уташшил етого мертвеца да под окошки, тут стукатся, там стукатся:

— Пустите, пустите!

И в конюшню сбегал:

— Пустите!

Конюха́ нихто его нигде не пускат. Ну чо? Барин до самого утра бегал. Холодно. Промерз в тапочках. А утром уж, когда встают во время-то, солнце-то заходит, встали. Ванька-то с барыней спит, а барин-то под окошком бегат. Ну и чо же? Потом наутро-то все разузнали, что Ванька с барыней ночевал. Но чо же? Потом барину с барыней стыдно стало. В деревне-то жить! Они потом с этой деревни-то укочевали в другое место. С Ванькой расшитался он, барин. И Ванька стал с деньгам. И дальше стал, наверно, то же самое — воровать. А барин уехали из деревни. На етим и сказке конец!

78. КАК БАРИН НУЖДУ ИСКАЛ

Жил мужик бедный. Детишек у него было или пять, или шесть. А есть нечего было зимою. Сосед жил богато. У него было лесу много навожено. Он пришел и говорит:

— Ну, ты знаешь, сосед, что...Сряди ты мне анбар срубить. Я тебе хоть хлебом заплачу, хоть деньгами.

— Ну что ж, можно срядиться.

И начал анбар он рубить. Рубит. Погода: мороз, буран, буря поднялась, а он рубит, мужик-та. Шубенка на ём рваная, худенькая. Едя барин тот с кучером та с ямщиком. Доехал.

— Бог помощь, мужик!

— Спасибо!

— А чо тебя заставило в такую погоду работать?

— А что заставило? Нужда заставила!

— А какая она, нужда? Я сколько прожил и не знаю, какая она есть, нужда. А где она?

— Где? А вон она в поле на том бугре играе.

— А веди, — говорит, — нас, покажи нужду.

— Хочите, так покажу.

Топорок бросил, сел с ними в повозку и поехал. Выехали, а она мороз, буря еще большая. Доехали до бугра до того, а там за кустами что-то шевелится. Може, трава какая, ти что. А он и говорит:

— По снегу катается та нужда.

Барин с повозки слазит, полы поднимает у шубы и полу по снегу. Снег глубокий. А ямщик сидит и говорит:

— Эх, и мне же охота посмотреть нужду.

— Охота, так иди и ты погляди.

Ямщик бросил кони, и ямщик пошел. Лезли, лезли по снегу.

Долезли до того места, где видали, что шевелится там что-то, — нету никого.

— А вон она, — говорит, — еще дале, за теми кустами.

А мужик тей отпрег коней, сел да и в деревню. Они по снегу лазили, лазили. Пристали.

— Пойду назад, не найду я нужду.

Пришли: повозка стоит, а коней нету.

— Эдак-так... — говорит барин на ямщика. — Становись, — говорит, — ты в оглобли, а я на пристяжку — потянем повозку, в поле ж нельзя оставить повозку.

А ямщик и говорит:

— Нет, барин, ты немного справней за меня, ты становись в оглобли, а я буду на пристяж.

Барин в оглобли встал, а ямщик сбоку и потянули повозку на себе. А мужик тей лошадей отвел в деревню, поставил их где, а сам в другую одежду переоделся, идет им навстречу.

— А что это вы повозку на себе тянете?

— А это, — говорит, — нужда заставила нас тянуть повозку.

79. СКАЗКА О БАРИНЕ И МУЖИКЕ

Пошел мужик как-то в город. Лошади у него не было, и он шел пешком, не торопился, да все думал о том, как бы работу найти, чтобы потом домой с пустыми руками не возвращаться.

Пришел в город, стал у людей расспрашивать: кому нужны работники в дом. Посоветовали ему идти к одному барину, но при этом рассказали, как он честных людей обманывал, как бы ни работали люди — все плохо.

Пришел мужик к барину, раскланялся, работы попросил. Барин согласился, дал ему кнут и велел коней пасти. Условие поставил такое:

— Если к концу лета все кони будут целы, плату получишь. Коли хоть одного потеряешь, выпорю и один палец отрежу.

Нечего делать мужику — согласился. Пасет коней день, два, месяц. Время незаметно прошло, последний день настал, погнал мужик коней к дому, вдруг откуда ни возьмись — волки! Задрали двух коней.

Сидит мужик плачет, не знает, что делать. Потом решил: "Проучу-ка я барина".

С этими мыслями он отрезал у коней хвосты и воткнул их в землю, а сам рядом сел, на дудке играет.

Стемнело. Барин хватился, что нет ни коней, ни пастуха, и пустился на поиск. Отъехал в поле, слышит — кто-то на дудке играет. Подъехал, смотрит, а это его мужик-пастух да рядом два конских хвоста из земли торчат.

— Что это? — спрашивает.

— Видишь — хвосты торчат: это кони ушли под землю пастись да заблудились, а я им играю, чтобы они нашли дорогу обратно.

Барин схватился за хвосты, а мужик кричит:

— Отпусти, оторвутся, кони пропадут!

Барин не слушает — дернул и вытянул хвосты.

— Говорил тебе — не тащи. Сам виноват! — сказал мужик.

Барин позеленел от злости, но ничего не сказал, только протянул к мужику мешочек с деньгами и велел отправляться восвояси.

80. РЕШИЛ ПОМЕЩИК ПОСМЕЯТЬСЯ НАД МУЖИКОМ

Решил помещик посмеяться над мужиком. Позвал мужика и говорит:

— Скажи-ка, мужик, чего на свете не бывает?

Подумал-подумал мужик и отвечает:

— Топором нельзя подпоясаться.

— Врешь, такое у немцев бывает.

— Девка попом не служит. Забор на собаку не лает.

— Нет, все это бывает. Даю тебе три дня сроку, чтоб ты подумал и ответил.

Прошло три дня. Приходит мужик снова к помещику:

— Ну что, надумал, чего не бывает?

— Надумал.

— Врешь, все бывает.

— Решил я съездить на тот свет к своей жене и ребятишкам. Приехал туда, посмотрел, как они живут, и обратно приехал.

— А не видел ли ты там моего батюшку?

— Видел.

— Что же он там делает?

— Днем он журавлей на болоте пасет, а ночью с моими ребятишками водится.

— Врешь, не бывает такого, чтобы помещик с крестьянскими ребятишками водился.

81. ВОЛЧИЙ ТУЛУП

Заехал барин на окраину села к мужику погреться. Тулуп на нем был волчий. У мужика под порогом овечка была привязана. Овечка смотрит на барина и ногой: топ-топ! Барин спрашивает:

— Почему у тебя, мужик, овечка ногой топает?

— А она ведь, барин, думает, что ты волк, ведь она у меня волков имает. На тебе, видишь, шуба-то волчья, — говорит мужик.

Барин и просит его:

— Так ты мне ее продай!

— Продать бы можно, так она ведь дорога.

— Сколько же она стоит? — спрашивает барин.

— Пятьсот рублей, — отвечает мужик.

Барин не стал считаться с деньгами, отдал. Забрали овцу и поехали, немного проехали, видят — бежит волк. Барин и говорит:

— Надо пускать овцу.

А ямщик говорит:

— Пусть их побольше наберется.

Вот их набралось уже семь штук. Ямщик говорит:

— Ну, теперь можно пускать.

Пустили, как она побежит да закричит, а волки за ней и сразу ее разорвали. А барин говорит:

— Вот глупая овца: одного брать не хотела, а со всеми не справилась.

82. ПРО ОДНОГО СОЛДАТА

Шел солдат со службы и зашел в ближайший дом к одному мужчине ночевать. Спросил он у хозяина, сколько за ночлег. Он сказал:

— Расскажи ты мне сказку, чтобы вся правда была. Соврешь — ты поставишь мне тарелку золота, нет — я тебе.

И вот солдат начал рассказывать сказку. Говорит:

— Однажды в жаркий день пошел я искупаться на речку. Вижу, — говорит, — на той стороне реки волки напали на пчелу.

Хозяин говорит:

— И это бывает.

Теперь он рассказывает:

— Надо было мне за пчелу заступиться: ни лодки нет, ни переправы никакой. Взял я себя за волосы и перебросил на ту сторону.

Хозяин говорит:

— И это бывает.

— И вот когда я сам себя перебросил через речку, увяз я по пояс в болоте и откопать меня некому. Сбегал я домой, принес лопату и откопал сам себя.

Хозяин говорит:

— И это бывает.

Он говорит:

— Пока я бегал домой, откапывал себя, волки задрали пчелу, съели ее и остались одни кости, а становая кость уперлась прямо в небо. И захотел я залезть туда, посмотреть, что там делается.

Хозяин говорит:

— И это все правда, бывает.

— И вот залез я на небо, смотрю, а там Бог чай пьет, а твой отец ему прислужничает, в какой одежде ты его похоронил, весь оборванный.

И тут хозяин говорит:

— Врешь! Я его во всем новом похоронил.

И проспорил. Пришлось ему тарелку золота поставить солдату.

83. БЫЛЬ-НЕБЫЛИЦА

Жили-были три брата, а родители их померли давно. Поехали они как-то сеять, а к вечеру, когда есть захотели, вспомнили, что забыли дома спички. Видят: вдалеке огонек светится. Пошел сначала старший брат за огоньком. Пришел, видит: костер горит, а около сидит древний старичок. Когда он услышал, зачем тот пришел, то говорит:

— Если расскажешь мне быль-небылицу, то дам тебе огонька, а не сумеешь — вырежу пояс от спины вокруг тела твоего.

Начал брат говорить, а старик ему:

— Э, нет — это не быль-небылица! — да и вырезал пояс.

Пришел тот к братьям своим, только покряхтывает, но ничего не сказал. Пошел средний брат, и с ним все то же самое повторилось. Тогда пошел третий брат:

— Здорово, — говорит, — старичок! Не дашь ли ты огонька?

— А вот расскажи быль-небылицу, а не сумеешь — пояс на тебе вырежу вокруг спины.

Сел младший брат и давай рассказывать:

— Была у меня кобыла, поехал я на ней уток стрелять, сплел две корзины да перекинул через нее. Моя кобыла пасется, а я уточек стреляю да в корзины покидоваю. Отошла она далеко, а потом гляжу — вместо одной кобылы две ходят, одна на горе, то есть зад ее, а под горой голова да передние ноги. Стало быть, корзинки тяжелые стали да и перерезали мою кобылку. Ну, выломал я черемуховый прут и связал ее, а маленький кончик у прута остался и давай расти. Рос, рос и вырос до неба. Тогда взял я топорик с собой и полез по этому пруту. Залажу на небо, а там пусто-пусто и только воробьи летают. Хотел уж на землю слазить, да кобыла-то с того места ушла и не нашел я прута. Стал тогда топориком в воробьев покидывать да из их шкур сделал себе веревку. Зацепил за облако и стал спускаться. И спустился бы, но ее маленько до земли-то нехватило, и упал я прямо в болото и воткнулся по шею. Голова одна торчит, а в волосах кулик гнездо свил да яичек наложил. Идет как-то мимо медведь и думает: "Что за кочка?" Зад-то ко мне свой повернул, а я руки вытащил, за хвост схватил да как гикнул — он побежал и меня вытащил. Обмылся я в речке, нашел кобылку и с дичью домой вернулся.

Закончил свой рассказ младший брат, а старичок говорит:

— Молодец! Вот это и есть быль-небылица!

И дал ему огонька.

84. РАССКАЗ ОХОТНИКА

Однажды рано утром я вышел из дома. Глядь — белка бежит.

Я был рьяным охотником и кинулся за ней. А белка хитрющая попалась. Долго я гонялся за ней по лесу. Вдруг гляжу — моя белка в дупло залезла. Я не раздумывая лезу за ней следом. Схватил я ее там, радостно у меня на душе. Казалось бы, пришел конец моим мучениям. И что бы вы думали, обратно-то я вылезти никак не могу. Ладно, охотник я был сме́тливый. Я быстренько домой сбегал. Нашел топор. Прибежал, разрубил это дупло и тогда вышел оттуда и пошел домой с добычей.

85. ПРОСЬБА СОСЕДА

Приходит ко мне как-то сосед и жалуется. Посеял он на поле просо. А журавли нашли это просо и теперь его клюют.

— Сашка-охотник, — просит сосед, — избавь меня от беды!

Ну я беру ружьишко и пошел. Засел в засаду, сижу жду. Они видят, что я тут сижу, и никак не садятся. Вижу, что так у меня ничего не получается, я решил поступать по-другому. Значит, беру корыто, булку хлеба и бутылку водки. Пришел на поле, поставил корыто, хлеба в него накрошил и водкой разбавляю, перемешиваю. Смотрю — журавли уже летят. Я скорее ушел подальше, но все же с того места, где я укрылся, мне все видно было. Журавли спускаются на эту полосу, увидели корыто, подошли и давай клевать хлеб. Клевали, клевали и, опьянев, повалились спать. Я прибежал и давай их связывать за ноги. Всех их связал с друг другом, уже с последними заканчивал, а первые уже крыльями замахали, а потом стали подниматься. А я держусь за веревку, ну они и меня поднимать стали. Смотрю — уже несут они меня высоко в небе, а я держусь за веревку. Но руки-то у меня млеют. И вдруг руки у меня сами по себе опустились, и я полетел в болото. Упал я и оказался по самую шею в болоте. Одна голова наруже только осталась. На мое счастье бежит волк. Он принял меня за кочку. А я приноровился и поймал волка за хвост. Он очень напугался и как кинется бежать — и вытащил меня из этого болота.

86. ГОЛУБАЯ КОБЫЛА

Была у нас кобыла большая-большая, голубая кобыла. Красивая-красивая кобыла была. В кобыле было росту семь верст. Взял я оброт* и пошел ее забретать**. Беру я оброт, обматываюсь ею в несколько раз и иду. Иду, иду, устану, сяду посижу маленько, а надо семь верст пройти. Только дошел до головы, оброт потрусил*** и волоку ее к голове, а оброт длинная-длинная. Одной рукой волок — никак, обеими руками не дотащил. Только подтащил к ней, а кобыла взяла и перевернулась на другой бок. Что делать? Поплакал я и опять пошел семь верст. Оброт тяжелая, длинная, еле дотащил ее до головы кобылы и все-таки забратал ее. Вот веду я ее домой. Привел, хотел в ограду поставить, а она не входит, только голова поместилась. Вот какая кобыла была!

87. СКАЗКА О ТРЕХ ОХОТНИКАХ

Жили-были три охотника. Двое были голыми-голыми-голыми, а третий — в чем матирь родила. У них было три ружья, два ружья не заряжены, а в третьем заряда не было.

---

*Т.е. уздечку.

**Т.е. запрягать.

***Т.е. растряс.

Вот, значит, пошли они далеко́-далёко, а потом ешо дальче. Застрелили они трех зайцыв. Двоих зайцыв они упустили, а третий от них убежал. Ну так вот, положили они яво в карман голому охотнику и опять пошли.

Идут они, идут, вдрух видють — дом стоит.

— Ай-яй-яй-яй, смотри-ка! Смотри! Крыши нету, окошек нету, двери нету, а зато стен совсем не бывало!

Взяли постучали они в двери (ну, охотники, значит), а хозяина дома-то не было. Выглянул он из окошка (хозяин-то) и спрашиваить:

— Хто там? Чаво вам надо?

— Будь добрый! — говорят охотники. — Дайте нам горшок, зайца варить будем, который от нас убег!

— Пожалуйста! — говорит хозяин. — Вот вам три горшка. Два совсем разбитыя, а третий — без дна.

Дак вот, взяли охотники зайца, который от них убег, сварили яво в горшке без дна и отлично наужинались. Двое легли на пустыя брюха, а третий — ни солона хлябавши.

Вот и все!

88. ОХОТНИК И МЕДВЕДЬ

Один хрисьянин-бурят был охотник. И хрисьянину [другому] говорит:

— Веди меня, — говорит, — покажи мне-ка, где медведь. Я сборолся бы с ём.

И промышленник* говорит ему:

— Ведь медведь съест тебя.

— Нет, — говорит, — не съест. Я надеюсь на себя.

Ну, коней завязали.

— Ну иди, вот, — говорит, — цело́, видишь, — говорит, — берло́г.

И хрисьянин пошел бороться с медведем. А промышленник наладился стрелять. Потом хрисьянин подошел, га́ркат:

— Выходи, медведь, я бороться пришёл с тобой!

И с того слова выскакиват медведь из берлогу, подскакиват к мужику и на <...> сял. Мужик подскочил к ему, он его шлепнул по голове, содрал ему кожу всю, а мужик не обробел, поймался с ём, взамок поймал и давнул, и спину переломил ему, и бросил от себя, толкнул и гаркат промышленника:

— Иди сюда, — говорит.

Промышленник приходит.

— Зачем не сказал мне-ка, что он сарапатся? Я б ему не дался сарапнуть. — Давай ругать промышленника.

— Я не думал, что он сарапнет, я думал, что он вовсе тебя съест, — промышленник говорит.

— Зачем съест? Я надеюсь, дак иду бороться.

*Т.е. охотник.

89. [КАК НА МЕДВЕДЯ ХОДИЛИ]

Двое ходили ухотились, и потом медведь напал на их. Один-то побег дал, а другой-от товарищ гаркат:

— Не бегай!

И вон не воротился, так убежал. А другой — такая дерева стояла — он за ее бегать давай прятаться от его, а медведь сял коло лесины и давай его едак имать руками своими. А етот мужик самого его руками имат, как успет, и поймал его лапы. И давай его дерьгать об дерево едак за лапы. И грудь ему всю разбил. И медведь тут скончался. Етот охотник тут ночевал с ём.

А другой, который убежал, назавтре идет. Выглядыват: а где товарищша медведь съел. А потом:

— Иди скоре, — говорит (увидал его), — руки пристали дорьжать*.

Соскочил да дерьжит бытто медведя. Потом он подошел.

— Дерьжи скоре! — говорит.

Он взял, дерьжит его.

— Ну, — говорит, — сколь я дорьжал, ты дерьжи. — И убежал в шалаш.

Назавтре ночевал и идет, а етот дорьжит его.

— Что дорьжишь его? Он ведь авчера ешшо кончался, а ты дорьжишь его, — говорит.

Пришел, его столкнул, упал он. И потом етот, который дорьжал, упал он, руки пристали у его. Всю ночь доржал он. Он говорит:

— Вчера уснул ишо, а ты до тепере дерьжишь. Потом не бегай от меня, товарищша не бросай никовда. За то, — говорит, — дал я тебе доржать пропашшего.

Кончена она. Оннако, боялся он пропашшего-то, [до] теперь доржал.

90. [МИША И ТРИ СОБАКИ]

Тут охотник с собаками был, видно, что на зверей, рога которых продают, зубры. Ямы были копаны. Он пошел смотреть, зверь не упал ли. Две мигилянски собаки были больши. Одна маленька была — постельна. А большия собаки гончия были, убежали, испугались. Миша пришел да на яму-то, охотник в яме был — зверь упал в яму. Он вытаскиват его. Ета маленька собака давай за ляжки его [медведя] хватать, постельна-то, хозяина отбила. Медведь так убежал от маленькой собаки.

91. ЖИЛИ В ЯРКИНЕ ДВА БРАТА

Жили в Яркине два брата. Один брат приходит к ему в субботу. Говорит:

— Чо, брат, поедем в лес завтра?

А брат говорит ему:

— Да нет, завтра не поедем, завтра отдохнем. В понедельник поедем.

---

*Т.е. держать. Сохраняем ту и другую формы произношения — как в полевой записи (*Н.С.*).

— Ну ладно, в понедельник же приезжай в лес.
— Ты завтра приедешь ко мне?
— Приеду.
Но ладно. Воскресенье прошло. Вечер. Приходит:
— Но чо, брат, собрался?
— Да, присобрался же, хоть не точно, ну собрался. Завтра поедем.
— Ну поедем. Дак у тебе ружье-то есть?
— Да есть како-то худенькё. Но хорошее!
Говорит:
— Собака есть?
— Есть.
— Но поедем.
Поехали в понедельник. Километров тридцать отъехали, она уже начала. Собака залаяла.
Брат говорит:
— Она, брат, на кого залаяла?
— Дак у меня, брат, ни на кого не лает так-то на худого-то. На какого-то зверя залаяла.
— Но пойдем, посмотрим.
— Пойдем.
Пришли — она лает в землю, на мярлог. Знается эдак:
— Мярлог? Медведь там?
— Ну вот, мярлог, стало быть. Да как мы его?
— А я, — говорит, — туда полезу, там посмотреть-то — хто. Пощупать, хто там в мярлоге-та, а ты мене за ноги держи.
Вот он спустился и полез там. Только спустился, медведь — цоп! его — и оборвал всего. Тот вытаскивать его:
— Дак она чего? Головы-то нету! Не, так не может быть, он-то с головой был у меня. Дак чо, дак щас поеду домой, спрошу у жаны, у Натальи, была ли нет голова-то? Дак она точно скажет.
Но приехал домой, приходит к Наталье:
— Но дак чаго, Наталья?
— Чаго?
— Дак старик-эт готовый. Медведь задавил.
— Правда?
— Правда. Ну дак у него голова-то была дома-то?
— Дак я хорошо-то хочь не помлю, но обедали — суп-от хлебал ложкой-то вроде в рот. Вроде голова-то тут была.
Да, ну дак вот эдак. Медведь оборвал яго, щас головы-то нету. Я не знаю, точно ли, нет? Ну, дак сказка вся.

92. ГДЕ, КУМ, БЫЛ?

— Где, кум, был?
— На базаре мерочку горошка купил.
— Хорош твое дело!
— Хорош да не само.

— А что?
— Вот что... Я ехал по мосту, дернул коня по хвосту и горох-то рассыпал.
— Плохо твое дело!
— Плохо да не само.
— А что?
— Да вот что... Я его собрал, да две мерочки набрал.
— Так хорош твое дело!
— Хорош да не само.
— А что?
— Да вот что... Я его посеял да раскатился — да редкий уродился.
— Дак плохо твое дело!
— Плохо да не само.
— А что?
— Да вот что... Он редок да стручист.
— Хорош твое дело!
— Хорош да не само.
— А что?
— Да вот что... Повадились ко мне поповские свиньи ходить да весь горох приели.
— Так плохо твое дело!
— Плохо да не само.
— А что?
— Дак вот что... Да я их повыловил да сала насолил.
— Хорош твое дело!
— Хорош да не само.
— А что?
— Да вот что... Повадились ко мне поповские кошки ходить да все сало и съели.
— Плохо твое дело!
— Плохо да не само.
— А что?
— Да вот что... Я кошек-то всех повыловил да жене шубку сшил.
— Хорош твое дело!
— Хорош да не само.
— А что?
— А вот что... Жена пришла в церкву Богу молиться, а поп-то ходил с кадилом да свою шубку признал да снял.

93. БАБУШКА СТАРА

Бабушка стара на завалинке спала, трех коней стерегла.
— А где кони?
— У клетку ушли.
— А где клетка?
— Водой снесло.
— А где вода?
— Быки выпили.

— А где быки?
— За круты горы ушли.
— А где горы?
— Черви выточили.
— А где черви?
— Гуси выклевали.
— А где гуси?
— У тростники ушли.
— А где тростники?
— Девки выжали.
— А где девки?
— Замуж ушли.
— А где мужья?
— На завалинке сидят, красны шапочки пушат, на гуляние спешат.

94. ТАНЯ ДА ГРИША

Ну, стало быть, жили в нашей деревне мужик да баба. Ее звали Таня, а его вроде того что Гриша. Ну уж сколько жили, про то сказать не могу, только Таня чо-то пожалобилася, мол, с животом чо-то попритчилось* — болит и болит. Ну Гриша и говорит:

— Сходи к старухам, чо посоветуют.

Сходила она и говорит:

— Старухи велят из морского песку ванны делать, мол, тогда легче сделается.

А где он у нас морской песок, ведь далёко?! Но деваться Грише некуда, жалко бабу-то, молода ешо, он и пошел. Вот уж сколько он там идет, не знаю, только попадатся ему навстречу егонный работник Ванька.

— Здорово, дядя Гриша!
— Здорово, Ванька!
— Ты далёко пошел?

— Да вот чо-то бабе попритчилося, живот болит, старухи велят с морского песку ванны делать, мол, дак тогды легче сделатся.

— Дядя Гриша, а ты ей веришь?
— А как не верить-то, жалко бабу, молода ешо.
— Дядя Гриша, айда назать, у ей батюшка в гостях.
— Ой, да не мели никого ты.
— А вот ей Богу, айда, увидишь.

Ну чо делать-то, и тому интересно сделалося. Посадил его Ваня в куль, сгрёб на загорбок и ташшит. Приташшил, значит, в двери-то торкатся, а уж она сразу, Таня:

— Кто там? Гриша, ты чо ли?
— Не-е, тётка Татьяна, это я, Ванька.

Ну Татьяна и говорит:

— Ну, батюшка, вылазь, это работник наш Ванькя, он никому не скажет.

Запушшат его в двери-те.

*Т.е. случилось.

— Это чо у тебя, Ваня, за куль?

— Да бабе барана на ярмонке купил.

— Да вон брось его токо под лавку, ведь не испортится. Садись к нам в застолье.

А у их застолье, все чин чинарем, все по путю стоит: и водка, и все. Раньше-то ведь, не то время, бумажек-то меньше было.

Сидят, значит, и Ваню с собой посадили. Выпили по стопочке там или как. Тогда можно было. Она и говорит:

— Ваня, ты хоть бы спел нам кого-нибудь!

— Ой, да ты чо, тётка Татьяна, ведь сперва хозяева поют, после гости-те.

Таня-то и запела:

— А нет моёго Гриши,
А нет моёго дома.
Он ушел до моря.
Принесет мне пе́сцу,
Я составлю ванну,
Хай я буду здрава!

Трах-трах по горенке, это при её-то хворости. Ну он, Гриша, все там слышит. Опеть, значит, сидят. Сколько-то посидели, она опеть пристает:

— Так, Ваня, хоть бы кого спел...

Ну Ваня и запел:

— Слышишь ли, кулёк?
Видишь ли, кулёк?
Кисти-мисти на стене,
Сладка водка на столе.
Возьми в руки митиган:
Жинку раз, а батьку два —
Он не сбачит и-га-га.

Взял да и Гришу из кулю-ту вывалил. Ну, досталося тут и батюшке, и Татьяне. У ей, говорят, с той поры никакой хворости-то и не сделалось, а может, не было. Я вот так, мол, чо думаю: может, и нам так который раз заместо бюллетня-то?

95. ХОРОШО ДА ХУДО
(Шуточная)

Сошлися одно́ва два мужику: одно-т курганской, другой ерузанской. Ну дак чо, известно, в мужским-то деле сразу тары-бары да растабары и разговорилися, где бывал да чо видал.

— Да ведь в Кургане городе был да гороху купил.

— Ну, брат ты мой, в городе был, в городе хорошо и горох-то хорошо, нонче его только в городе-то и взять, больше нигде нет.

— Хорошо, вишь, да не шибко.

— А чо тако?

— Пошел, пал да весь горох-от раскатал.

— О-о, худо!

— Худо да не шибко.

— А чо не худо-то?

— Я ведь, вишь, одну меру покупал, а из одной две насбирал.

— Дак ведь из одной две хорошо.

— Хорошо... Хорошо да опять же не шибко.

— А чо тако?

— Дак опеть свиньи напали, чисто весь горох-от растаскали.

— Ох, они свиньи, будь они прокляты, свиньи, — худо, а чо с ними сделашь?!

— Худо да опеть же не шибко.

— А чо?

— Дак ведь свиней перебил да и мяса насолил, в городе бывал дак мясом торговал.

— Ну, брат ты мой, нонче с мясом в городе ведь — хорошо.

— Хорошо, да опять же не шибко.

— А чо такое?

— Дак кошки напали, чисто все мясо-то растаскали.

— Ах, они кошки, будь они прокляты, а чо с имя сделашь?! Худо!

— Худо... да опять же не шибко.

— А чо?

— Дак ведь кошек перебил да шапок нашил, в городе бывал дак шапкам торговал.

— Ну, брат ты мой, нонче в городе с мехам торговать — дак ведь хорошо!

— Хорошо да не шибко.

— Ну, вишь, в городе-то все вроде хорошо.

— Ну я ведь бывал дак на аэроплане летал.

— Ой, да не мели никого.

— Да ей Богу, летал.

— Да врешь!

— Летал!

— Дак ведь летал, дак хорошо!

— Хорошо, пока летели дак...

— Ну и чо?

— А потом падать зачали.

— Ой, брат ты мой, падать худо.

— Худо, опять же не шибко. Мы ведь, вишь, давай с этим с парашютом скакать.

— Ну дак ведь с парашютом-то чо, хорошо.

— Хорошо... летчику, у его есть дак, а у меня нету.

— Ну тебе, конечно, худо.

— А чо худо, худо да не шибко. Я, вишь, како-т* зарод приглядел, и опять вроде на его мишшуся.

— Ну дак на зарод — дак хорошо!

— Хорошо... дак ведь только там како-т разгильдяй вилы оставил.

— О, вилы... вилы худо, чо сделашь?!

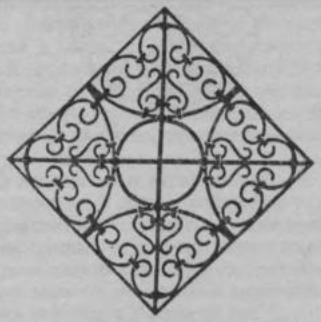
— Чо худо, я ведь на вилы-то не попал.

— Ну дак не попал, дак хорошо!

— Хорошо... Кого хорошо, я и на зарод не попал.

---

*Т.е. какой-то.



ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

Примечания содержат следующие сведения о каждом тексте: номер текста по порядку (нумерация в томе сквозная), название, номера сюжетов с их названиями по АТ и СУС (в круглых скобках), при отсутствии номера делается прочерк; паспорт текста: кто, когда, где записал, инициалы и фамилия исполнителя, его возраст; источник, по которому публикуется текст, — архив, публикация (в квадратных скобках). Далее приводятся по времени записи сибирские варианты сюжетов — кратко указываются издание или архив; во избежание повторений даются сноски на указатель сюжетов, опубликованный в монографии Н.В. Соболевой, — см. сокращенно УС.

Далее сообщается, насколько распространен сюжет в Сибири (по числу записей), как это соотносится с общерусской и восточно-славянской традициями, отмечается типичность или оригинальность контаминаций. По возможности приведены необходимые биографические данные об исполнителе, репертуар и творческий портрет по публикациям собирателя или архивным данным, сноски на исследования. Отмечаются особенности данной сказки в сравнении с типологически сходными сибирскими или общерусскими вариантами. При необходимости, если текст уникален, приводятся некоторые сведения по истории изучения сюжета (см., например, примеч. к № 20), даются сравнительный анализ текстов (см. примеч. к № 22), анализ языка и стиля исполнителя (см. примеч. к № 10) и т.д. По возможности даются ссылки на последнее издание русских сказок А.Н. Афанасьева [77].

Принцип расположения материала по времени записи и месту сюжета в АТ и СУС в силу объективных условий выдерживается не всегда. Например, целесообразнее сказки Д.С. Асламова независимо от номера сюжета поместить рядом. Публикуемые в настоящем томе легендарные сказки предваряют не новеллистические, как в АТ и СУС, а сатирико-анекдотические сказки.

Одним из обоснований выбора текстов для издания из ряда однотипных вариантов является наряду с художественно-содержательными достоинствами ввод в науку неопубликованного материала: из 95 номеров впервые публикуются 78.

Если сказки, например из архива М.К. Азадовского, недавно изданы [107, № 13—15 и др.], в нашей книге они представлены не по последнему изданию, а по архивным полевым записям.

1. Про купеческого сына Ивана Ивановича и про прекрасную царевну Машу. АТ 881А + 850 (мотив "продажи диковинок") + 883А (мотив "убить, вынуть сердце и печенку") + 881А (продолжение) + 885А + анекдоты о глупых "хохлах" и рыбаке с сыном + 881А. (СУС 881 Оклеветанная жена ("Про весь белый свет") + 850 Приметы царевны (мотив "продажи диковинок") + 883А Оклеветанная девушка (мотив "убить, вынуть сердце и печенку") + 881 (продолжение) + 885А Мнимоумершая + анекдоты о глупых "хохлах" и рыбаке с сыном + 881).

Зап. А.А. Савельев в 1910 г. в д. Яркино Енисейского уезда Енисейской губ. (ныне Кежемский р-н Красноярского края). Исп. И.Ф. Рукосуев, 83 лет. ГЛМ, инв. № 4, оп. 14, текст 14. Вар.: № 6 наст. изд.; [111, № 66].

О сказочнике см.: [54].

Большая по объему, насыщенная по содержанию сказка И.Ф. Рукосуева может быть названа авантюрно-новеллистической повестью. В восточно-славянской традиции данная контаминация сюжетов не отмечена, как и в русской сибирской. Основным в повести-сказке является сюжет 881. Мотив "продажи диковинок" из сюжета 850 удачно использован для завязки лейтмотива в основном сюжете — зарождения чувства любви, для чего "диковинка" (чудесная свирель, под которую все пляшут) заменена здесь на вполне реальные "заветные" предметы — часы, кольцо и браслет.

И.Ф. Рукосуев как бы сознательно усложняет основной сюжет, в этом ему прекрасно помогают владение "авантюрной техникой" (эпизоды: путешествие по морю, удачная торговля, спаивание и ограбление героя, одинокая лодка в море, переодевание героев, подложное письмо, стрельба из пистолета и т.п.) и творческий подход к законам волшебной сказки. Так, прием утроения (ретардации) не замедляет действие однотипным повторением, а помогает "расцветить" фабулу рассказа — покушение на невинность героини совершается троекратно: доктором, хохлами и рыбаками, причем сюжетов о хохлах и рыбаках, преподнесенных И.Ф. Рукосуевым как анекдоты о глупых людях, в СУС нет.

В целом сюжет развивается динамично и занимательно. Но повествовательная основа искусно сочетается у Рукосуева с описательностью. В сказке развернуты характеристики бытовой обстановки, подробно и психологически достоверно передается состояние влюбленных, горе матери, думающей, что потеряла сына. Сказочник вкладывает в ее уста выразительный плач: "Горька я да несчастна сиротина". В сказке находим яркие портретные характеристики (описание внешнего вида героя перед первым свиданием), живые диалоги, внутренние монологи, рифмованные фразы, ироничные авторские замечания ("Воротились рыбаки, а рыбки-то нет"!).

"*начто* я его породила" — здесь: зачем.

2. Иван купеческий сын, торгующий солью. АТ 860В*. (СУС 860В* Украденная жена).

Зап. неизвестный собиратель в 1900 г. в г. Селенгинске БурАССР. Исп. "Прокофий Леонтьев, кузнец, селенгинский мещанин". ГАИО, ф. 293 (Материалы "Известий ВСОРГО"), оп. 1, д. 623, л. 27—30. Вар.: [115, № 357; 120, № 19 (= [28, № 17]); 106, № 35; 109, № 43]; БФ, инв. № 3252, п. 5, л. 187—206.

Сибирские записи сюжета от пяти разных исполнителей дают две различные его трактовки: первая соответствует СУС — украдена жена, и сам муж сватает ее за купца (см.: [115, 120] и публикуемый вариант), вторая — украдена и увезена генеральская дочь (см.: [106, 109], БФ). Показательно, что заложенная в самой фабуле первой версии более острая интрига движет развитие сказочного сюжета в сторону ярко выраженного новеллизма, особенно в исполнении Н.О. Винокуровой [120]. Вторая трактовка сюжета такой остроты не имеет (незамужняя дочь-красавица, оберегаемая родителями, ждет достойного во всех отношениях жениха), и потому для усиления занимательности этот сюжет соединяется с другими — авантюрными по характеру [106] или с сюжетами и мотивами волшебных сказок ([109], БФ).

Публикуемый текст близок к рассказу Н.О. Винокуровой, но если в сказке Винокуровой больше новеллизма, то в настоящем варианте больше сказочности (например, типично сказочный мотив — торговля солью). Различен в сказках характер главного героя. Если в варианте Винокуровой преодолеть слабость герою помогает "мелошник Абрам", то в данной сказке герой наделен сильным характером.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 436].

3. Рожок. АТ 850 I + 880 II. (СУС 592 Чудесная скрипка (дудка, гусли, флейта) + 850 Приметы царевны + 1552** Отстраненный соперник).

Зап. неизвестный собиратель в 1900 г. в г. Селенгинске БурАССР. Исп. "Василий Панев, селенгинский мещанин". ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 623, л. 30—33. Вар. 850: № 1 наст. изд. (мотив этого сюжета); [47, № 38; 35, № 24; 153, № 15]; ГБЛ, ф. 542, к. 37, ед. хр. 14; [106, № 10 (=136, № 32); 125, № 5 (=123, № 5); 107, № 21, 29; 109, № 31]. Вар. 1552**: ГБЛ, ф. 542, к. 37, ед. хр. 14; [153, № 15]; ГПБ, ф. 1006, ед. хр. 359, л. 165—168.

Сочетание этих сюжетов в СУС не отмечено. В данном тексте они удачно соединены, причем каждый из них представляет собой образец сатирической трактовки, особенно по отношению к попу и министру. Образ "пляшущего попа" в сюжете 592 — традиционный, но здесь рассказчик "живописует" его с особым сатирическим мастерством. Сказочник употребляет устойчивое в Сибири по отношению к попам определение — "у его глаза завидущи", а также отрывки рифмованной речи, характерной для скоморошьего балагурства: "поп пляшет, косачем машет, косачу крылья оборвал, на себе рясу отрепал..." и др.

Использованная в этой сказке контаминация сюжетов 850 и 1552** не единственная в Сибири; дважды она была зафиксирована в 1915 г. М.К. Азадовским в с. Анга на верхней Лене: в исполнении Ф.И. Аксаментова [153] и неизвестного сказочника (ГБЛ), причем в обеих сказках между двумя указанными сюжетами имеется еще один — 1545А** Человек рассмешил царевну (см. № 39 наст. изд.).

О сюжетах 592 и 850 см.: [77, т. 3, с. 432, 433].

4. Солдат-бедняк и графская дочь. АТ 851 IV. H 812. (СУС 851 IV Опознанная знатная любовница).

Зап. М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Анга (выселок Щаповская Заимка) Качугского р-на Иркутской обл. Исп. Ф.И. Аксаментов, 70 лет. [28, № 27]. Вар.: ГБЛ, ф. 542, к. 37.

Наталья Осиповна Винокурова

Составители СУС данную сказку относят к двум сюжетам: 851 IV и 855* Солдат и царевна (трактирщица). Тип 851 IV — по всем признакам более поздняя версия, оформившаяся в самостоятельный сюжет, судя по трем записям из разных мест (Пермская губ., верхняя Лена, Тунка). Ф.И. Аксаментов рассказывал их как разные сказки (сюжет 855* в его исполнении см.: [28, № 26]). Оба сюжета — типично солдатские сказки, которые в силу жизненных обстоятельств знал и мастерски исполнял Федор Иванович Аксаментов. М.К. Азадовский относил его к "блестящим представителям солдатской сказки" [3, т. 2, с. 11]. Всего Азадовский записал от Аксаментова 16 сказок (впервые опубликованы на русском языке И. Поливкой в Чехословакии в 1928 г.), из них "семь относились к волшебно-фантастическим, остальные по большей части принадлежат к солдатской традиции и к солдатскому репертуару..." [3, т. 2, с. 11].

О жизни сказочника М.К. Азадовский сообщал следующее: «Сам Ф.И. Аксаментов — бывший солдат; некоторые сказки слышал еще мальчиком от "стариков" и тогда же "понял" и запомнил их, но большую часть, по его собственным словам, слышал и перенял в казармах. Служил он довольно долго... во время русско-японской войны потерял глаз. Последние годы занимался по преимуществу сапожным мастерством и жил очень бедно. Как сказочник очень популярен, молва о сказках "кривого сапожника" выходит далеко за пределы ближайших селений. В момент записи сказок ему шел 70-й год, но это был еще бодрый, живой, веселый старик, на вид гораздо моложе своих лет, острый на язык и приветливый» [3, т. 2, с. 5].

Публикуемый текст отличается более упрощенной фабулой сравнительно со сказкой Д.С. Асламова (ГБЛ). У Асламова солдат направляется к графской дочери по повелению великого князя, который шантажирует графскую дочь за то, что когда-то она назвала его дураком. И далее всеми

поступками солдата вплоть до венчания управляет великий князь. Сказка, таким образом, превратилась в новеллу, повествующую о дворцовых интригах.

5. Верная жена. АТ 882. (СУС 882А Спор о верности жены).

Зап. М.К. Азадовский в 1916 г. в с. Челпаново Качугского р-на Иркутской обл. Исп. Н.О. Винокурова, старше 50 лет. [28, № 17=3, т. 2, с. 311—317]. Вар.: [115, № 337; 121, № 13; 124, № 7; 147, № 19; 140, № 12 (=107, № 64=№ 22 наст. изд.)]; БФ, инв. № 3210, п. 5, л. 85—87; ТГУ, инв. № 93, 274, 285; НГПИ, л. 28—35; НКГПИ, № 3.

Сюжет широко распространен в восточно-славянской сказочной традиции (тексты лучших сказочников из разных мест России см.: [3, т. 2, с. 311—365]). Известно 13 сибирских записей из Тюменской, Новосибирской, Иркутской областей, Красноярского края, ЯАССР (Русское Устье, см. № 22 наст. изд.).

Публикуемый текст принадлежит к лучшим вариантам сюжета. Исполнительница его, знаменитая сибирская сказочница Наталья Осиповна Винокурова, бедная, неграмотная крестьянка, родилась и выросла в с. Челпаново и лишь в ранней молодости жила в городе в прислугах. Сказки рассказывала "с заметным удовольствием и радостью, видимо гордясь и любуясь своим мастерством" [6, с. 77].

Сказки Винокуровой отличаются психологизмом. В данной сказке выразительно передано состояние души нищей девушки, думающей, что ее могут несправедливо обвинить в краже, далеко не сразу верящей в серьезность намерений купеческого сына. Тонкая и мягкая деликатность сквозит в пояснениях сказочницы: "А он боится ее спросить, может, она обидится — где же ей, с мешкой ходила, поди, не умет".

Винокурова выходит за пределы поэтики сказки при изображении пейзажа, стараясь преодолеть застывшие штампы, намечая связь пейзажной зарисовки с непосредственными переживаниями героев (черта, характерная для повестей): "Подошел май месяц, зацвели цветы в садах, пошли оне с ей в сад разгуливаться; вот он в саду гулял, гулял да и (в)здохнул чижало". (См. следующий далее диалог.) М.К. Азадовский отмечал, что "сюжет для нее только канва, необходимая скрепка бытовых и психологических деталей" [6, с. 87]. Это особенно видно при сравнении текста Н.О. Винокуровой со сказкой на аналогичный сюжет С.П. Киселева, в которой сказочник во многом следует традиционной обрядности волшебной сказки (ср.: № 22).

Примечателен в варианте Н.О. Винокуровой местный колорит, например знание в деталях тюремного быта. «Вообще "сибирское" широкой волной разлито в творчестве Винокуровой», — заключал М.К. Азадовский [6, с. 85]. Точность и образность речи сказочницы проявляются в употреблении пословиц и поговорок: "Собака собаку по лапе знат", "Востер, да не подточенный". О сюжете см.: [77,т. 2, с. 457].

6. [Сапожник и царская дочь]. АТ 881А. (СУС 881 Оклеветанная жена ("Про весь белый свет") + 891** Петр и Магилена (Магдалена) (мотив "похищение золотой цепочки героини коршуном")).

Зап. М.К. Азадовский в 1927 г. в с. Тунка Тункинского р-на БурАССР. Исп. Д.С. Асламов, 71 года. ГБЛ, ф. 542, к. 39, ед. хр. 2, л. 37об.—58об. Вар.: № 1 наст.изд.; [109, № 66].

О сказочнике см.: [7, с.60; 3, т. 1, с. 68—69; 149, с. 26—28; 18, с. 120—126; 103, с. 25].

Дмитрия Савельевича Асламова, "открытого" М.К. Азадовским еще в 20-е гг., собиратель охарактеризовал как "великолепного мастера-сказочника", но до последних лет тексты его сказок не были напечатаны. Публикуемый текст представляет оригинальную разработку сюжета (ср.: № 1 наст. изд.). На царевне женится не купеческий сын, а сапожник, поэтому попытка избавиться от жены объясняется не ревностью, а осознанным героем несоответствием уровней их социального положения и развития ("его смыслу не хватает против ее"). Нет эпизодов с попытками соблазнения героини антагонистами, узнавание в финале происходит не по портрету. Но, несмотря на отсутствие ряда традиционных для сюжета эпизодов, сказка Д.С. Асламова сложна композиционно. Сказочник, как бы сам удивляясь этой сложности, бросает реплику: "В два ряда она сказывается — вот холера-то!" При переходе от одного эпизода к другому Асламов обычно поясняет: "Теперь ее отбросим, будем про него говореть". Пропустив объяснение вторичного появления героини в "питейном заведении", он восклицает: "Ох, холера, забыл я!" — и дает нужные пояснения. В конце утверждает: "Быль его!" Такие реплики и пояснения — характерная черта манеры сказывания Д.С. Асламова. Она любопытна как стремление самого сказочника вглядеться в структуру рассказываемой сказки, осмыслить (пусть неосознанно, стихийно) художественные приемы, которыми пользуется.

7. Про Петра Первого. АТ 952. (СУС 952 Солдат и царь).

Зап. М.К. Азадовский в 1927 г. в с. Тунка Тункинского р-на БурАССР. Исп. Д.С. Асламов, 71 года. ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед.хр. 11, л. 33об.—42. Публ.: [107, № 14]. Вар.: [127, № 17; 109, № 70]; ТГУ, инв. № 224; ГАКК, ф. 1839, оп 1, д. 138, л. 90—92; БФ, инв. № 2699, п. 4, тетр. 5; инв. № 3180, п. 3, л. 104—115; п. 4, л. 117—118; КГПИ, № 9; ОГПИ, Эк-9/1975, № 16.

Дмитрий Савельевич Асламов

Обычно данный сюжет связан с именем Петра Первого (ср.: [127] — здесь Петр заменен Алексеем), характеризуемого в народном творчестве почти всегда положительно. В этом сказались как понимание народом прогрессивных тенденций в деятельности царя-преобразователя, так и определенный демократизм его поведения: царя видели в кузнице, на верфи, бомбардиром у пушки. Образ сказочного Петра сформировался под влиянием народных преданий о нем. Л.В. Домановский отметил: "Не вельможи и бояре, а простой человек, судя по преданиям, являлся верным и неизменным помощником Петра во всех его делах и замыслах. Представители народа не раз спасали жизнь царя, оберегали от боярских заговоров. В свою очередь Петр глубоко верил в силы русского народа, радовался уму и находчивости простых людей, а когда надо, выручал их из беды" [44, с. 267]. С обликом такого монарха народ связывал свои царистские иллюзии. Таков Петр и в тексте Д.С. Асламова: справедливый, не чурающийся общения с простым солдатом. Традиционно по-сказочному рисует Д.С. Асламов характер солдата. Он непритязателен, отважен, сметлив (см.: эпизод с жареным гусем — мотив из анекдотических сказок о ловком солдате) и даже плутоват: обнаружив фляжку вина, отпил из нее и "обратно завязал, как и знаку не было". В речи солдата находим колоритное асламовское выражение, оправдывающее плутовство солдата: "Едят и мухи с комарами, вот ешо ест и подосиновка".

Сибирский колорит присущ другим записям сюжета. Так, в сказке А. Куликова [127] обычный лес заменен тайгой; в сказке Т.В. Епифанцевой [109] солдат приглашает заблудившегося спутника (царя): "пойдем поищем, како *зимовье* попадет, может", старуха "взялась в них из *обреза* стрелять".

Весьма примечательным представляется замечание собирателей Е. Кобак и Н. Серовой о том, что Т.В. Епифанцева, слышавшая "историю" от бабушки, считает, что "все это правда", но предлагает "пустить ее под сказкой" [109, с. 330], т.е. исполнительница стихийно осознает эту новеллистическую сказку как историческое предание. В этом народном суждении тонко подмечено, что цикл сказок о Петре I, как и об Иване Грозном, представляет промежуточную жанровую форму, так и не оторвавшуюся целиком от народных преданий. (См. об этом: [10, с. 25; 88, с. 26—35; 135, с. 267—268].)

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 374].

8. Про вора. АТ 950 + 1525Д + 950. (СУС 950 Дядя и племянник + 1525Д Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников) + 950).

Зап. М.К. Азадовский в 1927 г. в с. Тунка Тункинского р-на БурАССР. Исп. Д.С. Асламов, 71 года. ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 19, л. 28об.—37. Публ.: [107, № 13]. Вар. 950: УС, а также ГАМ, инв. № 4, оп. 14, текст № 19; ЦГАЛИ, ф. 1366, оп. 1, ед. хр. 181, л. 199—203. Вар. 1525Д: УС.

Известно 11 сибирских вариантов сюжета 950 в контаминации в основном с сюжетом 1525 Д, А, К, Р, что соответствует общерусской традиции. Время записей — с конца XIX в. (4 сказки) до 80-х гг. XX в. Их география такова: Курганская, Тюменская области, Алтайский край, Омская обл., Красноярский край, Иркутская обл., Бурятская АССР, Якутская АССР.

Сюжет широко распространен, как в восточно-славянском, так и в мировом фольклоре. Он известен еще с пересказа его Геродотом [36, с. 116—118], а если учесть генетические связи "со сказками анималистическими и волшебными... время его зарождения относится в доисторическую эпоху" [151, с. 89]. Особенностью развития сюжета в восточно-славянской традиции является использование для его раскрытия мотивов различных анекдотических сказок о хитрых и ловких ворах — см. выше. Д.С. Асламовым сюжет изложен традиционно, за исключением двух моментов: племянник не отрубает голову дяди, когда тот попадает в смолу; жена дяди плачет не о разбитом кувшине, а об оброненном пятачке — возможно, эту "хитрость" Д.С. Асламов придумал сам, так как караульные оказались одураченными дважды. Таким образом, в записи 1927 г. появляются нетрадиционные мотивы, тогда как в записи 1946 г. из Русского Устья сохраняются мотивы XVIII в. (ср.: примеч. и текст № 24).

В сказке Д.С. Асламова ощутим колорит дореволюционной Сибири: советы опытного вора, который "обсужден на вечную жись" в "тюремном замке"; караульщиков, не укаравших вора, "всех в острог угнали" (ср. с тюремными мотивами в сказке Н.О. Винокуровой — № 5).

В языке сказочника встречается сибирская лексика: "гуранье мясо" (мясо дикого козла), "заплот" (забор). Как и в предыдущих сказках, Д.С. Асламов сопровождает рассказ репликами о его развитии, следит за ним. "Ешо сказать надо — напиши его", — предлагает он собирателю, вспомнив, что пропустил эпизод с оплакиванием трупа дяди.

О сюжетах см.: [77, т. 3, с. 388, 390].

9. Фомушка-вор. АТ 1525А + 1573* + 1737. (СУС 1525А Ловкий вор + 1573* Работник ссорит всю семью + 1737 Поп в мешке).

Зап. М.К. Азадовский в 1927 г. в с. Тунка Тункинского р-на БурАССР. Исп. Д.С. Асламов, 71 года. ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 18, л. 38—57. Публ.: [107, № 15]. Вар. 1525А: УС, а также ГАМ, инв. № 4, оп. 14, № 19, 35; ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 623, л. 56—59об.; ИГПИ, л. 116—119; [139, № 39]; ОГПИ, Эк-5/1981, № 74; ОГПИ, Эк-45/1981, № 18; № 77 наст. изд. Вар. 1573*: УС. Вар. 1737: УС, а также ГАИО, ф.293, оп. 1, д.623, л. 56—59об.; ИГПИ, л. 190—195.

Основным в этой сказке является сюжет 1525А. Известно 19 сибирских записей этого сюжета в различных контаминациях. Наиболее типичные в Сибири: 1525А + 1525Д, К, Р; 1525А + 1737 — они характерны и для общерусской традиции. Часто встречается в Сибири соединение сюжета 1525А со сказками об одураченном черте: сюжеты — 1045, 1063, 1084 и др. География записей сюжета 1525А: Алтайский край, Кемеровская, Омская, Томская области, Красноярский край, Иркутская обл., Бурятская АССР, Читинская обл.

Из неопубликованных наибольший интерес представляют дореволюционные записи из материалов "Известий ВСОРГО" (ГАИО — текст записан в Бурятии) и А.А Савельева на р. Ангаре (ГАМ) — этот текст отмечен чертами скоморошьего балагурства.

Исполнение Д.С. Асламова отличается высоким мастерством не только словесного, но и артистического искусства. Из наблюдений М.К. Азадовского над исполнением этой сказки: "Рассказчик он превосходный. Он то повышает, то понижает голос, делает паузы, играет и жестикулирует. Он рассказывал Фомку-вора: когда Фомка-вор появляется перед слугами, переодетый губернатором, он кричит, топает ногами, хмурит брови. Когда выясняется безнадежная глупость губернатора и окружающие разъясняют ему ее, сказочник придает своему голосу увещательные и внушительные интонации" [3,т. 1, с. 68—69].

О сюжетах 1525А и 1737 см.: [77, т. 3, с. 387].

10. Афонюшка. АТ 1539. (СУС 1539 Шут).

Зап. М.К. Азадовский в 1927 г. в с. Тунка Тункинского р-на БурАССР. Исп. Д.С. Асламов, 71 года. ГБЛ, ф. 542, к. 39, ед. хр. 3, л. 9—21. Вар.: УС, а также [77, т. 3, № 397]; ГАМ, инв. № 4, оп. 14, № 14; ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 623, л. 34—46об.; ИГПИ, л. 125—129; НГПИ, л. 76—77; [105, № 4]; № 76 наст. изд.

Известно 43 варианта сибирских текстов на данный сюжет в различных контаминациях: 1539 + 1535, 1539 + 1536В. Эти наиболее часто встречающиеся в Сибири контаминации сюжета 1539 характерны для всей восточно-славянской сказочной традиции. Наибольшее количество записей сделано в Восточной Сибири: Красноярском крае, Иркутской обл., Бурятии, Якутии (№ 25). Об особенностях бытования сюжета в разных историко-культурных зонах Сибири см.: [133, с. 65—70].

Эта сказка — типичный образец творчества Дмитрия Савельевича Асламова: она полна динамизма и экспрессии, живых диалогов, выразительных определений и обращений, ярких замечаний и восклицаний самого исполнителя. Сказка представляет не механический набор мотивов, как

это часто бывает в сказках о шуте, а цельное, выдержанное в едином стиле от начала и до конца повествование. Цепь событий увязывается в гармоничное целое образом главного действующего лица — плута Афоношки. В данном случае это не статичный, с механическими действиями персонаж, переходящий из варианта в вариант, а полнокровный, живой, художественно полноценный образ человека-плута, подвижного, энергичного, умного и остроумного.

Динамичный стиль создается за счет наполненности текста глаголами-сказуемыми, имеющими разную семантическую и экспрессивную окраску. Это не только сказуемые, следующие плотно одно за другим и обозначающие простые действия чаще всего совершенного вида, как, например, в начале сказки — *пахал, нагрел, поставил, наклал, пипит, догадался, сбегнул, принес, нажарил, спрятал* и т.д. У сказителя много глаголов-сказуемых, побуждающих к действию, сообщающих энергию, толчок движению, например, в наказах жене-пособнице: *положь, скрой, наставляй, упади, лежи, не дыши, терпи, ставай.* И как бы в ответ на такой энергичный напор жена его *сымат, бежит, ташшит, отворят, раскапывать, вынимат, набрала, наташшила* и т.д. Есть у Асламова и особый набор глагольных форм и фразеологических оборотов, передающих индивидуальный, весьма выразительный колорит речи сказителя: *душа горит, будем гостить, попьем-погулям, до горла сыты, просвистала плеть неутулимо, поспешил скорым ходом, порснул, отдуй, вали* и т.д. Разнообразны его экспрессивные обращения: *анафьема, невежа, стерва, кудла, вельма, ребятушки, злоехидной.*

Д.С. Асламов как ребенок увлекался созданной им самим живой и вместе с тем художественной картиной, он представлял ее в воображении настолько живо, что сам входил в игру и участвовал в ней — сопереживал, что видно по его авторским замечаниям: "Вот дурачье-то!", "Ах, дурачье!" И в конце удовлетворенно добавил: "Вот хохотать будут — читать-то! Пускай, пускай похохочут!" (Отдельные замечания М.К. Азадовского о поэтических особенностях сказок Д.С. Асламова см.: ГБЛ, ф. 542, к. 39, ед. хр. 5, л. 16, 17, 22 и др.)

Его талант был широким, добрым и великодушным, иногда сатиричным, особенно когда он говорил о попах и торгашах. Это была натура истинно художественная, с развитым чувством меры и гармонии, с природной одаренностью воспринимать и передавать посредством слова все эстетически приемлемое и прекрасное. М.К. Азадовский с любовью писал о нем, когда посетил его снова в июле 1935 г.: «Старик мой жив, живет в другой деревне... очень обрадовался, увидев меня. Ему уже 80 лет, но он еще бодр, память сохранил хорошую, и с завтрашнего дня мы с ним засядем за работу... Материальное положение старика неважное. Он ходит по миру и этим питается, поэтому мой приезд для него крупное событие. Обещал прийти рано утром, — наверно, весь вечер будет "припамнивать" сказки» [50, с. 243—244].

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 394].

11. Беспечальный монастырь. АТ 922 (СУС 922 Беззаботный (беспечальный) монастырь).

Зап. М.К. Азадовский в 1925 г. в с. Малый Хобок (ныне с. Саганур) Тункинского р-на БурАССР. Исп. Е.И. Сороковиков-Магай, 57 лет. [3, т. 2, № 39]. Вар.: УС, а также БФ, инв.№ 3443, п. 2, л. 208—210; [105, № 16].

О сказочнике и его творчестве см.: [7, с. 80—113 (= [5, с. VII—XXXII]); 39, с. 7—29; 150, с. 3—74; 123; 71; 133, с. 42—45, 62—63].

Это один из самых распространенных сюжетов мирового и восточно-славянского фольклора (О сюжете см.: [13]). Популярности сюжета способствовали его занимательность и социальная острота. Он тесно связан с традициями народной "смеховой культуры": использование приема перестановки "верха" и "низа", что выражено переодеванием трактирного пьяницы в одежду игумена и последующей переменой их социального положения, изображением монастыря как кабака.

Егор Иванович Сороковиков-Магай из плеяды талантливых сказочников, "открытых" М.К. Азадовским в 1925 г. в Тункинской долине Бурятии. "Магай" — родовое имя, означающее "маг", "знахарь", "колдун". Талантливыми сказочниками были отец Егора Ивановича, его брат и сестра (сказки брата см. в наст. изд. № 48, 88—90). Прекрасное знание сказочной традиции, с одной стороны, творческая одаренность — с другой, обусловили художественную выразительность его сказок, индивидуальное своеобразие в общем русле традиции.

Публикуемая сказка — одна из любимых сказочником, он рассказывал ее собирателю неоднократно (о вариантах см.: [125, с. 321—322]). Кроме М.К. Азадовского сказку записывали от него А.В. Гуревич и Л.Е. Элиасов.

В развертывании сюжета наблюдаются две тенденции: в одной акцент делается на "умных ответах", в другой — на сатирическом изображении монастырской жизни. Магай объединил обе тенденции, его вариант считается наиболее полной разработкой сюжета. И все-таки наиболее ярко звучит в его сказке антиклерикальный пафос, заложенный в самой основе сюжета. У Магая он подчеркнут употреблением насмешки и тонкой иронии: "Игумен несколько *струсил*", "игумен спрашивает *смиренно*", "кто-то насмеялся над нами, залепил бумажку", "и тот стал *шутя* ему рассказывать", "нечего делать — хотя и неприятно, *приходится надевать*" (одежду пьяницы), "а игумена отправили *шляться* по трактирам и кабакам". С той же целью им используется церковная

лексика, например, во фразе: "Монастырские *врата* были очень крепко заперты". В сказке постоянно просматривается грамотность Магая: "Вынимает крестьянин памятную книжку, отрывает листок, пишет крупным шрифтом", просит "несколько десетей бумаги", "взял карандаш и начинает писать", "заглавие поставил" и т.д. Магай любил читать книги, и это повлияло на стиль его сказок [4, с. 11, 13, 16; 98, с. 128—130].

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 369—370].

12. Царь и мужик. АТ 921А. (СУС 921А Куда тратятся деньги).

Зап. Н. Цын, В. Красикова, Т. Никитина в 1965 г. в Томской обл. (район и село не указаны). Исп. Е.Д. Ездовская, 56 лет. ТГУ, инв. № 45. Вар.: УС.

Настоящий текст во многом совпадает с вариантом, опубликованным в сборнике А.Н. Афанасьева [77, т. 3, № 323]. О вариантах, записанных от Е.И. Сороковикова-Магая в 1927 и 1936 гг., см.: [7, с. 106—107]. Любопытны наблюдения об изменениях, внесенных сказочником в сюжет после его знакомства с антологией "Русская сказка. Избранные мастера" [3].

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 368].

13. Сказка о солдате — ума много, денег нет. АТ 921F*. (СУС 921F* "Гуси с Руси").

Зап. Н.В. Соболева в 1978 г. в с. Тасеево Тасеевского р-на Красноярского края. Исп. Л.М. Пашков, 70 лет. БФ, инв. № 3443, п. 2, л. 208—210. Вар.: ГБЛ, ф. 542, к. 37; ГАКК, ф. 1839, оп 1, д. 138, л. 20 — 23; БГПИ, т. 2, № 2.

О сказочнике см.: [133, с. 29].

По основным эпизодам сказка совпадает с текстом из сборника А.Н. Афанасьева [77, т. 3, № 326], за исключением последнего (мотив "перед лицом царя"), который имеется в тексте из сборника А.Н. Афанасьева. Возможно, грамотный Л.М. Пашков (бывший председатель колхоза) усвоил сказочные сюжеты и мотивы из собрания сказок А.Н. Афанасьева, хотя сам он этого уже не помнил.

Интересно, что Л.М. Пашков ищет мотивировки поступков героев, исходя из реалий нового времени и личной практики: "Я завтра уезжаю за границу, мне надо сведения такие, *доклад буду делать*".

Логин Михайлович Пашков был известен в крае в основном как большой знаток "соромских" (эротического содержания) сказок, однако это "сказочник неторопливого эпического склада, но в рассказе его много скрытой экспрессии, он увлекается при исполнении. Он подает сказку легко и свободно, как бы играючи — как словесную игрушку, забаву, развлечение" [133,с. 29]. Л.М. Пашков не сибиряк, он из переселенцев Витебской губ.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 369].

14. Стрижена девка. АТ 921 + 875. (СУС 921 Невестины (мальчика, мудрой девы Февронии) загадки + 875 Семилетка (Мудрая девушка)).

Зап. Н.В. Соболева в 1978 г. в д. Глинная Тасеевского р-на Красноярского края. Исп. В.И. Вахрушев, 68 лет. БФ, инв. № 3443, п. 2, л. 218—221. Вар. 921: [136, № 39; 147, № 25]. Вар. 875: УС, а также ГАМ, инв. № 4, оп. 14, № 23; ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 14, л. 26—29 (= [107, № 10]); [139, № 32]; НКГПИ, № 16; БФ, инв. № 3272, п. 3, л. 31—32.

О сказочнике см.: [133, с. 29—30].

Отмеченная контаминация сюжетов типична для Сибири. Сказка широко бытует в регионе — более 20 записей из Тюменской, Томской, Кемеровской, Омской областей, Красноярского края, Иркутской, Читинской областей, Бурятской и Якутской АССР.

Мотив отгадывания мудрых загадок перед свадьбой, составляющий основу сюжетов 921 и 875, весьма древен (см. об этом: [56]). Впервые он был зафиксирован не в устной, а в письменной традиции — "Повести временных лет", "Повести о Петре и Февронии Муромских", эти памятники возникли на основе устной традиции [9,с. 28; 128]. Причем и в повести о Петре и Февронии, и в сказках происходит не простое испытание ума, а состязание между героиней из народа и представителем "верхов". Этот социальный момент сказка сохранила до наших дней.

С задором раскрывает В.И. Вахрушев основную фабулу известного сюжета, точно и умело передавая в диалогах игру смысла трудных вопросов и ответов. С добрым юмором рисует он портрет героини: "Ну, она с веснушкам, рыжая была, понимаешь, волосы у ей как попало острижены". Экспрессивно, с юмористическим использованием формулы волшебной сказки передает сказочник диалог принца с женой, когда она говорит: "Еду туда, сама не знаю куда". Оригинальна, юмористична концовка сказки.

В сказках Василия Ивановича Вахрушева ярок сибирский колорит. В данной сказке героиня поясняет свои мудрые слова, удивляясь, что принц — "образованный человек" — не смог их разгадать: "За зайцем пошел, бродни — рубель, а заяц — копейка, еще убьет или нет, а бродни наверняка продерет". Охота — занятие, чаще всего отражаемое в сибирских сказках.

От В.И. Вахрушева записано еще пять сказок и три анекдота в основном антиклерикального сатирического содержания. (Его сказки см.: [104, № 40, 57, 69; 103, № 54].)

О сюжетах см.: [77, т. 3, с. 370—371].

15. Царица и солдат. АТ 905А*. (СУС 905А* Королева (царица) и жена сапожника).

Зап. М.В. Красноженова в 1929 г. в с. Заледеево Емельяновского р-на Красноярского края. Исп. Е.И. Чичаева, 49 лет. [124, № 9]. Вар.: УС, а также [105, № 49]. Известны четыре варианта, записанные в Сибири.

О сказочнице и ее творчестве см.: [103, с. 6; 104, с. 9, 263, 266; 118; 119; 124, с. 35—106; 144].

Екатерина Ионовна Чичаева — подлинный мастер народного художественного слова. М.В. Красноженова записала от нее летом 1927 г. почти 50 сказочных текстов. Позднее сказки от Е.И. Чичаевой записывали А.В. Гуревич, Л.Н. Фейгинова и др. Кроме того, от нее записано много песен, пословиц, преданий. Биография сказочницы типична: родилась в семье батрака, бедствовала до революции, во время коллективизации вступила в колхоз.

Высоко оценил мастерство сказительницы Н.П. Андреев, отметив, что в ее сказках изображение обстановки "связывается либо непосредственно с городом, либо с городской культурой. Волшебные элементы совершенно устранены, зато психологические характеристики выдвинуты на первое место — это уже переход сказки в повесть" [124, с. 30]. Эти особенности убедительно проявляются в публикуемой сказке, для которой характерна ярко выраженная социальная окраска, передаваемая с помощью приема социальной антитезы. (О сюжете в исполнении Е.И. Чичаевой и других сибирских исполнителей см.: [103, с. 4—7, 225].)

Интересно сравнить сказку Е.И. Чичаевой с текстами других сибирских сказочников: в двух из них "исправленной" оказывается царица, в варианте Д.С. Асламова — купчиха [103, № 1—3]. Наблюдается общая тенденция к устранению волшебного элемента: если в дореволюционной сказке [48, № 16] при замене царицы на чеботарицу используется чудесный предмет (волшебная свечка), в сказке Е.И. Чичаевой еще сохраняется волшебный лист, то в текстах Д.С. Асламова (запись 1925 г.) и А.Г. Соломенниковой (запись 1969 г.) замена совершается при помощи обыкновенной водки, в чем, возможно, сказывается влияние однотипного сюжета 1531 Жизнь есть сон (Калиф на час). Все сказочники вводят реальную мотивировку неузнавания женщин их внешним сходством и одинаковостью имен.

16. Любовь жены. АТ 882А* + 1730. (СУС 882А* Верная жена (Женихи за прялкой) + 1730 Поп, дьякон и дьячок у красавицы).

Зап. В.Д. Кудрявцев в 1926 г. в с. Малый Хабык Минусинского р-на Красноярского края. Исп. С.И. Скобелин, 52 лет. [121, № 3 = 3, т. 2, № 33]. Вар. 882А*: [124, № 21; 109, № 65]. Вар 1730: УС, а также [106, № 35; 139, № 47; 109, № 65]; НКПИ, № 34; БФ, инв. № 3495, л. 63—71; [105, № 17].

О сказочнике см.: [121, с. 3—7; 7, с. 75—77].

Симон Исаевич Скобелин — коренной сибиряк, "грамотный, но читает слабо, а пишет с трудом", — сообщал о нем собиратель. Сказки перенял на артельной работе и на охоте. Крестьянствовал, дополнительно занимался плотничьим и бондарным ремеслами. Бывал в сибирских городах Красноярске, Канске, работал на железной дороге, на руднике, на озере Шира (курорт). "Рассказывает он с чувством, как художник, — пишет собиратель. — ...Симон Исаевич любит воспроизводить детали, дорожит словом и сказочными канонами" [121, с. 7]. Темп рассказывания медлительный, обстоятельный, как в традиционных волшебных сказках, но внутреннее напряжение действия постоянно поддерживается. С.И. Скобелин был мастером-исполнителем авантюрно-новеллистических сказок и устного рыцарского романа о Бове [121, № 11].

Публикуемый вариант, по словам М.К. Азадовского, "является замечательным образцом интерпретации старых сюжетов" [7, с. 75]. Сказка развивается по канонической трехчленной схеме с градацией (нарастанием эффекта) в каждом ходе. Градация не чисто внешняя, механическая (как число голов змея в волшебной сказке), а социальная (второй студент богаче первого, третий еще и граф) и даже психологическая: сказочник каждого наделяет индивидуальными чертами характера, используя внутренний монолог: «Рассмехнулся граф, думат своим умом: "Эх, болваны вы..."» (и далее по тексту). То же наблюдаем в развертывании второго сюжета: в чемоданы купеческой жены, бедной дочери лесника, попадают духовные особы, причем не от дьячка до попа, как в традиционном сюжете, а от попа до патриарха (ср.: в основанной на этом сюжете древнерусской "Повести о Карпе Сутулове" социальный статус прелюбодеев-церковников не поднимался выше архиерея). Часто к этому сюжету сказочники подходят только как к веселому и пикантному. С.И. Скобелин не отказался от комизма. Но он усиливает социальную остроту смеха, особенно в саморазоблачительном монологе патриарха о "крестьянской шее"; или издевательски-иронические напутствия героини: "Лежи, свет, спасён, можот, будешь!", "Сиди тут, просвешшенной владыко! Авось, может быть, и в святые попадешь!" Ироничен С.И. Скобелин и в таком авторском замечании: "Неожиданный случай получился", когда один из посетителей оказался в ловушке. М.К. Азадовский

назвал сказку С.И. Скобелина "одной из самых примечательнейших во всем русском сказочном репертуаре... сказкой-уникой" [7, с. 76].

В контаминации, как и у С.И. Скобелина, известны две записи: не сибирская — от М.Д. Кривополеновой [82, с. 22—29] и сибирская — от Н.Г. Бояркина [109, № 65]. В сказке Н.Г. Бояркина столь же остр, как у С.И. Скобелина, социальный конфликт: сначала между героиней и родителями жениха-купца ("Ты что, наш сын милый, мы купцы, а ты взял служанку?"), затем между нею и "ухачами", приезжавшими с "пудами золота" (сибирский колорит) ее соблазнять.

О сюжете 1730 см.: [77, т. 3, с. 431].

17. Про Ивана Васильевича Грозного. АТ 873. (СУС 873 Царь и купеческая дочь).

Зап. Д.И. Абдулова, 66 лет — самозапись 1970 г. в г. Кызыле ТувАССР. КГПИ, № 33. Вар.: [121, № 16 (= [3, № 35]); 124, № 4; 58, с. 92—102; 127, № 22].

Вариант Д.И. Абдуловой приурочивает сюжет к популярному в фольклоре имени Ивана IV. Верная каноническому в фольклоре изображению этого царя как справедливого, сказка в финальной сцене показывает его радость, когда он в приговоренном к повешению купце узнает сына и отменяет приговор. Сказочный канон — обязательная в финале свадьба — приводит в данном случае к несообразности: уйдя в монастырь, тем более став игуменьей, мать героя не имела права вступать в брак, приняв обязательный для "черного духовенства" обет безбрачия. Отступлением от сказочного канона является и то, что в героя влюбляется не царевна, а дочь городского головы, которую царь "не велел никому показывать", — этот запрет традиционен, но в данном случае он имеет новеллистическую мотивацию — царь намерен сделать девушку очередной женой или наложницей.

Не совсем удачно имя героя — Иван Васильевич, совпадающее с именем царя, поэтому лишь из контекста становится ясным, что именно для него (а не для царя) был сделан подземный ход.

Хотя сказка — самозапись, устно-поэтический стиль в ней сохранен: используются сказочные формулы ("В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем", "И стал он расти не по дням, а по часам", "Я на том пиру была, мед-пиво пила..."). Но уже в последней формуле наблюдается соединение традиции с индивидуальным стилем сказочницы: "были бы усы, то по усам бы потекло..." В традиционную формулу роста героя она включила атрибуты нашего времени: "... и был такой умный, что в пять лет он уже стал учиться в школе и в семнадцать лет он получил высшее образование".

В сказке Д.И. Абдуловой встречаются реминисценции XVIII в.: ироническое выражение "в небесную канцелярию" фигурировало в названиях сатир на высших чиновников, например "Жалоба жителей Саратова в небесную канцелярию на губернатора" — неизвестное в печати сатирическое произведение 1790-х гг. [44, с. 302—303]. Сцена убийства царем сына навеяна историческими сведениями на ту же тему.

Из других сибирских вариантов представляет интерес сказка "Столяр и часовой мастер", записанная в 1951 г. в Омской обл. и представляющая контаминацию сюжетов 878 и 575. Традиционный волшебный сюжет 575 в данном случае является примером переработки его в новеллистический [127, № 22].

О сюжете 873 см.: [77, т. 3, с. 436].

18. Про двух царевичей и стару вельму. АТ 938. (СУС 938 Евстафий Плакида).

Зап. Е.И. Шастина в 1967 г. в с. Качуг Качугского р-на Иркутской обл. Исп. А.А. Дерягин, 85 лет. [107, № 31]. Вар.: [48, № 35]; НКГПИ, л. 3—12; БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 177—181.

О сказочнике см.: [145, с. 197—199; 146, с. 272; 148, с. 67—68, 151—159 и др.].

Алексей Алексеевич Дерягин родился в с. Анга на верхней Лене, где еще в 1915 г. М.К. Азадовский обнаружил "мощные залежи сказочного богатства". Именно в Анге жили талантливые сказочники Ф.И. Аксаментов, Е. Ананьев, М. Медведев, от которых А.А. Дерягин во многом перенял репертуар и исполнительское мастерство. Его отличает тяготение к характерности повествования, умение строить выразительные сцены-диалоги. "Это, безусловно, самый талантливый сказитель, с которым довелось встретиться в Качугском районе", — отмечала собирательница [147, с. 272].

Сюжет публикуемой сказки восходит к французской повести об Оттоне и Олунде, известной в России с XVII в. в переводе с польского под названием "Повесть... о царице и двух сынех и о львице". Она проникла в лубочную литературу, через нее в фольклор [51, с. 72; 83, раздел "Повесть об Оттоне цесаре римском"].

Особенность сказки А.А. Дерягина — отход от обычной для разработок легенды об Евстафии Плакиде религиозно-морализующей окраски, для нее нехарактерен и лубочный стиль, "к которому близки известные варианты" (см. об этом: [107, с. 416]). В сказке примечательно "стремление осмыслить чудесную событийность через современность" [Там же]: "молодой государь телеграфироват", красавица "нигде не опубликована", "принец поднимался к ней на двенадцатый этаж блоком", царь пишет "заявление в Верховный Совет" и т. д.

Сибирский колорит проявляется в решении суда "завезти в непроходимую тайгу", где царица детей "разным кормила травам и корням и деревянный огонь зажигала". Умение сказочника

использовать выразительную художественную деталь можно проиллюстрировать ярким сопоставлением и сравнением: "мы сейчас за бокалом, а моя мамаша *почернела с горя углем*".

В 1986 г. на Ангаре в старообрядческой деревне Прилуки Богучанского р-на Красноярского края записана сказка-легенда на сюжет 938. Рассказчица Т.И. Попова, 73 лет, подчеркивала: "мы уральские, с Урала" и, видимо, на замечание собирателей об этой *сказке* ответила: «Это что было, быль была когда-то была, кака-то когда быль была эта. В "Четьях", в таких книгах, в их сказок нету, это сказки другие, а это быль, токо были. Вот такие житья» (зап. А.Г. Игумнов, И.Г. Карасева, В.А. Кляус. — БФ, инв. № 3503).

19. Сказка про золотого козлика. АТ 854. (СУС 854 Золотой козел ("С деньгами все возможно")).

Зап. Н.В. Соболева, Л.М. Свиридова в 1970 г. в Нерчинске Читинской обл. Исп. С.Т. Чекашкин, 75 лет. БФ, инв. № 3252, п. 5, л. 85—98. Публ.: [112, с. 156—169]. Текст для Сибири уникален.

О сказочнике см.: [131, 132].

Редкий в славянской сказочной традиции новеллистический сюжет: в СУС отмечены два русских и два украинских варианта. В отличие от записи из "Русских заветных сказок" А.Н. Афанасьева [77, т. 3, с. 328—329] настоящий текст точно соответствует сюжетному типу по СУС — чтобы проникнуть к царевне, солдат прячется в отлитого золотого козлика, а не в напольные немецкие часы, как в сборнике А.Н. Афанасьева. Сибирский вариант представляет основательно разработанную в деталях сюжетную схему. Здесь С.Т. Чекашкин, как и в других своих новеллистических сказках, окончательно не отходит от канонов волшебной сказки и создает истинно сказочное повествование, в котором чудесные моменты (например, образы трех старух и святого старца — добрых советчиков — или воздушный таинственный замок, где под страхом смерти отливают золотого козлика) сплетаются с сугубо реалистическими мотивами, эпизодами и жанровыми сценками. Сказку на этот сюжет можно рассказать по-разному. В примечаниях в сборнике "Народные русские сказки А.Н. Афанасьева" издания 1940 г. [т. 3, с. 482] читаем: "Типичная солдатская сказка... Сказки этого типа изобилуют непристойными моментами..." В совершенно ином ключе исполнил ее С.Т. Чекашкин. Он наполнил ее чудесными мотивами не только потому, что ему как сказочнику это вообще свойственно, но, думается, и потому, что он тонко почувствовал художественную природу сюжета, а именно то, что данный новеллистический сюжет представляет собой переходный тип от волшебного к новеллистическому. Взять хотя бы образ царевны, которую никто не видел, — это типичный мотив волшебных сказок, но золотой козлик — всего лишь маска, и "волшебство", совершаемое с его помощью, уже не волшебство, а авантюра солдата-пройдохи. Новеллистическая природа сюжета осознается сказочником и в конце сказки, когда он не хочет "приговаривать" (исполнять сказочную формулу), а завершает ее приближенно к жизни. Если даже С.Т. Чекашкин усвоил сказку в таком виде от своего учителя А.А. Верхотурова, то и благодаря таланту самого Степана Терентьевича сказка эта представляет собой эстетически полноценное, гармоничное, высокохудожественное произведение.

В жизни С.Т. Чекашкин был человеком исключительно приятным в общении, личностью художественной, артистической, тонко воспринимающей все прекрасное, наделенной природным чувством такта и гармонии, даром слова, способностью запоминать сюжеты. Как сказочнику ему повезло с детства — у него был хороший учитель, встреча с которым помогла раскрыться и сформироваться таланту: "Был тут у нас один сказитель — Верхотуров Андрей Андреич. Мастер был сказки сказывать. Тут, в Нижних Ключах, у купца Бушуева мы вместе жили в работниках. Мне-то лет десять было. Но память у меня была чертовска". Сказки рассказывал всю жизнь — в солдатских казармах, в приискательских артелях, на колхозных фермах и т. д. В 1970 г. было записано семь больших сказок, из них четыре волшебных.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 434].

20. Про Пётро и Магелону. АТ 891А. (СУС 891** Петр и Магилена (Магдалена)).

Зап. Н.А. Каргаполов в 1950 г. в с. Завьялово Тогучинского р-на Новосибирской обл. Исп. Ф.Г. Варфоломеев, 82 лет. НГПИ, л. 91—96. Текст для Сибири уникален.

В СУС зафиксировано лишь две записи сюжета: русская (см.: [100, т. 1, № 30]) и белорусская (см.: [101, № 3]). Сюжет древний, в основе его лежит французский куртуазный роман XV в. о Петре, графе Прованском, и прекрасной Магелоне, дочери неаполитанского короля. История и анализ этого фольклорного в своей основе сюжета изложены в работах: [51, с. 484—486; 52, с. 354—355; 60; 83, 95].

В публикуемом тексте сказки Франция заменена Англией, неаполитанская принцесса — испанской. Под влиянием русских волшебных сказок о богатырях иностранные имена деда и отца героя (например, Вольфганг — см.: [60, с. 275 и далее]) заменены на русское сказочное Восполин и ироничное Инвалин ("простой человек, как мы теперича"), рыцарский турнир — на "съезд богатырей", рыцарское копье — на луки и стрелы, приморский лес — на сибирскую тайгу. Из

средневековых атрибутов, кроме самого сюжета, в сказке осталась эмблема героя — Серебряные Ключи ("Убрал седло серебряными ключами"), отсюда и прозвище "Золотые Ключи", в данной сказке — Серебряные, как и в немецкой народной книге (совпадают также имена героини и героя). По поводу этой эмблемы Б.И. Пуришев пишет: «С поэтической концепцией романа тесно связана также полюбившаяся Петеру эмблема Серебряных Ключей. Собираясь принять участие в неаполитанском турнире, он велел изготовить "два серебряных ключа на свой шлем, по коим можно было распознать в нем почитателя небесного князя — святого Петра, Апостола", именем которого он был наречен... Согласно христианской легенде, апостол Петр является привратником рая. Своими ключами он открывал и закрывал райскую обитель. Под знаком этих драгоценных ключей и протекала земная жизнь Петера. Обретя любовь Прекрасной Магелоны, он приблизился к вратам рая, затем бродил вдалеке от них, пока, наконец, не обрел желанной благодати. Тем самым религиозная эмблема, звавшая к отречению от земных соблазнов, в народной книге превращается в апофеоз земной любви, только любви, достойной человеческого благородства» [96, с. 270].

Другие детали в сказке говорят о локальной приуроченности и современной нам действительности: "снял номер в гостинице", "по всему городу афиши набиты", героиня "пишет заявление королю", герои скрываются в тайге. Весь сюжет изложен не в авантюрно-любовном (эротическом) ключе (ср.: № 1), а скорее в приключенческо-детективном, что отражает личные пристрастия сказочника. Именно поэтому снят мотив любования героиней, когда она "уснула, как умерла", отчего немотивированным стало похищение птицей "кузовка" с перстнями. Исполнение Ф.Г. Варфоломеева — сдержанно лаконичное, но в то же время сюжет изложен динамично и интересно — это рассказ не о любви, а о судьбе двух любящих и их приключениях (или их поведении) во время вынужденной разлуки. В трактовке Ф.Г. Варфоломеева сказочные герои несколько даже суровые люди, их сила — в их верности друг другу, в этом сказался характер и жизненное человеческое кредо самого сибирского сказочника.

В своих заметках об исполнителе Н.А. Каргаполов записал: «Встреча с Федором Гавриловичем Варфоломеевым... была несомненной удачей фольклорной экспедиции Новосибирского пединститута 1950 года. Несмотря на свои годы, он выглядел бодро, чем мог помогал колхозу и школе (например, возил воду в бочке, за что имел стойкое прозвище "Медный всадник"). "Если и не захотите слушать, он вам будет рассказывать", — сообщила жена. Рассказывал сказки он с большим увлечением, сам предлагал проверить запись, бережно относясь к каждому слову. Особенно любил вставлять замечания вроде: "Ну, конечно, она же единственная дочь у него", "Ну, разве у рабочего человека раньше могли быть деньги!" Ценил авантюрно-новеллистические сказки. Героические меньше. К сатирическим относился как к забаве: сообщал между записью новеллистических, ради отдыха. Неграмотен. Сказки слышал, еще живя в Омской области, откуда переселился в Новосибирскую до Великой Отечественной войны. Многие сказки ему читали, он запоминал (хвастал, что может пересказать "1001 ночь"), но рассказывает по-своему. К сожалению, удалось записать от него всего 6 сказок». (Тексты хранятся в архиве собирателя.)

21. Про купца и про царя. АТ 883А + 709 + 883А. (СУС 883А Оклеветанная девушка + + 709 Волшебное зеркальце (Мертвая царевна) (вторая часть) + 883А).

Зап. Л.М. Белкина в 1974 г. в с. Усть-Шиш Знаменского р-на Омской обл. Исп. В.А. Погудина, 65 лет. ОГПИ, Маг-1/1974, № 4. Текст расшифровала с магнитной пленки Н.В. Соболева в 1985 г. Вар. 883А: ГАМ, инв. № 4, оп. 14, № 12; ГБЛ, ф. 542, к. 37; [154, с. 387—388; 28, № 31; 58, с. 128—131]; ТГУ, инв. № 6; инв. № 87=БФ; инв. № 3210, п. 5, л. 137—142; НГПИ, л. 22—27; НКГПИ, № 10; КГПИ, № 8; [109, № 67].

Особенность публикуемого текста в том, что в новеллистический сюжет вставлена часть волшебного. Основной сюжет об оклеветанной девушке развивается традиционно, хотя время записи (70-е гг. XX в.) накладывает отпечаток на повествование. Это видно и в осознаваемой сказочницей необходимости давать точные, современные мотивировки ("мать с испугу тоже умерла, получился разрыв сердца"), и в чуждой старой сказке лексике: царский сын "ездил на охоту... со своим *сотрудником*", *пломбирует* комнату, в которой хрустальный гроб с героиней.

Но более принципиальные изменения сюжета наблюдаются в сказке "Чистая совесть, да худая слава", записанной в 1970-е гг. от новосибирской сказочницы А.Е. Егоровой (НГПИ). В варианте А.Е. Егоровой совершенно нет волшебного элемента, главное внимание сосредоточено на психологических моментах отстаивания героиней своей чести от посягательств дяди, на оправдании ее действий. И если начало сказки традиционно (дядя пытается соблазнить племянницу), то далее сюжет развивается необычно: героиня убивает соблазнителя, ее судят, в нее влюбляется молодой защитник, хочет жениться. Но на свадьбе гости порочат невесту-"преступницу"; она кончает жизнь самоубийством, он — тоже.

Два варианта (В.А. Погудиной и А.Е. Егоровой) — как бы два полюса в развитии сказки: в первом случае — попытка сохранить ее как особый жанр художественного вымысла (правда,

внесение реалий века не избежало и ее), во втором — превратить сказку в мелодраматический рассказ-быль.

О сюжетах см.: [77, т. 2, с. 405—406].

22. О Голи кабацкой. АТ 882. (СУС 882А Спор о верности жены).

Зап. Н.А. Габышев в 1946 г. в пос. Русское Устье (м. Косухино) Аллаиховского р-на ЯАССР. Исп. С.П. Киселев. ЯФ, инв. № 1231, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 799, л. 66—70об. Публ.: [107, № 64; 140, № 12]. Вар.: см. в примеч. к № 5 наст. изд.

О сказочнике см.: [140, с. 15—24, 304—308; 149, с. 33, 37 и др.].

Текст С.П. Киселева интересен тем, что в нем больше, чем в других вариантах этого новеллистического сюжета, сохранены черты стиля традиционной волшебной сказки (например, сказочные формулы зачина "живал-бувал", хвастовства на пиру: "стали хвастать: кто жичьем, кто богачеством, кто добрым конем и хто слугой верною", концовки: "жить да будь, поживать до таперя" и др.). Сохранение этих традиций во многом обусловлено своеобразием развития Русского Устья в низовьях р. Индигирки, которое долго было оторвано от современной культуры. Кроме того, тип С.П. Киселева как сказочника Н.А. Габышев относит к исполнителям в основном волшебно-фантастических сказок, отрицательно относящимся к введению всего нового в сказку (См. об этом: [130, с. 59].)

Архаичен язык сказочника: в нем встречается употребление творительного беспредложного падежа вместо винительного ("Сар *окном* взглянул: стоит посох..."), родительного вместо дательного ("Не верили *меня* купец и сар").

Примечательно, что неудачливым соблазнителем верной купеческой жены в отличие от варианта Н.О. Винокуровой, у которой им является офицер (у других сказочников — купцы, "студенты"), в сказке С.П. Киселева выступает представитель низов — Голь кабацкий. Выразительно описание его появления на "балу": "У него нехто нету, онна душа в теле. Он стоит под порогом", ему "даже румку не подают". И если в других вариантах соблазнители безоговорочно осуждаются, в начале сказки С.П. Киселева сквозит сочувствие к нему, к его бедности и обездоленности. Однако основная идея сюжета сохраняется: торжествует верная купеческая жена, а соблазнителя "на двенадцати пушках расстреляли".

О сюжете см.: [77, т. 2, с. 457].

Джэ (як) — ну и вот
ння — дня
мосно — можно
шяли — сяли
кое-которое — кое-что
отпихнулись ("Джэ, пояхали, отпихнулись") — оттолкнулись (от берега, так как в Русском Устье "ездят" в основном в лодках по р. Индигирке и ее притокам летом и на нартах зимой).

23. Палкин-вор. АТ 946А*. (СУС 946А* Балдак Борисьевич).

Зап. Н.А. Габышев в 1946 г. в пос. Русское Устье (м. Федоровское) Аллаиховского р-на ЯАССР. Исп. С.И. Шкулев, 57 лет. ЯФ, инв. № 1231, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 779, л. 7—7об. Вар.: [24, № 122; 140, № 13].

Сюжет интересен тем, что сохраняет многие мотивы и черты волшебных сказок, но как бы уже лишенными сверхъестественности: "три вещи" (см. текст) добываются не геройством или решением трудных задач, а воровством. Мотив призыва товарищей звуком рожка находим также в сюжетах 516** "Волшебный мальчик" и 920 "Царь Соломон и его неверная жена".

Публикуемый вариант более схематичен, чем записанный там же от С.П. Киселева под названием "Памфил-вор" (см.: [140]). Сравнительно с текстом С.П. Киселева в публикуемом варианте не развернуты эпизоды кражи, а сразу говорится о "дне ангела" старшей дочери, устроенном для поимки вора. Если в публикуемом тексте задания герою добыть "вещи" даются без мотивировки, в сказке С.П. Киселева мотивом выступает зависть, от которой царю "не спится... пухова подушечка вертится, и соболиное одеялко с плеч катится". В варианте из собрания И.А. Худякова (см.: [24]) задание добыть вещи — обычный клич царя, за выполнение которого обещана дочь. В тексте из собрания А.Н. Афанасьева [77,т. 2, № 315] мотивом выступает вражда русского князя Владимира с турецким султаном — фольклорный отголосок многочисленных русско-турецких войн; здесь сюжет раскрыт наиболее полно и ясно, отмечен большим влиянием былинной поэтики, как и в варианте С.П. Киселева.

О сюжете см.: [77, т. 2, с. 458].

24. Татъ и Борма. АТ 1525Д + 950 + 951В. (СУС 1525Д Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников) + 950 Дядя и племянник + 951В Царь и вор).

Зап. Н.А. Габышев в 1946 г. в пос. Русское Устье Аллаиховского р-на ЯАССР. Исп. В.М. Чикачёв, 57 лет. ЯФ, инв. № 1231, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 779, л. 48—54. Публ.: [140, № 54]. Вар. 950, 1525Д: см. примеч. к № 8 наст. изд.

Публикуемый текст более традиционно следует инвариантной схеме основного сюжета 950, чем, например, сказка Д.С. Асламова (№ 8 наст. изд.). Вариант В.М. Чикачёва интересен тем, что в силу продолжительной оторванности населения Русского Устья от основного массива расселения русских (см. об этом: [140, с. 337—356]) в тексте сохранились древнерусские черты и привнесены отдельные штрихи из иноэтнической культуры, например мотив "оморачивания" деревянной белки (см. об этом: [140, с. 13]) или употребление таких слов и выражений, как *юрточка, коровий бык, отвернул угол* (у юрты). Что же касается древнерусских черт, то следует прежде всего отметить "древность" самой контаминации сюжетов и разработки некоторых мотивов. Это доказывается наличием совпадающих моментов со "Сказкой о Шибарше", записанной в 1740 г. и извлеченной из государственных бумаг XVIII в. — материалов судебных следствий (см.: [108, № 4]). Контаминации сюжетов в обоих текстах идентичны, за исключением типа 1737, завершающего "Сказку о Шибарше". Близка по смыслу и трактовка отдельных мотивов:

Запись 1740 г.	*Запись 1946 г.*
Мужик, увидев бычачью голову, разделся, пошел в болото (с. 42).	Не мог до него дойти — шел, шел, по болоту.
...сделал себе кнут и по бычачьей коже хлопал и говорил: "Государь-царь, помилуй, не я крал быка, батюшка крал!" (за что и был выгнан из дома) (с. 42).	... вжял деревиночку и стал эту кожу покаличивать. И стал приговаривать: "Не я, — говорит, — бичка убивал, а мне тятенька велел" (за что выгнали из дома).
... нагнал тое старуху, зашиб старуху (рога козла сверху положил) (с. 43).	...старуху хлопнул и убил. И лопатку эту наверх положил на старуху — лопатка задавила.
Шибарша опился и пьяный лег спать... и обрили ему полголовы и полбороды; утром проснулся... почал пьяных брить полголовы и полбороды (с. 44).	Пили, гуляли, — и вше упали... Этот Тать учувствовался у вшех попереде... полголовы вистрогал у всех и пол-ушу выстрогал.

В основном совпадает и трактовка сюжета 951В — подслушивание заговора министра и его уничтожение. В записи 1740 г. в этом сюжете царь назван именем Грозного — Иван Васильевич, в записи 1946 г. этого приурочивания к имени нет.

Как видим, в Русском Устье в памяти народа сохранился наиболее ранний вариант устной версии сюжета о царе и ловком воре.

О сюжетах 950 и 1525Д см.: [77, т. 3, с. 388, 390].

25. Челбунчу́т. АТ 1539. (СУС — 1635Н** Собака, проданная вместо лисы + 1539 Шут).

Зап. Д.Д. Травин в 1928 г. в пос. Русское Устье (м. Косухино) Аллаиховского р-на ЯАССР. Исп. С.П. Киселев, 25 лет[1] . ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 98—102. Публ.: [140, № 15]. Вар. 1539: см. примеч. к № 10 наст. изд. Вар. — 1635Н**: УС.

Основным в данной контаминации является всемирно известный сюжет 1539. Имеются четыре записи этой сказки, произведенные в разные годы в низовьях Индигирки от разных исполнителей: от С.П. Киселева — дважды (1928 и 1946 гг. — Н.А. Габышев), И.И. Чикачева (1941 г. — С. Боло), Е.И. Солдатовой (1973 г. — В.Д. Осипова и В.И. Зоркин). (Кроме публикуемой, остальные записи см.: [104, Прил. № 1—3[2], а также 140, № 16].) Судя по названиям, данным исполнителями (Чылбынчан, Чельбунчун, Чилбунчук), герой-шут у русских Индигирки не только популярен, но и имеет устойчивое прозвище неславянского происхождения, что говорит об ино-

---

[1]Согласно свидетельству Д.Д. Травина, в 1928 г. С.П. Киселеву было 25 лет (ААН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 57).

[2]Публикации Н.В. Соболевой осуществлены точно в соответствии с копиями, привезенными в 1973 г. из архива Якутского филиала СО АН СССР членами экспедиционного отряда сектора русского народного творчества Бурятского филиала СО АН СССР, и потому критическое замечание Г.Л. Венедиктова [140, с. 308] о текстологически небрежном издании сказки, записанной в 1946 г. Н.А. Габышевым от С.П. Киселева, в сборнике Н.В. Соболевой 1981 г., следует адресовать тем, кто недоброкачественно снял копии (БФ, инв. № 3315, п. 1, л. 508—512).

национальном влиянии. (О бытовании сюжета 1539 в этом регионе и этимологии прозвища см.: [133, с. 68—70].)

Сопоставление двух вариантов С.П. Киселева показывает, что значительных различий между ними нет: все эпизоды 1928 г. в той же последовательности повторены в 1946 г. Богатые друзья Челбунчута в том и другом варианте постоянно сомневаются, не обманывает ли их шут, с той лишь разницей, что в 1928 г. это сомнение высказывалось в эпизоде с подкладыванием монет, а в 1946 г. — в эпизоде с убийством жён. Тем самым рассказчик перенес смысловой и эмоциональный акцент на трагичность этого эпизода. Таким образом, утверждать, что С.П. Киселев изменил своему правилу — точной по смыслу передаче основных эпизодов канонического текста местной редакции, — в данном случае нет оснований. (Обратное утверждение см.: [140, с. 21, 22].)

Другой результат дает сравнение сказок С.П. Киселева и И.И. Чикачева. У И.И. Чикачева изложение более схематичное, с нарушением сказочного канона в отдельных эпизодах — они поданы более приближенно к жизненным ситуациям: герой-шут последнюю лисицу проигрывает в карты, одежду снимает не с покойников, а с живых жен богатых друзей. Тем самым утрачена "сказочность" сказки, что говорит не только о разрушении традиции, но и о том, что И.И. Чикачев как сказочник был менее художественно одарен и талантлив по сравнению с С.П. Киселевым.

В сказке записи 1973 г. сюжетный тип — 1635Н** утрачен, что свидетельствует о разрушении местной локальной традиции; мотивы сюжета 1539 переданы с троекратным повторением действий это ближе к сказочному канону, но сюжет совершенно разрушен в конце — герой-шут освобождается от соперников не с помощью обмана, а идет и убивает их. Очевидно, сказку эту здесь стали забывать.

О сюжете 1539 см.: [77, т. 3, с. 394].

26. Петр и Петруша. АТ 1535 + 1537 + 1535. (СУС 1535 Дорогая кожа + 1537 Мертвое тело + 1535).

Зап. Г.Ф. Аболмасов в 1939 г. в г. Красноярске. Исп. В.Г. Чижов, 45 лет. ГАКК, ф. 1839, оп. 1, д. 138, л. 163—168. Вар. 1535: УС, а также ГАИО, ф. 293, оп. 1 д. 623, л. 34—46об.; НКГПИ, л. 93—94; ОГПИ Эк-5/1951, № 8; ОГПИ Эк-11/1951, № 55. Вар. 1537: УС, а также ИГПИ, л. 4—6; НКГПИ, л. 93—94; БФ, инв. № 3495, л. 95—103; инв. № 3503, п. 2, л. 53—56.

Такое сочетание сюжетов характерно для русской и белорусской сказочных традиций (см. СУС), в Сибири встречается нечасто; зарегистрировано 26 сибирских вариантов сюжета 1535 в контаминациях с различными другими сказочными типами. Данный вариант по основным мотивам совпадает с текстом из сборника М.В. Красноженовой [124, № 39], но эта сказка исполнена в более спокойной повествовательной манере, в ней иначе поданы некоторые эпизоды, введены психологические мотивировки. По сравнению с книжным вариантом, который, похоже, рассказчик читал, эта сказка исполнена не схематично, а с бытовыми и психологическими подробностями. Если в книжном варианте Петрушка сразу входит в дом и просится на ночлег, то здесь все излагается более приближенно к обстоятельствам — он наблюдает в щель ставня, затем устраивается у стога сена и видит, что кто-то стучит в дверь, слышит — тарахтит телега, кто-то подъезжает к хутору. Герою "не спится", он думает про себя: "Дай пойду погляжу", "хозяйка стоит у печки ни жива ни мертва" — все эти бытовые и психологические моменты сближают сказку с устной приключенческой новеллой и являются отнюдь не случайными для современного исполнительства.

О сюжетах 1535 и 1537 см.: [77, т. 3, с. 393, 412].

27. Бедный сапожник. АТ 1730. (СУС 1730А** Поп, дьякон и цыган приходят к женщине).

Зап. Г.Ф. Аболмасов (самозапись) в 1939 г., 37 лет, в г. Красноярске. ГАКК, ф. 1839, оп. 1, д. 138, л. 155—162. Вар.: УС.

Такая интерпретация сюжета 1730 в восточно-славянской традиции встречается редко — в СУС отмечен один украинский вариант. Сибирских вариантов четыре.

Сказка интересна тем, что является, по существу, фактом литературного творчества сказочника Григория Федоровича Аболмасова. Г.Ф. Аболмасов, шофер по специальности, составил рукописную книгу тех сказок, которые знал; он включил в нее несколько сказок, услышанных им от других исполнителей. В основном Г.Ф. Аболмасов сохранил при записи устный стиль исполнения. В данном случае он превратил известный сказочный сюжет в настоящую и по форме, и по содержанию литературную новеллу, отведя значительное место в ней мотиву сватовства богатой невесты, что позволило ему раскрыть мотивировку действий и психологию и деревенского богатея, и бедного сапожника.

Характерно, что в начале сказки наблюдается книжный стиль: "В один так в солнечный и веселый для сапожника Пети день он был как-то особенно веселый, раскрыл чуть живые створки у окна своей хижины". Но потом Г.Ф. Аболмасов отказывается от этой "литературщины" и далее записывает все так, как он бы рассказывал это устно. Нами опубликовано несколько сказок в его записи, все они не отходят от устного стиля изложения, который был присущ Г.Ф. Аболмасову как сказочнику. (См.: [104, № 19, 31, 93; 103, № 8, 14 19 и др].)

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 431].

28. Счастье человека. АТ 938В. (СУС 938В Страдать лучше смолоду).

Зап. Т.Г. Шульга, И.К. Муравьева, Т.И. Подлесных, Т.И. Пепеляева в 1971 г. в пос. Горелый Томской обл. Исп. Е.Л. Подлесных, 70 лет. ТГУ, инв. № 275. Вар.: [120, № 13]; ОГПИ Эк-22/1983, № 4.

Сюжет этой сказки-притчи, широко распространенный на Украине и в Белоруссии (см. СУС), — одна из версий древнего мотива покорности человека судьбе, стойкости в перенесении ее ударов и вознаграждении за это (библейская тема Иова). В сказке герою предоставляется право на выбор времени испытаний. Судьба в варианте Е.Л. Подлесных персонифицирована в образе "старичка старого-старого". В варианте Н.О. Винокуровой (см.: [120]) несмотря на то, что Горе привязывается к герою всего на один год, сюжет разработан более полно, более приближенно к жизненным обстоятельствам, в нем много бытовых и психологических наблюдений сказочницы, столь характерных для ее творчества в целом. Благодаря этому сказка-притча превратилась у Н.О. Винокуровой в сказку-новеллу.

29. Три заповеди. АТ 911*. (СУС 911* С паном не водись, с женой не бранись (жене правды не говори, на неродное дитя не полагайся)).

Зап. Л. Филиппова в 1965 г. в с. Вознесенское Венгеровского р-на Новосибирской обл. Исп. Н.А. Архипов, 73 лет. ТГУ, инв. № 74.

Сибирских записей больше не известно, из общерусских в СУС указана лишь одна, сделанная на Урале. Сюжет чаще записывался на Украине и в Белоруссии (16 записей).

Сказка имеет открыто морализаторскую направленность. Суть ее в утверждении необходимости следовать мудрости старших поколений. Герой Василий на собственном опыте убеждается в справедливости заветов отца. Повествование Николая Лаврентьевича Архипова отличает размеренно сказочная интонация, которая достигается тавтологическими повторами ("давным-давно", "подумал-подумал"), синтаксически параллельным построением фраз ("сохранишь сокола — добром заплачу, не сохранишь — на себя пеняй"), употреблением специфически сказочных оборотов речи ("жил да был", "мало ли, много ли лет прошло", "пошел куда глаза глядят" и т.п.). Неоднократно обыгрывается число три: три заповеди, три замка, три засова, "три равных кучки" золота.

Н.А. Архипов создает выразительные образы персонажей сказки. Отец героя, "дед по прозвищу Аула", "всю жизнь свою... гнул спину на барина... Был всегда честным и скрытным...". И хотя "любил его барин", а с первой заповедью сыну завещал: "С богатым дружбу не води". Ярко показывается болтливость жены Василия, что оправдывает вторую заповедь. Всего одна реплика принадлежит приемному сыну героя, но натура его раскрывается в ней исчерпывающе: "Батя, зачем же чужому золото отдавать? Давай мне его, и я отрублю твою голову, все равно ведь тебе умирать!"

В концовке утверждается правдоподобность рассказанного — прием, часто применяемый сказочниками-новеллистами.

30. Жил-был один крестьянин. АТ 982. (СУС 982 Камни в сундуке).

Зап. неизвестный собиратель в 1980 г. в с. Безруково Новокузнецкого р-на Кемеровской обл. Исп. Г.А. Жданова, 65 лет. НКГПИ, № 40.

Кроме публикуемой, известна всего одна русская запись сюжета, украинских и белорусских — семь.

Сюжет относится к циклу сказок, раскрывающих проблему взаимоотношений старого и молодого поколений. Сказки на этот сюжет, остро осуждающие корыстное отношение детей к престарелым родителям, оказались нужными и в наше время. Особенность варианта Г.А. Ждановой — в индивидуальной трактовке сюжета: дети, ждавшие смерти отца, чтобы завладеть его добром, нашли в сундуке не камни, как в других вариантах этого сюжета, а посох и записку.

31. О стариках. АТ 980. (СУС 980А Дедушка (бабушка) и внучек).

Зап. Н.В. Соболева в 1986 г. в с. Барановка Змеиногорского р-на Алтайского края. Исп. И.И. Парыкин, 86 лет. БФ, инв. № 3504, л. 50. Вар.: [109, № 72].

Как и предыдущая, эта сказка-притча остро ставит проблему долга перед родителями. В другом сибирском варианте мужика укоряет его отец: "А ты состаришься, тебя на чем в лес повезут?" В сибирских сказках немощного старика отвозят *на санях*, в общерусских — *в лубке* (ср.: [108, № 19; 77, № 449]). Общерусская форма — более древняя, отражает обряд, на основе которого и зародилась эта мудрая сказка-притча (см. об этом: [23, с. 202]).

От И.И. Парыкина сюжет записан дважды. Публикуемый вариант был рассказан в общем разговоре как притча к житейской ситуации: жить не у детей, "на своим-то дому лучше". В 1988 г. И.И. Парыкин исполнил сказку специально, по просьбе собирателя, поэтому сюжет принял завершенную форму: "Э-э, тогда ему в голову пало, вытащшил и санки, и старика, и привез назад" (БФ, инв. № 3520, л. 108).

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 413].

32. Мужик и Смерть. АТ 332. (СУС 332 Смерть кума).

Зап. Т.И. Жукова в 1937 г. в д. Карпово Усть-Кутского р-на Иркутской обл. Исп. Е.Д. Савицкая, 57 лет. ПТБ, ф. 1006, ед. хр. 366, л. 50—52.

Сюжет широко представлен во всем восточно-славянском материале. По основным мотивам публикуемая сказка особенно близка к легенде из сборника А.Н. Афанасьева [17, с. 126—129]. Устные и рукописные легенды о борьбе человека со Смертью имели широкое хождение в средние века (см. об этом: [86]; ср.: [17, с. 107—126]). Объяснялось это тем, что, "уничтожая без разбора богатых и бедных, императоров и пап, мужиков и нищих, смерть устанавливала то всеобщее равенство, которого так не хватало феодальному обществу" [86, с. 4]. Вот почему мотив социального обличения и сатиры присутствует и в этой сказке и сближает эту легендарную сказку с бытовыми.

Эпизод с "винтовой кроватью" см. также: [110, № 31 (запись И.Д. Фридриха 1931 г.)].

33. Никола и Илья. АТ 846. (СУС 846* Мстительный святой).

Зап. Г.Ф. Аболмасов в 1940 г. в г. Красноярске. Исп. П.Г. Григорьев, 45 лет. ГАКК, ф. 1839, оп. 1, д. 138, л. 28—29. Вар.: БФ, инв. № 3443, п. 2, л. 202—203.

Эта сказка сопоставима по основным эпизодам с легендой "Илья-Пророк и Никола" из собрания А.Н. Афанасьева [17, № 10]. Если в легенде Илья мстит мужику за то, что тот почитает его меньше Николы, то в сказках мужик разрешает спор святых (чей конь лучше? чей нос красивее?) в пользу Николы, за что ему и мстит Илья. Сюжет о соперничестве двух святых родился на основе средневековых народных представлений о чудодейственной силе этих посланников Бога на земле. (См. об этом: [40, с. 76 и др.].)

О сюжете см.: [156, с. 52—54].

34. Сказка о паспорте. Это сюжет не сказки, а былички — см.: [49, Г*21. Колдун уводит (наводит) клопов, червей, тараканов].

Зап. Н. Федоров в 1928 г. в с. Парабель Парабельского р-на Томской обл. Исп. неизвестен. ЦГАЛИ, ф. 483 (Б.М. и Ю.М. Соколовых), оп. 1, ед. хр. 482, л. 4—6.

Несмотря на то, что это сюжет былички и преподносится он как рассказ о том, что якобы было в действительности, собиратель (студент МГУ) назвал его сказкой. И это правомерно с точки зрения современных людей не только по содержанию, но и по форме.

В Сибири были широко распространены представления о всемогуществе святого Николы — полусвятого, полуколдуна. Подобные рассказы до сих пор записываются, например, в таежных селах по р. Ангаре. Приведем один из них, сообщенный в 1986 г. Т.И. Поповой, 73 лет, в д. Прилуки Богучанского р-на Красноярского края: «Это еще я дома слыхала раньше, на Урале. Татарин, ось он, неверующий, пошел морду ставить. Ну он: "Николка, — говорит, — вот штой, Николка, давай рыбы гоняй, я тебе свечку, — говорит, — большую поставлю, в церковь принесу". Ну че, пришел морду добывать, смотрит — полна морда рыбы. "О, Николка, Николка, не ты гонял, он сам попал", — говорит. Как начал выпаскивать, а это, хвост этот, развязался, вся рыба — в речку. "О Николка, Николка, — говорит, — нисколь шутка не принимашь". (Смеется). "А нисколь, — говорит, — шутка не принимашь, сразу всю рыбу вывалил"» (БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 164. Другие рассказы Т.И. Поповой в записи В.Л. Кляуса о святом Николе см.: Там же, л. 155, 158, 160, 161).

35. За дождем к Богу. АТ —. (СУС — 1540** На тот свет за дождем).

Зап. неизвестный собиратель в 1981 г. в пос. Каз Таштагольского р-на Кемеровской обл. Исп. Н.П. Щеголихин, 86 лет. НКГПИ, л. 67.

Очень редкий в восточно-славянской сказочной традиции сюжет — в СУС всего один русский вариант; публикуемый сибирский — пока что единственный. Точного совпадения с типом по СУС нет. В сибирской сказке значительный интерес представляет вторая часть — о пребывании посланца на небе. Этот сатирико-юмористический сюжет примыкает по смыслу к легендарным сказкам о мстительных святых, о равнодушном к людским страданиям Боге, о земных проделках небесных помощников Бога.

36. Почему женщина стала бесправной. АТ 791. (СУС 791 Петр и Христос на ночлеге).

Зап. Р.П. Арефьева (Матвеева) в 1969 г. в с. Варфоломеевка Яковлевского р-на Приморского края. Исп. М.Ф. Литвиненко, 72 лет. БФ, инв.№ 3210, п. 5, л. 73.

Сюжет легендарный, особенно широко бытует в украинской фольклорной традиции, поэтому неудивительно, что он был записан в Приморском крае от одного из множества переселившихся туда украинцев — М.Ф. Литвиненко, большого мастера и знатока сатирических сказок и анекдотов. Интересна концовка сказки: мысль о том, что революция справедливо разрешает все спорные общественные и социальные вопросы, в наши дни не редкость в финале сказок (ср. со сказками забайкальского сказочника С.Т. Чекашкина — см.: № 19 наст. изд.).

37. Сказка про заслонку. АТ 813А. (СУС 813А Проклятая дочь).

Зап. Е. Калашникова в 1980 г. в с. Черная Курья Мамонтовского р-на Алтайского края. Исп. А.Л. Пшеничных, 61 года. БГПИ, тетр. № 80—27. Вар.: № 38 наст. изд.

Текст — характерный пример оформления былички в сказку. Он преподносится как рассказ о том, что якобы в действительности произошло с парнем, который был "сарем" во время игры на

вечерке. Эта привязка лишает рассказ сказочности, и тем не менее в конце он назван сказкой. Подобные сказки переходного типа примечательны тем, что в их вымышленность и верят, и не верят, отсюда и некоторая неясность — была ли проклятая дочь ("кричащая головешка") той самой девушкой, на которой женят парня.

Наиболее близкие к сибирскому тексту варианты бытовали на Русском Севере. (Ср.: [79, Прил. II, № 6, 7; 116, Прил., № 14, 28].)

38. [Енотовая шуба]. АТ 813А. (СУС 813А Проклятая дочь).

Зап. неизвестный собиратель 24 апреля 1910 г. в д. Проезже-Комской Комской волости Минусинского уезда (ныне — район Красноярского края). Исп. А.С. Кузьмина, 73 лет. ЦГАЛИ, ф. 483 (Б.М. и Ю.М. Соколовых), оп. 1, ед. хр. 456, л. 49. Вар.: № 37 наст. изд.

Сказка представляет собой оригинальную трактовку сюжета 813А, несопоставимую с указанными выше русскими записями (см. примеч. к № 37).

39. Как солдат рассмешил царскую дочь. АТ —. (СУС — 1545А** Человек рассмешил царевну).

Зап. М.К. Азадовский в 1925 г. в с. Зактуй Тункинского р-на БурАССР. Исп. Т.А. Донская. ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 15, л. 24—26. Вар.: УС, а также [153, № 15].

Чрезвычайно редкий в восточно-славянской сказочной традиции сюжет — в СУС только два украинских варианта. В Сибири их записано четыре. Вызывает некоторое недоумение то, что сюжет не зафиксирован у русских в европейской части России, например на Русском Севере. Но, как видим, он бытовал на периферии, и особенно в Сибири.

Сюжет является по ярко выраженной в нем смеховой стихии образцом скоморошьего творчества. Театрализованное представление, разыгрываемое перед царской дочерью, с грубыми приемами средневековой буффонады, воплощает пародирование действий и слов самой царевны. Сюжет записан в Сибири от русских старожилов в местах, где процветало эпическое и сказочное творчество, — на Алтае (Змеиногорский р-н), верхней Лене, в Тункинской долине. Он исполнен в манере еще ощущаемого во всех четырех текстах, особенно в записях М.К. Азадовского из Восточной Сибири, старинного балагурства, что служит еще одним свидетельством скоморошьих реминисценций в сказочной традиции русских сибиряков.

Данный сюжет входит в цикл сюжетов о царевне-несмеяне, что отмечено в СУС, и смеховая стихия в нем генетически восходит к ритуальному смеху (см. об этом: [93]).

40. О шуте Балакиреве. АТ 1586 + 1218. (СУС 1586 Глупец (шут Балакирев) жалуется в суд (Петру I) на мух + 1218** Лентяй сидит на лебединых яйцах).

Зап. Н.В. Соболева в 1977 г. в пос. Аршан Тункинского р-на БурАССР. Исп. И.Т. Загребнев, 88 лет. БФ, инв. № 3523, л. 102—107. Расшифровала с магнитной ленты И.Г. Карасева. Вар. 1586: УС, а также ГАМ, инв. № 4, оп. 14, № 1; НКГПИ, л. 75—76. Вар. 1218**: [105, № 43].

В Сибири анекдоты о шуте Балакиреве чрезвычайно широко бытовали, рассказывают их и сейчас. Большая часть их — литературного происхождения. В 1939 г. несколько сюжетов записал Л.Е. Элиасов от Е.И. Сороковикова-Магая (БФ, инв. № 893; многие тексты не опубликованы); в 1968 г. значительное их число сообщил И.Л. Комаров Р.П. Матвеевой в с. Болдыревка Завитинского р-на Амурской обл. [105, № 42—45]; имеются они в рукописной книге Г.Ф. Аболмасова (ГАКК, ф. 1839, оп. 1, д. 138). Любил и знал анекдоты о царском шуте и замечательный тункинский сказитель И.Т. Загребнев. Один из них он начинает так: "Вот раньше тоже жил этот Петра Великий, и у него был шут Балакирев. Вот Балакирев, значит, все шутил. Всякие, значит, эти развлекал, где Петро какие-нибудь думы есть, решает, задумывается, припечалится, а шут его чем-нибудь, уже как шут, значит, развлекает, отвлекает его от етой мысли, значит, чтобы он шибко крепко не упадал духом, не падал. Теперича в одно прекрасное время этот шут ходит тоже изыскивает эти шутки..." (БФ, инв. № 3523, л. 99).

41. Как мужик гусей делил. АТ 1533. (СУС 1533 Дележ гуся).

Зап. Л.Е. Элиасов в 1930-е гг. в Баргузинском р-не БурАССР. Исполнитель неизвестен. БФ, инв. № 894, п. 1, л. 63—64. Вар.: УС, а также ИГПИ, л. 287—288; БФ, инв. № 3503, п. 2, л. 152.

Это широко распространенный по всему миру и в восточно-славянском материале сюжет. Из сибирских наибольший интерес представляют сказки, записанные М.В. Красноженовой от В.И. Старцевой [58, с. 106—107] и Л.Е. Элиасовым от Е.И. Сороковикова-Магая [125, № 24]. Эти тексты отличаются полнотой изложения сюжета, в них подробно рассказана и вторая часть — дележ пяти гусей: одного барину с барыней — "вас трое", так же — сыновьям, дочерям, двух гусей крестьянин забрал себе — "и нас трое". В публикуемом здесь сюжете эта часть не развита, — видимо, исполнитель ее не знал. Обычно весь сюжет излагается очень компактно (главное — смекалка мужика), как в записи М.В. Красноженовой. Е.И. Сороковиков-Магай с его склонностью к психологическим и бытовым наблюдениям "расписал" сюжет очень подробно. Вот характерное начало его сказки: "В одной деревне жил богатый помещик. По обе стороны усадьбы помещика жили два крестьянина. На одной стороне жил богатый крестьянин, на другой — бедный. У бедного

крестьянина семья была большая, дети мал мала меньше; жить было трудно, ничего недоставало, и все дела его не спорились". О богатом мужике Магай говорит, что они с женой были "очень завидливые", что богатый мужик "сразу замялся", когда ему предложили поделить гуся, и "обрадовался, что всю беду сложит он на Степана". Как видим, Магай — не только наблюдательный и тонкий психолог, он — психолог-социолог, прекрасно разбирающийся в мотивах поведения бедного и богатого мужиков в этой одновременно сказочной и жизненной ситуации.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 416—417].

42. Три загадки. АТ 1562А. (СУС 1562А Чистота, красота, высота).

Зап. Р.П. Арефьева, Р.П. Потанина, О.А. Чернова в 1969 г. в с. Варфоломеевка Яковлевского р-на Приморского края. Исп. М.Ф. Литвиненко, 72 лет. БФ, инв. № 3210, п. 5, л. 69. Вар.: УС, а также НКГПИ, л. 63; [109, № 81].

Во всех сибирских вариантах, как и в общеславянских, в основном загадки однотипны. В варианте записи В.П. Зиновьева (см.: [109]) ответ прохожего дурачащему его хозяину выглядит так:

Чистота красоту
Понесла на высоту,
Не поспеет благодать —
Тебе дома не видать!

Смысл сюжета часто выражен в заключительных словах хозяина: "Я хотел солдатика дурака научить, а солдатик, меня дурака, научил" [47, № 31]. Или: "Пришлось хозяину сознаться, что прохожий не глупей его оказался" [109, № 81].

Сюжет широко популярен и в украинской традиции. М.Ф. Литвиненко рассказал в том же 1969 г. еще одну подобного типа сказку, в которой сюжет 1562А сочетается с 1544А* Солдатская загадка (БФ, инв. № 3210, п. 5, л. 70).

О сюжете 1544А*, 1562А см.: [77, т. 3, с. 392, 415].

43. Охотник до сказок. АТ 664. (СУС 664В* Морока).

Зап. студенты Коваленко, Конькова, Балдина, Руденко в 1977 г. в с. Камышинка Алтайского края. Исп. Е.М. Фошкина, 57 лет. АГУ, п. "Бытовые сказки". Вар.: УС, а также БФ, инв. № 3180, п. 4, л. 119 (рассказана в форме былички).

В разных районах Сибири зафиксировано 13 вариантов сюжета 664. Этому в немалой степени способствовавшая существовавшая здесь традиция пускать на ночлег путников и в качестве платы требовать от них исполнения сказок. Сказка была как бы ироническим ответом уставшего с дороги гостя (нередко бродячего сказочника) на требования хозяина. По смыслу этот сюжет частично схож с предыдущим (1562А) — действия прохожего заставляют хозяина быть осмотрительнее: "Так вот солдат отучил старика от сказок. И больше старик никого не заставлял рассказывать с тех пор сказки" (ГАКК, ф. 1839, оп. 1, д. 138, л. 104).

Одна из поздних записей сюжета (1935 г.) "Гипнотизер" (ИРЛИ, кол. 78, п. 13, № 15) — название дано исполнителем, что раскрывает его осознанное отношение к манипуляциям солдата-мороки и представляет иной уровень сознания современного сказочника. В Сибири имеются авантюрно-новеллистические описания проделок солдата-мороки (см.: [133, с. 158]), а также записаны былички на ту же тему — о превращении людей в волков (БФ, инв. № 3180).

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 384].

44. Находчивый сын. АТ 1000 + (в АТ нет) + 1061 + 1162. (СУС 1000 Уговор не сердиться + 1006*** "Убей быка" + 1004** Медведь в упряжке + 1061 Кто раскусит камень + 1162 Кто выше бросит камень).

Зап. неизвестный собиратель в 1983 г. в пос. Спасск Таштагольского р-на Кемеровской обл. Исп. М.И. Кречетов, 67 лет. НКГПИ, л. 97—101. Вар. 1000: УС; вар. 1006***: УС; вар. 1004**: УС; вар. 1061: УС, а также [109, № 45]; вар. 1162: УС.

Такое сочетание сюжетов в СУС не отмечено, но в Сибири оно встречается в трех из четырех имеющихся записей сюжета 1000 в различных контаминациях. Сказка Д.С. Асламова называется "Служба за щелчок" [104, № 1], и по содержанию она наиболее близка к известному произведению А.С. Пушкина "Сказка о попе и о работнике его Балде".

Образ черта в этой сказке приближен к образу многоголового змея, что придает всей сказке не юмористически бытовой, а волшебный колорит.

О сюжете 1000 см.: [77, т. 3, ч. 433]; о сюжетах 1061 и 1162 см.: [77, т. 1, с. 466 и 490].

45. Цыган и черт. АТ (Первых двух сюжетных типов нет) + 1053А + 1052 + 1149. (СУС 1046** Угроза унести несколько быков (волов) разом + 1046* Угроза унести колодезь + 1053А Большая веревка + 1052 Переноска дерева + 1149 Дети хотят чертова мяса).

Зап. Г.Ф. Аболмасов (самозапись) в 1939 г. в г. Красноярске. ГАКК, ф. 1839, оп. 1, д. 138, л. 88—89. Вар. 1046**: УС, а также ИГПИ, л. 31—35; [105, № 15]. Вар. 1046*: УС, а также ИГПИ, л. 31—35; [105, № 15]. Вар. 1053А: УС. Вар. 1149: УС, а также [105, № 15; 109, № 73].

В СУС контаминация данных сюжетов-мотивов не отмечена, как характерная для общерусской традиции; для Сибири такое соединение (иногда с отсутствием какого-либо одного сюжета или в сочетании с другими) типично (см.: [133, с. 166; 103, № 49—52]). Обычно при таком сочетании сюжетов главным действующим лицом бывает хитрый, но физически слабый цыган, а черта иногда заменяет змей (ср. с предыдущим текстом). В данной сказке живо переданы диалог, внутренние монологи-размышления бродяги цыгана.

О сюжете 1053А см.: [77, т. 1, с. 487].

46. О трех братьях. АТ 327В + 1653А + 1539 (один мотив). (СУС 327В Мальчик с Пальчик у ведьмы + 1653А Дурень, его братья (жена и муж) и разбойники + 1539 Шут (один мотив)).

Зап. Н.В. Соболева в 1986 г. в с. Барановка Змеиногорского р-на Алтайского края. Исп. В.Е. Петрова, 81 года. БФ, инв. № 3504, л. 35—43. Вар. 1653А: УС, а также БФ, инв. № 3450, п. 2, л. 31—36; БГПИ, т. "Дневник 275 группы"; НГПИ, л. 61—65; [105, № 33]. Вар. 1539: см. примеч. к № 10 наст. изд.

Такое сочетание сюжетов в СУС не отмечено, но в Сибири оно встречается — записано в низовьях Ангары [48, № 4: 327В + 1653А]. В Сибири сделано 14 записей сюжета 1653А в сочетании с другими сюжетами о дурне.

Первый вариант этой сказки от В.Е. Петровой был записан в 1978 г. Варианты 1978 и 1986 гг. значительно различаются. В 1978 г. сказочница начинала повествование с того, как Баба-Яга ворует репу с крыши бани: "Ваня-дурачок дома остался, взял топор, доску, ножик, стружок, сделал себе за день балалайку, натянул струны, поиграл — поглянулось ему. Спрятал балалайку... Видит: хочет Баба-Яга на баню лезть. Тогда взял Ваня-дурачок балалайку, сел на баню, ноги свесил и заиграл. Бабе-Яге музыка понравилась — начала она плясать. Плясала, плясала — ночь летняя короткая, светать начало. Села она в ступу и уехала. Не поела репы". Отец выгнал старших братьев, и с ними ушел младший — дурак, как в сюжете 1653А, все вместе они попадают в подполье к Бабе-Яге.

Совершенно иначе завязывается действие в тексте, записанном в 1986 г.: Иван идет на поиски братьев — спасать их. И этим была определена трактовка сказительницей образа Вани — это уже не дурак, а добрый и великодушный младший брат, который, несмотря на чинимые ему обиды, спасает братьев. В первом варианте этих мотивов нет, все рассказано более шаблонно, без новеллистических вставок, но волшебные формулы использованы сказительницей: "Избушка, избушка, встань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, ко мне передом", "Доченька, приди, у меня тут три гуська сидят, сжарь, очереди, по тарелкам разломай, рукотертом накрой". Во втором варианте прозвучала только вторая формула — последовательно трижды. Как видим, в изложении волшебного сюжета наблюдается утрата традиционных волшебных мотивов, формул, больше внимания уделено описанию состояния истощавших от голода братьев, их страхам и, таким образом, усилению психологизма и мотива благородства младшего брата.

Сюжет 1683А рассказан в 1986 г. более приближенно к взрослой аудитории (в 1978 г. слушали и записывали студентки 1-го курса БГПИ): если в первом варианте Иван-дурак сбрасывал с дерева на разбойников сначала полено, дверь, Бабу-Ягу, то во втором варианте — и другие "вещи", что вполне отвечает народной традиции средневекового смеха, приемы которого в данном случае в сказке сохранены. Завершение сказки мотивами сюжета 1539 выглядит логично: сказочница использовала их для наказания старших братьев.

Сказка исполнена большим мастером. В.Е. Петрова знала много сказок (см. № 58), унаследовала их от бабушки и отца, но в 1986 г. она уже не смогла с нами долго беседовать. В.Е. Петрова родилась в с. Каменка, недалеко от Барановки и Змеиногорска, в Каменке было много знатоков русских сказок.

О сюжете 327В см.: [77, т. 1, с. 463].

47. Ванюшка-дурачок. АТ 1643 + 1600. (СУС 1643 Дурак и береза + 1600 Дурак-убийца).

Зап. С. Балахничева, Т. Тюменцева в 1983 г. в с. Фирстово Большеуковского р-на Омской обл. Исп. Е.Д. Пояркова, 68 лет. ОГПИ Эк-26/1983, № 9. Вар. 1643: УС, а также БФ, инв. № 3450, п. 2, л. 31—36; НГПИ, л. 61—65. Вар. 1600: УС, а также БФ, инв. № 3450, п. 2, л. 31—36; НГПИ, л. 61—65.

Для сибирской сказочной традиции характерна такая контаминация сюжетов (см.: [133, с. 166]). Во всех сибирских вариантах сказки трактовка образов традиционна: старшие братья — богатые, жадные и завистливые, младший брат — обездоленный. В качестве духа-хранителя и одновременно дарителя в данном случае выступает береза.

О сюжетах см.: [77, т. 3, с. 396].

48. Кундушка. АТ 1696 + 158 + 1525Д. (СУС 1696 Набитый дурак + 158 Звери в санях у лисы (старушки) (мотив чучела) + 1525Д Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников) (один мотив)).

Зап. М.К. Азадовский в 1925 г. в с. Малый Хобок Тункинского р-на БурАССР. Исп. И.И. Сороковиков, 68 лет. ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 7, л. 147—150. Вар. 1696: УС, а также ИГПИ, л. 294; НКГПИ, л. 34, 108; [139, № 44]. Вар. 1525Д: УС.

Такой контаминации сюжетов нет как в СУС, так и во всех 15 сибирских вариантах сюжета 1696 в различных соединениях (см.: [103, № 65, 72—76]). Е.И. Сороковиков-Магай в своей сказке "Кунтушка" [103, № 72] кличку героя объясняет так: "А почему его назвали Кунтушка, что он был очень маленький — сам с локоток, а борода с ноготь". В этой сказке только один сюжет — 1696, но примечательно начало сказки, напоминающее небылицы-скоморошины: "Они были Балаганского округа Черемшинской волости, приписаны к поскотине. У них был коленкоровый дом, сарапинковые ворота, дабинные подворотни. А в избе был стол дубовый и самовар без кранту новый. И чайник был без носу, наливал он каждому без спросу. Вот они стали жить да поживать, а сын ихний стал по селам гулять". (*Коленкор, сарапинка, даба* — недорогие хлопчатобумажные ткани.)

Иван Иванович усложнил сюжет и превратил дурака своей сказки в плута и вора. Как сказала о старшем брате сестра Марфа Ивановна: "Он на присказки — истошник", т.е. мастер коротких веселых сказок, шуток, анекдотов. (Об И.И. Сороковикове см.: [125, с. 111].)

О сюжете 158 см.: [77, т. 1, с. 437]; о сюжетах 1525Д и 1696 см.: [77, т. 3, с. 388, 397].

49. Про мужика и священника. АТ 1735. (СУС 1735 "Кто отдаст последнее, получит десятерицею").

Зап. М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Анга Качугского р-на Иркутской обл. Исп. Ф.И. Аксаментов, 70 лет. [28, № 28]. Вар.: УС; [109, № 77].

В восточно-славянской сказочной традиции сюжет зафиксирован не так широко, как в западно-европейской. М.К. Азадовский в примечании к этой сказке отметил: «Последний эпизод напоминает десятую новеллу третьего дня "Декамерона"...» [28, с. 206]. По сути дела, в сказке соединены два сюжета: о потерянной и возвращенной "десятерицею" корове и о неправедном суде. Ф.И. Аксаментов здесь, как и в других своих сказках, ироничен: сначала его герой-мужик представлен наивным простачком, а затем — умным и хитрым. Второй эпизод позволил как нельзя лучше раскрыть эту двойственность.

Однотипно с этим текстом изложен сюжет сибирской сказительницей Т.А. Плотниковой из Читинской области (см.: [109]), как и в варианте из "Народных русских сказок" А.Н. Афанасьева (Т. 3. — М., 1940. — С. 365—367).

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 427].

50. Клад. АТ 831. (СУС 831 Поп в козлиной (бычьей) шкуре).

Зап. неизвестный собиратель в 1980 г. в с. Безруково Новокузнецкого р-на Кемеровской обл. Исп. А.К. Зубенко, 69 лет. НКГПИ, л. 18—19. Вар.: УС, а также ОГПИ Эк-32/1981, № 107; [109, № 61].

Всего имеется шесть сибирских текстов на этот сюжет. Известно две интерпретации сюжета: первая — шкура козла не прирастает к телу попа (в сказке Магая — см.: [125, № 16]); вторая — во всех остальных случаях произошло обратное, чем усилен не только мистический ("наказанье божье"), но и сатирический смысл, как в данном тексте, так и в тексте из сборника А.Н. Афанасьева [77, т. 2, № 258].

О сюжете см.: [77, т. 2, с. 430—431].

51. Жадность попов. АТ 1842. (СУС 1842 Похороны собаки (козла)).

Зап. М.В. Красноженова в 1930 г. в с. Заледеево Емельяновского р-на Красноярского края. Исп. Е.И Чичаева, 50 лет. [124, № 10]. Вар.: № 52 наст. изд.

В отличие от сибирской в восточно-славянской сказочной традиции сюжет распространен широко. Исполнение Е.И. Чичаевой отличается высоким мастерством как в изложении сюжета, так и в художественной обрисовке деталей. Сказочница соблюдает принцип ретардации — от низшего по чину к высшему с увеличением суммы взятки. Е.И. Чичаева — тонкий психолог, когда передает реакцию на предложение похоронить кобеля с выносом до момента предложения денег и после него, что выражено в экспрессивной окраске речи попа, дьякона и архиерея. При этом она учитывает положение по чину каждого из этих персонажей. Повествование максимально приближено к действительности — локально приурочено: "сошлют его в Туруханск или куды". Все это делает сказку Е.И. Чичаевой замечательным образцом устной народной сатиры.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 429].

52. Похороны Сулима. АТ 1842. (СУС 1842 Похороны собаки (козла)).

Зап. Н.В. Соболева в 1988 г. в с. Барановка Змеиногорского р-на Алтайского края. Исп. В.П. Косенко, 49 лет. БФ, инв. № 3520, л. 159. Вар.: № 51 наст. изд.

Сюжет в Сибири встречается редко — две записи сделаны в разных районах с большим временны́м интервалом. В публикуемом варианте сюжет излагается коротко: не как сказка, а как анекдот. Утрачен сказочный прием ретардации (ср.: № 51), введены мотивировки действий попа ("жадный-жадный на деньги") и мужика ("решил проверить").

Владимир Павлович Косенко представляет молодое поколение знатоков фольклора с. Барановка (см.: № 31, 46, 58, 63—66 наст. изд.). Знание сказок — традиция его семьи. В.П. Косенко — сын А.В. Федориновой (см. № 65). Помнит и прекрасно исполняет бытовые сказки Анастасия Васильев-

на Федоринова — мать В.П. Косенко (см. примеч. к № 54). Вот как размышляет В.П. Косенко о роли сказки и песни в народной жизни: "Это сейчас стало то радио, то телевизор — развито все, как-то оно меньше народное передается. Тогда ведь ничего-то этого не было, свету и то не было, коптилки. Ну вот, вечерами после работы сидела мама починяла там чо-нибудь или шила, ну и нам рассказывала эти сказки, мы слушали. Песни пели. Тогда это было — вечерами собирались соседи, пели женщины. И вообще как-то жизнь была сама по себе веселей. Народ жил в нужде, но духовно, душевно он был богаче... Когда духовно у человека нет ничего — он пустой. Даром что вот сейчас все обуты, одеты, попить-поесть все есть, а все вот какая-то жадность — видишь: у этого вот машина. А тогда все были в бедности равны. Люди были бедны, но духовно богаче. Как-то общались друг с другом. Вот у нас какая радость — все бегут. И горе тоже если постигнет — всей деревней бегут, всей деревней оплакивают. И человек, у которого горе, — оно как-то легче и переносится" (БФ, инв. № 3520, л. 158).

53. Про попа. АТ 1739 + 1281. (СУС 1739 Как поп (ксендз, раввин, купец) телился + 1281А Избавляются от теленка).

Зап. студенты в 1982 г. в с. Таргай Новокузнецкого р-на Кемеровской обл. Исп. Г.Ф. Панченко, 67 лет. НКГПИ, № 17. Вар.1739: УС, а также [107, № 37].

В СУС эта контаминация сюжетов не отмечена, для Сибири она характерна. Известно девять сибирских вариантов, в трех из них — такая контаминация. Данная сказка исполнена настоящим мастером антипоповской сатиры: "святость" и жадность изображаются рядом, параллельно ("Благослови, Бог! А хорош ли пирог?", "Православные! Живите дружно! А к киселю молока нужно" и т.д.). Форма раешного стиха в сатире о попах традиционна, истоки ее — в древнерусском смехе, в балагурстве скоморохов. Употребляемые Г.Ф. Панченко такие полные негативной оценки выражения, как "брюхо набить", "гони ему чё-мить", "насядет", "скулы потрескивают", "нажрется", "ряса торчком", "обрюхател" и др., как создают неприглядный внешний облик попа, так и раскрывают его внутреннюю сущность: жадность, лживость. Для усиления сатирической издевки наряду с грубыми народными выражениями сказитель пользуется речью самих церковников; кроме сатирических параллелизмов, о которых сказано выше, также "зело", "глаза закативши", "свят-свят", "священнейший". Сказка записана в наши дни, — как видим, традиционная сатира о попах живет в народе.

О сюжете 1739 см.: [77, т. 3, с. 426].

54. Усердный работник. АТ 1561. (СУС 1561 Усердный работник).

Зап. студенты-филологи в 1980 г. в пос. Подобас Мысковского р-на Кемеровской обл. Исп. А. Варламов, 20 лет. НКГПИ, л. 65—66. Вар.: УС, а также ИГПИ, л. 181.

Известно пять сибирских вариантов, в СУС они не отмечены. В записи 1971 г. (ТГУ, № 273) работник вынуждает попа кормить его сразу завтраком, обедом и ужином, затем ложится спать; поднимается и собирается уходить. На вопрос попа: "А работать?" отвечает: "А ложкой работать, разве это не работа?"

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 428].

55. Жили поп и попадья. АТ 1572А*. (СУС 1572А* "Святые съели сметану").

Зап. Н.В. Соболева в 1988 г. в с. Верхний Уймон Усть-Коксинского р-на Горно-Алтайской АО Алтайского края. Исп. У.М. Аргокова, 65 лет. БФ, инв. № 3520, л. 87. Вар.: [124, № 34] = [104, № 5].

Это редкий в русской сказочной традиции сюжет; значительно больше украинских записей. Кроме публикуемого, известен еще один сибирский текст, записанный в 1929 г. М.В. Красноженовой на средней Ангаре; он сложнее по составу. Особенность данной сказки — выразительная речь исполнительницы, особенно в диалогах. Живая, эмоциональная Ульяна Михайловна Аргокова выступает на сцене в клубе, хорошо помнит старинные народные игры, что сказалось на исполнении сказки. В ее репертуаре особенно много частушек и песен. Частушки часто сочиняет сама. Есть у нее и стихотворные произведения собственного сочинения, например довольно большое стихотворение "Это не забыть никогда" — о том, какие трудности испытали и пережили женщины ее села в годы Великой Отечественной войны.

56. Про попа и вора. АТ 1805*. (СУС 1805* После исповеди).

Зап. К.А. Копержинский в 1942 г. в с. Савватеевка Усть-Илимского р-на Иркутской обл. Исп. Л.Н. Булгаков. ГПБ, ф. 1006, ед. хр. 359, л. 188—188об. Вар.: УС, а также ОГПИ Эк-33/1979, № 11.

В СУС отмечен один сибирский вариант, а известно их пять. Особый интерес представляет сказка, исполненная Василием Ивановичем Вахрушевым из д. Глинная Тасеевского р-на Красноярского края [104, № 57]. С целью дискредитации попов, которых В.И. Вахрушев постоянно высмеивал, он интерпретирует сказочный эпизод как быль, заключая: "Так вот с тех пор не стали ему верить. Это же они колпачили людей, обманывали". Однако чувство юмора не изменяет ему и здесь: "До каких пор довели, вся деревня рыжих, это же куда годится".

Исполнитель публикуемой сказки С.Ф. Булгаков, украинец по происхождению, рассказал К.А. Копержинскому 11 сатирико-бытовых сказок, многие из которых он усвоил от отца — ссыльного из Харькова. Это сказки "Про Грицька и быка", "Как Оксана куражилась над Грицьком", "Черт-молотобоец" и др. В публикуемом тексте также встречаются украинизмы.

57. Дьячок-вор. АТ 1831. (СУС 1831 Воровская обедня).

Зап. неизвестный собиратель в 1890—1900-е гг. в г. Селенгинске БурАССР. Исп. С. Пономарев, "селенгинский мещанин". ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 623, л. 57—58. Вар.: УС.

Публикуемый здесь текст — один из лучших сибирских вариантов. Всего их известно в Сибири шесть. Во всех сказках умело пародируются церковная служба, литургические песнопения. Текст записан в конце XIX в., исполнен он "со знанием дела" и с твердым пониманием того, что "народ крестится, ничего не понимат".

58. Сказка про попа. АТ 1360С + 1725. (СУС 1360С Муж в мешке и притворно больная жена (Гость Терентий) + 1725. Влюбленный поп).

Зап. студенты в 1978 г. в с. Барановка Змеиногорского р-на Алтайского края. Исп. В.Е. Петрова, 73 лет. БГПИ, т. "Дневник 275 группы". Вар. 1360С: УС. Вар. 1725: см. № 59 наст. изд.

Основным здесь является сюжет 1360С. Этот знаменитый сказочный сюжет широко бытовал в восточно-славянской фольклорной традиции в виде не только сказок и анекдотов, но и сатирических былин, песен-скоморошин, святочных игр. (См. об этом: [133, с. 83—93].)

Для исполнения В.Е. Петровой характерны традиционные приемы в передаче этого сюжета — обычно он при рассказывании наполняется живыми диалогами, песенками. Герои его приплясывают под песню старика, и, таким образом, он является как бы игровой сценкой. В.Е. Петрова добавляет к основному действию еще один комичный эпизод, позаимствовав его из сюжета 1725. Сказочница в молодости много лет прожила (уехала в ссылку с семьей мужа) в Нарыме — на севере Томской области, и это отразилось с негативным оттенком в ее сказке.

О сюжетах см.: [77, т. 3, с. 411—412, 430].

59. Жил-был поп. АТ 1725 + 1380. (СУС 1725 Влюбленный поп + 1380 Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим (Николай Дупленский)).

Зап. М.П. Татаринцева в 1985 г. в г. Кызыле ТувАССР. Исп. М.А. Мерзлякова, 59 лет. БФ, инв. № 3524, л. 43—46. Сказка расшифрована с магнитной ленты Н.В. Соболевой. Вар. 1725: УС, а также [139, № 46, 47]; ОГПИ Эк-18/1982, № 127; БФ, инв. № 3210, п. 5, л. 164—166; КГПИ, № 40; НКГПИ, л. 20—21. Вар. 1380: УС, а также ИшГПИ, л. 14.

Известно 17 сибирских вариантов сюжета 1725 и 10 вариантов сюжета 1380. Данная контаминация характерна для Сибири (см.: [133, с. 166]).

Исполнительский почерк современной сказочницы М.А. Мерзляковой отличается спокойной повествовательностью, описанием бытовых сценок и одновременно живостью и выразительностью диалогов, отдельных эпизодов, например, сценка за столом — "глухие" и "слепые" герои. Это позволяет сказочнице изложить сюжеты не схематично, а с большим юмором, приближенно к народной комедии.

О сюжете 1380 см.: [77, т. 3, с. 412].

60. [Порошки]. АТ —. (СУС 1405В* Вылеченная жена).

Зап. М.П. Татаринцева в 1985 г. в г. Кызыле ТувАССР. Исп. М.А. Мерзлякова, 59 лет. БФ, инв. № 3524, л. 47—48. Сказка расшифрована с магнитной ленты Н.В. Соболевой. Вар.: УС, а также [139, № 39].

В СУС отмечена всего одна запись сюжета — не сибирская. В Сибири сюжет популярен в наши дни — пять современных записей.

Обычно героями сюжета бывают мнимобольная жена и настоящий доктор. У Марии Александровны Мерзляковой — прекрасного мастера юмористического рассказа — наоборот: мнимый доктор (урядник) и действительно больная жена, и в этом "весь юмор". Сама ли сказочница досочинила эту историю, слышала ли от кого — важно то, что произошло "подновление" уже известного юмористического сюжета, рождение нового по смыслу варианта. Процесс этот идет в наши дни очень активно — в старые сюжетные клише вкладывается новое содержание, переосмысливаются художественные приемы, появляются таким образом новые версии уже известных сюжетов. (См. также вступ. статью.)

61. Противная жена. АТ 1164. (СУС 1164 Злая жена в яме (Бельфагор)).

Зап. М.К. Азадовский в 1915 г. в с. Кистенево Качугского р-на Иркутской обл. Исп. А.М. Маляров, 30 лет. ГБЛ, ф. 542, к. 37, ед. хр. 14, л. 2—4об. Вар.: УС, а также [139, № 34]; ОГПИ Эк-52/1980, № 80; ИшГПИ, л. 1, 14; [105, № 48].

Известно 13 вариантов сибирских текстов на этот сюжет. Большая часть их содержит полный набор мотивов, в том числе рассказ о том, как черт дал возможность мужику заработать деньги. Но присутствующий в публикуемой здесь сказке мотив "двенадцать фрелин" встречается только однажды — тоже на севере Иркутской области. (Запись 1937 г. в Усть-Кутском р-не — см.: [103, № 9].)

Из других опубликованных текстов наиболее интересна по исполнению сказка "Поперешная баба" (запись 1969 г.) А.Г. Соломенниковой — талантливой сказительницы из Приморского края [105].

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 408].

62. Сказка о жене, которая все делала наоборот. АТ 1365А. (СУС 1365А Упрямая жена).

Зап. Г.И. Кононенко в 1968 г. в пос. Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского р-на ТувАССР. Исп. П.М. Головин, 64 лет. КГПИ, № 16. Вар.: УС, а также ИГПИ, л. 144.

Известно четыре варианта этой сказки, записанные в различных районах Сибири. По сути этот сюжет — первая часть сюжета 1164, но с другой по смыслу концовкой. Иногда в современных записях сообщается, что старуха падает в реку и просто тонет, при этом сказка теряет свою занимательность и превращается из сказки-забавы в скучное назидание, которое и говорится с целью поучения: "У нас мама чо навредничам, все, бывало, рассказывала про это" (ИГПИ, л. 144).

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 410].

63. Жена-доказчица. АТ 1381. (СУС 1381 Жена-доказчица).

Зап. Н.В. Соболева в 1986 г. в с. Барановка Змеиногорского р-на Алтайского края. Исп. И.И. Парыкин, 86 лет. БФ, инв. № 3504, л. 44—47. Вар.: УС, а также [107, № 35]; ГАКК, ф. 1839, оп. 1, д. 138, л. 12; НКГПИ, л. 50—51, 64; ИГПИ, л. 144.

Известно девять сибирских записей этой сказки. Публикуемая сказка исполнена большим мастером устного рассказа, настоящим сказочником. Иван Иванович Парыкин — алтайский крестьянин, пчеловод, рассказывает свои занимательные новеллы, выдерживая эпический стиль, повествуя спокойно, не торопясь. Это не сказочник-балагур в прямом смысле этого слова, хотя репертуар его состоит большей частью из веселых сказочных историй. Свои мужские ("соромские", по народному определению) сказки он рассказывает и по сей день только в мужских компаниях. То, что он выбрал при встрече из своего репертуара, исполнено великолепно — это видно по тексту. Но если послушать магнитофонную запись (см. запись на пластинке), то можно убедиться, как дополняется и обогащается смысл рассказа интонациями, восклицаниями, ритмикой живого исполнения. И.И. Парыкин все внимание (и свое, и слушателя) при исполнении сосредоточивает на самом рассказе, театрализация идет только за счет интонационного и ритмического разнообразия при рассказывании. Он не разыгрывает сказку как театральное представление — ни единого движения, просто сидит и рассказывает. Но речь его, умение говорить, вести беседу, высокая культура общения, ум доставляют огромное наслаждение всем, кто с ним общается. Ему 86 лет, но он сохранил до сих пор прекрасную память, привычку много трудиться, быть в курсе всех дел — домашних и общественных, быть постоянно в движении. Этот человек до сих пор молод душой, по-стариковски статен и красив, аккуратен и подтянут. Сказки любит рассказывать только тогда, когда есть слушатели. Магнитофон для него — рабочая машина, не более; хотя и любит себя послушать, но ценит только "подходящую" аудиторию — взрослых, зрелых, понимающих жизнь людей, односельчан.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 410—411].

64. Баня. АТ —. (СУС 1366** "По вилюйкам").

Зап. Н.В. Соболева в 1986 г. в с. Барановка Змеиногорского р-на Алтайского края. Исп. И.И. Парыкин, 86 лет. БФ, инв. № 3504, л. 48—49. Вар.: УС; БФ, инв. № 3520, л. 112 (повторная запись — 1988 г. — от И.И. Парыкина).

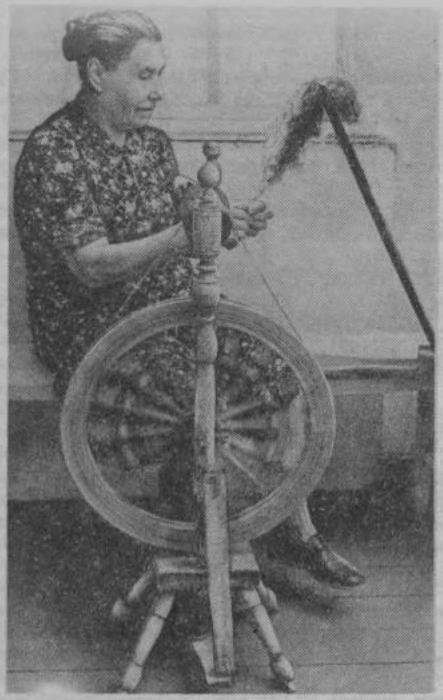
Сюжет встречается не часто как во всем восточно-славянском материале, так и в Сибири. Сказка И.И. Парыкина раскрывает тонкий юмор и мягкую иронию рассказчика, умение вести словесную игру — в передаче диалога, интонационно. (См. примеч. к № 63 и вступ. статью.)

65. Притонец — с того свету выходец. АТ 1540. (СУС 1540 С того света выходец).

Зап. Н.В. Соболева в 1988 г. в с. Барановка Змеиногорского р-на Алтайского края. Исп. А.В. Федоринова, 73 лет. БФ, инв. № 3520, л. 122—124. Вар.: УС, а также ГАМ, инв. № 4, оп. 14, № 1; ИГПИ, л. 176—177; НКГПИ, л. 89; [109, № 40]; ОГПИ Эк-12/1983, № 71.

Сюжет активно бытует в восточно-славянской, особенно русской и украинской, традиции. Сибирских записей — 10, часто в контаминации с сюжетами 1540А* и 1528. Герой одной из сибирских сказок — "поселенец из России". Из ранее записанных наиболее живо и талантливо сюжет исполнен И.Т. Загребневым (см.: [104, № 104]. Большое место в передаче юмористического содержания сюжета занимает мастерски исполненный диалог. Этот вариант отличается оригинальной деталью — песенкой, переходящей по напеву из заупокойной в плясовую, что необычайно оживляет и театрализует исполнение (см. запись на прилагаемой к тому пластинке). О бытовании сказок рассказчица заметила: "Мы в Сосновке (в 6 км от Барановки) жили. Много бабушка нам рассказывала, разные: про Ивана-царевича, про Еруслана Лазаревича..., про Илью Муромца, про Марью-царевну. И о чертях, и о попах, и о дьяконах, и разные. Песни я лучше знаю, чем сказки".

Анастасия Васильевна Федоринова — талантливая исполнительница не только сказок и песен (см. примеч. к № 52), но и преданий, религиозных легенд, духовных стихов. До недавнего времени она — постоянная участница фольклорного хора родного села. С большой тревогой говорила о забвении старинных песен, о желании передать их молодежи, записать. Память у рассказчицы —



Анастасия Васильевна Федоринова

прекрасная. Держится она с большим достоинством, просто и благородно, исключительно доброжелательно. Всю жизнь трудилась в совхозе на крестьянской работе, была активной общественницей.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 391].

66. Качаюсь, качаюсь Машуточка. АТ —. [СУС —].

Зап. Н.В. Соболева в 1988 г. в с. Барановка Змеиногорского р-на Алтайского края. Исп. В.П. Косенко, 49 лет. БФ, инв. № 3520, л. 147—150; л. 159—162 — повторная запись.

Данный сюжет представляет сниженную сатирическую версию сюжета 753 **Чудесное омоложение (перековка)** в соединении с мотивом "баба в тесте и перьях" из сюжетного типа 1092 **Кто застрелит самую необыкновенную птицу**, а также в определенном смысле инверсию сюжета — 1606** **Солдат в колыбели.** В целом же получился новый сюжетный тип о глупой бабе.

В этой сказке мастерски исполнены диалог и песенка. В.П. Косенко обладает исключительной памятью, даром слова. Свои артистические способности он реализует, участвуя в спектаклях народного театра с. Барановка по пьесам А.П. Чехова, А.Н. Островского, современных авторов. На народных праздниках встречи Нового года, проводов зимы и пр. В. Косенко обязательно выступает в роли Деда Мороза, скомороха, поет частушки, разыгрывает юмористические сценки (см. о нем также в примеч. к № 52). Сыновья В.П. Косенко — активные и постоянные артисты народного цирка с. Барановка. Они выступают в роли клоунов, разыгрывают клоунады попарно, у них подготовлены специфические цирковые номера, они участвуют в смотрах народного творчества (например, в 1988 г. краевой смотр в г. Барнауле), ездят с концертами по району и краю.

67. [Как муж жену выучил]. АТ 901 + 901B*. (СУС 901 Укрощение строптивой + 901B* Исправление ленивой).

Зап. Ю Агеенко, И. Делемень в 1978 г. в с. Ильинка Тюкалинского р-на Омской обл. Исп. Н.Ф. Федоров. ОГПИ Эк-16/1978, № 47. Вар. 901: УС. Вар. 901B*: УС.

Контаминации этих сюжетов в СУС нет, для Сибири она характерна [133, с. 166]. Из ранее опубликованных наиболее полноценной в художественном отношении является сказка "Молодая жена" [115, № 365]. Публикуемый текст интересен как современная фиксация устного исполнения

древнего сюжета. Он близок к сатирико-анекдотическим "О злых, ленивых, хитрых женах и их мужьях" (СУС). (Сибирские сказки этого цикла и их анализ см.: [103].)

О сюжете 901 см.: [77, т. 3, с. 418—419].

68. Зося. АТ —. (СУС 1370Е** "Сто и сноп").

Зап. студенты Синельникова, Новицкая, Михалёва в 1978 г. в с. Плотава Новичихинского р-на Алтайского края. Исп. С. Клюшникова, 59 лет. АГУ, п. "Бытовые сказки". Вар.: УС.

В СУС один белорусский вариант сюжета. В Сибири записано четыре сказки на этот сюжет в основном в старожильческих селах, за исключением публикуемой здесь, которая, возможно, рассказана украинкой, или это игра "под украинцев", что также встречается нередко.

69. Ленивая пряха. АТ 501. (СУС 501 Три пряхи).

Зап. неизвестный собиратель в 1970-е гг. в с. Абрамово Новосибирской обл. Исп. Ф.М. Колюдов, 75 лет (приехал в Сибирь после Великой Отечественной войны из Гомельской области). НГПИ, л. 51—52.

Сюжет зафиксирован в основном на Украине. Сказка является завершенным по композиции произведением с четко "прочерченным" сюжетом, параллельно с которым как бы тянется линия судьбы героини, приводящая ее к счастливому замужеству. Три сказочные, но одновременно вполне земные старухи-труженицы выступают в роли добрых помощниц. Сказка, как видим, представляет волшебный сюжет, но ее сказочное пространство заполнено бытовыми реалиями: наем на работу, склады со льном, суровое обращение хозяина. И тут же счастливая сказочная случайность (появление трех старух), а вслед за тем счастливая развязка — свадьба. Трудная задача (в данном случае умение прясть) заменяется на более легкую — приглашение старух на свадьбу, где их физические пороки превращаются в добродетели для ленивой невесты. Образ трех старух в сказке — это персонифицированный образ судьбы, ее конкретное воплощение — "три сестры (парки)" (см. об этом: [40, с. 165]).

Текст сопоставим со сказкой "Чудесная пряха" — см.: [110, № 39 (запись И.Д. Фридриха 1932 г.)]. Публикуемый текст характерен как пример перехода волшебного сюжета в бытовой.

70. Просаввилась да проварварилась. АТ 902* + 1370В*. (СУС 902* Ленивая жена + 1370В* Жена не хочет прясть).

Зап. Р.П. Матвеева в 1982 г. в с. Большое Уро (точнее, в с. Телятниково, слившемся с с.Большое Уро) Баргузинского р-на БурАССР. Исп. М.И. Малыгина, 72 лет. БФ, инв. № 3471, л. 8—9. Публ.: [105, № 7]. Вар. 902*: УС, а также [103, № 24; 25, 27]. Вар. 1370В*: УС, а также [103, № 23; 109, № 90]; БФ, инв. № 3471, л. 48; № 71 наст. изд.

Публикуемая сказка, объединившая новеллистический и анекдотический сюжеты, рассказана живо, с большим юмором; в ней отразились локальные условия — "Старик рыбачий был" (с. Большое Уро расположено недалеко от Байкала).Собирательница замечает: "Большой удачей представляется встреча со сказительницей Матреной Ивановной Малыгиной 1910 г. р. Это, несомненно, одаренная исполнительница произведений разных жанров фольклора. От нее записаны сказки, легенды, предания. Сказочницу отличает необыкновенно активное отношение к жизни, ко всему окружающему. Ее сказки надо слышать, а не читать, потому что богатая гамма интонаций несет не только стилевую нагрузку, но и глубокую смысловую" (БФ, инв.№ 3471, л. 5).

71. Жили муж с женой. АТ 1370В*. (СУС 1370В* Жена не хочет прясть).

Зап. Н.В. Соболева в 1977 г. в с. Оймур Кабанского р-на БурАССР. Исп. В.Н. Карнапольцев. 74 лет. БФ, инв. № 3524, л. 41—42. Вар.: см. примеч. к № 70.

О сказочнике см.: [133, с. 47—48].

Сюжет этой сказки популярен среди рыбаков Байкальского побережья. Село Оймур расположено на юго-восточном берегу Байкала. В.Н. Карнапольцев — сказочник-рыбак, всю жизнь прожил в Оймуре, это нашло отражение в тексте сказки. В записанной в с. Большое Уро от И.И. Гаськова сказке на тот же сюжет притворившегося мертвым старика положили в бат (рыбацкое судно), закрыли сетями. На причитание старухи: "Куда ты полетел?" — старик поднимается и отвечает: "Я сетить поехал, ты че, дика!" (БФ, инв.№ 3471, л. 48. Запись Р.П. Матвеевой, 1982 г.).

72. Жадная баба. АТ — .(СУС — 1544** Копейка за "звездочку").

Зап. О.А.Марина, Т.Н. Абылямова, К.Э. Порхов в 1979г. в с. Черемшанка Тюменцевского р-на Алтайского края. Исп. В.Е. Муравьева, 69 лет. АГУ, п. "Бытовые сказки". Вар.: [139, № 41].

Очень редкий в русской и восточно-славянской традиции сюжет. В Сибири записан дважды только в западных районах, и притом в одинаковой форме.

73. Помолчали. АТ 1351. (СУС 1351 Кто заговорит первым?).

Зап. Е.А. Малых, Н.В. Зверева, А.Р. Фатеева, М.В. Горохова в 1980 г. в с. Малая Тарель Качугского р-на Иркутской обл. Исп. В.И. Юшина-Сокольникова. ИГПИ, л. 205. Вар.: 124, № 36.

Сюжет этого анекдота записан дважды в Восточной Сибири, рассказан одинаково в обоих случаях.

74. Как солдат сало украл. АТ 1525М*. (СУС 1525М* Кража сала).

Зап. С.К. Суховеева в 1971 г. в с. Вознесенка Венгеровского р-на Новосибирской обл. Исп. Д.Д. Бизан, 67 лет. НГПИ, л. 84. Вар.: ОПИ Эк-18/1978, № 40.

В СУС в основном украинские тексты, сибирских нет. Данная сказка также рассказана украинкой; сопоставима по мотивам с вариантом из собрания А.Н. Афанасьева, отличается исполнением в финале насмешливой песенки.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 414].

75. Сказка про цыя, ворожея, доктора. АТ 1641. (СУС 1641 Знахарь).

Зап. М.П. Татаринцева в 1985 г. в г. Кызыле ТувАССР. Исп. М.А. Мерзлякова, 59 лет. БФ, инв. № 3524, л. 49—55. Расшифровала с магнитной ленты Н.В. Соболева. Вар.: УС, а также [139, № 42]; ОПИ Эк-27/1978, № 34; ИГПИ, л. 207—208, 152—155, 173—174, 178—179; НКГПИ, л. 17, 37—39, 91—92; НГПИ, л. 66—68; [105, № 25].

Всего имеется 28 записей сказок на этот сюжет из разных районов как Западной, так и Восточной Сибири. Очень любил эту сказку Е.И. Сороковиков-Магай. Прекрасно рассказала ее Л.В. Белова из Иркутской области [105]. Представляемый здесь вариант наиболее поздний по записи и едва ли не самый выразительный по исполнению. М.А. Мерзлякова — большой мастер юмористического рассказа (см. № 59, 60 наст. изд.).

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 386].

76. Парфилушка. АТ 1539. (СУС 1539 Шут).

Зап. Г.В. Афанасьева в 1988 г. в с. Обхой Качугского р-на Иркутской обл. Исп. Г.А. Шеметова, 50 лет. ИГПИ, л. 129—147. Вар.: см. примеч. к № 10.

Сказка интересна тем, что исполнена внучкой сибирской сказочницы Н.О. Винокуровой (см. примеч. к № 5). Усвоена от матери — Зинаиды Егоровны Шеметовой, родной дочери Н.О. Винокуровой. Записи этой сказки от трех поколений исполнительниц винокуровской школы Верхнеленского края (см. об этом: [148, с. 99—118 и др.]) дают представление о движении семейной традиции во времени: в 1915 г. ее записал М.К. Азадовский от Н.О. Винокуровой [120, № 22=3, № 20=28, № 20], в 1967 г. — Е.И. Шастина от Р.Е. Шеметовой [147, № 12] и настоящая запись.

Основные эпизоды сюжета во всех трех записях изложены сходно, но имеются различия в трактовке мотивов. Характерно в этом отношении начало сказки. У Н.О. Винокуровой голодный и злой Перфил выманивает у старухи деньги (характер как бедного сапожника Перфила, так и его жены передан здесь кратко, но точно и художественно), бежит и пьет во всех трех кабаках; у Р.Е. Шеметовой сразу сообщается, что Парфилушка "выпить любил-любил", он сам заработал деньги, прихватил "у старухи на божничке" и побежал в город — обо всем говорится спокойно, характерность эпизода снята; у Г.А. Шеметовой картина совершенно умиротворенная, хотя и сообщается, что "жили они бедненько". Но если в вариантах Н.О. Винокуровой и ее дочери эпизоды поездки попов с шапкой Перфила переданы кратко, то у Галины Александровны Шеметовой четко соблюдается прием ретардации и во всех трех случаях подробно и с юмором рассказано о сборах попов в дорогу и о том, что купцы-торговцы "направили" попов: "набили его, сколь в его влезло", "Ехай, откуда приехал, туда и ехай".

Эпизод с монетами у Н.О. Винокуровой передан кратко, но выразительно — сказочница как всегда одним-двумя штрихами создает живую картину: " Как видит — попы идут, налил воды в чашку, рукава заскал и побежал под сарай" и др.; прием ретардации не использован полностью, сообщается кратко: "Короче сказать, также и дьякон, и причотник". У Р.Е. Шеметовой действие этого эпизода происходит только в доме попа, который сразу бежит к дьякону и причетнику, и все трое договариваются извести Перфила. У Г.А. Шеметовой эпизод разработан подробно: здесь и троекратное повторение эпизода, размеренная обстоятельная повествовательная часть, выразительные диалоги, авторские замечания типа: "Раз они жадные, они на деньги вовсе", "Они даже злобу на него забыли".

Следующий эпизод о плетке-живульке у Р.Е. Шеметовой передан близко к тексту Н.О. Винокуровой — кратко. У Галины Александровны разработан основательно, с замечаниями: "Сидит, вниманья не обращат", "Сидит ни-ни, даже не реагирует", "Попы смотрят, глаза вот таки выпучили" и т.д. В последнем эпизоде у Г.А. Шеметовой утрачен диалог: "Кто идет? — Черт...", сказка заканчивается несказочным замечанием: "И стали жить-поживать и добра наживать. *Ешо, наверно, кою-нибудь обманывать*". Таким образом, у Г.А. Шеметовой сказка наполнилась троекратным изложением эпизодов, бытовыми диалогами, современными житейскими наблюдениями (например, о лености женщин) и авторскими замечаниями, но при всем этом Галину Александровну настоящей сказочницей назвать уже нельзя — она хотя и рассказывает те три-четыре сказки, которые знает, увлекательно и живо, но слишком "обытовляет" их, сказка как бы теряет свою исконную сказочность и превращается в бытовой, хотя и не лишенный фантастичности, рассказ (см. об этом процессе в современном сказительстве: [149, с. 19 и др.] и вступительную статью настоящего издания).

77. Про вора. АТ 1525А. (СУС 1525А Ловкий вор).

Зап. Г.В. Афанасьева в 1988 г. в с. Обхой Качугского р-на Иркутской обл. Исп. Г.А. Шеметова, 50 лет. ИГПИ, п. "Сказки в записи Г.В. Афанасьевой". Вар.: см. примеч. к № 9.

Этой сказки в репертуаре Н.О. Винокуровой не зафиксировано, но мать Галины Александровны Шеметовой, Раиса Егоровна, говорила, что переняла ее от матери [107, с. 437—438, № 36]. Сказка усвоена Галиной Александровной от матери — все эпизоды сюжетно, лексически и стилистически почти адекватны, лишь в тексте Г.А. Шеметовой больше бытовых реплик и мотиваций, диалоги разработаны ближе к обыденной речи, как и заключительные формулы сказки (см. об этом также в примеч. к № 76).

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 387—388].

78. Как барин нужду искал. АТ — . (СУС 1525В* Нужда).

Зап. С.К. Суховеева, М.Н. Мельников в 1972 г. в с. Вознесенка Венгеровского р-на Новосибирской обл. Исполнитель неизвестен. НГПИ, л. 2. Вар.: УС, а также ОГПИ Эк-11/1951,№ 55.

Известно семь текстов сибирских сказок на этот сюжет. Характерно то, что в четырех текстах он контаминируется с сюжетом "Филин-ворожей" (см.: [133, с. 160—161]). Такие сказки записаны от известных сказочников Д.С. Асламова, М.Ф. Литвиненко. Сказочные вступления у того и другого исполнителя объясняют иронические названия, которые они дали своим сказкам: "Беда" — у Асламова, "Горе" — у Литвиненко. Начало первой сказки: «Жил-был один купец. Черезчур сильно богатый был, ничего не понимал в деньгах своих, счету не знал и придумал на своим уме: "Пойду я поищу беду, какая есть на свете беда". — Набрал с собой денег максу» (ГБЛ, ф. 542, к.39, ед. хр. 3, № 31). Начало второй: «Один слышал, что говорят: "Вот горе, вот горе", а что за горе не знает. Ну что, седлат коня, берет триста рублей денег в карман и едет искать горе. Посмотреть охота человеку горе» (БФ, инв. № 3210, п. 5, л. 110—112).

79. Сказка о барине и мужике. АТ 1004. (СУС 1004 Свиньи (овцы, волы) в болоте (озере) утопились).

Зап. Г.И. Кононенко в 1968 г. в пос. Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского р-на ТувАССР. Исп. П.М. Головин, 64 лет. КГПИ, № 15. Вар.: УС, а также [140, № 54] (=№ 24 наст. изд.); ОГПИ Эк-5/1981, № 74.

Это чрезвычайно редкий в восточно-славянской традиции сюжет. В Сибири записано четыре варианта сказок на сюжет 1004 в соединении в основном с сюжетами о ловком воре. В данном случае сюжет разработан в самостоятельную антибарскую сатирическую сказку.

80. Решил помещик посмеяться над мужиком. АТ 1920С. (СУС 1920С Барин (царь) награждает за ложь (неслыханный рассказ)).

Зап. Г.Т. Ильина в 1969 г. в Кызыле ТувАССР. Исп. К.Ф. Труханов, 75 лет. КГПИ, № 29. Вар.: УС, а также № 82 наст. изд.

Этот сюжет исполняется в двух версиях — как потешная небылица (в сочетании с другими сюжетами небылиц) и как острая антибарская сатира. Сказка Е.И. Чичаевой (см.: [124, № 13]) и публикуемый здесь текст — примеры последней.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 406].

81. Волчий тулуп. АТ 1529В* (СУС 1529В* Чудесная овца (коза)).

Зап. студенты Лучинина, Каплина в 1977 г. в с. Быстрый Исток Быстроистокского р-на Алтайского края. Исп. А. Борисов. АГУ, п. "Бытовые сказки". Вар.: УС, а также НГПИ, л. 1.

В настоящее время известно пять сибирских вариантов, причем два из них по смыслу "перевернуты": чудесный волк, который "стрижет" овец (БФ, инв. № 3464, л.41—43; инв. № 3471, л. 45—48). Осмеиваемым персонажем в них так же выступает барин.

82. Про одного солдата. АТ 1920С + (нет) + (нет) + 1882А + (Человек взбирается на небо по становой кости задранной волками пчелы) + 1920С. (СУС 1920С Барин (царь) награждает за ложь (неслыханный рассказ) + 1911* Звери сражаются с пчелой + 1887** Человек перепрыгивает через реку + 1882А Человек сам выкапывает себя из болота или вырубает из дупла + [Человек взбирается на небо по становой кости задранной волками пчелы] + 1920С).

Зап. И. Майорова, Н. Барабаш, О. Короткова в 1979 г. в с. Верхоленск Качугского р-на Иркутской обл. Исп. М.И. Тюменцева, 53 лет. ИГПИ, л. 112—113. Вар. 1920С: УС. Вар. 1882А: УС, а также НКГПИ, л. 77—78; [105, № 5].

Сюжет 1920С здесь, как и в других текстах (см.: [103, № 95]), представляет собой рамочный сюжет; сюжетные типы 1911* и 1887** чрезвычайно редки в восточно-славянской традиции; других сибирских вариантов не отмечено.

О сюжете 1882А см.: [77, т. 3, с. 406].

83. Быль-небылица. АТ 1920Н + 1889Р + 1892 + 1900 + 1920Н. (СУС 1920Н* Огонь в обмен на небылицы + 1889Р Человек сшивает две половинки лошади + 1892 На боках лошади вырастает верба (дубы, гречка, овес) до неба + 1900 Волк (медведь) вытаскивает человека из болота + 1920Н*).

Зап. неизвестным собирателем в 1976 г. в с. Верх-Яминское Целинного р-на Алтайского края. Исп. Е.К. Карнаухова, 91 года. АГУ, п. "Бытовые сказки". Вар. 1920Н*: УС, а также ИГПИ, л. 268, 340; НКГПИ, л. 75—76. Вар. 1889Р: УС, а также НКГПИ, л. 75—76. Вар. 1892: УС, а также НКГПИ, л. 75—76. Вар. 1900: УС, а также НКГПИ, л. 75—76.

Здесь сюжет 1920Н* также рамочный, а набор сюжетов внутри "рамки" встречается часто и варьируется (см.: [103, № 91—94]).

О сюжетах 1920Н*, 1889Р, 1900 см.: [77, т. 3, с. 402—403].

84. Рассказ охотника. АТ 1882А. (СУС 1882А Человек сам выкапывает себя из болота или вырубает из дупла).

Зап. О. Подкользина, Г. Тезикова, Л. Кузнецова в 1983 г. в с. Ельцовка Ельцовского р-на Алтайского края. Исп. Н.М. Воеводин, 76 лет. БГПИ, тетр. № 83—7, л. 61—62. Вар.: УС, а также № 82 наст. изд.; НКГПИ, л. 77—78; [105, № 5].

Здесь выражена характерная для Сибири традиция выдавать небылицу за рассказы охотника.

85. Просьба соседа. АТ 1881 + 1900. (СУС 1881 Журавли на веревке + 1900 Волк (медведь) вытаскивает человека из болота).

Зап. О. Подкользина, Г. Тезикова, Л. Кузнецова в 1983 г. в с. Ельцовка Ельцовского р-на Алтайского края. Исп. Н.М. Воеводин, 76 лет. БГПИ, тетр. № 83—7, л. 62—65. Вар. 1881: УС. Вар. 1900: см. примеч. к № 83.

Данная контаминация в СУС не отмечена, не характерна она и для Сибири.

О сюжетах см.: [77, т. 3, с.403—404].

86. Голубая кобыла. АТ 1960А. (СУС 1960А Большой бык).

Зап. М. Родионова, Т. Юрпалова в 1979 г. в с. Астыровка Горьковского р-на Омской обл. Исп. С.И. Грудинина. ОГПИ Эк-2/1979, № 21. Вар.: УС.

Известно два варианта сибирских сказок на этот сюжет.

87. Сказка о трех охотниках. АТ — . (СУС —).

Зап. Н.А. Федорова в 1970 г. в с. Бай-Хаак Тандинского р-на ТувАССР. Исп. Д.К. Бабкина, 87 лет. КГПИ, № 18.

Д.К. Бабкина родилась и всю жизнь прожила в Туве. Сюжет этой охотничьей небылицы в указателях не зафиксирован.

88. Охотник и медведь. АТ — . (СУС —).

Зап. М.К. Азадовский в 1925 г. в с. Малый Хобок Тункинского р-на БурАССР. Исп. И.И. Сороковиков, 68 лет. ГБЛ, ф.542, к. 38, ед. хр. 7, л. 83об.—84об.

Это охотничий рассказ. Подобные анекдотические рассказы широко бытовали в Тунке — см. рассказ Е.И.Сороковикова-Магая "Как охотник под медвежью шкуру запивался" [125, № 29], а также № 90 наст. изд.

89. [Как на медведя ходили]. АТ — . (СУС —).

Зап. М.К. Азадовский в 1925 г. в с. Малый Хобок Тункинского р-на БурАССР. Исп. И.И. Сороковиков, 68 лет. ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 7, л. 84об.—85об.

В СУС не зафиксировано, но в Сибири сюжет этого охотничьего рассказа-небылицы встречается. Он записан Н.В. Соболевой в двух версиях в 1978 г. от Л.М. Пашкова в с. Тасеево Тасеевского р-на Красноярского края (БФ, инв. № 3443, п. 2, л. 215—217). Первый рассказ "Как два брата ходили на медведя": «смелый брат схватил медведя за лапы, водил вокруг сосны; приказывает другому брату стрелять; тот, не убив медведя, уходит домой, пьет чай, возвращается. Смелый передает ему лапы медведя, уходит домой, пьет чай; вернувшись, убивает медведя. Спрашивает: "Почему ты уходил домой, бросил меня одного?" Брат отвечает: "Ну, раз хочешь застрелить, я тебе признаюсь: у нас хозяйство хорошее, живем вместе два брата. Так вот, чтоб не делиться, я думал, что тебя медведь съест, а мне все богатство достанется". Ну, этот брат курок спустил».

Как видим, если у И.И. Сороковикова мотивацией поступка является трусость, то у Л.М. Пашкова — корыстные цели, предательство.

Второй рассказ-небылица Л.М. Пашкова "Как на охоту ходил мужик на медведя": "Взял ружье, пошел в лес. Только зашел в лес, а медведь, значит, на него. Он за сосну. А медведь обхватил сосну кругом, хотел поймать мужика. Мужик держал-держал этого медведя, потом взял ножик достал, в живот его саданул, убил его, этого медведя. Вот короткая".

90. [Миша и три собаки]. АТ — .(СУС —).

Зап. М.К. Азадовский в 1925 г. в с. Малый Хобок Тункинского р-на БурАССР. Исп. И.И. Сороковиков, 68 лет. ГБЛ, ф. 542, к. 38, ед. хр. 7, л. 85об.—86.

Охотничий рассказ, близкий по содержанию к анекдоту.

91. Жили в Яркине два брата. АТ 1225. (СУС 1225 Глупец (поп) без головы (откусил медведь, оторвало мельницей)).

Зап. Ю.О. Извеков в 1985 г. в с. Яркино Кежемского р-на Красноярского края. Исп. К.Н. Колпаков, 82 лет. БФ, инв. № 3495, л. 205—207. Вар.: [104, № 123 ; 139, № 36]; НКПИ, № 12.

"82-летний Корнил Никонович Колпаков — охотник, охотится до сих пор. Сын сказочника-профессионала Никона Колпакова, умершего около сорока лет назад" (БФ, инв. № 3495, л. 207).

92. Где, кум, был? АТ 2014А. (СУС 2014А "Хорошо да худо").

Зап. неизвестный собиратель в 1980-е гг. в с. Быстрый Исток Быстроистокского р-на Алтайского края. Исп. А.С. Борисов. АГУ, п. "Бытовые сказки". Вар.: УС.

В СУС сибирских вариантов нет. Сибирские тексты см.: [103, № 111, 112].

93. Бабушка стара. АТ 2016*. (СУС 2016* Кумулятивные (цепные) сказки разного рода).

Зап. Шубина, Бескороваева в 1978 г. в с. Второе Поломошное Новичихинского р-на Алтайского края. Исп. А.Е. Бердникова, 72 лет. АГУ, п. "Бытовые сказки". Вар.: УС.

В СУС сибирских вариантов нет, тексты сибирских кумулятивных сказок см.: [103, № 109; 109, № 103]. Сноска на публикации дана потому, что в УС указаны архивные источники этих текстов.

О сюжете см.: [77, т. 3, с. 420].

94. Таня да Гриша. АТ 1360С. (СУС 1360С Муж в мешке и притворно больная жена (Гость Терентий)).

Зап. Н.В. Соболева в 1989 г. в г. Новосибирске. Исп. С.И. Арефьев, 25 лет, уроженец и житель с. Першино Белозерского р-на Курганской обл. БФ, инв. № 3524, л. 2—4. Вар.: см. примеч. к № 58.

Этот вариант сказки на всемирно известный сюжет представляет тип исполнительства, называемый балагурным. Молодой сказочник передает не только манеру сказывания, бытовавшую в родном селе, но и семейную традицию, унаследованную непосредственно от деда и отца. Балагурство — характерная черта разговорной речи сказочника, его поведения в быту.

95. Хорошо да худо (Шуточная). АТ 2014А. (СУС 2014А "Хорошо да худо").

Зап. Н.В. Соболева в 1989 г. в г. Новосибирске. Исп. С.И. Арефьев, 25 лет, из с. Першино Белозерского р-на Курганской обл. БФ, инв. № 3524, л. 5—7. Вар.: см. примеч. к № 92.

Сказка представляет собой пример творческого изложения сюжета в балагурном стиле — см. мотивы об аэроплане и парашюте, не известные ни в одном из других вариантов.

Сергей Игоревич Арефьев — выпускник Курганского педагогического института, преподаватель русского языка и литературы в родном селе. С детства усвоил сказки, в основном бытовые, предания, пословицы и поговорки, шутки и присловья, которые "выдает" на "языке деда". Его исполнение не стилизация и подыгрывание под пародийную манеру говорить, а совершенно естественная форма речи и исполнительства. С.И. Арефьев — носитель двух пластов культуры.

Исполненные не раз на фольклорных фестивалях сказки С.И. Арефьева пользуются неизменным успехом у зрителей. Кроме опубликованных в этом томе сказок (их можно прослушать на прилагаемой к тому пластинке) он рассказал еще две довольно длинные сказки на сюжеты: 1641 Знахарь и 1535 Дорогая кожа (БФ, инв. № 3524, тексты № 3, 4).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив АН СССР ЛО
АГУ	— Фольклорный архив кафедры литературы Алтайского государственного университета (г. Барнаул)
АТ	— The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Marchentypen" transl. and Enl. by Stith Thompson. — Helsinki, 1964. — Rev. 2
БГПИ	— Фольклорный архив кафедры литературы Барнаульского государственного педагогического института
БККМ	— Библиотека Красноярского краеведческого музея, архивный фонд
БФ	— Рукописный отдел Бурятского филиала Сибирского отделения СО РАН
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАКК	— Государственный архив Красноярского края
ГБЛ	— Государственная публичная библиотека им. В. И. Ленина, отдел рукописей
ГЛМ	— Государственный Литературный музей (г. Москва)
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел
Зиновьев I	— Архив В. П. Зиновьева. I — раздел сказок
ИГПИ	— Фольклорный архив кафедры литературы Иркутского государственного педагогического института
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский дом), отдел рукописей
ИшПИ	— Фольклорный архив кафедры литературы Ишимского государственного педагогического института
КГПИ	— Фольклорный архив кафедры литературы Кызыльского государственного педагогического института, папка "Сказки"
НГПИ	— Фольклорный архив кафедры литературы Новосибирского педагогического института, папка "Сказки"
НКГПИ	— Фольклорный архив кафедры литературы Новокузнецкого государственного педагогического института
ОГПИ	— Фольклорный архив кафедры литературы Омского государственного педагогического института
СУС	— Сравнительный указатель сюжетов: Восточно-славянская сказка/Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Л., 1979.
ТГУ	— Фольклорный архив кафедры литературы Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева
УС	— Указатель сюжетов (сатирических сказок Сибири) // Соболева Н. В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. — Новосибирск, 1984. — С. 132 — 166.
ХАК	— Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (г. Москва)
ЯФ	— Архив Якутского филиала Сибирского отделения СО РАН

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ[1]

158 Звери в санях у лисы (старушки) 48
327B Мальчик с Пальчик у ведьмы 46
332 Смерть кума 32
501 Три пряхи 69
592 Чудесная скрипка (дудка, гусли, флейта) 3
664B* Морока 43
709 Волшебное зеркальце (Мертвая царевна) 21
791 Петр и Христос на ночлеге 36
813A Проклятая дочь 37, 38
831 Поп в козлиной (бычьей) шкуре 50
846* Мстительный святой 33
850 Приметы царевны 1, 3
851 IV Опознанная знатная любовница 4
854 Золотой козел ("С деньгами все возможно") 19
855* Солдат и царевна (трактирщица) 4
860B* Украденная жена 2
873 Царь и купеческая дочь 17
875 Семилетка (Мудрая девушка) 14
881 Оклеветанная жена 1, 6
882A Спор о верности жены 5, 22
882A* Верная жена (Женихи за прялкой) 16
883A Оклеветанная девушка 1, 21
885A Мнимоумершая 1
891** Петр и Магилена (Магдалена) 6, 20
901 Укрощение строптивой 67
901B* Исправление ленивой 67
902* Ленивая жена 70
905A* Королева (царица) и жена сапожника 15
911* С паном не водись, с женой не бранись (жене правды не говори), на неродное дитя не полагайся 29
921 Невестины (мальчика, мудрой девы Февронии) загадки 14
921A Куда тратятся деньги 12
921F* "Гуси с Руси" 13
922 Беззаботный (беспечальный) монастырь 11
938 Евстафий Плакида 18
938B Страдать лучше смолоду 28
946A* Балдак Борисьевич 23
950 Дядя и племянник 8, 24
951B Царь и вор 24
952 Солдат и царь 7

[1]Указатель составлен согласно СУС.

980A Дедушка (бабушка) и внучек 31
982 Камни в сундуке 30
1000 Уговор не сердиться 42
1004 Свиньи (овцы, волы) в болоте (озере) утопились 79
1004** Медведь в упряжке 44
1006*** "Убей быка" 44
1046* Угроза унести колодезь 45
1046** Угроза унести несколько быков (волов) разом 45
1052 Переноска дерева 45
1053A Большая веревка 45
1061 Кто раскусит камень 44
1062 Кто выше бросит камень 44
1149 Дети хотят чертова мяса 45
1162 Железный человек (котел) и черт 44
1164 Злая жена в яме (Бельфагор) 61
1218** Лентяй сидит на лебединых яйцах 40
1225 Глупец (поп) без головы (откусил медведь, оторвало мельницей) 91
1281A Избавляются от теленка 53
1351 Кто заговорит первым? 73
1360C Муж в мешке и притворно больная жена (Гость Терентий) 58, 94
1365A Упрямая жена 62
1366** "По вилюлькам" 64
1370B* Жена не хочет прясть 70, 71
1370E** "Сто и сноп" 68
1380 Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим (Николай Дупленский) 59
1381 Жена-доказчица 63
1405B* Вылеченная жена 60
1525A Ловкий вор 9, 77
1525Д Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников) 8, 24, 48
1525B* Нужда 78
1525M* Кража сала 74
1529B* Чудесная овца (коза) 81
1533 Дележ гуся 41
1535 Дорогая кожа 26
1537 Мертвое тело 26
1539 Шут 10, 25, 46, 76
1540 С того света выходец 65
1540** На тот свет за дождем 35
1544** Копейка за "звездочку" 72
1545A** Человек рассмешил царевну 39
1552** Отстраненный соперник 3
1561 Усердный работник 54
1562A Чистота, красота, высота 42
1572A* "Святые съели сметану" 55
1573* Работник ссорит всю семью 9
1586 Глупец (шут Балакирев) жалуется в суд (Петру I) на мух 40
1600 Дурак-убийца 47
1635H** Собака, проданная вместо лисы 25
1641 Знахарь 75
1643 Дурак и береза 47
1653A Дурень, его братья (жена и муж) и разбойники 46
1696 Набитый дурак 48
1725 Влюбленный поп 58, 59
1730 Поп, дьякон и дьячок у красавицы 16
1730A** Поп, дьякон и цыган приходят к женщине 27
1735 "Кто отдаст последнее, получит десятерицею" 49
1737 Поп в мешке 9
1739 Как поп (ксендз, раввин, купец) телился 53
1805* После исповеди 56
1831 Воровская обедня 57
1842 Похороны собаки (козла) 51, 52

1881 Журавли на веревке 85
1882A Человек сам выкапывает себя из болота или вырубает из дупла 82, 84
1887** Человек перепрыгивает через реку 82
1889P Человек сшивает две половинки лошади 83
1892 На боках лошади вырастает верба (дуб, гречка, овес) до неба 83
1900 Волк (медведь) вытаскивает человека из болота 83, 85
1911* Звери сражаются с пчелой 82
1920H* Огонь в обмен на небылицы 83
1920C Барин (царь) награждает за ложь (неслыханный рассказ) 80, 82
1960A Большой бык 86
2014A "Хорошо да худо" 92, 95
2016* Кумулятивные (цепные) сказки разного рода 93

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СКАЗОК

Афонюшка 10
Бабушка стара 93
Баня 64
Бедный сапожник 27
Беспечальный монастырь 11
Быль-небылица 83
Ванюшка-дурачок 47
Верная жена 5
Волчий тулуп 81
Где, кум, был? 92
Голубая кобыла 86
Дьячок-вор 57
Жадная баба 72
Жадность попов 51
Жена-доказчица 63
Жил-был один крестьянин 30
Жил-был поп 59
Жили в Яркине два брата 91
Жили муж с женой 71
Жили поп и попадья 55
За дождем к Богу 35
Зося 68
[Енотовая шуба] 38
Иван купеческий сын, торгующий солью 2
Как барин нужду искал 78
[Как муж жену выучил] 67
Как мужик гусей делил 41
[Как на медведя ходили] 89
Как солдат рассмешил царскую дочь 39
Как солдат сало украл 74
Качаюсь, качаюсь Машуточка 66
Клад 50
Кундушка 48
Ленивая пряха 69
Любовь жены 16
[Миша и три собаки] 90
[Мужик и Смерть] 32
Находчивый сын 44
Никола и Илья 33
О Голи кабацкой 22
О стариках 31
О трех братьях 46
Охотник до сказок 43
Охотник и медведь 88
О шуте Балакиреве 40
Палкин-вор 23
Парфилушка 76
Петр и Петруша 26
Помолчали 73
[Порошки] 60
Похороны Сулима 52
Почему женщина стала бесправной 36
Притонец — с того свету выходец 65
Про вора 8
Про вора 77
Про двух царевичей и старую вельму 18
Про Ивана Васильевича Грозного 17
Про купеческого сына Ивана Ивановича и про прекрасную царевну Машу 1
Про купца и про царя 21
Про мужика и священника 49
Про одного солдата 82
Про Петра Первого 7
Про Пётро и Магелону 20
Про попа 53
Про попа и вора 56
Просаввилась да проварварилась 70
Просьба соседа 85
Противная жена 61
Рассказ охотника 84
Решил помещик посмеяться над мужиком 80
Рожок 3
[Сапожник и царская дочь] 6
Сказка о барине и мужике 79

Сказка о жене, которая все делала наоборот 62
Сказка о паспорте 34
Сказка о солдате — ума много, денег нет 13
Сказка о трех охотниках 87
Сказка про заслонку 37
Сказка про золотого козлика 19
Сказка про попа 58
Сказка про щея, ворожея, доктора 75
Солдат-бедняк и графская дочь 4
Стрижена девка 14
Счастье человека 28
Таня да Гриша 94
Татъ и Борма 24
Три загадки 42
Три заповеди 29
[Усердный работник] 54
Фомушка-вор 9
Хорошо да худо (Шуточная) 95
Царь и мужик 12
Царица и солдат 15
Цыган и черт 45
Челбунчут 25

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПРОЗВИЩ ПЕРСОНАЖЕЙ

Аксинья 67
Аула 29
Афоня, Афонюшка 10
Баба-Яга 46
Балакирев (шут) 40
Борма 24
Ваня, Ванюшка, Ванька 2, 3, 46, 47, 59, 77
Василий, Вася, Васютка, Васильюшка, Васька 8, 29, 46
Восполин 20
Голь (кабацкий) 22
Гриша, Гришка 7, 8, 47, 94
Грозный Иван Васильевич, царь 17
Екатерина, Катерина, Катя 15, 17
Ерема 10
Зося 68
Иван, Иванушка 2, 3, 5, 56
Иван Грозный 17
Иван Иванович 1, 49
Илья, святой 33
Инвалин 20
Кундушка 48
Магелена 20
Маня 27
Марья, Машуточка 66
Маша 1
Микола, Миколай, святой 32, 33
Микитушка 65
Михаил Иванович 16
Миша 47
Наталья 91
Никишка 55
Николай 32
Нина, Ниночка, Нинка 19
Палкин-вор 23
Парфил, Парфилушка 76
Паша, Пашутка 8
Петр, Петруша 26
Петр Первый, царь 7
Петр-царь 40
Петя 27
Пётро, Пётр, 20
Притонец 65
Прокопов 34
Серафимья 10
Сидор 34
Сулим, кличка собаки 52
Таня 94
Татъ 24
Туда-Суда, кличка собаки 25
Улаз 66
Федора 14
Федька 46
Фома, Фомка, Фомушка 9, 10
Челбунчýт 25
Яков 66

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ (В ТЕКСТАХ)

Васильевский о-в 15
Дубровинка, д. 12
Каратусский р-н 60
Ликсандровское, с. 34
Москва, г. 17
Нарым, р. 58
Нела, р. 6
Никитиха, заимка 60
Сибирь 15
Таргай, с. 53
Томск, г. 34
Томский, тракт 34
Туруханск, пос. 51
Яркино, с. 91

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Абдулова Д.И. 17
Аболмасов Г.Ф. 27, 45
Аксаментов Ф.И. 4, 49
Асламов Д.С. 6 — 10
Аргокова У.М. 55
Арефьев С. И. 94, 95
Архипов Н. Л. 29

Бабкина Д. К. 87
Бердникова А. Е. 93
Бизан Д. Д. 74
Борисов А. 81
Борисов А. С. 92
Булгаков Л. Н. 56

Варламов А. 54
Варфоломеев Ф. Г. 20
Вахрушев В. И. 14
Винокурова Н. О. 5
Воеводин Н. М. 84, 85

Головин П. М. 62, 79
Григорьев П. Г. 33
Грудинина С. И. 86

Дерягин А. А. 18
Донская Т. А. 39

Ездовская Е. Д. 12

Жданова Г. А. 30

Загребнев И. Т. 40
Зубенко А. К. 50

Карнапольцев В. Н. 71
Карнаухова Е. К. 83
Киселев С. П. 22, 25
Клюшникова С. 68
Колпаков К. Н. 91
Колюдов Ф. М. 69
Косенко В. П. 52, 66
Кречетов М. И. 44
Кузьмина А. С. 38

Леонтьев П. 2
Литвиненко М. Ф. 36, 42

Малыгина М. И. 70
Маляров А. П. 61
Мерзлякова М. А. 59, 60, 75
Муравьева В. Е. 72

Панев В. 3
Панченко Г. Ф. 53
Парыкин И. И. 31, 63, 64
Пашков Л. М. 13
Петрова В. Е. 46, 58
Погудина В. А. 21
Подлесных Е. Л. 28
Пономарев С. 57
Пояркова Е. Д. 47
Пшеничных А. Л. 37

Рукосуев И. Ф. 1

Савицкая Е. Д. 32
Скобелин С. И. 16
Сороковиков И. И. 48, 88 — 90
Сороковиков-Магай Е. И. 11

Труханов К. Ф. 80
Тюменцева М. И. 82

Федоринова А. В. 65
Федоров Н. Ф. 67
Фошкина Е. М. 43

Чекашкин С. Т. 19
Чикачев В. М. 24
Чижов В. Г. 26
Чичаева Е. И. 15, 51

Шеметова Г. А. 76, 77
Шкулев С. И. 23

Щеголихин Н. П. 35

Юшина-Сокольникова В. И. 73

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБИРАТЕЛЕЙ

Абдулова Д. И. 17
Аболмасов Г. Ф. 26, 27, 33, 45
Абылямова Т. Н. 72
Агеенко Ю. 67
Азадовский М. К. 4 — 11, 39, 48, 49, 61, 88 — 90
Арефьева Р. П. (см.: Матвеева Р. П.)
Афанасьева Г. В. 76, 77

Балдина 43
Барабаш Н. 82
Балахничева С. 47
Белкина Л. М. 21
Бескороваева 93

Габышев Н. А. 22 — 24
Горохова М. В. 73

Деломень И. 67

Жукова Т. И. 32

Зверева Н. В. 73

Извеков Ю. О. 91
Ильина Г.Т. 80

Каплина 81
Калашникова Е. 37
Каргаполов Н. А. 20
Коваленко 43
Кононенко Г. И. 62, 79
Конькова 43
Копержинский К. А. 56
Короткова О. 82
Красикова В. 12
Красноженова М. В. 15, 51
Кудрявцев В. Д. 16
Кузнецова Л. 84, 85

Лучинина 81

Майорова И. 82
Малых Е. Л. 73
Марина О. А. 72

Матвеева Р. П. 36, 42, 70
Мельников М. Н. 78
Михалёва 68
Муравьева И. К. 28

Никитина Т. 12
Новицкая 68

Пепеляева Т. И. 28
Подкользина О. 84, 85
Подлесных Т. И. 28
Порхов К. Э. 72
Потанина Р. П. 42

Родионова М. 86
Руденко 43

Савельев А. А. 1
Свиридова Л. М. 19
Синельникова 68
Соболева Н. В. 13, 14, 19, 31, 40, 46, 52, 55, 63 — 66, 71, 94, 95
Суховеева С. К. 74, 78

Татаринцева М. П. 59, 60, 75
Тезикова Г. 84, 85
Травин Д. Д. 25
Тюменцева Т. 47

Фатеева А. Р. 73
Федоров Н. 34
Федорова Н. А. 87
Филиппова Л. 29

Цын Н. 12

Чернова О. А. 42

Шастина Е. И. 18
Шубина 93
Шульга Т. Г. 28

Элиасов Л. Е. 41

Юрпалова Т. 86

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ

Алтайский край

Камышинка, с. 43

Быстроистокский р-н
Быстрый Исток, с. 81, 92

Ельцовский р-н
Ельцовка, с. 84, 85

Змеиногорский р-н
Барановка, с. 31, 46, 52, 58, 63 — 66

Мамонтовский р-н
Черная Курья, с. 37

Новичихинский р-н
Второе Поломошное, с. 93
Плотава, с. 68

Тюменцевский р-н
Черемшанка, с. 72

Усть-Коксинский р-н (Горно-Алтайская АО)
Верхний Уймон, с. 55

Целинный р-н
Верх-Яминское, с. 83

Бурятская АССР

Баргузинский р-н
Большое Уро, с. 70

Кабанский р-н
Оймур, с. 71
Селенгинск, г. 2, 3, 57

Тункинский р-н
Аршан, пос. 40
Зактуй, с. 39
Малый Хобок, с. (ныне с. Саганур) 11, 48, 88 — 90
Тунка, с. 6 — 10

Иркутская область

Качугский р-н
Анга, с. 4, 49
Верхоленск, с. 82
Качуг, с. 18
Кистенево, с. 61
Малая Тарель, с. 73
Обхой, с. 76, 77
Челпаново, с. 5

Усть-Илимский р-н
Савватеевка, с. 56
Усть-Кутский р-н
Карпово, д. 32

Кемеровская область

Мысковский р-н
Подобас, пос. 54

Новокузнецкий р-н
Безруково, с. 30, 50
Таргай, с. 53

Таштагольский р-н
Каз, пос. 35
Спасск, пос. 44

Красноярский край

Красноярск, г. 26, 27, 33, 45

Емельяновский р-н
Заледеево, с. 15, 51

Кежемский р-н
Яркино, д. 1, 91

Минусинский р-н
Малый Хабык, с. 16
Проезже-Комская, д. 38

Тасеевский р-н
Глинная, д. 14
Тасеево, с. 13

Курганская область

Белозерский р-н
Пешутово, с. 94, 95

Новосибирская область

Абрамово, с. 69

Венгеровский р-н
Вознесенка, с. 29, 74, 78
Новосибирск, г. 94, 95

Тогучинский р-н
Завьялово, с. 20

Омская область

Большеуковский р-н
Фирстово, с. 47

Горьковский р-н
Астыровка, с. 86

Знаменский р-н
Усть-Шиш, с. 21

Тюкалинский р-н
Ильинка, с. 63

Приморский край

Яковлевский р-н
Варфоломеевка, с. 36, 42

Томская область

Горелый, пос. 28
Парабель, с. 35

Тувинская АССР

Кызыл, г. 17, 59, 60, 75, 80

Барун-Хемчикский р-н
Кызыл-Мажалык, пос. 62, 79

Тандинский р-н
Бай-Хаак, с. 87

Читинская область

Нерчинск, г. 19

Якутская АССР

Аллаиховский р-н
Русское Устье, пос. 22 — 25

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Алы́к — ошейник, шлея
Анне́зду — однажды
Базла́нье — крики, ссоры
Ба́ндарша — хозяйка притона
Ба́сконькая — красивая, красивенькая
Бать — может быть
Блюди́л — наблюдал
Болето́к — болезнь
Бо́тала — болтун
Бо́тать (ботаешь) — болтать (болтаешь)
Бра́вый — красивый
Бро́дни — высокие мужские сапоги на мягкой подошве
Ве́льма — ведьма
Вёснусь — весной
Винопо́ль — винная лавка, магазин
Вме́стях — вместе
Волхи́тка — колдунья
Во́рвить — своровать, украсть
Врач — враль, лгун
Все́ (сё) рамно — все равно
Выга́нивать (выганивают) — выгонять (выгоняют)
Вы́нять — вынуть
Вы́патрать — измазать, вымазать
Га́ркать — звать, окликать, кричать
Голубе́ц (голубе́с) — небольшое подполье при кухне
Гужо́м — все вместе, толпой
Гумно́ — место, где ставят хлеб в кладях и где его молотят
Гура́н — дикий козел
Гуськом, гу́сем — один за другим, рядком, не кучей, вытянувшись вдоль (чего-либо)
Доспе́ть — сделать, приготовить
Дранье́ драть — рвать на узкие ленты тряпье
Дуне́ль — дуэль
Евот — вот
Его́ный — его
Есшо́ — еще
Ето что кро́етца — это что делается
Заве́тить — сказать заветные слова
Завистовать — завидовать
Залог драть — обрабатывать заложные (целинные, непаханные, лесные) земли
Закандали́ть — надеть на кого-либо кандалы, закабалить
Замунту́литься (замунтулишься) — измучиться (замучаешься)
Засе́ка — заборка из досок в кладовой, подполье
Заскуда́ться (заскудалась) — исхудать (похудела, исхудала)
Здря — зря
Зо́рить (одна печаль зорила) — разорять (одна печаль разочаровывала, разоряла)
Има́ть — ловить
Ить — ведь
Каки́х-намить — каких-нибудь
Как сле́дно — как следует
Карси́р — кассир
Кла́дочка — тропа, выложенная деревянными досками или чем-либо другим
Клу́ня — рига, сарай для молотьбы
Колды́ — когда
Колько́й (час) — который час
Коня́ на хлынь брать — ехать рысцой (хлынь — мелкая рысь)
Коровя́тина — шкура коровы
Кра́шельник, крашельщик — художник
Крупча́тая — из муки высшего сорта — крупчатки

Купши́н — кувшин
Кури́ть — топить, дымить
Лене́ечка, лени́вочка — широкая скамья (обычно около печи), на которой можно спать
Леша́к — леший
Ло́потъ — одежда
Лу́чте — лучше
Матерю́щий, матерщо́й — матерый, большой
Митига́н (битиган) — полка, клетка
Мигилянская собака — меделянка, порода собак [по словарю В.И. Даля]
Мярло́г — берлога (медведя)
Наро́ком — нарочно
Неутули́мо — неутомимо; неизбежно
Обнаково́нно — обыкновенно
Однова́ — однажды
Околча́ние (его повесили за околчание) — околпачивание, обман
Опрове́дать — попробовать
О́стань (с остани соскочили) — спросонья
Па́льма — копье
Панёва — домотканая шерстяная юбка
Пестерь — корзина, лукошко
Пешня́ — тяжелый лом на деревянной рукоятке, которым долбят лед, мерзлую землю
Плету́шка — здесь: плетёная ловушка для птиц; малая ручная корзина
Плитуа́р — тротуар
Под — каменное основание здания, печи
Подзаво́зня — крытый сарай во дворе около дома для лошадей и повозок
Позато́м — потом
По́здынь — поздно
Поку́ля — пока, покуда
Послухмя́ной — послушный
Пошелеви́ть — пошевелить
Пощеря́ть — поощрять
Приклика — прикликающий кого-либо, глашатай
Приклика́ть — подозвать громко, закричать по имени
Приклики прикликали — глашатаи прокричали, объявили
Прику́ска — закуска
Приушо́мкаться — затихнуть
Пудо́вка — весы, безмен
Разбаси́ть — разукрасить
Ра́зли — разве
Раскопа́ть печь — разгрести в печи угли (загнету), раздуть огонь
Расшара́шиться — упираться, противиться, не идти, куда тащат
Рашше́т — расчет
Реме́га — старая сеть
Ремя́га, рему́га (реми́на) — обноски, рваная одежда, лохмотья
Реши́ть (кого-нибудь) — убить
Рукотёрт — полотенце
Ру́шно — саморучно, самостоятельно
Рямужник — одетый в лохмотья
Сгоньшики — погонщики скота
Се́ндуха — тундра
Середо́вый — средний
Сидейка — легкая выездная тележка
Си́тка — ситец
Ска́чить — соскочить
Скрыча́ть — вскричать
Слеги — жерди
Содержа́ть сло́во — сдержать слово
Сомусти́ть — соблазнить
Стано́к — рыбачий стан
Стень — тень
Сто́лар — столяр
Стре́кинуться — догадаться
Стяг (приташшил стяг) — жердь, кол
Су́мна — сумма
Схожде́ние — снисхождение
Счереди́ть — подготовить
Тало́вой (прут) — из тальника, ивы
Темля́к — повязка
Три́вер — траур
Тулу́н (тулунчик) — кожаный мешок
Ту́маром — кучей, все вместе
Убубля́ться — убавляться
Умы́ться (ты уже умылась) — исчезнуть
У́тресь — утром
Ухо́бостать — украсть
Ухо́дбище — ухоженное место, место отдыха
Фате́ра — квартира
Фигу́рить — подсмеиваться
Хвати́на — хват, ловкач
Хлуп (клуб) — туша гуся
Хля́жка — фляжка
Цеповальник (цаловальник) — содержатель кабака
Чипо́чка — цепочка
Шабу́р — домотканый рабочий армяк, зипун, балахон
Шпо́нить — ругаться
Шухмати́ться — возиться, шуметь

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдеева К.* Воспоминания об Иркутске // Отеч. зап. — 1848. — Т. 59, отд. VIII. — С. 125 — 138.

2. *Адрианова-Перетц В.П.* У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 1977. — С. 107 — 142.

3. *Азадовский М.К.* Русская сказка: Избранные мастера. — Л.: Academia, 1932. — Т. 1 — 2.

4. *Азадовский М.К.* Сказительство и книга // Язык и лит. — Л., 1932. — Т. 8. — С. 5 — 28.

5. *Азадовский М.К.* Сказочник Тункинской долины // Сказки Магая (Е.И. Сороковикова). — Л., 1940. — С. VII — XXXII.

6. *Азадовский М.К.* Статьи и письма: Неизданное и забытое. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. — 240 с.

7. *Азадовский М.К.* Статьи о литературе и фольклоре. — М.; Л.: Гослитиздат, 1960. — 547 с.

8. *Азадовский М.К.* Эпическая традиция в Сибири // Вестн. просвещения. — Чита, 1921. — № 5/7. — С. 1 — 16.

9. *Азбелев С.Н.* Литературные памятники Киевской Руси // Русская литература и фольклор (XI — XVIII века). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. — С. 20 — 35.

10. *Азбелев С.Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. — М.: Наука, 1965. — С. 5 — 25.

11. *Александров В.А.* Итоги и перспективы изучения материальной культуры русского населения Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. — С. 57 — 75.

12. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М.: Наука, 1964. — 299 с.

13. *Андерсон В.* Император и аббат: История одного анекдота. — Казань, 1916. — Т. 1. — 519 с.

14. *Аникин В.П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы. (К общей постановке проблемы) // Русская народная проза: Рус. фольклор. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — Вып. 13. — С. 6. — 19.

15. *Античный* роман. — М.: Наука, 1969.

16. *Апсит Т.Н.* Повесть о Франциле Венециане и ее читатели // Рукописная традиция XVI — XIX вв. на востоке России. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. — С. 126 — 130.

17. *Афанасьев А.Н.* Народные русские легенды. — Казань, 1914. — 230 с.

18. *Афанасьева Г.* Сказочник Тункинской долины (Д.С. Асламов) // Сибирь. — 1986. — № 5. — С. 120 — 127.

19. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Худож. лит., 1965. — 527 с.

20. *Болонев Ф.Ф.* Взаимовлияние культуры русского и аборигенного населения Восточной Сибири // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. — Сер. истории, филологии и философии. — Новосибирск, 1985. — № 14, вып. 3. — С. 37 — 43.

21. *Былины* и песни Южной Сибири / Собр. С.И. Гуляева; Ред. В.И. Чичеров. — Новосибирск: ОГИЗ, 1952. — 336 с.

22. *Бюргер Г.А., Распе Р.Э.* Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей / Изд. подгот. А.Н. Макаров. — М.: Наука, 1985.

23. *Велецкая Н.Н.* О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн-Фадлана о похоронах "русса" // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов. Прага, 1968: Докл. сов. делегации. — М.: Наука, 1968. — С. 192 — 212.

24. *Великорусские* сказки в записях И.А. Худякова / Изд. подгот. В.Г. Базанов, О.Б. Алексеева. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1964. — 301 с.

25. *Великорусские* сказки Пермской губернии: Сб. Д.К. Зеленина // Зап. рус. геогр. о-ва. — 1914. — Т. 41. — 655 с.

26. *Венедиктов Г.Л.* Литература и культура: Сказки Рус. Устья // Рус. лит. — 1985. — № 2. — С. 128 — 141.

27. *Венедиктов Г.Л.* Фольклоризация памятников древнерусской литературы в Русском Устье // Тр. Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. (Пушкинский дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. — Т. 40. — С. 400 — 409.

28. *Верхнеленские* сказки: Сб. М.К. Азадовского. — Иркутск: ОГИЗ, 1938. — 216 с.

29. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. — Л.: Гослитиздат, 1940. — 364 с.

30. *Виноградов Г.С.* Отчет о работе в Тункинском крае летом 1925 г. // Сиб. живая старина. — Иркутск, 1926. — Вып. 1(V). — С. 168 — 170.

31. *Власова З.И.* Следы творчества скоморохов в традиционном песенном фольклоре // Рус. лит. — 1985. — № 2. — С. 113 — 127.

32. *Гацак В.М.* Изучение региональных общностей и национального своеобразия фольклора // Фольклор и литература Урала. Материалы науч. конф.: Тез. докл., сообщ. 18 — 22 мая 1971 г. — Пермь, 1971. — С. 12 — 15.

33. *Гацак В.М.* Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, август 1973 г.: Докл. сов. делегации. — М.: Наука, 1973. — С. 286 — 306.

34. *Гацак В.М.* Сказочник и его текст. (К развитию экспериментального направления в фольклористике) // Проблемы фольклора. — М.: Наука, 1975. — С. 44 — 53.

35. *Г-в [Герасимов] Б.* Сказки, собранные в западных предгорьях Алтая // Зап. Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — Семипалатинск, 1913. — Вып. 7. — 87 с.

36. *Геродот.* История в девяти книгах. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — 600 с.

37. *Горелов А.А.* Кем был автор сборника "Древние российские стихотворения" // Рус. фольклор: Материалы и исследования. — М.;Л.: Наука, 1962. — Т. 7. — С. 293 — 312.

38. *Громыко М.М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. — 351 с.

39. *Гуревич А.* Егор Иванович Сороковиков-Магай: Избр. сказки. — Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1948. — 223 с.

40. *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. — М.: Искусство, 1981. — 359 с.

41. *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. — 318 с.

42. *Державина О.А.* Переводная новелла на русской почве в XVII — XVIII веках // Исследования и материалы по древнерусской литературе. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 133 — 147.

43. *Державина О.А.* Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. — М.: Наука, 1962. — 190 с.

44. *Домановский Л.В.* Народное потаенное творчество // Русская литература и фольклор, XI — XVIII века. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. — С. 248 — 305.

45. Живая старина. — 1912. — Т. 21, вып. 2 — 4.

46. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. — С. 336 — 343.

47. Зап. Краснояр. подотдела Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва по этнографии. — Красноярск, 1902. — Т. 1, вып. 1. — 200 с.

48. Зап. Краснояр. подотдела Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва по этнографии. — Томск, 1906. — Т. 1, вып. 2. — 96 с.

49. *Зиновьев В.П.* Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Публ. Н.Л. Новиковой, Г.Н. Зиновьевой // Локальные особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — С. 62 — 76.

50. *Из истории* русской фольклористики / Отв. ред. А.А. Горелов. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973.

51. *Истоки* русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. — 595 с.

52. *История* русской литературы: В 4 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. — Т. 1. — 813 с.

53. *Каменецкая Р.В.* Русские старожилы в низовьях р. Индигирки // Фольклор Русского Устья. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — С. 337 — 356.

54. *Карпаполов Н.А.* Сказки Исапа Рукосуева // Фольклор народов РСФСР. — Уфа, 1987. — Вып. 14. — С. 68 — 75.

55. *Кербелите Б.П.* Методика описания структур и смысла сказок и некоторые ее возможности // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. — М.: Наука, 1980. — С. 48 — 100.

56. *Колесницкая И.М.* Загадка в сказке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. — Сер. филол. наук. — 1941. — № 81, вып. 12. — С. 98 — 142.

57. *Кошелев Я.Р.* Вопросы русского фольклора Сибири (дооктябрьский период). — Томск: Изд-во ТГУ, 1963. — 216 с.

58. *Красноженова М.В.* Сказки нашего края. — Красноярск: Крайгиз, 1940. — 199 с.

59. *Кудрявцев Ф.А.* Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. — Иркутск, 1939.

60. *Кузьмина В.Д.* Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. — М.: Наука, 1964. — 344 с.

61. *Кукушкина Е.Д.* Переводная новелла в рукописных сборниках XVIII в. // Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. — С. 180 — 192.

62. *Лазарев А.И.* Сказки в горнозаводской среде Урала // Рус. народная проза: Рус. фольклор. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — Т. 13. — С. 179 — 193.

63. *Лазарев А.И.* Современное состояние фольклора Челябинской области // Полевые исследования. Русский фольклор. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — Т. 22. — С. 50 — 60.

64. *Лапицкий И.П.* Демократическая сатира XVII века и русское народное творчество (повесть "Шемякин суд") // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. — Сер. филол. наук. — 1954. — № 173, вып. 20. — С. 328 — 374.

65. *Литературное* наследство Сибири. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. — Т. 1. — 395 с.

66. *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* "Смеховой мир" Древней руси. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. — 204 с.

67. *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Смех в Древней Руси. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — 295 с.

68. *Максимов С.* Сибирь и каторга: В 3 ч. — Спб., 1871. — 388 с.

69. *Мамсик Т.С.* Фольклорные герои и историческая действительность (по материалам легенды о братьях Белоусовых) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. — С. 120 — 134.

70. *Матвеева Р.П.* Собирание русского фольклора Сибири // Полевые исследования. Русский фольклор. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — Т. 22. — С. 61 — 67.

71. *Матвеева Р.П.* Творчество сибирского сказителя Е.И. Сороковикова-Магая. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. — 188 с.

72. *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки: Происхождение образа. — М.: Изд-во вост. лит., 1958. — 264 с.

73. *Мелетинский Е.М.* О генезисе и путях дифференциации эпических жанров // Русский фольклор. — М.; Л.: Наука, 1960. — Т. 5. — С. 81 — 101.

74. *Мельников М.Н.* Региональное своеобразие фольклора сибиряков // Полевые исследования. Русский фольклор. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — Т. 22. — С. 68 — 76.

75. *Миненко Н.А.* Генеалогия русских поселенцев северо-западных районов Сибири (XVIII — первая половина XIX в.) // Бахрушинские чтения 1978 г. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1978. — С. 83 — 92.

76. *Миненко Н.А.* Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // Сов. этнография. — 1979. — № 6. — С. 18 — 31.

77. *Народные* русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. — М.: Наука, 1985.

78. *Неклюдов С.Ю.* О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество. — М.: Наука, 1977. — С. 193 — 228.

79. *Новгородские* былины / Изд. подгот. Ю.И. Смирнов, Р.Г. Смолицкий. — М.: Наука, 1978.

80. *Новиков Н.В.* К художественной специфике восточно-славянской сказки (начальные и заключительные формулы) // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. — М.: Наука, 1979. — С. 18 — 46.

81. *Новоселова Н.А.* Собирание фольклора в Приангарье //Полевые исследования. Русский фольклор. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. — Т. 22. — С. 77 — 86.

82. *Озаровская О.Э.* Пятиречие. — Л.: Изд-во писателей, 1931. — 461 с.

83. *Орлов А.С.* Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XI — XVII вв. — Л., 1934.

84. *Панченко А.М.* Литература "переходного века" // История русской литературы: В 4 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. — Т. 1. — С. 291 — 330.

85. *Пейзен Г.* Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. (Из путевого журнала 1857 г.) //Живая старина. — 1903. — Вып. 3. — С.297 — 357.

86. *Повести* о споре жизни и смерти / Исслед. и подгот. текстов Р.П. Дмитриевой. — М.; Л., 1964.

87. *Покровский Н.Н.* О главных направлениях изучения источников по истории Сибири феодального периода в советском источниковедении // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. — С. 112 — 120.

88. *Померанцева Э.В.* К вопросу о термине "историческая сказка" // Славянский фольклор и историческая действительность. — М., 1965.

89. *Померанцева Э.В.* Судьбы русской сказки. — М.: Наука, 1965. — 220 с.

90. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. — М.: Наука, 1976. — С. 241 — 257.

91. *Пропп В.Я.* Морфология сказки. — 2-е изд. — М.: Наука, 1969. — 168 с.

92. *Пропп В.Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // В.Я. Пропп. Фольклор и действительность. — М.: Наука, 1976. — С. 34 — 45.

93. *Пропп В.Я.* Ритуальный смех в фольклоре. (По поводу сказки о Несмеяне) // Там же. — С. 174 — 204.

94. *Пропп В.Я.* Русская сказка. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. — 333 с.

95. *Прекрасная* Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель / Изд. подгот. Н.А. Москалева, Б.И. Пуришев, Р.В. Френкель. — М.: Наука, 1986. — 310 с.

96. *Пуришев Б.И.* Немецкие народные книги // Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. — М.: Наука, 1986. — С. 261 — 282.

97. *Путилов Б.Н.* Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 566 — 574.

98. *Пушкарев Л.Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. — М.: Наука, 1980. — 182 с.

99. *Разумова И.А.* Повествовательный стереотип в русской волшебной сказке: Дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1984.

100. *Ровинский Д.* Русские народные картинки. — Спб., 1881.

101. *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. — Могилев, 1901. — Вып. VI.

102. *Ромодановская Е.К.* О круге чтения сибиряков в XVII — XVIII вв.: В связи с проблемой изучения областных литератур // Исследования по языку и фольклору. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1965. — Вып. 1. — С. 223 — 254.

103. *Русские* народные бытовые сказки Сибири / Сост., вступ. ст., коммент. Н.В. Соболевой. Отв. ред. К.П. Кабашников. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — 254 с.

104. *Русские* народные сатирические сказки Сибири / Сост., вступ. ст., коммент. Н.В. Соболевой. Отв. ред. Э.В. Померанцева. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. — 285 с.

105. *Русские* народные сказки Сибири / Зап. Р. Матвеевой. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. — 189 с.

106. *Русские* сказки Восточной Сибири / Сб. А. Гуревича. — Иркутск: ОГИЗ, 1939. — 347 с.

107. *Русские* сказки Восточной Сибири / Сост., подгот. текста, коммент. и предисл. Е.И. Шастиной. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 464 с.

108. *Русские* сказки в ранних записях и публикациях (XVI — XVIII века) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Новикова. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — 288 с.

109. *Русские* сказки Забайкалья / Подгот. текстов, сост. предисл. и примеч. В.П. Зиновьева. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. — 351 с.

110. *Русский* фольклор в Латвии: Сказки. — Рига, 1980.

111. *Русский* фольклор Нарыма / Сост. И.Г. Парилов. — Новосибирск: Новосибгиз, 1948. — 230 с.

112. *Русский* фольклор Сибири: Исследования и материалы. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. — 192 с.

113. *Русский* фольклор Тункинской долины / Ред., вступ. ст. Л.Е. Элиасова. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. — 392 с.
114. *Савушкина Н.И.* Русский народный театр. — М.: Наука, 1976. — 151 с.
115. *Сборник* великорусских сказок Архива Русского географического общества / Изд. А.М. Смирнов. — Пг., 1917. — Вып. 1, 2. — (Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 54).
116. *Северно-русские* сказки в записях А.И. Никифорова / Изд. подгот. В.Я. Пропп. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 386 с.
117. *Сибирские* сказки. — 2-е изд., доп. / Зап. И.С. Коровкиным от А.С. Кожемякиной. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 176 с.
118. *Сидельников В.М.* Проблема индивидуального поэтического мастерства. (Сибирская сказочница Е.И. Чичаева) // Роль фольклора в коммунистическом воспитании. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. — С. 159 — 182.
119. *Сидорина А.* Сказки Е.И. Чичаевой в записи М.В. Красноженовой // Енисей. — Красноярск, 1958. — Кн. 22. — С. 293 — 297.
120. *Сказки* Верхнеленского края / Зап. М.К. Азадовский. — Иркутск, 1925. — Вып. 1.
121. *Сказки* из разных мест Сибири / Под. ред. М.К. Азадовского. — Иркутск, 1928. — 172 с.
122. *Сказки* и песни Белозерского края / Зап. Борис и Юрий Соколовы. — М., 1915. — 666 с.
123. *Сказки* и предания Магая / Зап. Л.Е. Элиасов. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. — 372 с.
124. *Сказки* Красноярского края: Сборник М.В. Красноженовой. — Л.: Гослитиздат, 1937. — 294 с.
125. *Сказки* Магая (Е.И. Сороковикова) / Зап. Л.Е. Элиасова, М.К. Азадовского; Под общ. ред. М.К. Азадовского. — Л.: Гослитиздат, 1940. — 337 с.
126. *Сказки* Омской области / Зап. И.С. Коровкин от А.С. Кожемякиной. — Новосибирск, 1968.
127. *Сказки*, пословицы, загадки: Сборник устного народного творчества Омской области / Ред., подгот. текстов и примеч. В.А. Василенко. — Омск, 1955.
128. *Скрипиль М.О.* Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке // Тр. Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. (Пушкинский дом) АН СССР. — М.; Л., 1949. — Т. 7.
129. *Смирнов Ю.И.* Направленность сравнительных исследований по фольклору // Славянский и балканский фольклор. — М.: Наука, 1981. — С. 5 — 12.
130. *Соболева Н.В.* К характеристике сюжетного состава русских сказок низовьев Индигирки // Локальные особенности русского фольклора Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — С. 55 — 62.
131. *Соболева Н.В.* Реалистические элементы в сказках современного забайкальского сказителя // Русский фольклор Сибири. — Улан-Удэ, 1974. — Вып. 2. — С. 92 — 102.
132. *Соболева Н.В.* Сказитель из Нерчинска // Русский фольклор Сибири. — Улан-Удэ, 1971. — Вып. 1. — С. 178 — 184.
133. *Соболева Н.В.* Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. — 171 с.
134. *Соболева Н.В.* Художественный мир русских бытовых сказок Сибири // Русские народные бытовые сказки Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — С. 3 — 15.
135. *Соколова В.К.* О некоторых типах исторических преданий (к проблеме их жанрового своеобразия) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Междунар. съезд славистов. Прага, 1968: Докл. сов. делегации. — М.: Наука, 1968. — С. 248 — 273.
136. *Старый* фольклор Прибайкалья / Сост. А.В. Гуревич, Л.Е. Элиасов. — Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1939. — 468 с.
137. *Турсунов Е.Д.* Этнографические основы происхождения некоторых мотивов тюрко-монгольских сказок // Сов. этнография. — 1976. — № 2. — С. 125 — 131.
138. *Фольклор* Восточной Сибири / Сост. А. Гуревич. — Иркутск, 1938. — 178 с.
139. *Фольклор* Западной Сибири: Сказки / Под. ред. Т.Г. Леоновой. — Омск, 1982. — 126 с.
140. *Фольклор* Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — 383 с.
141. *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь. — М.: Изд-во полит. лит., 1980. — 831 с.
142. *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — 304 с.
143. *Чистов К.В.* Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР. — Минск, 1974.
144. *Чичаева Е.* Сказы и сказки. — Красноярск, 1954.
145. *Шастина Е.И.* Верхоленская сказочная традиция (по записям 1966 — 1968 гг.) // Славянский фольклор. — М.: Наука, 1972. — С. 181 — 201.

146. *Шастина Е.И.* Две поездки на Куленгу // Русский фольклор. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — Т. 12. — С. 271 — 273.
147. *Шастина Елена.* Сказки Ленских берегов. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. — 166 с.
148. *Шастина Е.И.* Сказки, сказочники, современность. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. — 318 с.
149. *Шастина Е.И.* У чистых родников // Русские сказки Восточной Сибири. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — С. 3 — 42.
150. *Элиасов Л.Е.* Сказители и певцы Тункинской долины // Русский фольклор Тункинской долины. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. — С. 3 — 74.
151. *Эструп И.* Исследование о 1001 ночи, ее составе, возникновении и развитии. — М., 1905.
152. *Мелетинский Е.М.* Историческая поэтика новеллы. — М.: Наука, 1990. — 275 с.

SUMMARY

The main purpose of the present academic publication of everyday-life tales and legendary tales is to vividly represent the regional tale tradition of the Russians in Siberia. Introduction, commentaries and indices serve the same aim.

For the publication of Russian tales in the series of "The Folklore Monuments of the Peoples of Siberia and the Far East" it was necessary to carefully select the most valuable and expressive ones. Out of 95 tales of the volume 78 are published for the first time. Great research work has been carried out by the institutes, universities archives and expeditions to select, classify, identify by international catalogues and study the texts. The principles of preparing the texts for publication are given in the introduction and the commentaries. A Folklore text is intended for the reader who knows well not onle the Russian literary language, but also its colloquial and dialectal forms. For the reader accustomed to the regular literary speech, both oral and written, such presentation of records (texts) "from people's lips" may seem unusual and "illiterate". This from of publication, however, should be accepted as both natural and even necessary, if we take into consideration the innate artistic properties of tales as people's oral narrations.

Russian fairy tales and tales of animals are given in another volume of the same series, which also presents the history of collecting, studying and publishing Russian tales of Siberia.

Comparison shows that there is considerable coincidence of subjects in Siberian and Russian — European tales. The present volume includes the subjects popular both in Siberia and all over Russia (831, 846*, 850, 855*,960B*, 873, 875, 882A, 922, 1164, 1360C, 380, etc.). Some subjects are very rare (854, 885A, 891**, 938B, 980A, 982, 1004**, 1366**, 1405B*). Others are widely spread in the Ukraine (980A, 982). There are subjects recorded only in the Ukraine (1281A, 1545A**, 1730A**) or only in Byelorussia (1370E**).

On the whole the volume includes the greater part of classic Slavic subjects. The commentaries list all Siberian versions of the given volume which enables one to judge of their geographic distribution and their popularity.

Tales of the volume are arranged in the subject and genre succession adopted in world science — first everyday life tales, then satirical and anecdote — tales. Tales of D.S. Aslamov are presented separately to demonstrate the unique talent of this wonderful Siberian tale-teller.

The volume includes several fairy-tale subjects that are presented in a realistic way, which testifies to the partial transformation of fairy tales into everyday-life tales. There are also some legend-tales with satirical colouring, which is especially characteristic of modern tales. Legendary tales occupu an intermediate position between everyday-life and satirical tales.

The volume includes the works of outstanding Siberian tale-tellers who represented the classic Siberian Russian tale of the end of the 19th — the first half of the 20th centuries: N.O. Vinokurova, Y.I. Chichayeva, S.I. Skobelin, Y.I. Sorokovikov-Magai, F.I. Aksamentov and S.P. Kiselev, Published for the first time are the tales of no less talented but not so widely Siberian tale — tellers I.F. Rukosuyev, A.P. Maliarov, S.T. Chekashkin, F.G. Varfolomeyev, G.F. Abolmasov, V.I. Vakhrusheva, M.A. Merzliakova and others.

Every region of Siberia is represented in this volume, every region has its lovers and connoisseurs of tales, people endowed with unique memory and the gift of eloguence. Such are the young tale-teller S.I. Arefiev, performing tales at folk festivals, the Altai peasants A.V. Fedorinova and her son V.P. Kosenko and many others.

While defining genre specificity and the classification of tales we kept in mind traditions of world and national science. In the classification of various tale types we use the International Aarnes-Tompson (A-T) motif index and the East-Slavonic index. SUS based upon it. In the studies of genre specificity and the terms that both distinguish and bring together different types of tales, we adhere to the traditions of this country. In our studies of folklore everyday-life tales include both adventure and satirical tales. In the Aarnes-Tompson and East-Slavonic indexes they belong to two different genres such division being rather conventional. In real life there are many transitional forms which are represented in this volume and other studies.

The introduction t mentions the genetic ties between certain everyday-life tale subjects and the classical love novels of antiquity, their oral forms that appeared and spread together with Christianity and its moral philosophy. Such ethical orientation of the subjects is quite natural in the Slavic orthodox world with its ideas of goodness, kindness, forgiveness and mercy for one's nearest. The introduction and commentaries analyse the subjects depicting fidelity and purity of love, kindness, intellect, respect for labour and the qualities opposite to the above.

To clarify the artistic nature of satirical and anecdotal tales one should recall the laughter world of the Middle Ages and its versatile forms including Russia's skomorokhs. The introduction devotes considerable attention to this phenonon in Siberia as connected with the creative activity of the local tale-tellers. While the skomorokh activity was dying out on the outskirts of Russia, the tales preserved some vestiges of this unique cultural phenomenon that influenced so much the contents and style of satirical tales and anecdotes. Extremely valuable comments of Y.A. Avdeyeva (1948, Irkutsk) mention this age-old tale style and the manner of the tale-teller's performance.

Everyday-life tales are viewed as a developing phenomenon having various genetic and historical forms. Adventure and everyday-life tales genetically go back to ancient classical novels and fairy tales, some of them having ceremonial and ritual roots (subjects 905A* or 980). Other tales are based on later historical facts that bring close together the tales and historical ballads. Very often one tale subject is continuation or modification of another. In satirical or anecdotal tales one can sometimes discern ancient compositions of trikster-animals. As a result of a long

process of artistic development, a tale subject may encorporate ritual motives, the features of a fairy tale or an animal tale, and even present day ideas. Russian everyday-life tales of wise people solving the riddles (875, 921A, 921F*, 922) are mostly satirically coloured. The same concerns tales of wives (901, 901B*, 902*, 905A*). Legendary tales or sometimes pa.able tales (980, 981) are short wise admonitions, their composition having nothing in common with that of classical everyday-life tales.

At present everyday-life tales often transform into oral stories while satirical tales become short anecdotes. People's thirst for recounting, narrating and performing is natural and ineradicable, hence tales, parables and anecdotes are the favourite entertainment of the people. The richer the personality of the tale-teller, the more observant and eloquent he is, the closer is his tale to an oral story. The introduction and commentaries study the works of I.F. Rukosuyev — a talented narrator introduced here for the first time, emotional and expressive D.S. Aslamov, wise and ironic Y.I. Sorokovikov-Magai, unique in his masterly performances S.I. Skobelin, fond of adventure and detective motives S.T. Cherkashkin, exact and capacious in her satire Y.I. Chichayeva and careful in her psychological characteristics N.O. Vinokurova.

Considerable attention is paid to the spreading and poetics of both everyday-life and satirical tales of Siberia. At traditional evening peasants gatherings tale-tellers and jokers played a very important role introducing humour and laughter ridicule into people's hard life full of everyday cares and troubles. Today as ever tales, anecdotes, songs and jokes occupy a worthy place in people's intertainments.

The main characteristic features of people's satirical works are parody and grotesque. Siberian satirical tales are correlated with the subjects of the European laughter culture, for art semantics cannot be studied without comparing cultural phenomena.

Speaking of the local peculiarities of Siberian tales, their contents and composition we should once again stress the connection of Siberian tale traditions with those of Russia, the Slavs, and the shole workd of which the present volume is but another proof.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии 7
Художественный мир русской народной новеллистики. *Н.В. Соболева, Н.А. Кардаполов* 10
О музыке в русских бытовых сказках. *Н.В. Леонова* 36

ТЕКСТЫ

1. Про купеческого сына Ивана Ивановича и про прекрасную царевну Машу 42
2. Иван купеческий сын, торгующий солью 55
3. Рожок 58
4. Солдат-бедняк и графская дочь 61
5. Верная жена 63
6. [Сапожник и царская дочь] 67
7. Про Петра Первого 73
8. Про вора 77
9. Фомушка-вор 80
10. Афонюшка 86
11. Беспечальный монастырь 90
12. Царь и мужик 93
13. Сказка о солдате — ума много, денег нет 94
14. Стрижена девка 96
15. Царица и солдат 97
16. Любовь жены 100
17. Про Ивана Васильевича Грозного 110
18. Про двух царевичей и стару вельму 112
19. Сказка про золотого козлика 113
20. Про Пётро и Магелону 122
21. Про купца и про царя 126
22. О Голи кабацкой 129
23. Палкин-вор 132
24. Тать и Борма 134
25. Челбунчу́т 138
26. Петр и Петруша 141
27. Бедный сапожник 148
28. Счастье человека 152
29. Три заповеди 153

30. Жил-был один крестьянин 154
31. О стариках 155
32. [Мужик] и Смерть . . . . . —
33. Никола и Илья 158
34. Сказка о паспорте 160
35. За дождем к Богу 161
36. Почему женщина стала бесправной 162
37. Сказка про заслонку . . . . . —
38. [Енотовая шуба] 165
39. Как солдат рассмешил царскую дочь . . . . . —
40. О шуте Балакиреве 166
41. Как мужик гусей делил 169
42. Три загадки 170
43. Охотник до сказок . . . . . —
44. Находчивый сын 171
45. Цыган и черт 174
46. О трех братьях 176
47. Ванюшка-дурачок 181
48. Кундушка 182
49. Про мужика и священника 184
50. Клад 186
51. Жадность попов 187
52. Похороны Сулима 188
53. Про попа 189
54. Усердный работник 190
55. Жили поп и попадья 191
56. Про попа и вора . . . . . —
57. Дьячок-вор 192
58. Сказка про попа . . . . . —
59. Жил-был поп 195
60. [Порошки] 197
61. Противная жена . . . . . —
62. Сказка о жене, которая все делала наоборот 199
63. Жена-доказчица . . . . . —
64. Баня 201
65. Притонец — с того свету выходец 202
66. Качаюсь, качаюсь Машуточка 203
67. [Как муж жену выучил] 205
68. Зося 206
69. Ленивая пряха . . . . . —
70. Просаввилась да проварварилась 207
71. Жили муж с женой 208
72. Жадная баба 209
73. Помолчали . . . . . —
74. Как солдат сало украл 210
75. Сказка про цыя, ворожея, доктора 211
76. Парфилушка 215
77. Про вора 226
78. Как барин нужду искал 232

79. Сказка о барине и мужике 233
80. Решил помещик посмеяться над мужиком 234
81. Волчий тулуп . . . . . —
82. Про одного солдата 235
83. Быль-небылица 236
84. Рассказ охотника . . . . . —
85. Просьба соседа 237
86. Голубая кобыла . . . . . —
87. Сказка о трех охотниках . . . . . —
88. Охотник и медведь 238
89. [Как на медведя ходили] 239
90. [Миша и три собаки] . . . . . —
91. Жили в Яркине два брата . . . . . —
92. Где, кум, был? 240
93. Бабушка стара 241
94. Таня да Гриша 242
95. Хорошо да худо (Шуточная) 243

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии 246
Список сокращений 276
Указатель сюжетов 277
Алфавитный указатель названий сказок 280
Указатель имен и прозвищ персонажей 282
Указатель географических названий (в текстах) 283
Указатель имен исполнителей 284
Указатель имен собирателей 285
Указатель мест записи 286
Словарь диалектных и малопонятных слов и выражений 288
Список литературы 290
Summary 296

Научное издание

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: легендарные и бытовые

Редактор *М.А. Лапшина*
Художественный редактор *В.И. Шумаков*
Технический редактор *Л.П. Минеева*
Корректоры *С.М. Погудина, Л.А. Щербакова*
Оператор набора *В.Е. Селянина*
Оператор электронной верстки *Л.В. Ермоленко*

ИБ 42614

Сдано в набор 03. 03..92. Подписано к печати 20.07.93. Формат 75 × 90 1/16. Гарнитура лазурского Усл. печ. л. 24. Усл. кр.-отт. 25,3. Уч.-изд. л. 23,6. Тираж 10000 экз. Заказ № 592. С131.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО "Наука", Сибирская издательская фирма. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
Новосибирская типография № 4 ВО "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

ФИРМА "СПИЛК"

Крупное многоотраслевое предприятие Сибири, основными сферами деятельности которого являются:

— строительство промышленных и жилых зданий;

— сооружение подъездных железнодорожных путей;

— заготовка и переработка лесопродукции;

— коммерция.

"СПИЛК" предлагает всем заинтересованным во взаимовыгодном сотрудничестве организациям следующие услуги:

— экспорт широкого ассортимента продукции лесопереработки;

— импорт комплектных линий, машин и оборудования, запасных частей, комплектующих изделий, материалов и услуг для предприятий лесопромышленного комплекса;

— консультации и содействие в создании совместных предприятий с инофирмами;

— освоение зон крестьянского предпринимательства на коммерческой основе;

— участие в развитии баз иностранного туризма на озере Байкал;

— реклама российских предприятий и их продукции на территории России и за рубежом.

В сотрудничестве с нами Вы найдете оперативность, высокий профессионализм в работе, понимание нужд и проблем Вашего предприятия

Наш адрес: 670045 г. Улан-Удэ, пос. Зеленхоз
тел. (8-30122) 4-05-31
4-76-56

телефакс (8-30122)6-32-44
телекс 21-91-11 PTB SU
} для фирмы "СПИЛК"

ДЛЯ ЗАМЕТОК

40.00

«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ЛЕГЕНДАРНЫЕ БЫТОВЫЕ

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ЛЕГЕНДАРНЫЕ БЫТОВЫЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

STEREO R32 02047

РУССКИЕ СКАЗКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ЛЕГЕНДАРНЫЕ. БЫТОВЫЕ

Сторона 1

Жена-доказчица — 6.25
И.И. Парыкин

Похороны Сулима — 1.25
В.П. Косенко

Запись 1988 г.

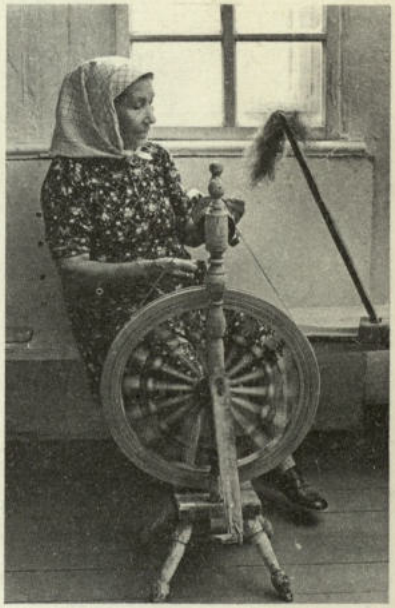
Сторона 2

Притонец — с того света выходец — 3.20
А.В. Федоринова

Запись 1988 г.

Таня да Гриша — 2.37
Хорошо да худо — 2.10
С.И. Арефьев

Запись 1989 г.



Сказочница
Анастасия Васильевна
ФЕДОРИНОВА

Составители Н. Леонова, Н. Соболева
Звукорежиссеры М. Дидык, В. Мурин
Редактор К. Симонян
Художники А. Рюмин, В. Шумаков

Грампластинка включает бытовые сказки, принадлежащие к сатирико-анекдотической разновидности сказочного жанра.

Первые три образца являются примерами сказительской традиции села Барановка Змеиногорского района Алтайского края. Сказка «Жена-доказчица» звучит в исполнении старейшего сказочника Ивана Ивановича Парыкина (р. 1907). Его сказки отличаются большой эпичностью, развернутой повествовательностью, а манера исполнения — неспешностью речи, скрытой экспрессией интонационного воплощения характера.

Следующие две сказки — «Притонец — с того света выходец» и «Похороны Сулима» — демонстрируют преемственность семейной фольклорной традиции, их рассказывают мать, Анастасия Васильевна Федоринова (р. 1915) и сын, Владимир Павлович Косенко (р. 1939). От предыдущего сказочника их отличает большая театрализация исполнения: динамичность, ритмическая и интонационная изменчивость сказывания.

Сказки «Таня да Гриша» и «Хорошо да худо» иллюстрируют стиль исполнения, называемый балагурным. Молодой сказочник Сергей Арефьев (р. 1964) воплощает не только манеру сказывания, бытовавшую в его родном селе Першино Белозерского района Курганской области, о котором он отзывался так: «Наше село, как Габрово в Болгарии», но и семейную традицию, унаследованную непосредственно от деда и отца.

Н. Леонова, Н. Соболева

© А/О «РУССКИЙ ДИСК», 1993
© Институт филологии СО РАН

Изготовлено в СП «Апрелевка — Саунд Инк»
Заказ 302. Тираж 10000

RD®
РУССКИЙ ДИСК
STEREO
33
R32 02048
РУССКИЕ СКАЗКИ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
Легендарные. Бытовые
Притонец — с того света выходец
А.В. Федоринова
Запись 1988 г.
Таня да Гриша. Хорошо да худо
С.И. Арефьев
Запись 1989 г.

RD®
РУССКИЙ ДИСК
STEREO
33
R32 02047
РУССКИЕ СКАЗКИ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
Легендарные. Бытовые
Жена-доказчица
И.И. Парыкин
Похороны Сулима
В.П. Косенко
Запись 1988 г.